

Памятники фольклора Карелии

VEPSÄN
RAHUVAN
SARNAD

ВЕПССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Петрозаводск «Карелия» 1996

82.3(0)966

330 ББК 82.3(2)
В 30

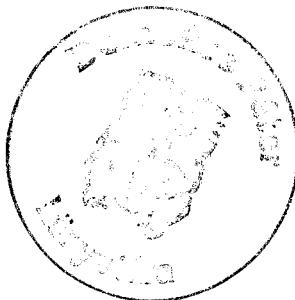
Составители:
кандидаты филологических наук
Н. Ф. Олегина и М. И. Зайцева

1046У

Б—4702290500—015
М127(03)—96

ISBN 5-7545-0689-9

© Н. Ф. Олегина, М. И. Зайцев

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем сборнике представлены сказки, записанные от вепсов на их исторической родине, в восточной части Межозерья, ныне это сопредельные районы Карелии, Ленинградской и Вологодской областей.

Все 55 текстов взяты из архива Карельского научного центра Российской Академии наук (записи 1937—1981 гг.). При отборе текстов мы стремились, во-первых, широко отразить сюжетный состав сказок, во-вторых, дать представление о вариативности вепсского сказочного эпоса, поэтому часть сюжетов в сборнике дана в нескольких вариантах. Было стремление представить наиболее выразительные в художественном отношении образцы вепсской сказки 30—80-х гг. нашего столетия. Однако судить о художественной ценности сказок следует по оригиналам, а не по переводам, в которых невозможно передать диалектные особенности языка.

Тексты в сборнике расположены по региональному принципу: 1. Прионежье; 2. Ленинградская область; 3. Вологодская область; записи сказок по регионам сгруппированы по деревням. Аналогично расположены материалы и в описи коллекций архива Карельского научного центра РАН, где кратко передано содержание неопубликованных текстов. Репертуар сказочников соотносится со сравнительным указателем сюжетов восточнославянской сказки¹. Публикуемые тексты озаглавлены в основном составителями, так как в полевом языковедческом материале обычно нет заголовков информаторов. Ремарки исполнителей заключены в круглые скобки.

Вепсский язык — один из прибалтийско-финских языков. В науке его принято делять на три основных диалекта: северный (прионежский), средний и южный. Различия между диалектами невелики, их представители свободно понимают друг друга. Незначительные диалектные различия касаются в основном фонетических особенностей и лексики и не распространяются на морфологию и синтаксис.

¹ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979 (далее — СУС). Список условных обозначений архивных и печатных источников см. в конце сборника).

Тексты даются в общепринятой финно-угорской транскрипции. В вепсском языке все согласные перед переднерядными гласными всегда палатализуются. Палатализация согласного обозначается знаком ' над буквой. Однако степень палатализации разных согласных по диалектам неодинакова. С целью сокращения диакритических знаков транскрипция несколько упрощена. Нами отмечены лишь случаи сильной палатализации, а также обозначается мягкость в сочетании согласных и в конце слова, когда отсутствие знака мягкости привело бы к разночтению (ср., например, pog — веревка и pog' — молодой, söt — дождевой червь и söt' — он накормил). Из других знаков следует отметить следующие: знаком ' над буквой отмечается полудолгота согласных (käť — руки, vet — воды), черточкой над буквой — долгий гласный (vämīž — готов, häńđ — у него), знаком , разделяются два гласных, относящихся к разным слогам (käitä — оберегать, pedäid — сосен); знаком < под буквой е обозначается отодвигнутость назад звука (читается как русск. э, напр., neida — жениться), знак - под буквой i обозначает закрытость звука (читается как русск. ы, напр., riš — в деревьях).

Переводы максимально приближены к оригиналу. Для более точной передачи смысла в квадратных скобках дается буквальный перевод. В квадратные скобки заключены также слова, отсутствующие в тексте, но нужные по смыслу в переводе.

Помимо текстов оригиналов и их переводов в сборнике имеется следующий научный аппарат: вступительный очерк, дающий характеристику сказочной традиции вепсов; примечания к публикуемым текстам; опись сказочного материала архива; указатель сюжетов по архиву; список сказочников; общий сюжетно-географический указатель, в котором систематизированы не только соответствующие материалы архива Карельского научного центра РАН, но и изданные в нашей стране и за рубежом вепсские сказки (см. список условных обозначений архивных и печатных источников, где отмечена вся использованная нами литература); географический указатель.

Над сборником работали кандидаты наук Н. Ф. Онегина — фольклорист и М. И. Зайцева — лингвист-вепсолог. Думаем, что сборник представляет интерес не только для научных работников, но и для рядового читателя.

ВЕПСЫ И ИХ СКАЗКИ

Вепсы — одна из коренных народностей Северо-Запада нашей страны. По языку это прибалтийско-финская ветвь финно-угорской языковой семьи, отсюда их близость к карелам, финнам, эстонцам.

Предками вепсов считают древнее племя весь, неоднократно упоминаемое в русских летописях (весь имеет и другое этническое название — чудь). Недавние археологические изыскания подтверждают мысль, что у саамов, вепсов, карел была издревле общая территория и культура. На базе племенных союзов в последующем сложились народы; например, на основе племени весь (*vepsä*) сложились карелы (ливвики и людики), как утверждает лингвист Д. В. Бубрих¹. И в наше время археологи доказывают, что основу карельского народа составили племена корела со значительной примесью вепси (особенно южных карел: ливвиков в Приладожье и людиков в Прионежье)². Интересно мнение финских ученых Э. Лённрота, Е. Сетяля, Л. Кеттуненена, что вепсский язык — это «санскрит» для прибалтийско-финских народов.

Вполне уместно предположить, что фольклор вепсов и карел, синкретический в своей основе, корнями уходит в далекую древнюю общность. Соприкосновение же финно-угорских племен (сумь, емь, весь, чудь, меря, лопь, корела и др.) с восточнославянскими происходило на более позднем этапе становления культуры вепсского и карельского народов. Этот исторический контакт длился по крайней мере полторы тысячи лет, причем русские не враждовали с большинством финно-угорских племен, а осваивали ту же территорию и даже родились. Есть свидетельства о разносторонних контактах вепси (чуди) с народами Древней Руси. Уже в XV в. весь входит в состав Русского государства.

Общность исторической судьбы была почвой для взаимного влияния фольклора финно-утров и восточных славян.

Основная часть вепсов, живших долгое время компактно, сохранила язык и культуру³.

¹ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск. 1947.

² Панкрушев Г. А. Происхождение карел (по археологическим данным) // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск. 1980. С. 159—161.

³ Подробнее о вепсах, их этногенезе, быте и культуре см.: Пименов В. В. Вепсы. М.-Л.. 1965; Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск. 1989. С. 4—26; М. И. Зайцева. Вепсы // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 215—218; О древней культуре вепсов см.: Кочкуркина С. И. Сокровища древних вепсов. Петрозаводск. 1990.

В недавнем прошлом расселение вепсов было обширным, они занимали территорию Межозерья — пространство между тремя крупнейшими северными озерами: Онежским, Ладожским и Белым. Со временем территория расселения сократилась, но вепсы и сейчас живут в Межозерье, занимая его восточную часть — сопредельные районы Карелии, Ленинградской и Вологодской областей. В Карелии расположены самые северные поселения вепсов. Живущих здесь вепсов называют прионежскими. Большое число вепсских деревень сохранилось в верховьях р. Оять (приток Свири) в Подпорожском районе Ленинградской области. Эту группу вепсов называют оятскими. К востоку от них, в Бабаевском районе Вологодской области, живут куйско-пондальские вепсы, их еще называют белозерскими — по географии проживания. На юге региона, в Бокситогорском районе Ленинградской области есть куст деревень, где живут вепсы, именуемые южными.

В нашем сборнике представлены носители всех вепсских диалектов: северного — прионежские вепсы; среднего — оятские и белозерские; менее всего, к сожалению, представлен в текстах южный диалект из-за отсутствия материала в использованном нами рукописном архиве. Правда, на знакомство с фольклорными традициями это не влияет.

Изучение вепсской сказки только начинается, поэтому отметим сперва, на каком материале мы базируемся и как обстоит дело у нас с собираением вепсского фольклора, и прежде всего — сказочной прозы. В данном случае речь идет о том, что осело в фондах архива Карельского научного центра РАН (КНЦ)⁴.

В 1937 г. в Прионежье вепсский фольклор записывали Г. Е. Власьев и П. Карпов. В их отчете сообщается, что в Шелтозерском районе они записали от вепсов «на их родном языке» 22 сказки, 80 частушек, 28 загадок, 4 шуточные песни, 2 детские считалки (оп. 2, кол. 56). В этом же отчете упоминаются крупные сказочники: В. Ф. Мякишев знал 53 сказки, записано 5, Ф. Н. Кузов знал 19 вепсских сказок, записано 2; от А. М. Мартынова записано 7 вариантов. Крупным носителем фольклора вепсов назван А. Х. Клопов, знавший более двух десятков сказок, но на вепсском языке записано только 2 текста, остальные — на русском (оп. 1, кол. 104). Записи велись в основном от мужчин в возрасте 40—60 лет.

В 1938 г. в Шелтозерском районе вели записи В. В. Воробьев, В. И. Кононов, Д. И. Логинов, И. Моисеев. Они записали на вепсском языке 13 сказок от И. А. Бузаева (оп. 2, кол. 57), знавшего их более трех десятков⁵.

Ученый С. А. Макарьев, занимаясь вепсским фольклором, подготовил рукопись⁶, где все тексты только на русском языке, нет сведений о месте записи, об информаторах, нет их «паспортных» данных. Этим умоля-

⁴ Архив обозначен у нас аббревиатурой АКФ (Архив Карельского филиала АН СССР) — по времени работы над рукописью (см. список условных обозначений). Все сказки хранятся здесь в фонде 1: описание 1 — тексты на русском языке; описание 2 — тексты на карельском и вепсском языках. Поэтому во вступительном очерке в ссылках на архив мы указываем, как правило, только описание и коллекцию, иногда — единицу хранения (№).

⁵ Записи от И. А. Бузаева в том же 1938 г. сделала Е. Родина на русском языке (30 сказок — оп. 1, кол. 104). В наш сборник тексты И. А. Бузаева не вошли, кроме одного (сб. № 21), из-за утраты диалектной речи сказочником-вепсом, часто переходившим на карельский язык (можно предположить и нечеткость записи собирателя).

⁶ См.: АКФ фонд 26, оп. 1, № 1—15. рукопись С. А. Макарьева. 293 л.; 1935 г. (Сдал в архив А. М. Линевский.)

ется научная ценность собранного фольклорного материала. У А. С. Маркьева есть историко-этнографический очерк о вепсах. Хотя многие выводы здесь устарели, но можно почерпнуть сведения о бытovanии жанров, таких, как сказки, предания, песни «долгие» и обрядовые, заговоры, загадки, приметы, пословицы, частушки, детский фольклор. Здесь же он отмечает, что «сказки среди вепсов являются одним из любимых жанров фольклора» (ф. 26, оп. 1, № 15). В рукописи есть плачи свадебные, рекрутские, похоронные; песни, частушки.

Записи Р. П. Лонина 1956 г. пополнили архивные запасники, им собрано 8 сказок, 30 песен, причетей свадебных — 3, похоронная причеть — 1, загадок — 60 (оп. 2, кол. 58); пословиц и поговорок — 136 (оп. 2, кол. 54).

За зимние поездки 1980—1981 гг. мне удалось записать на магнитофон в вепсских деревнях около сотни сказок (оп. 2, кол. 83). И все же вепсских сказок на языке оригинала оказалось мало, пришлось заняться изыскательской работой по материалам языковедов, составить каталог вепсских сказок и рабочую картотеку. Впрочем, сложность состояла не в отсутствии картотек, а в том, что в лингвистическом полевом материале отмечаются «паспортные» данные информаторов, но нет, разумеется, сведений о бытovanии жанра, о манере исполнения и т. п. Поэтому наши возможности были ограничены исключительно изучением текстов. Фольклор вепсов для диалектологических исследований записывали в 30—60-е годы и несколько позже карельские языковеды Н. И. Богданов, М. М. Хямяляйнен, М. И. Зайцева, М. И. Муллонен и др. Часть сказок из языковедческого фонда (32 текста) опубликована в «Образцах вепсской речи» (Л., 1964).

Разумеется, опись, составленная по всему рукописному архиву КНЦ, дает теперь представление об общем количественном составе вепсских сказок (207), а репертуар отражен нами в сюжетоуказателе по архиву.

Собственно фольклорная работа по сказочному эпосу вепсов в настоящее время одна — это популярный сборник Г. Е. Власьева «Вепсские сказки» (Петрозаводск, 1941), в который включено 39 сказок, рассказанных вепсом Ф. С. Смирновым на русском языке. Сказки записаны в 1935—1936 гг. в д. Вонозеро Оятского района Ленинградской области⁷.

На языке же оригинала пока нет ни одного фольклорного издания, поэтому нами использовано для исследования то, что издано диалектологами. Отечественный сборник языковедов «Образцы вепсской речи» мы уже упоминали. Но большая часть собранного — это диалектологические сборники финских исследователей, которые оказались хорошим подспорьем при изучении вепсской сказки.

В середине прошлого века Э. Лённрот отправился на берега р. Оять собирать лингвистический материал для своей диссертации. Им осуществлены первые научные публикации вепсских сказок в 1853 г. В отдельный оттиск вошло восемь сказок, записанных им в 1842 г.⁸ Дело, начатое Э. Лённротом по собиранию вепсского фольклора, продолжили другие

⁷ Тексты сказок Ф. С. Смирнова в записи Г. Е. Власьева и П. Карпова, вошедшие в указанный сборник, хранятся в архиве (оп. 1, кол. 115).

⁸ См.: Om det' nord-tsjudiska spräket. Akademisk Afhandling som med den Vidtberömda Historisk Filologiska Fakultetens vid Keizert Aleksanders Universitetet i Finland Samtycke till offentling granskning framställes af Elias Lönnrot. Helsingfors, 1853.

исследователи, и прежде всего доцент Хельсинкского университета Е. Сетяля и сопровождавший его тогда еще студент Ю. Кала. Они записали в 1888—1889 гг., вместе с другими жанрами, немногим более ста вепсских сказок (полностью или фрагментарно). Эти материалы изданы при содействии Финно-угорского общества (Финляндия) в виде образцов вепсской речи (NÄKM) учеными Е. Тункело и Р. Пелтола в Хельсинки в 1951 г.⁹. У южных вепсов записи велись в 1917—1918 гг. Л. Кеттунен, из части собранного материала он опубликовал два лингвистических сборника (NEV I — 1920 г.; NEV II — 1925 г.), в них содержится 57 сказок. В 1934 г. по поручению Финно-угорского общества Лаури Кеттунен, теперь уже профессор Хельсинкского университета, в сопровождении студента П. Сиро вновь у вепсов, они ведут записи, расширяв район путешествия. А в 1935 г. издают материал, собранный по всем трем вепсским диалектам (NVM), всего 46 сказок.

Не обойдены вниманием и записи 1934 г. профессора Л. Пости, опубликованные П. Вирттаранта (LL — 14 текстов).

А. Совиярви и Р. Пелтола побывали в 1943 г. у северных вепсов. Собранные ими материалы изданы в 1982 г. в Хельсинки (ÄN), в них 28 сказок.

Тексты сказок из работ финских ученых нами изучены, распределены по сюжетам и учтены в научном аппарате сборника. Общее количество изданных в Финляндии текстов — 260.

Ученые давно лелеют мысль о первоочередном составлении сводного каталога вепсских сказок, необходимого для дальнейшей научной работы сказковедов. Нами начата эта работа, имеется в виду общий сюжетно-географический указатель вепсских сказок. В него включены, кроме архивных, номера текстов, изданных в нашей стране и за рубежом (публикации финских лингвистов до 1982 г. включительно)¹⁰. Эстонские архивы, где хранится 450 вепсских сказок, оказались на данный момент нам недоступны, как и финские. Из-за рассредоточенности материала создание сводного каталога затруднительно, но необходимость его очевидна. В него должны быть включены вепсские сказки из карельских, эстонских и финских архивов. Все сказки, опубликованные в изданиях Финно-угорского общества, типологически проанализированы по Аарне-Томпсону. Мы ориентировались на указатель восточнославянских сказок (СУС), составленный на основе указателя Аарне-Андреева (далее — AA, см. список условных обозначений).

Вероятно, каждый из нас представляет, что такое сказка, однако в науке нет единого определения этого жанра. Сказками называют нравоучительные рассказы о животных и остроумные анекдоты о барах и попах, увлекательные приключенческие повествования и фантастические сказки об Иване-царевиче, Василисе Прекрасной, Кащеем Бессмертным и т. д. Все эти повествования, возникшие на разных ступенях развития жанра, в течение веков передавали из уст в уста как сказочники — мастера своего дела, так и рядовые рассказчики. Сказки отличаются друг от друга не только сюжетами, но и художественными приемами, языком. Можно при-

⁹ Из NÄKM нами выделено и разложено по сюжетам 107 сказок.

¹⁰ В архив нами сдан аннотированный каталог изданных вепсских сказок. Составители: Н. Ф. Онегина и Э. П. Хуттер. См.: АКФ, фонд 1, оп. 6, № 278.

знати правильным следующее определение: «Сказка — преимущественно прозаическое художественное повествование волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел»¹¹.

Крупнейший собиратель и исследователь сказки А. И. Никифоров дал такое определение жанра: «Сказки — это устные рассказы с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением»¹². Эта кратчайшая формула есть результат научного понимания сказки.

Раскрывающийся в сказке прекрасный, радостный мир, проповедь торжества справедливости, занимательность и художественное мастерство обусловили любовь к ней слушателей, детей и взрослых.

Все мы зачитывались русскими сказками и удивлялись их сходству со сказками других народов. Не является исключением и вепсская сказка, она тоже, как и сказки большинства народов, носит международный характер, особенно в сюжетике и композиции. Эта общность и позволила составить международный указатель сюжетов¹³.

Исследователи подчеркивают, что репертуар славянских сказок един в своей основе¹⁴. Нам удалось обнаружить, что основной репертуар вепсских и карельских сказок тоже примыкает к этому единству, свидетельством может служить то, что весь изучаемый материал по сказочному эпосу вепсов и карел уложился в систему указателя сюжетов восточнославянской сказки (СУС).

Сказочный репертуар вепсов разнообразен. Традиционных сюжетов в изучаемом массиве обнаружено 252¹⁵, из них о животных — 34, волшебных — 76, легендарных — 5, новеллистических — 24, сказок-анекдотов, в том числе об одураченном черте, — 113. Широко отражены мотивы сказок-анекдотов и сюжеты волшебных сказок, затем в количественном соотношении идут сказки о животных и новеллистические, менее всего отражена сказка легендарного типа¹⁶.

Наибольший интерес вызывает волшебная сказка, широко распространенная у вепсов.

Самыми распространенными оказались сказки с семейным конфликтом, и прежде всего «О мачехе и падчерице» (СУС 480): «Игра в жмурки

¹¹ Померанцева Э. В. О русском фольклоре. М., 1977. С. 42.

¹² Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители // Капица О. И. Русская народная сказка. М.-Л., 1930. С. 7.

¹³ The Types of the Folktale: S. Thomson – A. Aarne // FFC, № 184, vol. LXXV. Helsinki. 1964.

¹⁴ См.: Бараг Л. Г. Взаимосвязи и национальное своеобразие восточнославянских народных сказок: Автoref. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968. С. 21; Об особенностях украинской сказочной героики сравнительно с белорусской и русской // Русский фольклор. Т. XI. Исторические связи. Л., 1968. С. 159—160; Новиков Н. В. Образы русской и болгарской волшебно-фантастической сказки // Там же. С. 142.

¹⁵ Эти общие данные отражают вепсскую сказочную прозу, учтенную в общем сюжетно-географическом указателе.

¹⁶ Жанровые разновидности даны по СУС, хотя эта система во многом не соответствует принципам научной классификации, последняя все еще находится в стадии становления. Так, например, раздел волшебной сказки индексирует развернутые сюжеты, а раздел сказок-анекдотов фиксирует отдельные мотивы. Следовательно, наши цифровые соотношения весьма относительны.

с медведем» — АА 480 *С (16)¹⁷; «Пряхи у проруби» — АА 480 А (8); «Морозко» — АА 480 *В (5); «Золушка» — СУС 510 А (10); «Чудесные дети» — СУС 707 (15+1); «Безручка» — СУС 706 (4); «Мать-рысь (птица)» — СУС 409 (4); «Подмененная невеста (жена)» — СУС 403 (3).

Из волшебных сказок с социальным конфликтом наиболее распространены те, в которых раскрывается коллизия: богач — бедняк; царь — зять, простой мужик; царь — жена бедняка: «Жерновок» — СУС 715 (10); «Чудесные дары» — СУС 563 и 564 (7); «По щучьему велению» — СУС 675 (8+1); «Красавица-жена» — СУС 465 А, В (2+1) и др.

Довольно популярны героические сказки о змееборцах: «Три подземных царства» — СУС 301 А, В (6+2); «Победитель змея» — СУС 300₁ (4); о добывании невесты: «Сивко-Бурко» — СУС 530 (2+2); «Солдат находит исчезнувшую царевну» — СУС 301 D* (2+1). Сюда примыкают единичные сюжеты, отражающие борьбу за царевну, и цикл героических сказок о добывании диковинок: «Слепой и безногий» — СУС 519 (АКФр 115, 51); «Молодильные яблоки» — СУС 551 (1); «Конек-горбунок» — СУС 531 (1+1); «Царевич и серый волк» — СУС 550 (АКФр 115, 1) и др.

Имеются в репертуаре вепсов и сюжеты с архаическими мотивами: «Чудесное бегство» — СУС 313 А (7); единичные записи сюжетов: «Амур и Психея» — СУС 425 А; «Царь-девица» — СУС 400₂; «Царевич-рак» — СУС 433 В; «Жена ужа (змея, гада)» — СУС 425 М; «Муж ищет исчезнувшую жену» — СУС 400₁. Типичны сказки, отражающие мотивы спасения от ведьмы: «Брат и сестра у ведьмы» — СУС 327 А (6); «Бегство от ведьмы» — СУС 313 Н* (4); «Бычок-спаситель» — СУС 314 А* (3); «Сестра отправляется искать своего брата» — СУС 480 А* (2).

Популярны следующие новеллистические сказки: «Жених-разбойник» — СУС 955 (5); «Девушка и разбойники» — СУС 956 В (4); «Укращение строптивой» и «Исправление ленивой» — СУС 901, 901 В* (4); «Терпеливая жена» — СУС 887 (3). Основная масса новелл отражена единичными записями: «Спор о верности жены» — СУС 882 А; «Оклеветанная девушка» — СУС 883 А; «Невестины загадки» — СУС 921 Е*; «Предназначенная жена» — СУС 930 А; «Солдат и неверная жена» — СУС 939 С*; «Солдат и царь» — СУС 952; «В подводном царстве» — СУС 677 и др.

Особо редкий сюжет «Хитрая девушка» (СУС 883 В) записан у вепсов Прионежья в двух вариантах. В огромном массиве русских сказок этот сюжет известен только в четырех вариантах: Онч., 145; Ск. Заонежья, 60; АКФр 5, 2; 58, 36. Все перечисленные сказки о хитрой девушке записаны в Карелии.

Былинные сюжеты, отраженные в репертуаре сказочников, построены по законам сказки: «Илья Муромец» — СУС 650 С* = АА *650 I (АКФр 104, 38); «Муж на свадьбе своей жены» — СУС 974 = АА *891 (АКФр 115, 2); «Жена выручает мужа» — СУС 880 (АКФр 56, 14); «Жена в ларце» — СУС 1426-АА*895 (НАКМ. № 2). Эти бесспорно русские сюжеты, бытующие у вепсов и других финно-угорских народов, — явное доказательство взаимосвязей и взаимовлияний севернорусского

¹⁷ В скобках отмечается количество вариантов указанного сюжета. Приплюсованные варианты — это тексты, записанные от вепсов на русском языке и не учтенные нами в научном аппарате, но без них картина бытования жанра была бы неполной. Аннотированные описи этих коллекций и сюжетоуказатели см.: АКФ. фонд 1, оп. 1, кол. 104 и 115.

фольклора и устнopoэтического творчества соседствующих финно-угорских народностей.

Наиболее распространенные сюжеты анекдотического характера следует отнести к разряду бытовых сказок — по классификации Ю. А. Юдина¹⁸. Это сказки о шутах: «Шут» — СУС 1539 (5); «Бегство от дурака» — СУС 1132 (3+1); «Дурак, его братья и разбойники» — СУС 1653 (5); сказки о хитроумных и ловких людях: «Ловкий вор» — СУС 1525 А (3); 1525 D (5); 1525 F (3); о глупых, упрямых или неверных супругах: «Упрямая жена» — СУС 1365 А, С (4); «Николай Дупленский» — СУС 1380 (9+1).

Легендарная сказка представлена в наших материалах очень скромно, всего пятью сюжетами: «Бог в гостях» — СУС 751 А*; «Наказание за непочтение к матери (отцу)» — СУС 779 В*; «Кто съел просвирку?» — СУС 785; «Петр и Христос на noctilge» — СУС 791; «Проклятая дочь» — СУС 813 А.

Не отличаются особым разнообразием и количеством сказки о животных. Чаще других рассказывают сказки: «Лиса-плачеха» — СУС 37 (13) — в обязательной контаминации с сюжетом «Звери в санях у старушки» — СУС 158 (13); «Лиса крадет рыбу с воза» — СУС 1 (8+1) — часто в соединении с сюжетом «Волк у проруби» — СУС 2 (5+1); «Битый небитого везет» — СУС 4 (3); «Зимовые зверей» — СУС 130, 130 А, В (7); «За скалочку — гусочку» — СУС 170 (6); «Кот, петух и лиса» — СУС 61 В (4), остальные записи единичны. У вепсов сохранились сказки о животных, связанные с древними верованиями и представлениями. Таков сюжет «Медведь захватывает девушку» — СУС 179* (сб., № 2)¹⁹. Исследователь карельского фольклора У. С. Коннка отмечает, что еще в прошлом веке у карел было вала масса этиологических рассказов о различных свойствах и особенностях зверей, птиц, рыб (КНС II, с. 15). Сказки о животных, записанные Э. Лённротом в 1842 году от оятских вепсов, тоже имеют этиологические концовки, однако чаще в репертуаре вепсов встречаются традиционные разработки сюжетов.

Историко-этнографическое родство народов является основой общих тенденций в культурном развитии. Давняя многосторонняя связь вепсов, карел и русских обеспечила наибольшую близость сказочного эпоса этих народов, что, однако, не снимает вопроса о местных и национальных особенностях сказок каждого отдельно взятого народа. При изучении сказочной прозы вепсов мы ограничимся вепсско-карельско-русскими связями. Взаимосвязи первичного порядка широко бытуют в устной сказочной традиции, но есть сказки и вторичного образования. Это заимствования из книжной литературы, начиная с лубочных изданий, что тоже не чуждо вепсскому фольклору. Вышесказанное проиллюстрируем на ряде примеров. Поможет нам в этом структурно-сингтагматический анализ текстов на уровне сюжетов, мотивов, образов сказок изучаемых народов²⁰. Выберем наиболее характерные сюжеты из всего репертуара вепсов. В составе волшебной сказки — это цикл о невинно гонимых.

¹⁸ Юдин Ю. И. О группировке и издании сказок в Своде русского фольклора // Русский фольклор. Л., 1977. Т. 17. С. 45—58.

¹⁹ В такой форме (в скобках) здесь и далее обозначается текст данного сборника.

²⁰ Методика анализа основана на работе В. Я. Проппа «Морфология сказки» (М., 1969).

«Чудесные дети» (СУС 707)

В сюжетоуказателе дана одна версия этого сюжета, кстати, взятая из народной традиции А. С. Пушкиным за основу в «Сказке о царе Салтане». Сюжет вкратце таков:

Царевич женится на младшей из сестер, обещавшей родить чудесных сыновей: «по колено ножки в золоте, по локоток ручки в серебре». Рождаются «золотые» сыновья, но царевичу увидеть их не доведется: повитуха-ведьма подменяет их щенятами. Мать подвергают страшному наказанию: заколотив в бочку, бросают на погибель в море. Спрятанный матерью один из младенцев растет не по дням, а по часам, он разламывает бочку и, оказавшись на суше, мгновенно воздвигает роскошный дворец, применяя свои магические свойства. Находит братьев, обретает диковинки, которые привлекают внимание царя-отца, и тот возвращает к себе жену с детьми (сб., № 12).

Именно такая версия широко распространена у русских, вепсов и карел. Ее условно мы назвали «русской» версией²¹ в отличие от другой — западноевропейской. Последняя в известных нам вепсских записях отсутствует, у русских очень редко встречается (см. Аф., 288). В среде северных карел обнаружено 5 западных вариантов, что объясняется влиянием финской сказочной традиции (см. КНС I, 49).

Мы говорим о сходстве, проявляющемся в постоянных элементах сказки, в действиях героев (функциях), а различия — в оформлении этих функций и в деталях. В известном нам сказочном слое сюжет «Чудесные дети» отражен в 15 вепсских вариантах, и в них наблюдается некоторое своеобразие, отражаются местные реалии, трансформируются, видоизменяются некоторые традиционные моменты. Приведем примеры²². В деревнях, расположенных вблизи величественного Онежского озера, не преминут упомянуть именно озеро: Иван-царевич бросает мать, с ребенком в Онего (сб., № 12); Баба-яга бросает ее с детьми в Онего (НАКМ, 5). Выбравшись на остров, герой строит мост через Онего (НАКМ, 24 — Шелтозеро; НАКМ, 85 — Каскесручей; НАКМ, 5 — Шокша)²³. Есть упоминание о волшебных диковинках: «Вдруг появилась река, а в ней течет молоко и кисель» (НВМ, 55) или «Появилась река, а в ней течет вино, мед и молоко» (ф. 2621, 10)²⁴. Вспомним традиционные в русской народной сказке молочную реку, кисельные берега. Герой вепсской сказки иногда добывает необычных коней: «Гривы у них золотые, а хвосты серебряные»; среди диковинок и пороссята с золотыми рыльцами, «хвосты у них

²¹ Вепсских сказок, отражающих «русскую» версию, в изучаемом материале обнаружено 15, а карельских — более полутора. Западноевропейская версия в сравнении с «русской» анализируется нами подробно в статье: Вепсские волшебные сказки о невинно гонимых // Фольклористика Карелии. Петрозаводск. 1983. С. 135—150. Здесь же сопоставляются тексты изучаемого сюжета вепсской и русской сказок (с. 150—152), дан структурно-сintагматический анализ западноевропейской версии (с. 153—156).

²² Вепсские и карельские тексты даем в переводе.

²³ Если отвлечься от конкретного сюжета, то подобных примеров из вепсских сказок Прионежья можно привести множество: из слез старика образуется Онежское озеро, которое топит богача (АКФв 57, 20); «большое рыбное Онего бьется о берег» (АКФв 58, 20); собрались на Онего рыбу ловить (АКФв 58, 33); девушка идет купаться на Онего (АКФв 58, 19) и т. д.

²⁴ При наличии магнитофонных записей указывается шифр фонархива ИЯЛИ КНЦ РАН, где ф. — фонархив, далее — номер кассеты и, через запятую, номер записи.

серебряные, а в ноздрях жемчужины», и «золоторогая корова» с тремя телятами (NÄKM, 196). В большинстве же случаев героем добываются «диковинки» весьма прозаические с точки зрения волшебной сказки, но не крестьянина: корова или целое стадо, жеребенок или конь богатырский.

Сказочный герой обычно имеет какие-то внешние отличительные признаки. В русской сказке читаем: «...принесла трех сыновей: по колена ножки в золоте, по локоток ручки в серебре и на каждой волосиночке по скученой жемчужинке» (Ск. Заонежья, 57). И в вепсских вариантах встречается красочная внешняя характеристика чудеснорожденных детей: «Руки до локтя золотые, ноги до колен серебряные» (NÄKM, 24); «Ноги серебряные, руки золотые, на затылке месяц сияет, во лбу солнце горит» (NEV I, 32); «Спереди солнышко, сзади луна, во лбу солнце горит» (ф. 2624, 10). Запись конца прошлого века дает еще одну амплификацию в описании героя:

Edes päi paštab,
tagana kudai kuštab,
kaikuttšes hibusudes
žemtšugjuvā rippub,
korva-agjaižš
tähthäižed.

(NÄKM, 196)

Впереди солнце печет,
Сзади луна светит,
На каждом волоске
По жемчужине висит,
Звездочки на мочках

ушей.

В карельских сказках в описании «золотых» сыновей по сравнению с русскими вариантами тоже нет существенных различий. Но так как тождество типических мест невозможно, то отметим своеобразный штрих карельской сказки. Из трех версий описания чудесных детей (КНС I, 48 — примеч.) выделим северную: «Руки золотые от запястья, ноги серебряные от колен, солнышко светит на макушке, по месяцу на висках, Большие Медведицы на плечах, звезды небесные на спине» (SKSJT, с. 98; То же, с. 114—122; SKS II, в 4 вариантах, с. 137—139; КНС I, 48 и т. д.). Подобное же описание дается и женской красоте в сказках (КНС I, 49; SKSJT, с. 33) и в карельских рунах. Итак, основное отличие от русского и вепсского канона — амплификация «Большие Медведицы на плечах, звезды небесные на спине». В одном из христианизированных вариантов этот отличительный признак приписывается сыну Бога: «Хранительница острова, увидев Большие Медведицы на плечах и месяц на висках, подумала, что это сын Божий» (SKS II, с. 139).

В более поздних записях вепсов и карел уже нет пространных характеристик, упоминаются «золотые» дети, но чаще это «богатыри» или просто «здравые молодцы». Устная сказочная традиция заметно теряет своеобразные признаки в обрисовке героя и в атрибутике. Постройка золотого или царского дворца изредка вспоминается (ф. 2624, 10; АКФв 56, 25), но чаще происходит бытовая замена: хоромы, изба или даже шалаш.

Но до начала нашего века сказка жила в быте вепсов чуть ли не в первозданном виде: в ней сохранились стройная сюжетная канва и художественные особенности жанра — это настоящие жемчужины устного творчества. К таким мы отнесли бы сказку, записанную в конце XIX в. у средних вепсов в д. Ладва (NÄKM, 196 — СУС 707).

«Золушка» (СУС 510 А)

Мачеха заставляет падчерицу делать черную работу. Загробная дарительница-мать (иногда колдовством превращенная в животное) предлагает взять на ее могиле веточку. Это магическое волшебное средство помогает выполнить все задания злой мачехи. Царевич выбирает невесту. Героиня волшебной веточкой вызывает чудесного коня, добывает наряды, перевоплощается в красавицу и завлекает царевича во время бала (в церкви). Исчезнувшую невесту находят по утерянному башмачку (сб., № 3).

Это очень распространенный сюжет у многих народов, в том числе у вепсов и карел. Говоря о сходстве в сказках разных народов, рассмотрим структурно-сингматическую параллель: просьбу загробного дарителя и реакцию героини на нее в вепской, карельской и русской сказке.

NVM, 56 (в)

А бык ей говорит: «Меня скоро зарежут и отдадут мои кишки тебе промыть, и ты в третьей кишке найдешь семечко. Это семечко возьми и посади у стены в землю. И из этого семечка вырастет веточка. Когда тебе что-то понадобится, ты приди и поклонись этой веточки». <...> Когда пошла за хлев, пришла, а там вот такая высокая ветка.

KHC I, 28 (к)

А овца говорит: «Когда меня, доченька, зарежут, то ты... мяса, милая моя, не ешь. А возьми, собери косточки и закопай их вон под той березой». <...> Мать говорит: «Возьми ветку с той березы»²⁵.

Онч., 129 (р)

Коровушка ей отвечает: «Станут убивать меня, так подавайся посмотреть. Придешь, так на правой рукавец брызнет крови... Ты возьми отруби [кусочки рукава] и посади, в землю закопай». Ну, и стал растеть сад».

Из этих примеров видно, что предварительное испытание оказалось одинаковым в сказках вепсов, карел и русских. Здесь тотемными покровителями выведены бык, корова — у вепсов и русских, овца (баран) — у карел. Различия в метаморфозах умершей матери могут быть объяснены этнографическими материалами²⁶. Еще важнее сопоставить фрагменты, характеризующие основные испытания. Посмотрим, как героиня сказки, выполняет наказы мачехи, стремящейся сжить ее со света белого.

NVM, 56 (в)

Яги-баба [мачеха]: «Когда явлюсь из церкви... чтоб готов был обед, смели рожь, сделай крупу и испеки калитки». <...> Она пошла за хлев, поклонилась этой веточке до земли. Эта веточка и говорит ей: «Что тебе велено сделать, все будет готово».

KHC I, 28 (к)

[Сюоятар] перемешала трех сортов зерно и велела это разобрать. Мать дочке говорит (из могилы): «Возьми ветку с этой березы и скажи: «Отделитесь, зернышки, как раныше были».

²⁵ Дерево, выросшее на могиле, у многих народов считалось священным, отсюда ветка, сорванная с него, — волшебный дар. См.: Пропп В. Я. К вопросу о происхождении волшебной сказки: (Волшебное дерево на могиле) // Сов. этнография. 1934. № 1—2. С. 128—151.

²⁶ См.: Krohn K. Suomen suvun pakanallinen jumalanpalvelus. Helsinki, 1894. S. 173—178.

Онч., 129 (р)

Взяли жито вместе и рожь, с рожью смешали и овес. А этой дочке называют: «Розбери, чтобы все было розобрано по розным местам». [Помогла веточка из волшебного сада.]

Худ., 16 (р)

Мачеха опять дает падчерице шесть фунтов льну отпрясть. Она стала кликать: «Коровушка-бурунушка! Приди ко мне, подсоби мне!» Коровушка пришла, стала жевать, та только сматывает. Отпряла, приносит.

Итак, формы основного структурного звена сказки совпадают у вепсской и карельской сказки, но как будто бы отличаются у среднерусской. Не будем торопиться с выводами. Посмотрим вновь вепсскую сказку, упомянутую нами. Здесь падчерица получает очередную работу, сходную с заданием мачехи в русской сказке. Яга-баба отправляет ее пасти коров и дает с собою льна для прядения: «Чтобы это выпряла и полотном домой принесла». <...> Бык ей говорит: «Ложись спать на кочку, не плачь». Ну, девочка прилегла... проснулась, так полотно уже в мешке (NVM, 56).

Во всех изучаемых вариантах выполнить задание мачехи помогает персонаж, имеющий признаки тотемного предка, это отголоски очень древних верований.

Многие сказки типа 510 А («Золушка») выходят за рамки названной версии. Основное испытание в них совпадает по форме с предварительным из сюжета «Пряхи у проруби» (СУС 480* = AA 480 А) в финно-угорской сказочной традиции. Reduvarvei у вепсов, Tuukimus у карел ухаживает за встреченными на пути животными, вытаскивает из грязи (болота, канавы) старичка, расчесывает, умывает его, и тот дарит батожок, с помощью которого раскрывается скала. Стукнув по скале (камню), героиня добывает красивые платья, преображается. На волшебном коне красавица едет на праздник (в церковь), завлекает царевича. Он находит ее по утерянным предметам. Именно эта версия характерна для вепсов и карел (сб., № 10 и № 49)²⁷, а также бытует в русской среде Карелии.

Почти все вепсские и карельские сказки изучаемого сюжета включают дополнительный тур испытаний (трансформация): перевоплощение героини, узнавание ее по утерянному башмачку. В русской сказке в основе дополнительного испытания лежит мотив чудесного «брачного дерева» (см.: Аф., 100, 101; Худ., 16 и др.). В принципе сказка может обойтись без дополнительного испытания, однако, сказка о Золушке немыслима без этого красочного эпизода.

Е. М. Мелетинский отмечает, что мотив Золушки, получившей от загробной дарительницы-матери богатые одежды и чудесного коня для поездки на царский пир, не характерен для русской сказки. «Как для славянского фольклора типичен рассказ о падчерице-служанке, которой помогала чудесная корова, так для западноевропейских вариантов характерен рассказ о Золушке — Сандрильоне, потерявшей башмачок на королевском балу и пленившей принца»²⁸. Вепсские и карельские сказки в этом звене близки к западной. Однако в вепсской сказке порой находим мотивы, характерные для русского фольклора (сб., № 49). Итак, сюжет «Зо-

²⁷ Вепсские и карельские варианты данной версии отмечены в примеч. 10.

²⁸ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М., 1958. С. 204.

лушки» особенно показателен как пример слияния традиций. Интересно отметить и взаимопроникновение отдельных мотивов, придающих сказке особый колорит. В карельской и русской сказках есть штрихи: мачеха строгает своей дочери пальцы ног, рук, чтобы подошли примериваемые предметы²⁹. А вот детали из вепсских сказок. «Ох-о, ох-о, коровушка, у дочери яги-бабы на струганых ногах мои, сироты, [хрустальные] полу-сапожки» (NVM, 1). В другом варианте мачеха своей дочери вместо сломанного пальца вставляет плашку, взамен ноги — батожок кочергой, вытекший глаз заменяет овечьим, отсюда своеобразное оповещение-песенка: «Koukd'oung vedetaze, plašksor'm vedetaze, lambhansilm vedetaze» (сб., № 3). Ложная невеста гибнет. Ведьма собирает кости дочери, моет их, парит в бане, собирает мох для волос, груди делает деревянные, вместо глаз — яички и т. п. (ф. 2625, 9; ф. 2626, 1). Используются и элементы этиологического рассказа. Ведьма, привязанная к хвосту жеребца, растерзана: «Где упала ее нога — там кочерга, где рука — там грабли, где зад — там дерн, где голова — там скала, куда упала п... — там болото; куда глаз — там трясина» (АКФв оп. 43, № 103, л. 77). Этот же мотив в сказке «Замарашка» (сб., № 3)³⁰.

С колдовством и магией связаны многие мотивы вепсских сказок. В одной из них повествуется о том, как колдунью обощли, не пригласили на свадьбу. «Вот ведьма жжет лучинку с двух сторон, подкладывает молодым...» — и невеста превращается в волка. Но с помощью веточки, дара покойной матери, девушке возвращен прежний облик (NVM, 56).

Сказки становятся своего рода источником познания народного быта и верований, так как сказители-вепсы любят насыщать сказку этнографическими деталями, органично вплетаемыми в сюжетную канву. Примером подобного рода привнесений может служить и упоминаемая нами сказка «Замарашка» (сб., № 3): «А тетка уже отобрала всю одежду, в которой девушка у Ивана-царевича была, и нарядила свою дочь. (А тогда ведь лицо невесты прикрывали.) Играют свадьбу. Прибыли за невестой, отдали ее с прикрытым лицом» (сб., № 3). Но обман раскрыт, дочь мачехи, брошенная под мост, превращается в цветок. Когда речь идет о новом вредительстве — превращении матери новорожденного в лебедь³¹, сказительница продолжает: «Раньше был такой обычай: роженице банию топили, ребенка несли отдельно от роженицы. Тогда ведь больниц не было».

Вкрашение бытовых деталей оживляет сказочное повествование. Ремарки сказителей характеризуют быт вепсов. Из них мы узнаем, как праздновала деревня, как ели-пили: «Ну а народ со всей округи пришел.

²⁹ КНС II. 19: В русской сказке читаем, что яга ноги своей дочери «тесала, тесала, стругала, стругала», прежде чем сумела приспособить обувь (см.: Чист., с. 26—31; АКФр 58, 35 и др.); АФ. 293; Худ., 102.

³⁰ То же самое с небольшими вариациями см.: АКФв 56. 7; ф. 2628. 1 и в русских сказках Карелии, например, АКФр 6. 108.

³¹ При попытке сорвать цветок мачеха-ведьма (у карел Сюоятар) узнает свою погубленную дочь и мстит падчерице, превращая ее в лебедя (уточку) или в важенку (олениху). В таком случае к сюжету 510 А примыкает новый сюжет СУС 409, как в сказке № 3 данного сборника (ср. карельский вариант: КНС I. 28; КНС II. 19; в русской классической сказке: АФ.. 101; Худ., 16; Онч.. 154 и др.). У. С. Конкка отмечает, что сюжет 409 в Финляндии, например, не встречается (см.: КНС I. 20, с. 506).

Тогда народу было меньше, но все равно собралось много... все было по старинке: не подавали на тарелках, и все из одной миски ели... а мясо нарезали тогда на деревянной долбленке — «tellikš» называли». Тяжелые, грязные работы по дому поручались «казачихе», нанятой в услужение.

Разумеется, примеры использования бытовых реалий можно было бы продолжить, так как фольклор народа неразделен с его бытом.

«Мачеха и падчерица» (СУС 480)

Сюжет начинается с изгнания неродной дочери из дома. Мачеха отдает падчерицу на растерзание злым силам, олицетворенным в образах Морозко, Медведя, ведьмы или чудовищных стариков и т. п. Девушка проявляет кротость, доброту, отличается трудолюбием, в результате одарена. Завистливая мачеха отправляет из дома свою дочь, ленивую и грубую, та гибнет (сб., № 9, 47, 48, 54).

Из этой серии отметим сказку «Морозко» (СУС 480 = АА 480 *В) и «Девочка, медведь и мышка» (СУС 480 = АА 480 *С). Эти сюжеты считаются характерными только для русского фольклора, но среди вепсов и карел бытуют довольно широко. Сопоставление сказок показало, что вепсские и карельские варианты «Морозко» совпадают с russkimi сказками Карелии и Севера не только по структуре, но и текстологически, т. е. вепсские и карельские варианты являются вторичными образованиями. Но речь не идет о точном копировании. В одном из вариантов говорится, как Мороз, одарив девушку за кротость шубкой и валеночками, просит: «Девочка, выходи за меня замуж!» Та удивлена. Говорит: «У нас ведь нет лошади, как мы поедем в церковь венчаться?» Мороз ушел, привел лошадь, полный сундук одежды, сели они в сани и поехали. Ехали, ехали, солнце начало светить: Мороз растаял, а девочка поехала домой (ОВР, 95). Упоминание о Морозе-женихе есть и в русской сказке (Аф., 95), однако сватовство выглядит несколько иначе.

Типичная для карел трактовка сюжета «Девочка играет в прятки с медведем» (СУС 480 = АА 480 *С) встретилась в изучаемом материале только один раз (НВМ, 26). Во всех остальных случаях враждебным испытателем оказался старик-колдун (старики), который с наступлением зари исчезает, погибает или рассыпается золотом. И хотя всегда помогает девушке благодарная мышка, все же у сказки свой колорит. Сюжет насыщен реалиями местного быта: старики (иногда их несколько) просят девушку испечь калитки, сварить рыбу, накормить ухой, истопить баню³².

Совершенно оригинален вариант, демонстрирующий полную бытовую замену в сюжете «Мачеха и падчерица» (НЕВ I, 2). Дочь старика — красавица, всякую работу исполняет хорошо, но мачеха ею недовольна. И старик отправляет дочку в Питер, «в люди». Она зарабатывает много и шлет отцу деньги. Возвращается домой, а собачка лает: «Старикова дочь едет домой в шелках и серебре!» Мачеха торопится отправить свою дочь в Питер: «Пусть и она добудет себе одежду и денег». Традиционен негативный исход. Нерадивая дочь плохо живет на чужбине, мать зовет ее домой, а собака лает: «Старухина дочь едет в телеге, только косточки стучат!»

³² О вепсских и карельских сказках такого типа см. в примеч. 9, там же дан количественный состав вариантов и их шифр.

Перед нами еще одно доказательство изменчивости традиционной сказки в устах сказителя, но карельские сказки этого типа более устойчивы, чем вепсские.

В большинстве вышеназванных сюжетов мы обнаруживаем исключительную близость вепсской, карельской и севернорусской сказки и продолжаем усматривать в этом явлении заимствования³³.

«Чудесное бегство» (СУС 313 А, В, С)

Анtagонист (морской царь, водяной, черт и т. п.) ловит отца героя за бороду или держит его корабль посреди моря (озера) и не дает плыть, пока тот не соглашается «отдать то, что дома не знает». Новорожденный герой, таким образом, запрограммирован враждебной силе; возмужав, обещанный сын отправляется из дома. По пути ему встречается старушка (яга или ее эквивалент), которая учит, как приобрести волшебного помощника. Это оказывается девица-утица, дочь водяного. С ее помощью он решает задачи водяного царя и женится на царевне, но молодожены вынуждены спасться от злой силы бегством. Вернувшись домой, герой забывает наказы молодой жены и ее самое, но жена-волшебница находит способ напомнить о себе. Брак возобновляется.

В таком виде сюжет записан в начале XIX века. Кроме классических текстов А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова в указателе славянских сказок отмечено еще более сотни вариантов (СУС, с. 113)³⁴. Общерусская версия сюжета привлекла наше внимание потому, что она повлияла на сказочную традицию карел, особенно южных: из 20 архивных вариантов, отражающих русский канон, половина олонецких³⁵. У южных карел, наиболее близких по этногенезу, языку и культуре к вепсам, эта версия повсеместно бытует, а у близкородственных вепсов отсутствует. Это невероятно. Можно предположить, что обширные материалы эстонских архивов восполняют этот пробел.

Сопоставим другую версию сюжета «Чудесное бегство», не выделенную в восточнославянском указателе сюжетов (СУС). Она сходна начальным вредительством («отдай то, что дома не знаешь»), бегством от водяного, черта и т. п., но запрограммирован враждебной силе не сын, а новорожденная дочь, отсюда иное развитие сюжета. Героиня сказки стремится избежать брака с водяным, она спасается от поезжан водяного с помощью козы (козла, барана), которая прячет ее в тюк соломы (сена) и увозит. Спассенная выходит замуж за царевича. Далее может возникнуть мотив «подмененной жены»; колдунья пытается уничтожить чудесного помощника (козу, барана), но ей не удается это сделать.

Все известные нам вепсские варианты сюжета относятся именно к этой второй версии (сб., № 1, 8, 15 и варианты к ним). В среднерусской традиции подобные сказки не бытуют, зато у вепсов мы обнаружили 6 вариантов, у карел — 12. Так как эта версия нашла довольно широкое при-

³³ Подобное мнение о карельской сказке высказано У. С. Конкка ранее (см.: КНС I, 26 и КНС II, 18).

³⁴ Сюда же следует отнести конспективную запись А. С. Пушкина, взятую в основу сказки В. А. Жуковского «О царе Беренде...» (см.: Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. М.-Л., 1961. С. 118). Доп. см. тексты в сборниках, не вошедших в СУС. По Карелии это Ск. Пудожья и Ск. Заонежья.

³⁵ Шифры всех карельских вариантов см. в примеч. 1.

менение в вепсской и карельской среде, мы ее назвали финно-угорской в отличие от классической русской³⁶. Русские в Карелии эту сказку о девочке и ее помощнице козе рассказывали особенно часто в Заонежье³⁷, все 27 вариантов угро-финской версии (вепсские, карельские и русские) записаны в Карелии, что наталкивает на мысль о взаимосвязи традиций.

Сравнивая вепсские, карельские и русские тексты, обнаруживаем аналогии в способе бегства от поезжан водяных.

«Козлик, куда мне бежать?» Козлик и говорит: «Запихайся в пук соломы, а я привяжу тебя к санкам, спрячу тебя». Она влезла в пук соломы, козлик привязал его к санкам и побежал».

(сб., № 15)

Девушка идет к козе, на шее повисла и плачет. <...> Коза говорит: «Я положу тебя в сани, навоз снизу, на возвышку, и отвезу тебя в поле, спрячу, пока ишут».

(АКФк 72, 41)

«Коза-матушка! Спаси с водяниковой силы...». — «Иди к отцу, проши ошовенки³⁸... клади сена на порядочно и сядь в это сено, закупорься, чтобы было не видно».

(Ск. Заонежья, 19)

Кстати, в этих же сказках у всех этнических групп иногда вклинивается и другая форма бегства: путем превращений или бросания чудесных предметов, как в русской классической сказке. Говорить о первичности материала, о том, кто у кого заимствовал, очень трудно, но общие корни просматриваются и, возможно, ведут к аборигенам края³⁹. Однаковая разработка сюжета у разных народов не исключает некоторого своеобразия в изложении, что ярче всего выражается в художественном языке сказок. Так, стереотипные формулы-диалоги в русских сказках более развернуты, чем в вепсских и карельских. «Што царь делат?» — «Царь пиво варит да зелено вино курит, вас, гостей, в гости ждет». — «Што Соломанида златоволоса делат?» — «По избы ходит, жеуты кудри чешет, вас, гостей, обжидат» (Онч., 128). «Видел ли Настасьюшку?» — «Видел, видел, — говорит козлик. — На крыльце сидит и вам шелковые рубашки шьет» (сб., № 15).

То же самое можно сказать об атрибутивных формулах. Если в вепсской сказке только однажды упоминается, что Настасья «златокудряя» (сб., № 15), то в карельской и русской порою дано развернутое красочное описание: «У девушки той солнышко во лбу, месяц на затылке, на мочках

³⁶ Финно-угорская версия у карел: АКФк 2, 35; 72, 41 (Лоух. р-н); 79, 14 (Кондоп. р-н); 79, 235 (Суоярв. р-н); 67, 72 (Медвеж. р-н); 50, 7 (Муезер. р-н); 132, 96; 137, 17; 140, 14; Бел., 5 (Олонец. р-н); КНС I, 22 и 23. Вепсские варианты см. в примеч. 1.

³⁷ К финно-угорской версии мы относим 5 русских текстов Заонежья: Онч., 128; Карн., 64; ИРЛИ(р.) кол. 120, п. 7д, л. 218—220 = Никиф., 118 (оп.); АКФр 166. 30; Ск. Заонежья, 19; 3 варианта записаны в близких к Заонежью местностях: в Вожмогоре Сегеж. р-на (АКФр 79, 813), в Старом Сигове (Ск. Пудожья, 34) и в д. Куганаволок Пудож. р-на (АКФр 73, 224), один текст — в Сумпосаде Беломор. р-на (Онч., 56). Один очень схематичный текст обнаружен в Ленингр. обл., где тотемным животным — помощником героя является бычок (Бахтин-Шир., 23).

³⁸ В другом русском варианте читаем: «Посадили царевну в кережку и козлика запрягли» (Карн., 64), а кережка — это саамские сани.

³⁹ См.: Мамонтова Н. Н. О вепсском субстрате в топонимике Заонежья // Проблемы изучения музыкального фольклора русских и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Петрозаводск, 1974. С. 37—38; Агапитов В. Освоение Заонежья древними вепсами // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 91—94.

ушей звездочки, коса до земли» (АКФк 72, 41). «Жена... принесла... девушку, по колен ножки в золоти, а по локоть руки в серебри, на всякой волосиночки по сказаной жемчужинки» (Онч., 128).

Примеры взаимовлияний в устной традиции можно продолжать сколько угодно, но остановимся на этом. Подводя итог по вепской сказочной традиции, отметим следующее.

Из ряда версий популярной становится одна для вепсов, карел и русских (СУС 707).

Возможно и полное заимствование, скажем, русской сказки вепсами и карелами, что не исключает некоторых трансформаций (СУС 480 = АА 480 *В и 480 *С).

Может быть и тесное переплетение традиций (СУС 510 А). У отдельных сказочников-вепсов разработка сюжета схожа с карельской сказкой, у других трактовка самобытная.

Возможно заимствование русской сказкой из вепской и карельской сказочной прозы наиболее архаичных мотивов, отдельных сюжетов (СУС 313).

Эти предварительные выводы можно дополнить, изучая сказки вторичного образования. В таком случае речь должна идти о книжном влиянии.

В репертуаре русских, вепсов и карел есть определенный слой сказок вторичного образования. Это изданная народная проза, возвратившаяся в устное бытование. Сказки подобного рода заимствованы вепсами и карелами, разумеется, из русской книжной традиции. Если в устном бытании сказка жила издавна во всех социальных слоях общества, то доступ в печатные издания она получила лишь с середины XVIII столетия, а в последней четверти века сказочные сборники заполонили книжный рынок. Лубок первой трети XIX в., имевший особо широкое распространение, заимствует материал почти целиком из изданий предыдущего столетия, сборники и в дальнейшем почти не обновляются.

Сказка издавалась или в отдельных листах с картинками (лубок), или небольшими сборниками без картинок (так называемые «серые издания»). Характеризуя сборники конца XVIII в., И. М. Колесницкая пишет, что в них вошли в основном волшебные сказки, по структуре и стилю близкие к сказке народной⁴⁰. О широком распространении одних и тех же сюжетов, в частности волшебных сказок, и в устной, и в книжной традиции писал и В. И. Чернышев⁴¹.

Лубок широко входил в быт народа, являясь массовой и доступной литературой, увлекающей читателя простотою формы и многообразием содержания. Это был мир фантастики, мир героев, борющихся за достижение благородных целей. В этих книгах находила отражение народная трудовая идеология и эстетика.

Отмечая общественное значение русской лубочной литературы, нельзя забывать, что она воздействовала на формирование морали, вкусов,

40 Колесницкая И. М. Русские сказочные сборники последней четверти XVIII века // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 33. Серия филол. наук, вып. 2. С. 198.

41 Чернышев В. И. Русские сказки в изданиях XVIII века // С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л.. 1934. С. 607.

привычек не только русского народа, но и других народностей, общавшихся с ним экономически и духовно. Взаимодействие поэтических культур русского, вепсского и карельского народов основано на исторической общности. Двуязычие вепсов и карел снимало преграды в усвоении богатого наследия русских соседей.

Пути влияния литературы (лубка, «серых изданий») и более поздних сборников) на сказку и репертуар вепсских сказителей можно изучать, проводя русско-вепсские параллели на уровне сюжетов. Так, например, сказка о Емеле-дурачке (СУС 675) в русской среде издавна бытует в исключительно стабильном виде. Унификация сюжета в записях XIX—XX вв. произошло под воздействием лубочной литературы, где сказка перепечатывалась в начале прошлого века почти в неизменном виде из сборника П. Тимофеева «Сказки русские» (1787). Вепсские варианты на этот сюжет не отличаются существенно от книжных, даже основной персонаж назван иногда Емеля (Омеля, Офеня). Разработка сюжета близка именно к «серым изданиям» и лубку⁴².

Сказка о Емеле «По щучьему велению» зафиксирована у вепсов в девяти вариантах, среди них наиболее полные и художественно выдержаные тексты — прионежский, от А. М. Мартынова, 54 л. (АКФв 56, 10 г), и вологодский, от А. А. Матвеева, 79 л. (АКФв 83, 190). В них совпадают с русской книжной версией не только схема и развитие сюжета, но и детали, вплоть до произносимой уже на русском языке формулы-заклинания: «По щучьему велению, по моему хотению». То же можно обнаружить в вариантах А. Л. Калининой (АКФв 83, 163) и А. Е. Логачевой (АКФв 83, 33 (ан.) — ф. 2629, 1). В последнем случае есть подтверждение сказочницы, что усвоила она эту сказку от русской женщины, приехавшей из Новгорода (ф. 2629, 3). Некоторые вепсские сказки упомянутого сюжета дошли до нас в сокращенном виде, но и в них есть реминисценции книжной версии, перемежающиеся с привнесениями самих сказочников, ибо сюжет весьма благоприятствует развитию фантазии (См.: НАКМ, 1, 284; ÄN, 63; АКФв 83, 64 (ан.) — ф. 2661, 17). Если упоминаемые выше сказки рассказаны вепсами на их родном языке, то сказочник Ф. С. Смирнов преподнес слушателям полную лубочную версию сказки о Емеле на русском языке (Вепс. ск., 14).

Вспомним еще одну сказку, очень распространенную в русской лубочной литературе и бытующую в среде вепсов, это «Сивко-Бурко» (СУС 530). «Сивушка-кобылушка» В. П. Смирновой — подробный пересказ книжной версии с включением общих мест на русском языке: «Сивушка-кобылушка, встань передо мной, как лист перед травой». Примечательна remarка сказочницы: «Услышала эту сказку от отца. Он в основном рассказывал на русском языке, а вот эту — на вепсском, я и запомнила»⁴³. О существовании иной интерпретации сюжета мы можем судить по записи начала века, сделанной от южных вепсов в д. Чайгино (НЕВ I, 17). При полном совпадении сюжетной схемы текст отличается

⁴² Структурно-сintагматический анализ устных вариантов в сопоставлении с книжными дано мною в ст.: Влияние лубочной литературы на устные варианты заонежских сказок // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 112—130 (охвачены сюжеты: СУС 530, 550, 675).

⁴³ АКФв 83, 54 (ан.) — ф. 2661, 4, запись 1981 г. в д. Войлахта Вологодской обл.

стилем повествования и колоритными привнесениями. Герой сказки, придя на кладбище к умершему отцу, сидит там и плетет лапти из бересты. Затем из лыка мастерит веревку, которой стегает при случае братьев, не признавших его в преображенном лихом красавце-наезднике. Коня, подаренного отцом (загробным дарителем), он вызывает дуденьем в рожок и бряцанием уздечки, а не известной нам формулой-заклинанием. Это идет, вероятно, от докнижной устной традиции. Замечательная сказка, рассказанная довольно молодой женщиной, удачно демонстрирует своеобразие разработок одних и тех же сюжетов, особенно волшебных сказок.

У сказочниц-женщин особенной популярностью пользовалась именно волшебная сказка, у мужчин записаны в основном новеллы и сказки-анекдоты. Мужчины, зачастую бывавшие в отхожих промыслах, пополняли свой репертуар в русской среде. Примером могут служить сказки вепсов Ф. С. Смирнова и И. А. Бузаева, преподнесенные слушателям без перевода на родной язык⁴⁴.

Порою сказочник не очень строго следует книжному источнику. Так, например, в сюжете «Иван-царевич и серый волк» (СУС 550) опущена экспозиция, данная в лубке (Вепс. ск., 11, ср. Ровин., с. 40е и АФ., 168)⁴⁵. Повествование начинается с желания царя иметь жар-птицу и с отправки сыновей в поиск. Книжное влияние ослаблено творческим подходом к усвоенному, что явно отсутствует в карельской сказке на тот же сюжет (АКФк 132, 175)⁴⁶.

В вепсском сказочном слое заметно влияние и авторских сказок, таких, как «Конек-горбунок» П. П. Ершова или, скажем, «Золотая рыбка» А. С. Пушкина (см.: Вепс. ск., 20; АКФв 83, 18 (ан.); АКФв 83, 36 (ан.); АКФр 104, 47; ОВР, 43). Восприятие могло быть и опосредованным. А. Е. Логачева, рассказав среди прочих сказку «Горбунок-хебо» (СУС 531), объяснила, как усвоила эту, по нашему определению, книжную сказку: «Сосед-мужик привез жену из Новгорода. Маша уже знала вепсский язык, но сказки рассказывала по-русски. Вот это от нее» (АКФв 83, 36 (ан.) — ф. 2629, 4).

Г. Е. Власьев, изучавший вепсский фольклор в предвоенные годы и записавший от Ф. С. Смирнова более полусотни сказок, вспоминает, что тот «очень любил читать и рассказывать сказки» и в лесных станах, и на запанях, и на деревенских бесёдах (вечеринках), и особенно он любил детскую аудиторию. Как только Филипп Семенович возвращался с работы, его окружали дети: «Дядя Филя, расскажи нам сказку про собаку, у которой голова с мельничное колесо» (Вепс. ск., с. 4). В репертуаре сказочника мы действительно обнаруживаем любимую детьми сказку Андерсена «Огниво» (Вепс. ск., 24). Сказывал он одинаково хорошо и на вепсском, и на русском языках, посему мы и заинтересовались источниками его репертуара. «Он увлекался лубочной литературой, которую получал от

⁴⁴ По сюжету 530 см.: Вепс. ск., 1; АКФв 104. 51.

⁴⁵ Ровин.. с. 40е и АФ.. 168 совпадают почти буквально.; А. Н. Афанасьев перепечатал текст, восходящий к лубку XVIII в., из сборника «Дедушкины прогулки» (М., 1819), который переиздавался пять раз.

⁴⁶ См.: Онегина Н. Ф. Русско-карельские фольклорные связи // Русская литература. 1974. № 2. С. 192—197.

приезжавших на охоту в его родную деревню петербургских охотников», — вспоминает исследователь и дополняет, что нередко и сам он покупал книги, пополняя домашнюю библиотечку (Вепс. ск., с. 5).

Перечислим сказки-повести из репертуара оятского вепса Ф. С. Смирнова (1863 г. р.) из дер. Вонозero Ленинградской области: «Бова-королевич» — СУС 707 В* (Вепс. ск., 25); «Францель Венециан» — СУС 891** (Вепс. ск., 26); «Марцимерис» — СУС (-612 В*) (Вепс. ск., 3); «Английский милорд Георг» (Вепс. ск., 32). Обозначенные сюжеты очень сложны по содержанию, они включают в себя по 17—20 больших эпизодов, пространно изложенных. Число действующих лиц велико, имена не свойственны для устного творчества⁴⁷. Подобные лубочные сказки усваивали и пересказывали только бывалые сказочники-книжники, какими были в Заонежье П. Г. Горшков⁴⁸, а у вепсов Ф. С. Смирнов.

Разумеется, примеры фольклоризации лубочных повестей очень редки, но не упомянуть о них нельзя, так как это образец освоения книжной традиции талантами из народа. Ни устная, ни тем более книжная традиция вепсского сказочного эпоса пока не стали предметом изучения в фольклористике. Мы сочли возможным наметить некоторые аспекты, требующие дальнейшего анализа.

До сих пор речь шла о сказочных сюжетах, их бытованиях, распространении, но почти ничего не сказано о хранителях и продолжателях фольклорных традиций.

У нас есть возможность рассказать хотя бы о тех, с кем довелось встретиться нам, фольклористам. Разумеется, эти краткие очерки не претендуют на научность, они отражают лишь впечатления от экспедиционных встреч.

Анастасия Егоровна Логачева (1896—1987) — уроженка с. Шелтозero Прионежского района Карелии. Судьба ее типична для женщин того поколения: трудное детство в большой крестьянской семье (семеро детей), работа от зари дотемна и в юности, и в зрелые годы. Замужество совпало с первыми годами советской власти, с периодом ломки деревенского уклада жизни: вступление в колхоз, ликбез. В беседе со мной Анастасия Егоровна так вспоминала об этом:

«Я в 1930 году одна из первых вступила в колхоз. Работать приходилось то полеводом, то конюхом, то кладовщиком, в 1940—1941 годах — даже председателем колхоза. Детей поднимала одна в трудные годы войны. Четверых вырастила, выучила, сейчас внуков двенадцать, правнуоков шесть — есть кому сказки рассказывать».

Характерен наш диалог:

- От кого вы сказки переняли?
- Слышала от мамы, а мать — от бабушки, своей мамы.
- Они по-вепсски рассказывали?

⁴⁷ В рукописном каталоге «Карел. ск.» (см. Примечания) обозначены две однотипные сказки на сюжет: «Еруслан Лазаревич» — СУС — 650 В* (АКФк 1, 16 — Лоух. р-н: АКФк 21, 1 — Калев. р-н). Тексты редуцированы, из 17 эпизодов сюжетной схемы использовано выбирочно не более одной трети.

⁴⁸ Анализ лубочной сказки в устной традиции см.: Онегина Н. Ф. «Еруслан Лазаревич» в творчестве П. Г. Горшкова // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 117—123.

— Мать и бабушка не знали по-русски ни слова и обе были неграмотны. Да у нас в семье все знали сказки: я, братья мои, сестры. В Великий пост женщины собираются на посиделки — и рассказывают, кто какие сказки знает, а мы, молодые, и перенимаем (ф. 2628, 2).

Ее репертуар не ограничивался сказочным эпосом. Анастасия Егоровна с легкостью восстанавливалась в памяти подробности старинной вепсской свадьбы, причитывая за невесту, тут же вставляла заговор от порчи, в живой беседе была щедра на афоризмы, пословицы, поговорки. А коли попросишь, с удовольствием и со знанием дела рассказывала о старинных обычаях вепсов, о натуральном крестьянском хозяйстве, где все делалось своими руками: не только пахали-сеяли, скот выращивали, но женщины полотно ткали, шили, вышивали, вязали, обеспечивая семью всем необходимым. Дочери Анастасии Егоровны вспоминают, какой она была замечательной рукодельницей. В этом убеждаешься, увидев ее изделия в Шелтозерском краеведческом музее. Прожив девяносто лет, она оставила хорошие воспоминания о себе и как народная целительница. К ней за помощью обращались даже из самых дальних деревень Прионежья.

Со сказок Анастасии Егоровны Логачевой начинается сборник. От нее записано 15 сказок⁴⁹, это в основном волшебные сказки о невинно гонимых. Вот некоторые хорошо разработанные сказочницей сюжеты: «Проклятая дочь» (СУС 313 А), «Мачеха и падчерица» (СУС 480-АА 480 А; 480 *В; 480 *С; 480 *А; 480 *Е; 480 *Г), «Замарашка Варвей» (СУС 510 А), «Отец и дочь» (СУС 510 В) и т. д.

Сюжет любой сказки Анастасии Егоровны преподносил как пережитое ею жизненное явление. Глубоко эмоциональный сказ постоянно поддерживалась ее ремарками, выражавшими отношение к событиям и персонажам повествования. В ее устах даже волшебная сказка становилась источником познания народного быта, ибо она насыщала ее этнографическими штрихами, органично вплетаемыми в поэтическую ткань произведения. Вкрапление реалий быта нисколько не мешало восприятию сюжета, наоборот, оживляло повествование. Слушая эту женщину, мы не уставали восхищаться ее одаренностью: великолепной памятью, логичностью мысли, живой мимикой с уместными жестами, чувством юмора, эмоциональностью.

Серафима Никитична Самакова (1915 г. р.). О ней нам известно из рассказа собирательницы М. И. Муллонен, которая встретилась с нею в 1961 году во время первой поездки для сбора языковедческого материала. В сельсовете д. Озера Подпорожского района Ленинградской области ей посоветовали остановиться у С. Н. Самаковой, уборщицы сельсовета. Ее уютный, довольно просторный дом находился в центре поселка, у нее был двенадцатилетний сынишка и слепая старушка-мать. Дом был гостеприимным: в нем обычно останавливались все приезжие, любили захаживать

⁴⁹ Наш материал не отражает весь репертуар А. Е. Логачевой. От нее и других информаторов регулярно вели записи ученые Эстонии (см. таблицы, отражающие жанровый состав эстонских архивов, в ст.: Йоалайд М. О собирании и изучении вепсского фольклора // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск. 1979. С. 122–129. А. И. Андреева, младшая дочь А. Е. Логачевой, вспоминая сказки матери, существенно дополнила ее репертуар. Для краткости мы укажем только шифры сюжетов: СУС 123, 158, 159, 170, 425 А. —480*, 511, 1030, 2016, 2025, 2044, 2028. Это сказки для самых маленьких слушателей (см.: АКФв 83, 145 б).

вать местные. Привлекала всех общительная и бойкая хозяйка. От матери она переняла не только уклад деревенской жизни, но и древние верования, связанные с колдовством и магией.

Первые сказки Серафима Никитична усвоила в родительском доме, а затем пополняла свой репертуар на деревенских посиделках. В последующие годы ей довелось много общаться с бывальми людьми, что не могло не повлиять на содержание и манеру исполнения усвоенного.

Рассказывала она эмоционально, артистично. Ее репертуар состоял в основном из бытовых сказок, которые она преподносila с большим юмором, порой сама громко смеялась, изумляя слушателей своей неуемной энергией и талантом. Записи от нее велись выборочно (нужно было экономить магнитную ленту). Далеко не все сказки оказались записанными. Но, на наш взгляд, материалы фонокабинета (23 сказки, частушки, детский фольклор, сведения по этнографии и топонимике и т. д.)⁵⁰ позволяют сделать вывод: С. Н. Самакова была одаренной, творческой личностью, оставившей нам прекрасные образцы вепсского фольклора и языка.

Александра Леонтьевна Калинина (1910—1984) родилась в дер. Пондала Бабаевского района Вологодской области. Отец, лесничий, был убит браконьерами, когда Саше было два года, а через шесть лет после смерти отца парализовало мать. Девочка с двумя сестричками пошла по миру собирать куски. Вскоре детей подобрали родственники. До десяти лет Александра росла в семье дяди, а затем была отдана в чужие люди прислугой. В школе поучиться удалось всего один месяц, еще при жизни матери. Самоучкой одолела впоследствии грамоту. Добрым словом вспоминала бабушку Степаниду, мать отца: та часто развлекала внуков сказками долгими зимними вечерами, сидя за прялкой. «Я потом в уме повторяла эти сказки, очень они мне нравились, нам еще, бывало, и дедко наш рассказывал, — вспоминала Александра Леонтьевна. — Маленьким ребятишкам, которых нянчила, я все эти сказки потом рассказывала» (ф. 2662, 20). В семье тети, маминой сестры, понадобилась работница, и Александра перешла жить к ним. «В девятнадцать лет они меня замуж отдали за нелюбимого. Родичи уговаривали выйти за него, дом был богатый. Прожила с мужем пятнадцать лет». Работала она с мужем в леспромхозе, позже в колхозе. Было большое домашнее хозяйство, росли дети, но из восемерых в живых осталось четверо. Старшему было одиннадцать лет, а младшему пять недель, когда муж умер. И опять слышим привычное из уст деревенской женщины: «Одна вырастила детей и выучила их».

Всем известен жизненный уклад старых деревень, когда и светец с лучиной не был в диковину. «Вечерами собираемся в избе, прядем, кто какие сказки знает — вспоминаем и детям рассказываем», — продолжала Александра Леонтьевна (ф. 2662, 20).

Очень богат и разнообразен ее репертуар сказок. Много дней записывала я на магнитофон ее мягкий, плавный голос. Позже в архивных фондах ИЯЛИ обнаружила большое количество текстов, записанных от сказительницы языкоковедами. И получила от нее письмо с наказом: «Пусть мои сказки достанутся народу». Александра Леонтьевна вполне

⁵⁰ См. кассеты 162—168.

заслуживает быть опубликованной в сборнике, чтобы внуки и правнуки читали ее сказки и гордились многогранностью ее таланта. Знала она не только сказочную прозу, но и былички, заговоры, народные верования и обряды. Хранила в своей памяти и не утаила от нас многообразие народной культуры вепсов.

Разумеется, не менее талантливы сказочники-мужчины, хотя в последние десятилетия исследователям как-то не повезло на встречу с ними.

В сборнике есть сказки, отражающие очень богатый и своеобразный репертуар **Игнатья Христофоровича Микшина** из д. Ладва Ленинградской обл. — в передаче его невестки М. З. Микшиной. Но это уже совсем иной уровень исполнения, о чем я могу судить, поскольку мне довелось услышать Игнатья Христофоровича.

Это случилось, когда я уже уезжала из Ладвы. На остановке мое внимание привлек общительный пожилой мужчина, оказавшийся тем самым Микшиным, которого мне не удалось застать дома. Выслушав мои сожаления, он тут же начал рассказывать мне сказки, легко и свободно переходя с бытовых новелл на анекдоты и шутки. В автобусе мы сели рядом, и все семь часов пути он почти не замолкал, а я слушала и делала пометки в своем блокноте. Такого рассказчика я, кажется, еще не встречала. Как жаль, что не удалось записать его на магнитную ленту! По моей просьбе к нему дважды ездили с магнитофоном. Но он был болен и как-то уж очень решительно заявлял: «Я все уже рассказал Нине Федоровне!»

Не попали в сборник сказки другого талантливого вепсского сказочника — **Леонида Михайловича Назарова** (фонозаписи М. И. Муллонен 1961 г.). Дело в том, что материал так и не был расшифрован собирательницей для рукописного архива, которым мы пользовались.

Финским исследователям удалось записать, начиная с конца прошлого века, множество изумительно разработанных сюжетов от сказочников-мужчин, — правда, у них нет сведений о самих исполнителях.

В заключение надо сказать, что тексты данного сборника и других упомянутых изданий свидетельствуют о том, что мы вправе гордиться замечательным культурным наследием — устным творчеством вепсского народа.

Н. Ф. Онегина

Прионежье

1. НИЧУКЕИНЕ И КОЗЕИНЕ

Eletihe koumekimnevozne akk i nelkimevozne mužik. Akk radii mal, semenz' da künz', ägest', da lehmad da hebod pidi. A mužik oli moräk. [Mužik] kezal lähtob i süguzel tulob, konz dö dä külmab, ajeluz lopiže i tulob kodihe. Hö kahten eletihe, ka nimida ii tetud: silei nimida ii olnu, ni počtad, nimida.

A lähttes mužikan parahodan tabaz' vedehine. Vedehine tabaz', nimil ii pästa. Sanub vedehine hänele: «Vot anda mida sina et teda kodiš...» Hän kaiked i suuli hänele: lehmid i höbjid i kaiken ičeze imušestvan. Sanub [vedehine]:

— Ii, mili nimida ii pida. A mida vaise sina et teda, ka se mili pidab.

Hän duumei, duumei: «Minžo mina en teda. Kaik sijad mina tedan kodiš, midažo mina en teda.» No, pidi soglasitsa. Sanub:

— No, okha, ota mida mina en teda... Pästa vaise.

A kodihe tuli, ka akk kohtunke. Vot mida ii tenu mužik. Hän akale sanub:

— Akk, sanub, — pahan mina olen tehnu. Kacu, lähttes parahodan azot' vedehine i suulin mina mida mina en teda. Mina vet' tenuen, mise sina oled kohtunke.

No, teravas akk i rodi niičukeižen. Niičukeine kazvab lujas hivä. Voden dö kazvei, toižen voden kazvaškanz. A hän oli muga i sanunu, mise niičukeine dökseliškanz siga dö, ka hö dö elgetihe, mise nugut' dö tuloba otmaha laps'.

No, ühtel homesel laps' dö kävel' dei pagiž, mamm da batt' mecha i pagetihe, laps' magatta i dättihe. Laps' nece heraštihe, voikab, voikab: mamad iilä i papad iilä.

A kozeine se i kuulišt'.

— Mida, sanub, — sina voikad?

— A, sanub, — iilä ni mamad, ni papad.

— A, kuule, sindei mameiž da papeiž oma suuldud vedehižele, täambei tuloba sindei otmaha.

— Ka mii mili, niičukeine sanub, — pidab tehta?

— Ota sareil heinad tukk, regudehe pane da iče aigemba tege pidäteine, sädata platjeižehä sinun dei virita tohuz. A sina tukun keskhe mäne. A mina noreižen kädehe otan i kuna pääkahdab lähten sinunke. Sina iknad aveida.

Nece rouk niičukeine, može koumevozne niičukeine ott' necen pidäteižen lämeinke (karasinad ii olnu ka särez oli, sinna hiiled kerbotaze). Niičukeine necen pidäteižen sädat', tohusen virit' stolale, stolale mida siga ladi, iknan aveiž. Iče sinna hiiinan keskhe ličihe. Kozeine noreižen kädehe, kozeine läks' dorogad möto. Mäba, mäba, kuulištethe hahatesenke, hohotusenke asttaze.

— Oo, kackat, bardanke koza mänob.

— Mängat, mängat, koza sanub, — siga dö nevesta tiidatei varastab, lämeižed paletaze, iknad aveitud, stolad lattud.

No, hö kozad ii kosttud. A koza edeleze mänob. Kus mödmägenalle döksob, vastmägenalle šagul i pagetihe hö edehaks.

A hö tuldhe, kozal nähtaze lämei palab. Hodal tuldhe, tresnitihe päpolihe. A nece pidäteine derevänni ka ko-kol-kol lavale.

— Aa, nena ehti, nece koza om..., kükskam koza.

A kozad küksmaha mändhe, mändhe, mändhe... A koza mičchehe se derevneižhe tuli, taričihe öks, siid dö päiv proidi. A ned dälg kadotethe ka ii viitut i lüuta, senke i lähtihe.

Homesel kozeine lübij, möst necen emagan, necen niičukeižen piit' sinna i lähtihe edeleze, sanutaze: «Ii vei tuldeiž völ vastha.» Hö asttihe, asttihe, možet sanugam mičennijaha lidnha dö. Lidnha tuldhe. A niičukeine kazvii dö ii päivid möto, a časiid möto. Niičukeine tegihe, ka voib dö pesti i uberida. Kozeine taričihe emagale lapsenke, mise nece voib dö pesti lapsen i stereida.

— Vaise kozeine pidab beregiita, niičukeine sanub, — kut i mindei.

Zavottihe siid eläda, emag da ižand hiväd. Niičukeine siid dö kazvii lujas. A hiilazei plemännik eläb kus se siga. Plemännikal mugiižel že vozrastal rodnuze prihä. Nece prihä käuškanz sihe tötannu da dädannu i nece niižne hiile pondravihe. Hö dö kazdihe suurikš, ved' starin se teravas sanuze, a aig se ii muga proidi. Hö i naidhe. Naidhe i hiil dö siga rodihe päliči vodes laps'.

A mamm da batt' perdihe päliči kahtes vei koumes päivas, nähtaze, mise kac, pidäteine langenu, last iilä, dei kozašt' iilä. Sanutaze: «Naverno, i koza ottihe i laps' ottihe.»

Eletaze hö eletaze, muga dö ravastuthe. Hiile dö viiškinin vozin dei kuuzkinin vozin.

A necile niičele se melhe... Sanub: «Oliž libo ajada rodinale, völak oma milei roditeläd...»

— No, mužik sanub: «Lähkam. Löuned bude ka...»

— No, kel' Kijevaha vob. Küzeltihe, küzeltihe, derevnäha i tuldhe. Tuldhe derevnäha, taričihe öks dei. Niičuk dö, tütar se mehel, dei laps' dö hiilazei todud dei. Sanub:

— Oli ninga kons se, rahvaz pagištihe, mise oldhe suulduud mamm da batt' laps' vedehižele.

A mamm da batt' kactaze toine toižhe i voiktaze, voiktaze, voiktaze hänen tähte. Sanub:

— Miide laps' om, miide lapsen teddab. Kut hän miide lapsen teddab, mise mö olim, mina olin suulnu vedehižele.

Hö ii tekii, a hän se teddab dö: nene oma batt' da mamm. Hiil oli koiv

ištutet ikan alle, nu ka hän koivud möto tediš' necin pertin. Hot' niičukeine oli völ ii suur', a tundiš'. Koiv oli dö sangištunu suureks, sanktaks kaznu. No, potom necen kaiken hän stariniič mamale da batäle. Sanub:

— Mina ved se niičukeine. Kozeine mindei kajč. Ön magazin, kozeine milei käsk ninga tehta. Kozeine vei mindei ezmeižehe derevnäha.

Batt' da mamm voikud. Prošsendäd hänel pakitaze da, tervehtaze da. Voiktihe, voiktihe siid lapsudenke, siid gostihe, dei ottihe mamm da batt' dei lähtihe. Lidnas siga täambei eletaze.

ДЕВОЧКА И КОЗОЧКА

Жили-были тридцатилетняя жена и сорокалетний муж. Жена вела хозяйство: пахала, сеяла, боронила да держала коров и лошадей. А муж был моряком, уходил [в море] летом и возвращался домой обычно осенью, когда уже вода замерзала. Они оба подолгу не имели вестей друг о друге: тогда не было почты.

Однажды водяной поймал пароход мужа, остановил и никак не отпускает. Водяной говорит: «Отдай, что ты дома не знаешь». Он предлагал водяному все: и коров, и лошадей, и все имущество. Отвечает: «Нет, мне этого не нужно. А нужно только то, чего ты не знаешь».

Думал-думал мужик: «Чего же я не знаю? Все я знаю, что у меня дома, чего же я не знаю?»

Но нужно было согласиться: «Ну, ладно, чего я не знаю — возьми, только отпусти».

А явился он домой, так жена беременна. Вот чего не знал мужик.

Он говорит жене:

— Жена, — говорит, — я ведь плохо сделал. Видишь ли, водяной остановил пароход, и я ему обещал дать то, чего я дома не знаю. Я ведь не знал, что ты беременна.

Ну, вскоре жена и родила девочку. Девочка растет очень красивая. Растет она год, пошел второй. Девочка начала бегать. Они поняли, что теперь за ней придут.

Однажды утром, когда девочка уже умела ходить и говорить, мать и отец сбежали в лес, а ребенка оставили спать. Ребенок проснулся, плачет-плачут — матери нет и отца нет.

А козочка и услыхала.

— Чего, — говорит, — плачешь?

— А нет, — говорит, — ни матери, ни отца.

— Слушай, тебя мать и отец обещали водяному. Сегодня придут за тобой.

— Ну что же мне делать? — говорит девочка.

— Возьми в сарае тюк сена, положи в санки. До этого сделай светец, надень на него платье, на столе зажги свечу. А сама заберись в этот тюк. Я возьму в руку веревочку и пойду с тобой куда глаза глядят [букв.: голова понесет]. Окна оставь открытыми.

Эта бедная девочка, может быть трехлетняя, взяла светец с лучиной (кефросина тогда не было, был светец с лучиной и корытце, куда угли падают). Девочка приодела этот светец, зажгла свечу на столе, накрыла на стол что

было, открыла окна. Сама забралась в сено, козочка взяла веревочку в руку и пошла по дороге. Идут-идут и услыхали: кто-то с хохотом навстречу:

— О-о, посмотрите, коза бородатая идет!

— Идите-идите, — говорит коза, — там вас невеста уже ждет, огни горят, окна настежь, столы накрыты.

Но козу они не тронули. А коза идет дальше: где под гору — бежит, где в гору — шагом идет. И убежали они далеко.

А те пришли, видят — свет горит. Сходу вошли, треснули по светцу, а тот деревянный, так и покатился по полу: кол-кол-кол.

— А-а, черт возьми, это коза... Догоним козу!

И стали догонять козу. Идут-идут... А коза пришла в какую-то деревню, попросилась переночевать, а там и день прошел. А те потеряли след, не смогли найти да с тем и ушли.

Утром козочки встала, опять хозяйку, эту девочку, так же спрятала, пошла дальше и говорит: «Только бы не пришли навстречу».

Шли они, шли. Пришли они, скажем, в какой-то город, в город пришли.

А девочка росла не по дням, а по часам. Девочка выросла, так что могла уже мыть и прибирать. Козочка попросилась к одной хозяйке с ребенком. Сказала, что девочка может мыть ребенка и стирать. «Только козочку нужно оберегать, как и меня», — говорит девочка.

Начали они тут жить. Хозяин и хозяйка очень хорошие. Девочка уже выросла. А у хозяев где-то живет племянник. А у племянника в этом же возрасте сын. Этот парень начал приходить к тете и дяде, и девушка ему понравилась. Ну, стали они большими. Скоро сказка оказывается — время медленней идет. Поженились они, и через год родился у них ребенок.

А мать и отец девочки [тогда] вернулись через два или три дня, видят, что светец упал, ребенка нет да и козочки нет. Говорят: «Наверно, и ко-зу, и ребенка увели». Живут они, живут. Уж и постарели. Им уже по пятьдесят да и по шестьдесят лет.

А девушка-то поразмыслила и говорит: «А может, съездить мне на родину, живы ли еще мои родители...».

Муж говорит: «Пойдем, если найдешь дак...».

Ну, язык до Киева доведет. Спрашивали-спрашивали, и пришли они в деревню. Пришли в деревню, попросились переночевать. Дочь-то уже замужем, и ребенок у них с собой.

Она говорит:

— Бывало когда-то, в народе молва ходила, что отец и мать посулили водяному своего ребенка.

А мать и отец смотрят друг на друга и плачут, плачут, плачут. Говорят [отец]:

— Откуда она нашего ребенка знает, как знает, что я обещал водяному своего ребенка?

Они-то [ей] не узнают, а она-то знает, что это ее отец и мать. У них под окном была посажена береза, она по этой березе и узнала свой дом, хотя тогда была маленькой девочкой, а береза уже выросла и стала мощная.

Ну, а потом она рассказала обо всем матери и отцу:

— Я ведь та девочка. Козочка уберегла меня. Я проснулась, а коза велела мне сделать так-то и так и отвезла меня в ближнюю деревню.

Отец и мать заплакали, просят у нее прощения да целуют. Плакали-плакали они со своим дитятком, потом угостили, и поехали отец и мать с нею в город, где и сегодня живут.

2. MIŠKA I MAŠA

Eletihe baba da deda. Hiil oli vonukeine Maša. A hänel oli mamm da batt' se koldud, a bab da ded se vonukeižen kazvatethe. Kerd ninga zavottihe:

— Babuška da deduška, pästkat tiide Mašad gribihe.

— No ka algat zablutke, algei Mašad dätkei.

No, a niičukeižed mecad möto lähtihe da kaik kogotaze da ukutetaze: au, au, au. A änt Maša kuule ii dei Maša zabludilas. Pidi kodihe tännä kätäze päivale mödha, a hän, rouk, kändihe nakkana. Voikab. Töuz' burakeine gribid i segii.

Astj, astj, tegihe dö hämär. Pertine tuli, hän pertižehge i mäni. Mäni, ka siga Miška-medved' živöt.

— Oo, Mašenka, tulid, pane gribeižed nakhu i milei eci täid, kabiče pä. Maša, rouk, ištihe, voikab, voikab, voikab. Mišal kabič pän.

— Dei pajata.

Hän: «Baju, baju Mišad, baju, baju Mišad.»

— Ed muga.

— Kutžo? Maša sanub. Ii teda kut pidab Mišad bajutada. Kuspei se oli kuulnu, mise lapsid bajutetaze: baju-bajuški, baju!

— Vot kut bajuta: «Baju-baju Mišad, soupta silmeine, soupta korveine, umbišta neneine.»

Hän, rouk, voikunke se: «Baju-baju Mišad, soupta silmeine, soupta korveine, umbišta neneine.»

Miša i uinoz'. Miša dö hrappib magata. A hän pordhile i läks'. Ištub pordhil i voikab ka, voikab ka, voikab ka. Döksob höbo.

— Mida, niičukeine, voikad?

— Baba da deda kodiš, a mina kondijal kobras.

— Ištte milei raccile i pidelte grivas.

A Miška herästihe ka Mašad ilä i pajata ii.

A höbo döks', döks', a höbo lapsenke sötaki ii lujas döksnu.

— Hrap, hrap! Miška tuli da hänel tagadougad ranič, ranič dei Mašan tagaze ott.

— Mikš pagened?

Mašal dö kaik sijeižed säreitaze.

— Živo mindei uinota!

Maša möst voikunke:

— Baju-baju Mišad, soupta silmeine, soupta korveine, umbišta neneine.

Möst Miša i uinoz'.

A siid üks' lehm mänob mecha hätkestunu. Hän dö möst pordhil ištub da voikab. Lehmeine nece proidub dei [sanub]:

— Mida, niičukeine, voikad?

— Ka deda da baba kodiš, a mina kondijal kobras.

— Ištte milei raccile dei sarviš pidelte vahvemba.

Nu, a lehmal udar'ninkine ka... Dökselob, dökselob, lujasik döksed.

Миška heraštihe, möst iilä Mašad. Möst läks' küksmaha. Küks', lehman ranič, kaiken udaren rasti dei Mašan ott'. Posadaha lehm tuli nagolo veres.

— Avei, entä mii om tehnuze?

A baba da deda dö täga iini varastagii. Raz dö niičukaš' ii tulnu, toižed tuldhe dei lapsed sanutihe, mise: «Em nähtud dö amu Mašad. Maša dö segii, kac. Mecha om pootnu kondijale. Sönu om dö kondi.»

Kondi:

— Uinota mindei.

Möst Maša-rouk kačei.

— Baju-baju Mišad!

A meles se sanub: «Iinä ehti Mišale. Mišale necile pideiž viičel ajatada kurkhu, ka kut pidab ajatada? Vaitti, pidab hitrostid väheine.»

— Baju-baju Mišad, soupta silmeine, soupta korveine, umbišta neneine. Miša i uinoz'. Homesel lübji.

— Miša, miil iilä nimida ka.

— Mida olda?

— Ka iilä miil ni čainikad, iilä ni katläd, iilä miil ni krupad.

Miša siičas bazarale mäni, siga rahvaz pelgastuthe kaik. Hän mida pidi ott': čainikad i posudad i krupad. Mida pidi ott' kaiked Mašale i taššib gurbal havadid kogonaze.

— Kac, na.

No, Maša se kodiš nägi kut baba kiitab. Hän, rouk, kiitab.

Eläškathe. Eletaze Mišanke. Mida, eisa niikeine mända kodihe ka: küksob dei..., ii völ sö ka. Eletaze. Kevaz' dö tuli. Talven Maša i eli, gorä, Mišan pertižes. (Ka, hän völ toižen kerdan sanunu: «Eilä miil ni sobid, iilä miil ni odälid da...» Miša möst mäni bazarale, dei möst bazaral odälid i pölusid i matrasid i kaiked vargast'. Mišad pelgastutaze rahvaz, pagetaze, mise kondi bazarale tuli).

No, eletaze, eletaze, kevadel lähtihe: pidab hougod zagotouda. A päiveine paštab. Maša se sümha ištiihe dei Miša se sanub:

— Milei om uni, Miša se sanub.

— Nu ka uni ka vere, vere, mina silei täid ecin.

Hän dö, Maša se, ii ni vareida nuguni händast, teddab, mise ii sö ka.

A hän päipaštol kabič, kabič hänel pän, Maša se, näggob, mise dö fureidiitab nagolo. Hän (Maša se) ku ottab da viičel Mišale... Hän vaise: khh...

Maša [sanub]: «Slava tebe gospodi, kondijan olen riknu.» Kodihe tuli tropašt möto kudambel höbonke da lehmeiženke se aji, da dedei da babii ii uskkii, mise Maša om tulnu.

— Ka kuspei sina dävitii? Ved počti dö vodes ed olnu.

— Ka olin kondijal kobras, da kacu, kondijan olen riknu. Lähkam vei, elod om mii kandižu.

Posadas höibiid ottihe da tuldhe, elo kaik kondijan pertižes ottihe, karstihe dorok se, dorok se kaid, dei telegiile valdhe dei kahtel podvodat kodihe todhe. Dei Maša živa, dei muga i eletaze, dei täambei siga eletaze.

МЕДВЕДЬ И МАША

Жили-были бабушка и дедушка. Была у них внучка Маша. Мать и отец у нее умерли. Бабушка и дедушка воспитывали внучку.

Однажды [подружки] говорят:

— Бабушка и дедушка, отпустите вашу Машу за грибами.

— Но только не заблудитесь, Машу не оставьте.

Ну, девочки разошлись по лесу, собирают [грибы] и аукаются: «Ay, ay, ay!» Но Маша голосов не слышит и заблудилась. Чтобы пойти домой, нужно повернуться солнцу вслед, а она, бедняжка, повернулась не туда. Плачет. Корзина полна грибов, а она заблудилась.

Шла она, шла, уже стемнело. Увидела домик, вошла в домик, вошла, а там Мишка-медведь живет.

— О-о, Машенька пришла! Клади тут грибы и поищи у меня вшей, чешется голова.

Маша, бедняжка, села, плачет, плачет, плачет. Скоблит Мишке голову.

— Пой!

Девочка:

— Баю-баю Мишу, баю-баю Мишу!

— Не так!

— Как же? — Маша спрашивает. Не знает, как нужно баюкать Мишку. Когда-то она слыхала, как баюкают детей: «Баю-баюшки-баю!»

— Вот как баюкай: «Баю-баю Мишу, закрой глазик, закрой ушко, закрой носик!»

Она, бедняжка, с плачем:

— Баю-баю Мишу, закрой глазик, закрой ушко, закрой носик!

Мишку и уснул. Мишка уже хранил. А она вышла на крыльце. Сидит на крыльце и плачет, плачет, плачет. Бежит лошадь.

— Чего, девочка, плачешь?

— Бабушка и дедушка дома, а я в руках у медведя.

— Садись на меня верхом и держись за гриву!

А Мишка проснулся — Маши нет, не поет.

А лошадь бежала-бежала, но с ребенком все-таки медленнее бежала.

— Храп, храп! — Мишка подбежал и поранил лошади задние ноги, а Машу отобрал. — Почему убегаешь?! — Маша вся дрожит. — Живо усыпь меня!

Маша опять с плачем запела:

— Баю-баю Мишу, закрой глазик, закрой ушко, закрой носик!

Опять Мишка и уснул. А тут идет по лесу припозднившаяся корова. Маша сидит опять на крыльце и плачет.

Коровушка проходит мимо:

— Чего, девочка, плачешь?

— Дедушка и бабушка дома, а я в руках у медведя.

— Садись на меня верхом да держись крепче за рога.

Ну, а у коровы вымя такое — бежит-бежит, но быстро ли побежишь!

Мишку проснулся, опять Маши нет. Опять помчался догонять. Догнал, поранил корову, все вымя разодрал и отобрал Машу. В деревню корова пришла вся в крови. Авой, не знают, что случилось...

А бабушка и дедушка уж и не ждут ее, раз девочка не пришла. Другие дети пришли и сказали, что уже давно не видели Машу. Маша заблудилась, наверно, в лесу и попала к медведю. Наверно, медведь уже съел ее.

А медведь:

— Усыпь меня!

Опять Маша, бедняжка, качает:

— Баю-баю Мишу!

А в уме думает: «Черт бы побрал Мишу! Ему бы надо воткнуть нож в горло, но как это сделать? Нужно немного хитрости».

— Баю-баю Мишу, закрой глазик, закрой ушко, закрой носик!

Миша и уснул. Утром проснулся.

— Миша, у нас нет ничего.

— Что должно быть?

— У нас нет ни чайника, ни котла, нет у нас и крупы.

Миша быстро пошел на базар, там народ испугался. Взял он там что нужно было: чайник, посуду и крупу — все взял для Маши и тащит в мешке на спине.

— Вот, возьми!

Ну, Маша дома видела, как бабушка варила. Варит она, бедняжка.

Начали они жить. Живут они с Мишкой. А что, домой идти не с кем, поймает. Хорошо, что еще не сгрыз. Живут они. Уже и весна наступила. Зиму Маша прожила, бедняжка, в домике Мишки. Наступила весна. Да, она в начале зимы еще раз говорила: «Нет у нас ни одежды, ни одеяла». Мишка ходил на базар, украл там одеяла, подушки и матрацы. Народ испугался: Мишка-медведь на базар пришел!

Ну, живут, живут они. Весной нужно дрова заготовлять. Печет солнышко. Маша села поесть, а Миша говорит:

— Мне спать хочется, — Миша-то говорит.

— Ну, хочешь — так ложись, я у тебя вшей поищу.

Она, Маша, уже не боится теперь его, знает, что не съест.

Она на солнышке поскребла, поскребла у него голову, видит, что он уже храпит. Маша взяла да Мишку ножом... Он только: кхх..

Маша: «Слава тебе Господи! Я убила медведя».

Пошла домой по тропинке, по которой ехала на лошади и на корове. А бабушке и дедушке не верится, что Маша пришла.

— Откуда ты явилась? Ведь почти год ты не была дома.

— Была я в лапах у медведя, но медведя я убила. Пойдем за добром, которое медведь натаскал.

Взяли лошадей в деревне и все добро в домике медведя забрали. Расчистили дорогу, дорога-то была узкая. Взвалили на телеги и на двух подводах привезли домой. Да и Маша жива. Так они и живут. И сегодня там живут.

3. REDUVARVEI

Eletihe mužik i akk. Hiilazei oli üks' tütar. Mamm läžuškanz i kol'. Mužik oli völ nor', tütar kazyvatada, ka hän ott' i nai toižen kerdan. Hänele puutjii akk dägi-baban sizar. A sizarel oli tože niičukeine — Varvei. No vot. Ezmei hän ii rohtnu abidiita lujas, a potom necen tüturen zavodi abidiita, emindam se. Löumad da reduradod andjj. A toine nimida ii tegeskelnu. Dažo hänele döugad, Varveile se, pezeskel' nece gorä niičukeine, mužikan tütar se. I kaiken lehmad tilkeideli, döuhon kivel i kaik sijad radjj, lavad pezi i sterei. A hö mamanke guleitihe, da södhe, da dödhe. A hän, kacu, pahemb rabotnicad, kodiradnikad. (Ende mijal sanutihe kazačihaks.)

No, ninka, hö ii edahan eletud lidnaspei. A siga zavodihe praznik. (A mijal ende praznik oleskel' ka koume päivad.) A nece mamm se, emindam se, gotoviže tütrene sinna dö praznikale. A hänele [mužikan tütrele] andab radon mugoman löuman. Hö dö iče kaik modnicad sädihe, sädihe hivin. Duumeitihe, mise, kacu, siga Ivan-carevič spolübihe hänehe, navediškandob händast. Hö täambei dö lähtoba. Hebo vallästet dö.

Hänele ottab da segiitab touknan (nece kagras tehtaze, houttas) i tuhkan. Nu i [sanub]:

— Kac, mise miihessai oližid tuhkan i touknan erigiitnu. Mö lähtem praznikale, guleimaha Ivan-carevičannu.

A konz mamm se kol', ka sanji: «Silei konz mida ii töodu, ka sina tule minun mogilal voika i mili kaik stariniiče, a mina mida voin ka...» (necen hänen rodni mamm se näraidiič).

Hän, gorä, dogabi: «Vaitti, lähten mamannu.» Mäni, maman mogilal voik ka, voik ka, voik ka...

— Ka mida, tütar, voikad?

— Ka milei tötuško-dädinuško dätt' touknan i tuhkan segoit' i käsk hiide tulendaks erigiitta, a iče lähtihe praznikale.

— Ala voika, tütar. Ota viič, mäne mežale da vozdeine viceine se kazvab, ka čapa viičel viceine, da tule da ninka risthaze paina i sanu: «Toukun mäne burakoho, a tuhk mäne ledehe.» Koume kerdad tege muga i kaik iče erigan-deb. A iče sina säte, kacu. Mina hebon ougotan, hiväd platjad ougotan i aja sinnažo praznikale, vaise aigemb kahttoškimed časud kodihe tagaze tule, edel hiidaze. Hiileze silmile ala puutu.

Hän muga, rous, i tegi. Mäni siičas pöudole. (Pöud oli silei läheli naku.) Vican necen čapii, koume kerdad risthaze tegi: «Toukun mäne burakoho, tuhk mäne ledehe.» (Ledel ende kaik kiittihe katlás: kašš dei kaik. Aigemba oli kaik nogirad. Ii olnu ende pliitid.)

No, hän ihastii: «Slava bohu, kaik om nece rad ratu.» Mäni siičas iknal. Tuli, ka siga dö hebo döksob, vožžispei lähtob dö lämii. Hän siičas mäni korvha, toižes korvaspei läks', krasavicaks tegihe, sobad hänel kaik hiväd, päs šläpeine, döugas bašmakeižed, hebole raccjile i döste sinnažo praznikale. Dorogal necen tötuškon-dädinuškon da sizaren necen küksob, hiile völ pletil andab i edeleze ajab. Siga nähthe ningine krasavica hebol, tuldhe ka slugad carin da i iče daže car', nu hänen kädes ottihe i poveli händast sinna komnatihe.

No i narodad äi tuli kaikes, kaikes okrugaspei. (No silei väha völ narodad oli, no sorono kogozihä äi. No, silei oli starinni mod: ii tetud torelkiile antta, kaik mijal ühtes miskas södhe. A lihän čapeltihe, derevänni mugiine, tellikš nazivaihe, täga ručkeine pičukeine.) Nu ka hö miskad ne södhe, södhe, södhe, a potom pidab lihää kruušta ka.

Ivan-carevič ižand ka, Ivan-carevičale antihe kruušta, viičen dei: «Na, kruuši.» A potom hö hubetaze sinna stolile. A hö dö išttaze ii edahan nece hänen tötuško-dädinuško da sizar. Konz Ivan-carevič zavodi lihän se kruušta ka: «Ivan-carevič, anda mili luuhut kabita.»

Ivan-carevič ott' da meti, meti, meti dei döugha i tresni.

— Avei kibed, kibed, döug kitten', doug kitten', doug kitten'.

Mamaze:

— Ištte, vaitti, panem silei koukuspei döugan, ala kubahta.

Louna lopihe. Zavottihe guleida kaik. No silei külid möto guleitihe. Guleitihe, guleitihe, a lähtta dö pidab. A mamm nece döunganke se, gorä, ningoman kibedanke, mäni da kus se siga tanhal lüuz' batogan, vest', vest' da koukun pani dei bašmakon möst necin (vei sapkan) dei mugažno kodihe ajetaze. A necile adivole mugažo pidab lähtta kodihe.

A nece se näggob, mise... Nu ka hän ott' da pani necen pelen tervaz', necen uksen se. Nece proiduškanz' adiv se ka kädel se ninga tarti dei sihena kolceine i däi. Hän kormanaha necen kolceižen ott', a adiv döste, döste dei höbole dei hiidaze ümbärz' dei tuli höbon möst tagaze kudambes korvaspei oli lähtnu, sihe mäni, tagaze läks', höbo dö kadji, iče dö möst ištub iknaveres.

A hän dö ajab siga türenke nakka kidoštab hänele dö:

— Mugoine dö sina mugoine rosomaha, reduvarvei, a minun tütär päivan Ivan-carevičanke gulei dei döug katten'.

A hän se ii ni kubahta. Sanub vaise:

— Oukha, oukha, kelleni pidab guleida, oukha.

— No, tegidik radon?

— Tegin, tegin, tötuško-dädinuško.

— Aa, hitri čort, necen et sina tehnu, a silei necen mamm om tehnu.

Homen (möst proidi nece ö), homesel möst dö sädaze bolnijanke... Ön läbi nece niižne vovotanu, vovotanu, mise döug om ningine kibed, a homen möst pidab mamazeke praznikale ajada. Möst sädat', da: «Vouvota ala, pidab Ivan-carevičenihoks silei sada.»

No, södhe. Nece möst goräle lähttes ott' da šonan da letken segeit'. Möst segeit' i [sanub]:

— Kacu, silei rad, mise šon oliž eriži, a lete oliž eriži.

Gorä möst voik, voik, voik. Mii pidab tehta? «Lähtta möst maman mogilale.»

Mäni mamalaze mogilal voik, voik, voik. Sanub:

— Mama, mama, kacu, tötuško-dädinuško läks' türenke gostihe, a milei om dätnu šonan i letken segeitanu ühthe erigiitta.

— Ala, tütär, voika. Mäne ota viič, mežal kaksvozne vezeine čapa da tule da koume kerd sanu: «Kut nece šon mäne posudinaha, a lete vereile, kuspei oli todud.» Dei tože praznikale tule, höbo, kac, liineb voumiž.

Nece, rouk, ihästii, mäni pöudho, vezeižen čapi, tuli, koume kerd rasthaze tegi, ned sanad sanii, mise: «Šon mäne eriži, a lete mäne eriži.»

Näggob, kaik, slava bohu, kaik puhtaz. Mäni iknalle, möst dö höbo tuunu dö sihe, vožžišpei lämei lähtob. Teraveidesti koverzihe, korvas mäni, toižes läks'. Möst tegihe krasavica, sobis hiviš, ni tundištada, ni tedištada iisa. Möst ištiihe höbole, läks', ajab. Küks' necen tötuškon. Hö ajetaze telegal. Höbo sambul astub, a hö ved höpötesel ajetaze. Mahni völ hilleze.

Möst i tuli vo dvorec. Händast vastataze Ivan-carevič, kaik slugad i kaik. Ičežo [Ivan-carevič] vasttab, kädes ottab, möst dö vödaze sinna.

A hö dö siga (može hiid oli koumesadad mest')... Möst louna tegihe, möst louna se sädaze ühthine kaik, a potom dö lihän krusiškanz möst Ivan-carevič. A hänele möst ii terpte necile Varvejale:

— Ivan-carevič, anda luuhut kabita.

Ivan-carevič meti, meti da sormhe i meti. Sorm i katten'.

— Avei, avei, sorm katten'!

Mamaze [sanub]:

— Ištu vaitti, panem plaškan. Vestan plaškan, peršatkan pad.

No, muga burbotesenke läks'. Eglei döugan ninka tehnu, täambei käden. Niižne gorä, muga nagolo bolni. A babeile völ pidab guleida.

A nece [tütrindam] päivan gulei, gulei, ehtkižel läksiškanz, näggob, aigad om äi. A kündusehe se pandut tervad. Hän pougob kündusehe, bašmakoiné üks'i däb (kolceine om eglei dänu).

Kodihe se tuliskathe, ka hö möst ajetaze mödha. A nece niižne teraveidešti tuli, höbon päst', korvas korvha män, da möst ištub, varastab tötuškon.

A sigapei dö kidoštab, ajab:

— Aa, sina, redumajak, ed got'te nikuna raffaze. Minun tütar päivan Ivan-carevičanke gulei. Sorm kädes katten', muga gulei.

A hän se ved teddab, mise sormele luuhudel painnu Ivan-carevič: «Ala pakiče luuhutt.» Hän [sanub]:

— No, hivä om, hivä om, tötuško-dädinuško, kelleni pidab guleida.

— Oledik erigiitnu šonan da döuhon?

— Erigiitnu olen.

— Aa, hitri čort, sanub, — ed sina ole erigiitnu, a erigiitab sinun mamm.

Homen om völ praznik. Homen nece niižne pidab tulda. Homen dö dättab släpežen. A potom hän [Ivan-carevič] eciškandeb. (Kacu, oldhe prostiad havadod: ii küzu, kuspei sina, niižne, oled, a tervataze kündusen.)

No, homen möst ninka... Ös ii magada Varvara se, tötuškon tütar se. A hänele möst dö neceverz' rugiš' döuhod toi, mad polostalpei toi, segiit' [sanub]:

— Kacu, silei rad päivaks, mise oliž erigiittud döuh eriži. (Vot oli vredni akkulu.)

No, hö möst sanutaze: «Mö lähtem praznikale.»

Praznikale lähttaze. Tütren ladi, ladi, ladi, sädat', sädat', hivin pezi, döugad pezi, käded, peršatkan pani, döugan käralz' siga, puudöugan, puuven sidei (kuti minagi) paikal. Nu, hivä om, pidelkahaze döukkouk. Lähttihe, ajetaze.

Hän, gorä, möst voik, voik. «Lähtta mamannu, mida mama sanub.» Tuli, maman mogilal voik, voik. Mamaze sigapei:

— Mida, tütar, voikad?

— Ka, kac, tötuško-dädinuško dätt milei döuhon da man erigiitta, iče lähttihe praznikale.

— Mäne mežale, ota koumevozne veza, tege koume kerd ristati, sanu: «Döuh mäne burakoho, a ma mäne polostale.» Dei erigandob.

No, necen radon radei niižne. Teraveidešti mäni, höbo dö siga siižub. Möst dö hän korvas mäni, tojžes läks' krasavica. Ištjhe hebole möst dö. Dälgmeime päiv dö nece praznikad siga. Möst dö siga vastatihe händast kaik dei slugad dei eiveigi uffat'ta. Mätä kuspei nece niižne tulob i kuna lähtob. Mätä kenen om. Ninkomal höbol tulob da ninka sänuze. Kaikiš paremb om sänuze.

No, guleitihe päivan. A möst sümha se ištihe, a nece niižne lihän se Ivan-carevič zavodi kruušta, möst ii pideiž kelele se pakita, ka hän:

— Ivan-carevič, anda luuhutt kabita.

Ivan-carevič meti, meti dei oiged silm hänel pakkji.

— Avei, kibed, kibed, mama, silm päs pakkji.

— Ištu vaitti, lambhan silman pam.

Mända mäni dälges lounad ninkine gorä kibedahne: silm päspei lähtnu.

Nece niižne päivan gulei Ivan-carevičanke. A hän dö homen keradab sbo-ran. A kaiken sanub, mise sborale tulizid. A täambei hän lähtob, ka hän

ülähan pelen se void', a hän ii lujas kovernuze, šläpeine se sihe i däi tervha. Iče teramba hebole dei oli muga. Kodihe teramba tuli, hebon päst', korvas koverzihe, läks' möst toižes, mugiine žo gorä redumajak. No, sobid ii olnu nimida, hän ii ni sädatanu ka.

No, nene ajetaze siga. A babii se nece, Varvaran mam se, mäni sinna, carin dvoral lambhid oli kogo, lambhan tabaz', silman kaivi, tütrele pani, pereväskan tegi. Ajetaze kodihe. Möst dö kidanke ajab:

— Sina mugeine, mugeine, ištud kodiš reduvarvei. Minun tütar päivan Ivan-carevičanke gulei, mise silm päs pakkii.

— No, hivä om, hivä om, tötuško-dädinuško, kelleni pidab guleida, sanub, — pust' dumalanke guleib.

Homen pidab (sbor om siga Ivan-carevičal, nece oli mitteni äipäi-nedal') kaikid kerata kuudestoškimes vodespei kahthekimheviidhe vodhessei kaik krugom mii om, kaik mise tuldeiž märičemha hänel nene predmetad ne: kolcašt, bašmakod i šläpäd.

Päiv märitihe. Kaiktäpei sinna tuldud. Mugažno babei se bolnijan vedi sinna. Ii dö sida kätt annu, andji necin käden. Pezi, pezi, može, sanub, sättub. Ni bašmak ii sättu. Döugan mama pezi türel, toižen zdrovijan döugan se. Ii, nimii ii sättu... Kelle suur', kellegi pen', kellegi suur', kellegi pen', ii sättu. Senke päiv i proidji.

Möst toižel päival ehtkižel möst sežo sbor. Möst märič, märič. Ehtkižel se sanub:

— Mise kaikutte zdroovi i bolni kudamb voib ištta, mise kaik oldeiž todud tännä.

Kutžo nene kolceine, šläpeine i bašmak... Kus se om mugeine ristit.

No, homesel se nece sääškanzihe. Hän i sanub:

— Tötuško-dädinuško, ota mindei.

— Oi sina, nena ehti reduvarveile, min sina pad päle?

— Ka mindei, sanub, — vöd da vastan alle katalda, mindei krepi vastan alle, mina män čugaha da vastan alle kata.

No, ott', ott' necen tütrindaman se. Nece, roukiine sănuze mugiižihe redusiižihe, mitte oli, min dö sädatjii. Kuna žo mäned siičas.

Märitihe, märitihe, märitihe kerd, toine, koumanz'. Koumanden proiduškanz dei kut se Ivan-carevič vei hänen pomošnikad nägištethe. Sanub:

— A naku se ken om?

A babei se:

— Oi, nece om miide reduvarvei, nece redusiine, muga om kacmaha tulnu.

— Ii, sanub, — oukha hot' mitte, pidab dö märita.

Ka ezmei märič döugha bašmakon, ka i bašmakiine sättub, ka kolceižen märič, ka i kolceine sättub, ka šläpeine kakras.

— A, sanub, — kusžo sinun sobad oma?

— Pästa mindei kodihe.

Hän kodihe läks', tuli mamazennu. Mäni mamaleze voik, voik, voik. Mamaze höbon hänele sädod. Askei i tuli hänennu vo vsei krase se tuli hänennu.

A sed tuldhe da: «Nä silei nena ehti, nä silei nena ehti, kacu miide nece om mida tehnu.» Händast ii hivin, pahiil saniil hänele (necenzurniil), gorän nim-itab.

No, svadib pidab terambla väta. Svadban zavottihe gutovit', a hän siga nüüne ii vii nimidi: koume ranenijad om ninkošt'ka. Pidab nevesta tehta habeile se. A täambei dö tuloba otmaha nevestad, a homesel nece tötuško-dädinuško sanub:

— Sina ninkine, ninkine bläid-blädine, mäne läbi minnu döugis, mäne läbi höbon längis.

Nu i ougel' paimnehe ubehid (ubehed ned oldhe varzad, ii völ ratud, nu, kaks' vott, koume vott).

A ženihod dö täambei tuloba hänehe. A hän dö sobad kaik rastei, miččis hän oli männu Ivan-carevičannu se nu i tütren südat'. (A silei ved' krepeltühe kaik rožu ka nevestil se.)

Svadib täga svadbiitihe, tuldhe svadbal, nevestan necen antihe kattud. Hän tehveht' huuled. Ištihhe, sõdhe da dödhe.

A hän dö siga pläivan randad möto varzid ajelob da voikab: «Milei pideiž olda nevestan, a kac, püst' mindei ubehid paimnehe.»

No, ajaškathie ründad se vert' möto dorog se, hän i kidoštub:

— Koukdöug vedetaze, plašksorm vedetaze, lambhansilm vedetaze.

No, siga druškad ne i kuulisteteh. Sunutas:

— Mii nece kidoštub se?

A nevesta sanub:

— Nece om meleslähtau nüüne da nece toko ubehid paimendab.

Kacuveigi sinu. Hän möst edahampei se ka ii elgeki kaiked.

— Ka tule lähemba.

— Koukdöug vedetaze, plašksorm vedetaze, lambhansilm vedetaze.

— Tule, tule lähemba, em kuulkei, mida, mida?

— Dergigat vei sapug döugaspei.

Sapug dernitihe, ka-siga kouk.

— Hiitkat peršsatk kädespei.

Peršsatkan hiittihe oiktas kädespei ka sormed illä.

— Lekat vei paik.

Lambhan silm.

No, necida se i ottihe. Hän kaiken stariniič, misse mindei ninka i ninka tötuško-dädinuško tegi, homesel püst' mindei ubehid paimnehe, a ičeze tütren om südatanu.

Necida ottihe, ričitethe, a nece nüüne sõdute the, a necida sildan alle ličike, mis mamm oli rod'nu, alasti.

No, proidub dö aigad ühtsa kuud. Babei siuna aja ii, mäne ii döugei, riža ii. (Mugine oli rahvuz, törmijad ka.) I kut se kuulišt', ühtsu kuud oli dö proidu, misse rodi siga poigan, nüüne se. Hän dö kuulišt', misse Ivan-carevičan akk om poigan rod'nu, ka nece bären tüür om rod'nu, a hän illä i nähnu händast ka. A nece, duumeib, paimendab ubehid, a može om dö kununi kolnu dei. Ti ni teda babei nimida vuusö, babeile nikeda sanjad eilä.

Lüks' rižamaha. Astj, astj, astj nece babei se. Sild tuli. Sildeine preitta, no, sildeine piévine, pened ojašt' möto, može koume pardutt. I kazvah dö siga butkine. «Öi, otta vonukeisele butkine, vonukeine om rod'nuze.»

Bulkiken se zavodi kutkeita, hän siga:

— Öi, mamenka, kihed om!

Hän völ lujemba.

— Öi, mamenka, kihed om!

— Ka kuspei ristit pagižeb?

Hän völ lujemba zavodi katkeita.

— Avei, mamenka, kibed om!

Ka sildeižen alle kacuht', ka tütar dö kaik dö hapanu.

— Ka, kacu, ninka i ninka, mama, sanub [tütar], — konz mö ajim svad-baha, ka hän kidoš', kidoš' i mindei oma lükeitut.

— No, sorouno, sanub, — liined dö carevnan. Lähten nuguni, sorouno viživin händast, viživin, viživin.

No, tuli möst, türen kilbetpertesehe dätt', tuli ihastusiš. A nece se rouk i pel-gastii, tediš', mise tötuško om tulnu ka. Ivan-carevičale ii sanu, mise, kacu, tuli, ka midani teggob. No, tuli, zdrovki, votkut nimiš nimida iilä. No, pidab rožonicale kilbet' lämbitada. Aigemba oli maner mugine: rožonicale kilbet lämbitethe, laps' vödhe osobo, a rožonica — osobo. Ii olnu ved' bolniciid dei nimida.

Kilbetihe toi, lapsen pezet' dei siga andei može mičennijad sobad hänele, a nece sobad ott' dei hänele sanji:

— Bläd, blädine, mäne läbi döugiš, mäne läbi längiš.

Hähned letaze.

— Mäne, lendle hanhideke.

No, necen türen pezet', sätat' hänen i spalnijaha vei. (No, aigemba malitvohossei mužik ii kärnuze akha. Proidub dö kuuz' nedalid, askei dö cerkvaha mäned dei lapsenke malitvon otad dei askei völ mužik razrešitsa tulda sijale.)

No, kuudes nedališ Ivan-carevič nimida teda ii. Laps' voikab mi močud, last lat'ta ii vii, nižad antta iilä, kus oma nižad hänel. Pen't sötta ii toukii maidol dei ni mil. Voikab öd läbi.

Kerdan ninka hanhed ne letaze, a üks' han'n se laskihe. A paimen paimendab. Sanub:

— Paimnut, kes sina oled leibil?

— Ka mina olen, sanub, — Ivan-carevičal.

— A siga voikabik, sanub, — lapsut?

— Voikab, sanub, — öd läbi voikab laps'.

— Ole sina hivä, to sina homen, pakiče sina Ivan-carevičal. Sanu: «Anda milei kašlihe laps', käralkat.» Može soglasiže. A mina händast homen imetan.

A paimen tožo oli prosti, ii dogadnu, mise hän om hänen akk, miš tezi, mise hänen akk om.

No, sanub:

— Probin, probin pakita.

Homesel zavodi sätaze, sanub:

— Ankat laps' se, tiil öd läbi voikab.

Dei batt' se abutab last kacta, ka nimil ii lat'te. A laps' nälgal voikab.

— Ankat milei laps' se, käralkat da kašlihe. Mina, sanub, — keljide keskes da päivan pidan, ka može laps' paremba magadaškandeb.

— No, ka otned, ka dö ota, ota, ota.

No, paimen lapsen kašlihe pani, stanaha toi sinna. Kaccub poliš päiviš, ka dö lendab üks' stada.

— Hanhuded, hanhuded, iik ole mladencan mamad?

— Iilä, iilä, iik oletoižes.

Toine stad möst lendab.

— Hanhuded, hanhuded, paimen se kidoštab, — iik ole mladencan mamad?

— Koumandes om, koumandes.

Koumandele:

— Hanhuded, hanhuded...

A hän dö i laskeze. Tuli, suugad kustan alle taci, lapsuden ott', ka voik, ka voik, ka imet', ka imet', ka laps' küläks imi, imi, ka laps' uinoz', ka last terveht', tervehtades käralz' dei kašlihe pani.

— To homen. Liinedik hijal?

— Liinen mina, sanub, koume päivad, hiil om äi lehmid.

— To sina homen völ, ole hivä, pakiče, anttaze. Sanu, mise magadab keljide keskes.

A laps' küleine, ka magadab.

— Sina ala sanu, mise olen mamm, — keld' hän paimnen.

Homen möst paimnutt se čajun d'ei, sädihe:

— Ankat laps' se milei möst kašlihe. Mina, sanub, — lehmide keskes, da keljide keskes laps' päivan i magadab.

No, hän:

— Ota, ota, hivä mel' babiile, — ota, ota, laps' päivan ii voika i ön magadab.

— No, nece tuli, möst dö tuli pol'päjad, hanhed ne letaze. Potom dö hö lämha maha lähtoba, süguzel se.

Möst hän änestab:

— Hanhuded, hanhuded, iik ole mladeiceižen mamad?

— Toižes iik ole stadas, toižes.

Toine stad lehdab.

— Hanhuded, hanhuded, iik ole mladenceižen mamad?

— Kacu, koumandes om, koumandes.

Koumandele ii pida i huikalta. Mamm dö teddab, ka laskeze. Suugad möst piiti kustan taga. Möst lapsuden ott', imet', imet', voik, voik, voik.

— Paimen, ole hivä, to sina homen, pakiče last. Mö homen dälgmeižen kerdan necida sijad möto lendam, mö dö lähtem lämihe maihe. Milei dö enamba last nähta iisa. To homen kašliš, pakiče, mina völ homen imetan. Ala sanu vaise Ivan-carevičale.

A Ivan-carevič homesel se sädataškanz lapsuden se, sanub: «Kacu, laps' se lehmide keskes da keljide keskes ka i magadab ön.» Ii ved' tekii, mise mamm om imetanu.

Ivan-carevičale paimen se sanub:

— Kacu, hanhide keskes tuleskeleb hanh üks', laskeze i taccib suugad i lapsen imetab i voikab, voikab, voikab i täambei dälgmeižen kerdan tulob.

— Ka nece om, sanub, — minun akk, minun akk. Lapsen imetab, ken žo, kuspežo tezi.

Hän oruždän ott', piitihe kustide taga, kuna hanh suugad taclob, ka sinna i piitihe.

Hanhed möst letaze, paimen se i huikutab:

— Hanhuded, hanhuded, omik mladenceižen mamm?

— Ka toižes, toižes stadas.

Toine stad lendab.

— Hanhuded, hanhuded, omik mladenceižen mamm?

— Kac, koumandes stadas.

Koumanz' stad lendaškanz, ka hän dö laskeze. Suugad fisni, a Ivan-carevič sel aigal ott', spičkan tegi dei suugeižed nene puut'.

Hän lapsen ott' da imet', imet', da voik da. Imet', imet' da laps' dö kulästij, ii ime. Zapahan i kuulišt'.

— Awei, iik hotä minun suugad paletut?

Ivan-carevič tuli i sanub:

— Suugad mina poltin, a sina nikuna ed mä.

— En mäne mina, Ivan-carevič, en mä. Hän milei kahtišti dö tegi, koumanden ku kerdan teggob, ka mii... Mida sina suugad poltid, kuna mina nugudi mänen?

— Ala vareida.

Oli ved' komnatiid ved' äi ka, iini vönu hiideke. Laps' sinna spalnijaha kus i oli, a händast otdelno. Ön siga magatihе, a homesel se sanub:

— Anop', mina ladin härgan rikta.

— A kus rikod se?

— Ka pidab pertiš rikta, kuhnäl. Kus žo rikon?

— Awei, mina vareidan.

— Nuka vareidad ka käralda pä havadol dei, kac, loučan alle mä. (Silei stuulid ii olnu, divaniid ii olnu, a oli loučad tehtud sanktiš ninkomiš piiš, kaikded pertid möto, siinad möto.)

— Mäne loučan alle.

Loučan alle mäni. Hän kervhen ott', hamarol ku tresnib. (Härgan se toi perthe, härg se vrode kut kargeidab.) Siga:

— Awei, avei, avei, kibed, kibed, kibed!

— Ka nece härg potkeiž, anop', härg potkeiž, härg potkeiž.

Hän ku möst dörahtiitab antta pähä hamarol!

— Ai, kibed, kibed, kibed!

— Anop', härg potkeiž, härg potkeiž.

Koumanden kerdan väžaht' vaise, hän dö pän hänele labot' nagolo. Bab i kol'. Babein kunase tactihe, vödhe nened hänen slugad. Nugude mäni spalnha, sanub:

— Nuvei sina tule täenna.

Mužikad dö kaik tuldhe sinna vo glave Ivan-carevičanke. Händast riičitethe. Händast hän eläban kaiken čapel' nökile: käded eriži, döugad eriži, pän eriži, tulovišsan eriži i pani setkha, harvha setkha i ubehale norele händha i sidej necen setkan se. Ubehele plačkun andei pletil i uben i läks' döste. Kuna lanktob pä, siga kazvab kallö, kuna silm — siga silmlähte, kuna nena — sihe rodnik, kuna käzi — sihe harav, kuna döug — sihe kouk, kuna perze — sihe turbaz. I muga kaik, kut varz döksob.

A hö zavottihe eläda. Eläškathe, eläškathe dei laps' kazvatethe i täambei siga eletaze.

ЗАМАРАШКА

Жили муж и жена. У них была одна дочь. Мать заболела и умерла. Муж был еще молод и, чтобы дочь вырастить, женился второй раз. В жены ему досталась сестра бабы-яги. У нее тоже была девочка — Варвей. Ну вот. Вначале она не смела сильно обижать падчерицу, а потом стала обижать, мачеха-то. Давала тяжелую и грязную работу. А вторая дочь ничего не делала. Бедная девочка, дочь мужа, даже ноги мыла этой Варвей.

Коров щипала, муку на жернове молотила, шовы мыла, стирала и все делала. А дочь с матерью только гуляли, пили да ели. А падчерица была как цемработница. (Раньше у нас называли — казачиха.)

Ну так, жили они недалеко от города. А там начался праздник (а раньше у нас праздники бывали по три дня). Мачеха с дочерью готовилась пойти туда на праздник.

А девочки оставляют тяжелую работу. Сама же, модница, приоделись, нарядились, налегались, что сам Иван-царевич пошобит дочь зачехи. Собираются ехать, лошадь уже запряжена.

Мачеха берет голокно (это делалось из ячменного овса) и смешивает с золой. И говорит:

— Смотри, чтобы до нашего прихода ты отдала золу от голокна, а мы пойдем на праздник к Ивану-царевичу.

Мать, умирая, наказывала дочери: «Когда тебе что-либо понадобится, то приходи ко мою могилу, поплачь, и мне обо всем расскажешь, и я, чем могу, помогу...» (это все родная мать наказывала-то).

Она, горемычная, догадалась: «Надо пойти к матери». Пошла, не мотив матери плакать, плакала, плакала.

— Что ты, дочь, плачешь?

— Да оставила мне тетушка-царица до их прихода отшельить голокно от золы, а сами на праздник уехали.

— Не плачь, дочь. Возьми пожалуйста же, на межу, на меже растет подорожник веточка, срежь пожож эту веточку, иди и ушарь веточкой крест-на-крест и скажи: «Голокно, иди в корзину, а зола — в очаг». Сделай это трижды, и все само отбелится. А сию ты приоденешься. Я под意志 тебе коня, широкую одежду, и поищай тута же, на празднике. Только возвращайся домой раньше двенадцати часов, до их прихода. Им на глаза не показывайся.

Она, белнянка, так и сделала. Пошла она в поле. (Поле было тут близко.) Веточку срезала, крест-накрест уширила и сказала: «Голокно, иди в корзину, а зола — в очаг». (На очаге раньше варили все в котле: кашу и все другое, все было в саже.)

Пу, она обращалась: «Слава Богу, вся работа закончена». Пошли во двор, и там уж и конь подбегает, вожжи царицем пишут. Она быстро вошла в одно ухо, из другого вышла, превратилась в красавицу, одежда на ней красивая, на голове шапочка, из ногах башмачки. Села верхом на коня и едет туда же, на праздник. По дороге она настигает тетушку-царицу и сестру, стегнула их плетью и — дальше. Там увидели, какая красавица приехала, подошли царские служи и даже сам царь, взяли ее за руки и повели в свои хоромы.

Пу, и народ го всей окруж и пришел. (Тогда народу было меньше, но все равно собирались много.) Все было по старинке: не подавали на тарелках, а все из одной миски ели. А мясо нарезали на деревянной разделочной, сбоку небольшая ручка была. Пу, ели они, ели из миски-то, а потом нужно было мясо раскрошить. Иван-царевич — хозяин, так ему и дали ножом раскрошить мясо: «На, раскроши...». А потом они передают мясо на столам.

А тетутка-лятинушка сидит недалеко. Когда Иван-царевич начал мясо крошить, ее дочь и говорит:

— Иван-царевич, дай мне косточку поглодать.

Иван-царевич метился, метился, метился, да как треснет ей по ноге.

— Ой, больно, больно, нога сломалась, нога сломалась!

Мать:

— Сиди молчи! Сделаем тебе ногу из крюка. Помалкивай!

Обед кончился. Все начали гулять по деревне. Гуляли-гуляли они, но пора всем уходить. Мать пошла и где-то в хлеву нашла дубинку, тесала-тесала и сделала вместо ноги своей бедняге-дочери что-то наподобие кочерги и надела башмак (или сапог), и поехали они домой.

А девушке-падчерице тоже нужно уезжать домой. А этот-то [Иван-царевич] видит, что... Ну, он взял да намазал дегтем косяк двери. Когда девушка проходила, притронулась рукой к косяку — колечко тут и осталось. Он взял это колечко и положил в карман. Девушка выбежала, вскочила на коня, обогнала мачеху с сестрой.

Потом вошла коню в ухо и вновь вышла. Конь исчез. А сама она уже сидит у окна. И мачеха едет там с дочерью и кричит:

— Росомаха ты, грязнуля! А моя дочь гуляла целый день с Иваном-царевичем, да ногу сломала.

А девушка и не шелохнулась, только сказала:

— Ну и пусть, пусть, кому-нибудь надо гулять.

— Ну, а ты все сделала?

— Сделала, сделала, тетушка-дядинушка.

— А-а, хитрая чертовка, не ты это сделала, а твоя мать!

Опять ночь прошла, утром опять они собираются, мачеха с большой дочерью. Всю ночь, бедняга, стонала, стонала, нога у нее болела. А утром опять нужно с матерью ехать на праздник. Опять мать нарядила ее и говорит:

— Не стони, надо тебе Ивана-царевича в женихи заполучить.

Оделись они. И опять бедной девушке, уходя, смешала мачеха пшено с песком. И говорит:

— Смотри, вот тут тебе работа: отдели пшено от песка.

Бедняжка опять плакала, плакала, плакала. «Что делать? Пойти мне опять к маме на могилу?».

Пошла она и на могиле матери плакала, плакала, плакала. Говорит:

— Мама, мама, опять тетушка-дядинушка с дочерью уехали в гости, а мне оставили работу: отделиТЬ пшено от песка.

— Не плачь, дочь, возьми нож, иди на межу, срежь двухлетнюю веточку и приходи сюда. Скажи трижды: «Иди, пшено, в посудину, а песок — на улицу, откуда принесен». Да тоже на праздник иди. Конь будет уже готов.

Та, бедняжка, обрадовалась, пошла в поле, срезала веточку, пришла, трижды ударила крест-накрест и сказала: «Иди, пшено, отдельно, а песок — отдельно!»

Увидела, слава Богу, все чисто. Пошла во двор, конь уже там, от вождей пламя пышет. Она быстренько в одно ухо вошла, в другое вышла, превратилась в красавицу, в богатом наряде, и узнать ее нельзя. Села на коня и поехала. Догнала она тетушку, они едут на телеге. Ее конь рысью идет, а они шагом плетутся. Она им еще помахала. Опять появилась во

дворце. Ее встречают Иван-царевич, и слуги, и все. Сам Иван-царевич взял ее за руку и ввел во дворец.

А там гостей было, может, триста человек, опять устроили обед, опять все вместе едят. А потом Иван-царевич стал крошить мясо. А Варварой опять говорит:

— Иван-царевич, дай косточку поглодать.

Иван-царевич метился-метился и угодил ей в палец. Палец и сломался.

— Ой-ой! Палец сломался!

Мать говорит:

— Сиди молчи! Приделаем плашку и перчатку наденешь.

Ну, так они и ушли, что-то бормоча. Вчера так с ногой случилось, сегодня с рукой. Дочки совсем плохо, а бабке еще хочется гулять.

А падчерица целый день гуляла, гуляла, гуляла, а вечером собралась уходить: было уже поздно. А порог был смазан дегтем. Девушка наступила на порог — один башмачок тут и остался (колечко осталось вчера).

Поехали все домой. А девушка быстренько явилась, разнудзала коня, в одно ухо вошла, в другое вышла. Опять сидит и ждет тетушку. Та едет и кричит:

— А-а, грязнуля, никуда ты не годишься! Моя дочь целый день гуляла с Иваном-царевичем. Палец на руке сломался, до того дегуляла.

А девушка-то знает, что косточкой по пальцу угодил Иван-царевич — не проси косточку!

Девушка говорит:

— Ну хорошо, хорошо, тетушка, кому-то нужно гулять.

Тетушка спрашивает:

— Ты уже отделила пшено от песка?

— Отделила.

— А-а, хитрая чертовка, — говорит, — не ты отделила, а твоя мать.

А назавтра праздник опять продолжается. И девушка опять должна прийти. Назавтра она оставит шляпку. А он будет ее искать. (Видишь, какие были простофили: не спрашивают, откуда ты, девушка, чья ты, а ма-жут порог дегтем.)

Ну, завтра опять все так же. Варвара-то, тетушкина дочь, всю ночь не спит. А девушке опять тетка принесла земли и смешала с ржаной мукой и говорит:

— Смотри, тут тебе работа на день, чтобы мука была отделена от земли. (Вот какая вредная бабенка была.)

Ну, она опять и говорит:

— Мы поедем на праздник.

Собираются они на праздник. Мать свою дочь наряжала-наряжала, вымыла хорошенько. Ноги, руки вымыла, перчатку надела, деревянную ногу перевязала (вот как и я) платком, чтобы держался крюк вместо ступни. Поехали. Едут.

А она, бедняжка, опять плакала-плакала: «Пойду-ка я к маме, что она скажет». Пошла, на могиле матери плакала-плакала. А мать оттуда:

— Что, доченька, плачешь?

— Да, видишь, тетушка-дядинушка оставила мне работу: отделить муку от земли, а сама уехала на праздник.

— Иди на межу, возьми трехлетний прут, ударь трижды крест-накрест и скажи: «Мука, иди в корзину, а земля — в поле». Мука и отделится.

Ну, девушка так и сделала. Быстремко пришла она, а конь уже стоит. Она в одно ухо вошла, из другого вышла красавицей. Села на коня. Это был уже последний день праздника. Там ее опять встретили. Слуги и все другие не могут понять, откуда эта девушка появляется и куда исчезает. Неизвестно, чья она. Приезжает на таком коне и так разодета, лучше всех одета. Ну, гуляли день, а потом уселись обедать. Иван-царевич опять начал крошить мясо, а Варвей опять не удержалась и говорит:

— Иван-царевич, дай косточку поглодать.

Иван-царевич метился-метился, угодил в глаз, и правый глаз у нее вытек.

— Ой, больно, больно, мама, глаз вытек!

— Сиди молчи, вставим овечий глаз.

Вышла после обеда, бедняга, больная: без глаза.

А девушка целый день гуляла с Иваном-царевичем.

А назавтра он собирает всех и просит девушку прийти на сбор. А сегодня, когда она стала уходить, он вымазал сверху косяк двери. А девушка не нагнулась, и шляпка прилипла к смоле. Сама она быстремко села на коня — и была такова. Приехала домой, разнудила коня. В одно ухо коня вошла, а в другое вышла, как и прежде, стала, бедняжка, замарашкой. Ведь одежды у нее дома не было: не одевала ее мачеха.

Ну а те, тетка с дочерью, попадают тоже домой. Баба та, мать Варвей, идет в царский двор, там было много овец, ловит овцу, вынула глаз, вставила дочери, перевязала. Едут они домой, с криком опять:

— Ты, такая-сякая, сидишь, грязнуля, дома? А моя дочь целый день с Иваном-царевичем гуляла, даже глаз выскошил.

— Ну хорошо, хорошо, тетушка. Кому-то нужно гулять, пусть, с Богом, гуляет.

Назавтра была пасхальная неделя, нужно Ивану-царевичу народ собирать. Нужно было собрать всех от шестнадцати до двадцати пяти лет, чтобы все пришли примерить колечко, башмачок и шляпку.

Назначили день. Пришли туда отовсюду. Бабка-то тоже привела ту-да свою больную дочь. Та не подает большую руку, а другую. (Она ее мыла-мыла, думает, что подойдет колечко). И башмачок не подошел, хотя мать мыла-мыла здоровую ногу, но не подошел башмак. Никому ничто не подошло: кому велико, кому мало, не подходит. Так этот день и прошел.

На следующий вечер опять такой же сбор. Опять примеряли-приме-ряли и говорит [Иван-Царевич]:

— Чтобы все здоровые и больные были приведены сюда. Как же быть с колечком, шляпкой и башмачком? Где-то есть та крещеная!

Наутро девушка стала одеваться и говорит:

— Тетушка-дядинушка, возьми меня.

— Ой ты, грязнуля, что ты на себя наденешь?

— Ты меня отвези, я буду в уголочке, ты меня прикроешь ве-ником.

Ну, взяла она эту свою падчерицу. А та, бедняжка, во все грязное одета, куда денешься, какая уж есть.

Примеряли, примеряли, примеряли все — раз, второй, третий. Когда
стали подходить третий раз, Иван-царевич или его помощники вдруг за-
метили и говорят:

— А тут-то кто?

А бабка:

— Ой, это наша замарашка, так пришла, посмотреть.

— Нет, пусты хоть какая, а примерить надо.

Сначала примерили башмак на ногу — подошел, примерили колеч-
ко — подошло, да и шляпка как раз.

— А где, — говорит царевич, — твоя одежда?

— Отпусти меня домой.

Пошла она домой; пришла к матери, плакала, плакала, плакала. А мать
дала ей воз одежды. Потом она пришла [к Ивану-Царевичу] во всей своей
красе.

А те, мачеха с дочерью:

— Ну, черт побери, наша-то что натворила!

И всякими плохими (нечензурными) словами начали ее, бедняжку, об-
зывасть.

Но нужно немедля свадьбу сыграть. Начали готовить свадьбу.

А девушка, дочь мачехи, ничего не может делать: у нее таких три «ра-
нения». А бабка должна подготовить невесту, сегодня приедут за невес-
той. Утром эта тетушка-дядинушка и говорит падчерице:

— Ты, такая-сякая б.., пройди между моих ног, как сквозь хомут.

Ну, и отправила пасти жеребцов (жеребцы-то были еще молодые,
двух-трехгодовалые, на них еще не работали).

Жених уже сегодня должен прийти за ней.

А тетка уже отобрала всю одежду, в которой девушка у Ивана-ца-
ревича была, и нарядила свою дочь. (А тогда ведь лицо невесты при-
крывали.)

Играют свадьбу. Прибыли за невестой, отдали ее с прикрытым ли-
цом. Поцеловались они. Сидят, пьют и едят.

А девушка ходит по берегу целый день, жеребцов пасет и плачет: «Я
должна быть невестой, а меня послали жеребцов пасти».

Проезжает свадьба по дороге вдоль берега. Она и кричит:

— Кочергу-ногу везут, деревянный палец везут, овечий глаз везут!

Ну, дружки и услыхали это и говорят:

— Кто кричит-то?

А невеста говорит:

— А, это сумасшедшая девушка, она жеребцов пасет.

Вот так. Она опять кричит, но издалека не все можно понять.

— Подойди поближе!

— Кочергу-ногу везут, деревянный палец везут, овечий глаз везут!

— Подойди, подойди поближе, не слышно!

— Сдерните-ка сапог с ноги.

Сдернули сапог — там кочерга.

— Снимите перчатку с руки.

Сняли перчатку с правой руки, а там пальца нет.

— Приподнимите-ка платок.

А там овечий глаз.

Ну, и девушка все рассказала, как ее тетушка-лядинушка утром отпра-
вила пасти жеребцов, а свою дочь нарядила.

Взяли эту теткину дочь, раздели, а девушку нарядили. Теткину дочь
под мост запихали в чем мать родила, голую.

Ну, прошло девять месяцев. А бабка туда не едет, ни пешком не идет.
Не навещает дочь. (Такой был темный народ.) И как-то дошел слух (про-
шло девять месяцев), что там девушка-то, у Ивана-царевича, уже родила
сына. Она думала, что ее дочь родила сына, а она еще не видела. Она счи-
тала, что падчерица все еще пасет жеребцов, а может быть, уже и умерла
где-нибудь. Не знает ничего бабка, никто ей ничего не сказал.

Отправилась она навещать. Шла, шла, шла. Впереди через маленький
ручеек мостик, может быть, в три бревна. Растет тут дудка.

— Ой, взять, что ли, внуку дудочку, ведь внук родился.

Стала она дудку вырывать, а оттуда:

— Ой, маменька, больно!

Она еще сильнее рвет.

— Ой, маменька, больно!

«Откуда же голос крещеного?»

Она еще сильнее стала рвать.

— Авой, маменька, больно!

Посмотрела она под мостик, а там дочь уже почти сгнившая.

— Видишь ли, мама, когда мы ехали после свадьбы, она кричала-
кричала, и меня сюда выбросили.

— Ну, все равно ты будешь царевной! Я пойду сейчас и все равно ее
выживу, выживу, выживу!

Пришла она довольная, свою дочь оставила в предбаннике. А бедная
падчерица испугалась, когда узнала, что ее тетка приехала. Ивану-царе-
вичу не говорит, что раз тетушка пришла, то натворит что-нибудь недо-
брове. Та пришла, поздоровалась, как ни в чем не бывало.

Роженице нужно баню истопить. Раньше такой обычай был: рожени-
це баню топили, ребенка несли отдельно от роженицы. (Больниц ведь то-
гда не было.)

Принесла она ребенка в баню, искупала, ее одежду взяла и говорит
падчерице:

— Б..., б..., пройди между моих ног, пройди сквозь хомут.

Летят гуси.

— Лети с гусями!

Ну, вымыла она свою дочь в бане, одела и отвела в спальню. (Раньше
до молитвы муж не прикасался к жене. Пройдет шесть недель, идут в цер-
ковь с ребенком, сотворят молитву, и только потом разрешалось мужу
лечь к жене.)

Шесть недель Иван-царевич ничего не знает о своей жене. А ребенок
плачут во всю мочь, теткина дочь не может успокоить его, грудью кор-
мить не может, нет у нее молока. Чем-нибудь не соображает покормить
малыша. Ночи напролет ребенок плачет.

Однажды летят гуси, а одна гусыня опустилась на землю и спрашивива-
ет у пастуха:

— Пастушок, ты на чьих хлебах?

— Я, — говорит, — у Ивана-царевича.

— А плачет ли там ребеночек?

— Плачет, всю ночь плачет.

— Будь добр, принеси его завтра, попроси у Ивана-царевича. Скажи: «Дайте мне его в кошель, заверните». Может, согласится, и ребенок побудет завтра день, а я покормлю его грудью.

А пастух, глупый, не догадался, что это Ивана-царевича жена, откуда ему знать, что это его жена.

Но говорит:

— Попробую попросить, попробую.

Утром начал он одеваться и говорит:

— Дайте мне ребенка, а то ночи напролет плачет.

И отец помогает смотреть за ребенком, а тот никак не унимается. Ребенок от голода плачет.

— Дайте мне ребенка, заверните его и уложите в кошель, может, день побудет между колокольчиками и будет спать лучше.

— Ну, возьмешь так возьми, возьми-возьми.

Ну, пастух взял ребенка, положил в кошель, пришел в стан. Видит, в полдень летит одна стая гусей.

— Гуси-гуси, нет ли среди вас матери этого младенца?

— Нет, нет! Нет ли в другой стае...

Летит другая стая.

— Гуси-гуси, — кричит пастух, — нет ли матери этого младенца?

— В третьей стае, в третьей!

Кричит он третьей стае:

— Гуси-гуси...

А она уже опускается. Пришла, крылья бросила под куст, взяла ребенка, плакала-плакала. Кормила, кормила она грудью. Ребенок до сыта насосался и уснул. Мать поцеловала его, завернула и уложила в кошель.

— Принеси и завтра. Ты будешь у них?

— Буду, — говорит. — Я три дня у них буду, у них много коров.

— Принеси завтра, будь добр, попроси, может, дадут. Скажи, что ребенок хорошо спит, когда колокольчики звенят.

А ребенок спит потому, что сыт.

— Ты не говори, что я мать ребенка, — предупреждает она пастуха.

Назавтра пастух опять чаю попил, оделся.

— Дайте мне ребенка-то опять в кошель, среди коров да колокольчиков ребенок будет спать целый день.

— Возьми-возьми, — говорит довольная бабка. — Ребенок днем не плачет, а ночью спит.

Пришел опять пастух. Наступил полдень. Летят гуси (потом-то они улетят в теплые страны, осенью).

Опять он кричит:

— Гуси-гуси, нет ли среди вас матери младенца?

— В другой стае нет ли, в другой!

Летит вторая стая.

— Гуси-гуси, нет ли матери младенца?

— В третьей стае, в третьей она!

А третьей стае и кричать не надо. Мать уже знает и опускается на землю. Крылья свои опять спрятала в кустах. Взяла опять ребенка, кормила, кормила. Опять плакала-плакала.

— Пастух, будь добр, принеси завтра опять ребенка. Мы завтра последний раз здесь будем пролетать, ведь мы потом улетим в теплые страны. Потом уже не видать мне моего ребенка. Принеси его завтра в кошеле, я еще завтра покормлю грудью. Только не говори Ивану-царевичу.

А утром Иван-царевич одевает ребенка и говорит:

— Видишь, ребенок среди коров и колокольчиков побудет и ночью спит.

А те ведь не знают, что его мать грудью кормит.

Пастух и говорит Ивану-царевичу:

— Знаешь, прилетают гуси, а одна гусыня опускается, сбрасывает крылья, грудью ребенка кормит и плачет. А сегодня последний раз будет.

— Так это, — говорит, — моя жена, моя жена. Раз ребенка кормит, так кто же? Откуда бы птица знала?

Взял он ружье, спрятался за кусты, куда гусыня бросала крылья.

Опять летят гуси. Пастух и кричит:

— Гуси-гуси, есть ли среди вас мать младенца?

— В другой, в другой стае!

Летит вторая стая.

— Гуси-гуси, есть ли мать младенца?

— Вон, в третьей стае!

Прилетела третья стая, а она уже опускается. Сбросила крылья. А Иван-царевич тем временем зажег спичку и сжег крылья.

Взяла мать ребенка, кормила, кормила грудью, ребенок наелся и не сосет. Почувствовала мать запах:

— Авой, не мои ли крылья сгорели?

Подошел Иван-царевич и говорит:

— Крылья сжег я, и ты никуда не пойдешь.

— Не пойду я, Иван-царевич, не пойду [с тобой]. Она уже дважды меня околдовала, а если еще третий раз, то что будет? Почему ты сжег крылья, куда я теперь денусь?

— Не бойся.

Ведь комнат у них было много, он не отвел ее к ним. Ребенка отнес туда же, в спальню, где и был, а ее отдельно. Ночь переспали, а утром Иван-царевич говорит:

— Теща, я хочу быка забить.

— А где ты его забьешь?

— А нужно в доме забить, в кухне, где же еще?

— Ой, а я боюсь!

— А если боишься, то сунь голову в мешок и залезай под лавку. (Тогда стульев не было и диванов не было, а были лавки сделаны из толстых досок вдоль стен избы.)

— Иди под лавку!

Спряталась она под лавку. Быка-то он привел в избу. Бык как скакет тут! А Иван-царевич взял топор и обухом ей треснул. А оттуда:

— Ой, ой, больно, больно!

— Так это тебя бык лягнул, теща, бык лягнул.
Он как треснет опять по голове обухом.
— Ой, ой, больно, больно!
— Теща, это бык лягнул, бык лягнул.
На третий раз только взвизгнула, он уже совсем раздробил ей голову.
Бабка и умерла. Бабку-колдунию куда-то унесли слуги, выбросили.
Теперь пошел он в спальню и говорит:
— Ну-ка, теперь выходи ты!
Пришли все мужики во главе с Иваном-царевичем. Раздели ее и живьем разрубили на кусочки: отдельно руки, отдельно ноги, отдельно голову и туловище. Положили в редкую сетку и эту сетку привязали к хвосту молодого жеребца. Хлопнул он плетьью по жеребцу, и тот помчался. Где упала голова — там появилась скала, где глаз — там полынь, где нос — там родник, куда нога — там кочерга, куда задница — там дерн. И все так, пока бежал жеребец.

А они начали жить-поживать. Да и ребенка вырастили. И сегодня там живут.

4. KONDI I REBIINE

Vastazihe sagedas mecas kohdi rebiinke. I küzub kondi:

— Nu, kut eläd, rebii?
— Ka, elän, näged kut staraimii ičin händal sinuhu nähte tropaižen pühkta i puukad en pakiče.
— Ka dö minuspai pauk otta, sanub kondi, — jesli kut mina olen neciš ičemii mecas kut car', kaik mindai varaitaze. Ka i üht väged se miverz' om! — hvaliže kondi.

I lähttihe ühtes orgiid möto šlägeimaha. Mänoba i kut se ainastihe muurhaižide mäthale. Rebii i sanub:

— Nuvai, kondi, rupišta ičiiž silmad i kacuhta, kut muurhaižed ičeze surčched kived kandištaze.

Hän siid ühten silman rupištaškanz', ka toižel nägob: proud om. Tabazihe i hän lapiil kivehe, kudamb siid žo rindal venji, mugažo ičeze surtte. Siid hän min kändlihe, mokičihe. No, a udolida nikut iivoinu. Rebii i sanub:

— Vot dö sina oled mitte kondi, sanjid, mise «kaikiš vägevemb oled.» A oled, voib olda, mindei hondemb.

I lähttihe edelezepe. Mänoba, mänoba i ainastihe akiile senenikiile. A akad vaise kut nägištethe kondi i davai ken min tehta. Eraz vädriihe barabanda, eraz kidad lastta mii kerust. A kondi pelgastii. Nägob, mii se tegese. Da, pagod. Döks', döks' kükestelusenke, seginusen melenke. I rejnihe kallön alle. Severz' i nähta kondi. A rebii kučerzihe pedajan taga da kaiken aigan muhoitesenke vardiič, mii tegeze ümbri ičesaze.

МЕДВЕДЬ И ЛИСА

Встретились в густом лесу медведь и лиса. И спрашивает медведь:

— Ну, как поживаешь, лиса?

— Да живу, видишь, стараюсь своим хвостом для тебя тропинку расчистить и платы не прошу.

— Да неужели с меня плату брать, — говорит медведь, — если я в нашем лесу как царь, все меня боятся. Да и одной силы сколько! — хватится медведь.

И пошли они вместе бродить по густым лесам. Идут они и попали как-то на муравейник. Лиса и говорит:

— Ну-ка, медведь, прищурь свои глаза и посмотри, как муравьи таскают камни ростом с себя.

Тут он прищурил один глаз, а вторым видит: правда. Ухватился и он тоже лапами за камень, величиной с него, лежавший тут же рядом. Сколько ни тужился, ни ворочал, а одолеть никак не смог. Лиса и говорит:

— Вот ведь каков ты, медведь. Говорил, всех сильнее ты, а может быть, ты слабее меня.

И пошли они дальше. Идут-идут они и наткнулись на женщин-грибников. А женщины как увидели медведя — и давай кто во что горазд: одни в ведра барабанить, другие кричать во все горло. Медведь испугался, видит, что тут творится, да и наутек. Бежал-бежал, спотыкаясь, как полумный, и свалился со скалы. Только его и видели, медведя-то. А лиса присела под сосну да с ухмылкой смотрит на все, что делается вокруг.

5. VALDALINE MURZÄIN

Nai üks'. Ott' adivol mehele i zavottihe eläda. Ezmäks (eletihe) kaiken aigan hüväžil, kundeltihe kaikušti toine tošt'. No dälges murzein valttji mikš se, muga valttji, mise kaikutte sijaine oliž vaise händast möto. Kerdan lähtihe mecha haugod karzmaha. Mužik i sanub: «Pidab koivid čapta mikš mise koivišpai lähtob haug hüvä i konz päche paned, ahdab, räked äjan». A akk sanub: «Ii! Pidab kar'sta habiid, mikš mise habad oma sanktad i jesli mö čapaškanem ninkomid ka i kogon däredan teramba täutnem.»

No, miižo siid raukale mužikale hänенке tehta. Dumaib: «olkha muga, čapkam habiid.»

Mest uudel kerdal hö sädihe lähtta hiinantegole. Tuldhe niitule, mužik i sanub: «Nu, murzäimine, kaiken sina teged da oled ičiiž möto, ka olkha nece kerd mindai möto: niitaškakam mö kleverad, lehmaizele oliž lujas hüvä hiin.» Murzäin i sanub: «Ka täis sina mida ii pida ka, dö vel mö zavodnem üskaižil kogota necin hiinan. Kacu vai, lenda ičiiž silmad ülemba, mitte hiin rindal, osok. A ninkošt' niitnem, ka kerdal saton pannem, mitte pidab.»

I niitaškathe he osokhiinad. Pandhe korged, korged sato. Mužik rouk, siid däi mest nikeks.

A uudel kerdal sädihe lähtta venehel Änižele kalad püumaha. Ištjihе veneheze, mužik nenaha, murzein peraha i soudaškathe airil kaikhe vägehe. Tuldhe kesk Änižele i siižutihe. Mest mužik i sanub murzäimele: «Nu, nuguni dö liinob mindai möto.» A murzäin sanub vasthaze: «Ii liine sindai möto, a mindai möto.»

Riideltihe, riideltihe siid, ii ehttut vel i kuukiižid pästta vedhe. Murzäin nägiš', ahn' pän čokaiž vedespai i hiițihe, tahtel' käcil tabata ahnin, da iče reznihe vedhe bokalaze miš oli. I zavodi vedespai kidan lastta da käcil boltihi-

taze. «Oi, mužik, armaz sina minun mužik! Sa mindain vedespai!» Mužik i sanub: «Ka sula päivi, ved i nece om sindai möto vedes uiteltaze.» — «Oi, iilä mindai möto, iilä.» — «A sanu vai, jesli mina sindai lenen vedespai, kuzub mužik, — ka keda möto nece liinob?» — «Oi, sindai möto.» — «A edelezpai azzäd keda möto zavodiškanem tehta?» — «Sindai möto.» — «Nu, jesli mindai möto, ka lübu.»

Žal' tegihe murzaint ičeze mužikale i andji käden. Lend' händast vedespai. A dälges necida enamba ii olnu hiil mugost' päivad, mise kudamb ii kundeliž toš'. Molembad zavottihe kaikušti ugodiškata toine toiželev.

СВОЕВОЛЬНАЯ ЖЕНА

Женился один. Взял себе девушку в жены, и начали они жить. Сначала все было хорошо, всегда слушались друг друга. Но потом жена избаловилась почему-то, стала своевольничать: все должно было быть только по ней.

Однажды пошли они в лес дрова рубить. Муж и говорит:

— Нужно нарубить берез, потому что из березы будут хорошие дрова, и когда в печь положишь, то дадут много жару.

А жена говорит:

— Нет! Надо нарубить осины, потому что осины тонкие, и если мы будем их рубить, то быстро нарубим большую кучу.

Ну что тут бедному мужику с ней делать! Думает, пусть будет так, нарубим осины.

В другой раз они собирались пойти на сенокос. Пришли на пожню, мужик и говорит:

— Ну, женушка, все ты делаешь по-своему, так пусть хоть на этот раз будет по-моему, давай косить клевер, коровам будет хорошее сено.

Жена и говорит:

— Да полно тебе, неужели мы будем собирать эту траву по одной охапке! Смотри-ка, какая рядом трава осока, если такую будем косить, то разом поставим стог, какой надо.

И начали они косить осоку. Поставили высокий-высокий стог. Мужик, бедняга, опять остался ни с чем.

А в другой раз они собирались на лодке в Онего рыбу ловить. Сели в лодку — муж на нос, жена на корму — и начали изо всех сил грести веслами. Доехали до середины озера и остановились. Опять мужик и говорит жене:

— Ну, теперь-то уж будет по-моему.

А жена перечит:

— Не будет по-твоему, а будет по-моему!

Спорили они, спорили, не успели еще и крючков опустить в воду. Жена увидела: окунь высунул голову из воды. Она бросилась, хотела руками поймать окуня, да сама бултыкнулась в воду в чем была. И начала в воде баражаться да кричать:

— Ой, муж ты мой, дорогой муж! Вытащи меня из воды!

Мужик и говорит:

— Так ведь и это по-твоему — в воде плавать.

- Ой, не по-моему, нет!
- А скажи-ка, если я подниму тебя из воды, — спрашивает мужик, — то по-моему или по-твоему будет?
- Ой, по-твоему!
- А впредь все будешь делать по-своему или по-моему?
- По-твоему!
- Ну, если по-моему, то вылезай.

Жаль стало своей жены мужику, и он подал ей руку. Поднял ее из воды. А после у них не было такого дня, чтобы они ссорились. Оба начали во всем угодывать друг другу.

6. IŽAND EMAGANKE DA SUSED-LIHANIK

Sädihe lähtta ühtel aigal mecha, pimedaha korbhe, senhe ižand emaganke da sused-lihanik. Panthe kašlid selgha i lähtihi. Hätk' pidi astta vai ii hätk, no iilä ses sanad. A vot om azz' mitte. Kut tulthe mecha i mida se hö ii nähkii: ühtes bokas barbikod kazdaze däredad, toižhe polhe kacuhtad ka ses bokas pedajad enččed dölole mödha koverdeleze.

Keratihe, keratihe sent i pidaškanz kodihe lähtta. Mänoba, mänoba, a kodid nägu ii. Segihi. Mii siid tehta? Ka tegend om tedmiine. Zavottihe kaik koumen kesken ühthe äuhe kidad lastta: «A-a-a! Au-u-u!» No niken se vas-tuzänt mödaspai ii anda, kut vaise üks' nägotiin mugažo: «A-a-a! Au-u-u!»

Nähtaze, azzäd tegihe hondod da völ päleze nälgat tuli. A kus pidab sada sömišt? Küzutaze toinetoižel. No siid kerdal vouse ved' tedmata. Ainastaze kaik koumen tedrin pezale. A pezas ištii tedr'. No ižand: čapp! Ičeze kobril i tabaz' necin tedren. I hiviš meliš sanub:

— Nuguni sömanke mö olem. Pidab dägaškata nece lind i mise nikeda abidoho ii dätta. Ken mahtab dägada? Na, ota sina, emag, däga, — sanub ižand emagale.

A hän:

— Nu min sina, ižand. Anda vai dägab paramb lihanik. Hän dö tedab kut dägada pidab.

— Ka kutžo, kutžo. Dö völ mina en mahtne, jesli kut olen lihanik.

I otihe dägada. Ezmäks liikaz' pän i andaškan ižandale. Sanub:

— Vot sili, ižand, jesli kut sina oled pämez', ka i vot na sili pä. Üks' pä kanzan edes om hüvää, a kaks' liinob völ paramb.

Liikaškan' sougaižed i sanub emagale:

— Vot sili, emag, nenen samiad parahimad sougaižed sättutaze antta vaise sili, mise sina voižid pühäpääñ emagusen seil voita.

Muga lihanik i dägii necin tedren. Ičtaze dägospai ii ümbärnu: doidii liha kaik ičeleze. A seile pidaškan' mest kävelta nälgal, kuni ii puuttut kodihe.

ХОЗЯИН С ХОЗЯЙКОЙ ДА СОСЕД-МЯСНИК

Собрались однажды хозяин со своей хозяйкой и сосед-мясник пойти в лес, в темную чащу, за грибами. Взяли кошели за плечи и пошли. Долго ли, коротко ли шли, не в этом дело. А только видят, с одной стороны

растет густой кустарник, с другой стороны — на ветру сгибаются стальные сосны.

Собирали они, собирали грибы, и нужно было домой пойти. Идут они, а дома не видно. Заблудились. Что делать? Да дело известное, начали они все втроем в один голос кричать: «А-а-а! Ау-у!» Но никто не отвечает, а только как будто эхо отзыается: «А-а-а! Ау-у!»

Видят они, что дела плохи, да еще вдобавок проголодались. А где достать еду? Спрашивают друг у друга, но на этот раз совсем не ясно, что делать. Бросились все втроем к тетеревиному гнезду. А в гнезде сидел тетерев. Хозяин — цап! Поймал тетерева и, довольный, говорит:

— Теперь у нас есть еда. Нужно разделить эту птицу, но так, чтобы никого не обидеть. Кто сумеет разделить? На, возьми, хозяика, ты раздели, — говорит хозяин жене.

А она:

— Ну что ты, хозяин. Дай-ка мяснику, он лучше разделит. Он-то уж знает, как нужно делять.

— Да как же, как же, ужели я не смогу, ведь я же мясник.

И он взялся делить.

Сначала он отрезал голову и дает хозяину. Говорит:

— Вот тебе, хозяин, раз ты глава, то на тебе голову — одна голова в семье хорошо, а две — еще лучше.

Начал он отрезать крыльшки и говорит хозяйке:

— Вот эти прелестные крыльшки больше всего сгодятся тебе, чтобы ты воскресную стряпню могла мазать.

Так мясник и делил этого тетерева. Себя не обидел: все мясо досталось ему. А тем пришлось ходить голодными, пока домой не попали.

7. APALON SVÄTOI

Eletihe babei da dedei. Dedei mecnikeič, a babei ii navednu hänt. Babeil oli maks Mitrofan.

Kerdan tuli dedei mecaspei i sanub: «Babei, mecas raidas ištub Apalon svätoi.» Ak sanub: «Ukk, milii oliiž mända Apalonanno molmahaze.» — «Kacu, mäned, ka kacu, vot ku mina ukoine olen, ištun siga.» Akk sanub: «Ukk, mina lähten ka löudanik händast?» Ukk i sanub: «Sina mäned, pöudon proidud ka siga mežal i om oiktal kädel.»

Nece babei mänob sinna, ištub raidas siga ukk Apalon. (Akk mäni ümbri, a ukk döks' kohtha i raidha ištiihe.) Nu, nece akk i sanub (küzub): «Sinak oled Apalon svätoi?» Hän sanub: «Mina, mina olen.» — «Apalon svätoi, abuta milii ukk izvoťta, milei om Mitrofan maks.» Apalon i sanub: «Mina sanun sili, mää kodihe, paa päč lämha, pašta ukole voisižid kalitoid, hän söb i sogenob.»

Akk tuli sigapei kodihe. Ukk küzub: «Akk, löuzidik Apalonan?» — «Löuzin, löuzin, ani ku sina oled». Ukk küzub: «Mida silii sanji hüväd?» — «Sanji, mäne kodihe, elägat hivin, söta ukoine voisižel.»

Nece akk siičas riičihe i panob päčin lämha, paštab kalitoid. Potom nece ukk sei kalitoid i rädovikoid. Tuli ehtkoine. Ukk i sanub: «Akk, en teda mii tegihe, en nägiškanu.»

А неce акк iini kubahtanu homesehesei. Ukk homesel möst sanub: «Mina vouse en näge.»

Nece akk möst päčin lämha pani, möst sött' kalitoil i rädovikoil. Ukk saihe päčile i päčil magadab. Nece akk mäni Mitrofanan kodihe. Ukk i sanub akale: «To oružd' hot' mina mujelen, en näge ka.»

Nece Mitrofan i tuli. Ištiihe stolan taga. Nece akk Mitrofanan sött' i dött'. Akk i sanub: «Mina silii tegen toukunt magedad voisišt', ala sö muga, mina lähten lehman lüpsan, ton maidod, maidonke söd.»

Akk läks' lehmad lüpsmaha. Ukk sil aigal ott' päčilpei Mitrofanale rindhiže ambji, potom laskihe, toukunt tukun tegi i suuhu liči. Nece akk tuli lüpsmaspei, ka Mitrofan dö kakastunu touknaha.

— Mikš sina ličeid toukunt täuden suun, ed varastanu maidod, maidota seit da kakasteid.

Ukk i küzub: «Akk, kiine sina pagižed?» — «Kaži kandatesen sei, ka mina händast lajin.»

Ott' akk necen Mitrofanan selgha i kandab pertišpei, döugad madme voločiže. Ukk i küzub: «Akk, mida sina judeidiitad vöda?» — «Humbar' oli pertiš dö koume nedalid, sen von.»

Vei Mitrofanan tanhale i kartan alle krepi. Homesehesei muga i oli.

Homesel mužik lübjj i sanub: «Akk, mina dö nägiškanzin. Nägen, ka pidab here tanhal otta.» Akk sanub: «Voi, vilu om, algei otkoi.» A ukk sanub: «Pidab otta.» Akk i sanub: «Nu hivä, mina maksan.» Ukk sanub: «Iisa silii maksta, mina maksan.»

Mändhe tanhale muugotid. Ukk i sanub: «Pidab kart leta.» Akk sanub: «Il pida leta kartad.» Nece ukk ii i küzunu akad, kartan lend'. Lend', ka siga Mitrofan venub kartan al. Ukk sanub: «Akk, ken silei nece om?» — «Mitrofan, toukunt tegin söda hänele i hän kakastii.»

Nece ukk ott' Mitrofanan vereile, ajei hänele siibhan perskehe i ištut' regehe i läks' dorogad möto ajamaha hebol. Kuulišt' — kel zvonib, jamšik ajab sledovatelänke. Nece mužik pani Mitrofanale ohdased kädehe, a iče pagen' orgho. Nece izvošik käskob hänele lähtta dorogalpei: «Čurha aja, čurha aja». Hän (Mitrofan) ajanu ii, izvošik hänt painoi päpolihe, hän i regespei langen'. Nece mužik orgospei heikaškanz: «Karavul, rikoid mužikan!» Nu, nece sledovatel sanub: «Ala heikei, na sada rubläd dengeid.» Nece mužik ištut' möst Mitrofanan regehe i päst' dorogad möto, a iče astub mödha hillästi.

Möst ajab zemskii mödha sledovateläle. A nece möst Mitrofan dorogad ii anda. Tuli izvošik i painoi päpolihe. Mitrofan möst langez'. Mužik heikaškanz: «Karavul, mužikan rikoid!»

Zemskii sanub: «Ala kidošta, na kaks' sadad rubläd.»

Nece mužik ott' da necen Mitrofanan orgho i lükeiž, a iče tagaze hebol tulob kodihe akanno. I tänambei eletaze, dengeideke.

АПОЛЛОН СВЯТОЙ

Жили старик со старухой. Дед охотился. Старуха не любила его. У старухи был ухажер Митрофан.

Однажды пришел дед из лесу и говорит:

— Старуха, в лесу на иве сидит святой Аполлон.

Старуха говорит:

— Мне бы пойти к Аполлону помолиться.

— Смотри, пойдешь, так увидишь: там сидит старичок, похожий на меня.

Старуха говорит:

— Старик, я пойду, найду ли, нет ли его там?

Старик и говорит:

— Иди, поле пройдешь, там на меже по правую руку он и сидит.

Старуха пошла кругом, а старик пробежал напрямик и сел на иву.

Старуха приходит туда. Там на иве сидит старик Аполлон. Ну, старуха и спрашивает:

— Ты ли Аполлон святой?

Он говорит:

— Я, я.

— Аполлон святой, помоги мне старику извести, у меня есть ухажер Митрофан.

Аполлон и говорит:

— Я скажу тебе: иди домой, затопи печку и испеки старику масляных калиток. Он съест и ослепнет.

Приходит жена домой, старик спрашивает:

— Жена, нашла ли ты Аполлона?

— Нашла, нашла. Он совсем как ты.

Старик спрашивает:

— Что он сказал тебе хорошего?

— Сказал: иди домой, живите хорошо, корми старика масленым.

Жена сейчас же разделась, затопила печку, печет калитки и драчены. Потом старик поел этих калиток и драчены. Наступил вечер. Старик и говорит:

— Жена, не знаю, что случилось: не стал видеть.

А жена ничего не промолвила до утра. Старик утром опять говорит:

— Я совсем не вижу.

Жена опять затопила печку, опять накормила калитками и драченой. Старик забрался на печку и спит.

Жена пошла звать Митрофана к себе домой. Муж и говорит жене:

— Принеси ружье. Я хоть пощупаю, раз не вижу.

Пришел Митрофан, сел за стол. Она накормила, напоила Митрофана и говорит:

— Я приготовила тебе толокна вкусного, масленого, но ты не ешь пока так: я пойду подою корову, принесу молока, ты с молоком и поешь.

Жена пошла доить корову. В это время старик с печки выстрелил Митрофану в грудь, потом спустился, сделал ком из толокна и сунул ему в рот.

Пришла жена с дойки, видит: Митрофан подавился толокном.

— Почему напихал толокна полный рот, не дождался молока, без молока и подавился!

Старик спрашивает:

— Жена, с кем ты разговариваешь?

— Кошка сметану съела, так я ее ругаю.

Взвалила жена Митрофана на спину и несет из дома, а ноги его по земле волочатся. Старик и спрашивает:

— Жена, что ты там тарабанишь?

— Ступа была в избе уже три недели, ее выношу.

Отнесла она Митрофана в хлев и спрятала под корыто. До утра так и был он там. Утром мужик встал и говорит:

— Жена, я уже стал видеть. Раз вижу, то надо выгрести навоз из хлева.

Жена говорит:

— Ой, холодно, не надо выгребать.

А старик говорит:

— Надо.

Жена и говорит:

— Ну хорошо, я выгребу.

Мужик говорит:

— Не сможешь ты, я выгребу.

Пошли они оба в хлев. Мужик говорит:

— Надо корыто поднять.

А жена говорит:

— Не надо корыта поднимать.

Мужик не послушался жены, корыто поднял. Поднял, а там, под корытом, лежит Митрофан. Старик говорит:

— Жена, кто это у тебя?

— Митрофан. Сделала я толокна ему, а он подавился.

Старик вынес Митрофана во двор, вбил ему кол в ж..., посадил в сани и поехал на лошади по дороге. Слышиш — колокольчик звенит, едет ямщик со следователем. Мужик сунул вожжи в руки Митрофану, а сам убежал в лес. Извозчик кричит:

— Посторонись, посторонись!

А он не сворачивает на обочину. Извозчик ударил его по затылку, тот и свалился с саней. А мужик из лесу кричит:

— Карапул! Мужика убил!

Следователь говорит:

— Не кричи, на тебе сто рублей.

Мужик опять посадил Митрофана в сани и отпустил по дороге, а сам тихонько идет следом. Едет земский следом за следователем. А Митрофан опять не посторонился. Подошел извозчик, стукнул его по затылку, Митрофан опять упал. Мужик закричал:

— Карапул! Мужика убил!

Земский говорит:

— Не кричи, на тебе двести рублей.

Старик взял, а Митрофана бросил в лесу. Сам обратно домой поехал, к жене. И сегодня живут они с деньгами.

8. VEDEHINNE

Ende oli ukk da akk. Ukol da akal oli üks tütar. Nece ukk kävel' püumaha Änižele, kaland samha. Koumekime vott kävi. Nece ukk zavodi Änižes döda. Dei, dei, händast barbas tabaz'. Ukk sanj: «Pästa.» — «En pästa, sanub, — mii

om armhemb, ka anda milei.» — «Tütren andan, pästa tütres.» Händast bar-dan i päst.

Ukk tuli kodihe pahiš meliš. Akale ei sanunu nimida, tütrele nimida. Södhe, dödhe dai magatta verdhe. Kuuliš', ka dö kolotiže. Nece akk tahtel' mända, ka ukk iče i mäni. «Iče män, ala mä sina.» Hän küzj: «Ken om?» — «Sulnu anda!» — «Eilä völ rot'tud, homeehtan tulgat.» Nece ukk i sanub tütrele i akale: «Koumekime vott kävelin Änižele, suašt' da zerklošt' en unohtanu, a nuguni unohtin. Nugudi mä sina, tütär, otmaha suašt' da zerklošt' Änižrandaižele.» Nece tütar läks' suašt' da zerklošt' otmaha. Mäni ka, mäni ka, mäni ka — pertiine tuli.

— Pertiiine, pertiine, päivhapei licom, minuhupei pordheižin.

Pertiine azotihе. Mäni pertiižehе, ka siga jägi-babb ištub päcil.

— Fu, fu, fu, en nähnu nikonz ruskijad henged. Ruskij heng tuli. Sön, sön, sön.

— Hillästi, babuško, ed ehtnu sötta sina mindei, ni dötta, a ehtid straščaida.

Iče päcil ištub, leden nenal härkičod. Hän sigapei laskihe, necen neičukaižen sött-dött.

— Ed mäne suašt' da zerklošt' otmaha, mäd vedehiižele tütreks. Mäne, minun sizar' völ opendab. Mäne edeleze dorogad möto.

Nece neičukaine möst mäni ka mäni, möst tulob pertiine, möst punoze ka.

— Pertiiine, pertiine, päivhapei licom, minuhupei porthil.

Pertiine azotihе. Siga ištub möst päcil kaikiš atamanša vanhemb. Möst:

— Fu, fu, fu, en nähnu nikonz ruskijad henged, ruskij heng tuli, sön, sön, sön.

— Hillästi, babuško, ed ehtnu sötta-dötta sina mindei, a ehtid straščaida.

Sött'-dött' händast, neičukaižele käs'k sätaze, iče ladi reguden, regudehe pani olgtukižen. Neičukaižen pani olgtukižen keskhe, nu dei neičukaiženke lähtihe. Hän neičukaižen vedab. Mödha dökstaze vedehiižed babale da neičukaižele. Üks' tegihe papižeks, toine cerkvaižeks. Vedehiižed heid kükstihe.

— Papiine da cerkvaine, etjik nähtud keda naku proittes?

— Mö dö naku sada vott eläm, ka nikeda em nähtud.

Nene vedehiižed perdihe tagaze kodihe. Siga tuldhe vedehiižed kodihe ka sanutaze:

— Et södud, hö oldhe.

Nene vedehiižed möst tagaze mändhe. Nene babei da neičukaine tegihe üks' därvhudeks, toine döršudeks. Nene vedehiižed tuld'he möst sihe.

— Etjik nähtud keda proittes naku?

— Em nähtud.

Nece vedehiine i döškanz, kaiken därvhuden i dei. Döršine i däi hipmaha kuivale male.

— Dörš, dörš, tule pän.

— En tule pän, ota perskin.

Nece vedehiine perskin händast i ott'. Vedehiine i kišken' kaik i sdohni sihe. Nece babei da neičukaine kodihe i lähtihe, v celosti i toi mamale i batale. Mamm i batt' ihastuthe. Mina olin siga satmas, russtal lipovijal lutzikal sein. Eletaze täambei.

ВОДЯНОЙ

Жили-были старик со старухой. У старика и старухи была одна дочь. Старик ходил рыбу ловить на Онего. Тридцать лет ходил. Однажды старик стал пить воду из Онего, пил-пил, а его за бороду схватил кто-то. Старик говорит:

- Отпусти!
- Не отпущу, — говорит, — отдай мне самое дорогое для тебя.
- Дочь отдам, отпусти за дочь! — Бороду и отпустило.

Старик пришел домой печальный. Жене ничего не сказал и дочери тоже. Поели-попили и легли спать. Слышит он — кто-то уже стучится. Жена хотела пойти, но старик решил:

- Я сам пойду, ты не ходи.

Спрашивает:

- Кто там?
- Отдай обещанное!
- Еще не рождена, приходите завтра вечером.

Старик говорит жене и дочери:

— Тридцать лет ходил на Онего, но гребешок и зеркальце никогда не забывал, а теперь оставил. Иди, дочь, сходи за гребешком и зеркальцем на берег Онего.

Дочь пошла за гребешком и зеркальцем.

Шла, шла, шла она, встретилась избушка.

— Избушка, избушка, поверни лицом к солнышку, ко мне крылышком.

Избушка остановилась. Вошла в избушку, а там баба-яга сидит на печи.

— Фу-фу-фу! Никогда не видела русского духа. Русский дух пришел. Съем, съем, съем!

— Тише, бабушка, не успела меня ни накормить, ни напоить, а уже страшашь.

Сама баба-яга на печи сидит, носом в очаге ворошит. Опустилась она оттуда, девочку накормила, напоила.

— Идешь ты не за гребешком и зеркальцем, а в дочери к водяному. Иди, моя сестра тебе посоветует. Иди вперед по дороге.

Девочка опять шла, шла. Опять навстречу избушка, опять вертится.

— Избушка, избушка, поверни лицом к солнцу лицом, ко мне крыльцом.

Избушка остановилась. Там сидит атаманша старшая. Опять:

— Фу-фу-фу! Никогда не видела русского духа, русский дух пришел, съем, съем, съем!

— Тихо, бабушка, не успела меня ни накормить, ни напоить, а уже страшашь.

Накормила, напоила девочку и велела одеваться. Сама приготовила санки, в санки уложила вязанку соломы, девочку положила в солому. Ну и пошли они, она девочку везет. Следом за старухой и девочкой бегут водяные. Одна из них превратилась в попа, а другая в церквушку. Подоспели водяные:

- Поп и церквушка, не проходил ли здесь кто-либо?
- Мы уж сто лет тут живем, да никого не видели.

Эти водяные и вернулись обратно домой. Пришли водяные домой, а им говорят: «Не съели вы их, а это они были». Водяные пошли опять обратно. А старуха и девочка превратились одна в озерко, другая — в ершика. Водяные опять явились:

- Не проходил ли кто-либо тут?
- Не видели.

Водяной начал пить и выпил все озерко. Ерщик и остался прыгать на сушу.

- Ерш, ерш, иди ко мне головой.
- Не пойду головой, ешь с хвоста.

Водяной и схватил ершика сзади, подавился, лопнул, тут и подох. А старуха девочку в целости доставила матери и отцу. Мать и отец обрадовались. Я там была, красной липовой ложкой поела. Там они и сегодня живут.

9. TÜTRINDAM

Ende eletihe mamanke kaks tütaart, üks tütar oli rodni, a toine oli nerodni tütar, mamm hänele oli emindam. Necida hän ičeze tüture navedi, necida tütaart toš ei navednu vousö. Nece akk ičeze rodnijale tütrele sanub: «Võgam händast randpertiižehel elämaha.» Necile tütrele sanub: «Homen sina mä eriži elämaha.» Hän andei hänele samalt kuiduks kezerta, tuhkad ledes andei döuhoks, čuurud andei šonaks, piladöuhod andei suurmaks. Händast vödhe sinna pertiižehel elämaha ühttaze. Nece ladi kožližen, samluden sidei, värtväližen kädehe i kezerdaškanz.

Kuuliš', ka kolotiže. Mäni avoidamha. Verajan avoiž, ka koume hörmud razboinikad.

- Neidihe, neidihe, lämbita kilbetiine.

Kilbetižen lämbit'. Nened ukod, koume razboinikad, kilbetihe mändhe. Nece neidine pирgaižed ajaškanz, kästtihe ka. Hiirutt i hippäst'.

- Neidihe, neidihe, touknašt' tahthašt', pahal aigal liinen hivä.

Nece neidine toukunt tukun, tahthašt' škläkun. Hiirutt hiviš meliš läks' kodaha. Nene tuldhe hörmud kilbetišpei, ka sött' heid, dött'.

- Neidine, neidine, tuližid ku magatta ka.

Kukei čaigaht', mužikad kadotine, nece neičukaine ihastj. Däi hänele dengiid koume sumkad.

Toižel ehtal möst kolotiže. Nened že hörmud möst kästtaze:

- Neidine, neidine, lämbita kilbetiine.

Kilbetihe mändhe, a nece neidine pирgaižed ajab. Hiirutt i hippäst':

- Neidine, neidine, touknašt' tahthašt', pahal aigal liinen silei hivä.

Nece neidine toukunt tukun, tahthašt' andei škläkun. Hiirutt hiviš meliš päčin alle kodaha.

Nene ukod tuldhe möst kilbetišpei, sött', dött' nenid ukiid.

- Neidine, neidine, tuližid ku magatta.

— Vaitti, naku valikiižen pezen.

Necida neičukašt hiirutt vastan alle murdiižeks i muusalz'. Kukei čaigaht' i nene mužikad möst kadotihe.

Mamm i sizar sanub:

— Lähkam otmaha, rikitud oma dö dai kolnu om siga, lähkam, hotä togam lud ne.

Mändhe, ka hän siga kändleze ku papad' hivä. Toine sizar se sanub:

— Kus, čikuško, olid, da kus otid neceverdan dengiid, openda minde!

— Mää, mamale sanub, — vö sinna elämaha ičeiž zdročonijad türtä.

Kodihe tuldhe dengiideke, kanttihe edva koumen. Toine sizar sanub:

— Mina lähten sinna. Openda mindei, čikuško.

Necen tüturen sädataab, toizen, ičeze selgitab. Ičeze tütrele andei töd ka kuidud kezerta, döuhod andei rugihišt', pirlgiikš nižišt' döuhod, šonad dö hiväd andei, suurint andei, toukunt andei, kaiked andei ičeze tütrele. Höbole ištut' dai vei sinna. Sizar se opendab: «Kacu, tuloba razboinikad, ka kilbet' lämbitada kästtaze, lämbita, pirlgaižed aja, hiirutt tulob, pakičob touknašt' tahthašt', ka sina hänele paina valikol.»

Nece neičukaine dö hiviš meliš ištub, kezerdab, tulnu dengiid samha. Kuulišt', ka kolotiže, dö tuloba. Mäni, avož, ka möst razboinikad.

— Neidine, neidine, lämbitaskep kilbetiine, ajaskep pirlgaižid.

Kilbetin lämbit', nene kilbetihe lähtihihe. Nece neižne pirlgaižid ajaškanz. Hiirutt i hippast':

— Neidine, neidine, touknašt' tahthašt', pahal aigal liinen hivä.

Hiirudele ku las'k valikol päha. Hiirutt voivotesenke läks' kodaha, ei völ kolnu. Nene ukod kilbetišpei tuldhe, čai dödhe, kaik pirlgad södhe.

— Neidine, neidine, tuližid ku magatta.

Hän magatta mäni, pekstihe, pekstihe, ka edva heng dättihe. Nene ukod lähtihihe. Necile nimida dänu ei. Nece neičukaine dö pelgastunu: «Tuloba, ka riktaze niguni mindei.» Möst tuldhe, kolotiže.

— Neidine, neidine, lämbita kilbetiine, aja pirlgaižed.

Lähtihihe kilbetihe, möst pirlgaižed ajaškanz. Hiirutt hippast' möst, ei, rouk, pannu pahaks, möst tulob.

— Neidine, neidine, touknašt' tahthašt', pahal aigal hivä liinen.

Hän las'k hiirudele, hiirutt voivotesenke kodaha i läksiškanz.

— Sina mindei rikeid da ed i sina päzu.

Iče kol', rouk. Nene kilbetišpei tuloba, södaze, dödaze.

— Neidine, neidine, tule magatta.

Neidine nece magatta mäni. Necida pekstihe, pekstihe, döugab čaptihe, nižad čaptihe. Nece mamm da tütar otmaha ajetaze, paral höbol tuloba otmaha. Nene dö pandud nižad iknale, döugad gardalijale dö rippuset.

— Kacu, nakka minun tiitruDEL bulkaižed vilugataze iknal.

Tuldhe, ka tütar dö rikitud. Sihe langen' mamm nece. Luuhuded kaik kogoz' mamm, kordhä pani, kodihe ott'. Kodihe tuldhe da necen tüturenke eläskatthe kahten. Tegihe tütar hänele armaz. Nuguni siga eletaze. Enamba ni mida.

НЕРОДНАЯ ДОЧЬ

Жили-были с матерью две дочери. Одна дочь была родная, а вторая — неродная, матерью стала ей мачеха. Она любила свою дочь, а вторую дочь совсем не любила.

Эта женщина говорит своей родной дочери:

— Отвезем ее жить в избушку на берегу. — И говорит падчёрице:
— Завтра ты уходи от нас жить отдельно.

Дала она ей мха вместо волокна для прядения, золы из очага — вместо муки, гравия — вместо пшена, опилок — вместо крупы. Отвезли они ее туда, в избушку, одну жить. Сделала она себе прялку, привязала мох, взяла веретено в руки и начала прядь. Слышил, стучатся. Пошла она открывать. Открыла дверь, а там три разбойника.

— Девушка, девушка, истопи баньку.

Истопила она баньку, эти мужики-разбойники пошли в баню. Девушка начала пироги скать, велели дак. Мышка прыгнула:

— Девушка, девушка, дай толокняного теста, в плохие времена пригожусь.

Эта девушка дала толокняного теста. Мышка, довольная, шмыгнула в норку. Пришли разбойники из бани. Она накормила, напоила их.

— Девушка, девушка, пришла бы ты с нами спать?

Петух кукарекнул. Мужики исчезли. Девушка обрадовалась. Осталось ей денег три сумки.

На следующий день опять стучатся. Эти же мужики опять велят:

— Девушка, девушка, истопи баньку.

Пошли они в баню, а девушка пироги скет. Мышка прыгнула:

— Девушка, девушка, дай толокняного теста, в плохие времена пригожусь.

Девушка дала толокняного теста. Мышка, довольная, спряталась под печку в норку.

Пришли мужики из бани. Накормила, напоила она их.

— Девушка, девушка, пришла бы ты с нами спать?

— Подождите, только валик вымою.

Мышка девушку превратила в соринку, запрятала под веник. Петух кукарекнул, и эти мужики опять исчезли.

Мать и сестра говорят: «Пойдем за нею, возьмем ее, наверно, она уже умерла там. Пойдем, хоть кости-то принесем». Пошли они, а она там порядничает, как попадья хорошая. Вторая сестра-то и говорит:

— Как, сестрица, ты жила здесь, откуда взяла столько денег? Научи меня!

Говорит она мачехе:

— Свою доченку дочь потом туда жить отведи.

Домой пришли с деньгами, едва втроём донесли.

Вторая сестра говорит:

— Я пойду туда. Научи меня, сестрица.

Мать одевает, посыпает туда свою дочь. Своей дочери дала кудели да волокна для прядения, муки дала ржаной, на пироги — пшеничной муки, хорошего пшена дала, крупы дала, толокна дала, всего дала своей дочери. Усадила на лошадь и отвезла туда. Сестра-то наказывала:

— Смотри, придут разбойники, попросят баню истопить, ты истопи, пирогов наски; мышка придет, попросит толокняного теста, так ты ее стукни валиком.

Эта девушка сидит, довольная, прядет (добывать деньги приехала). Слышил, стучатся, уже пришли. Пошла, открыла — там разбойники.

— Девушка, девушка, истопи-ка баньку, наски-ка пирогов.

Баню истопила, пошли они в баню. Мышка и прыгнула:

— Девушка, девушка, дай толокняного теста, в плохие времена пригожусь.

Она как стукнет мышку валиком по голове. Мышка с писком убежала еле живая в норку. Эти старики из бани пришли, попили чай, все пироги съели.

— Девушка, девушка, пришла бы ты спать?

Она пошла спать: ее били, били, едва душа в теле осталась. Старики ушли, ей ничего не оставили. Девушка испугалась: «Вот вернутся и убьют меня теперь». Опять пришли, стучатся:

— Девушка, девушка, истопи баньку, наски пирогов.

Ушли они в баню, она начала пироги скать. Мышка прибежала, не обиделась, бедная, опять явилась:

— Девушка, девушка, дай толокняного теста, в плохие времена пригожусь.

Она как стукнет мышку, мышка с писком и убежала в норку:

— Ты меня убила, но и ты не спасешься! — Сама скончалась, бедняжка.

Старики из бани пришли, едят, пьют.

— Девушка, девушка, иди спать.

Девушка эта пошла спать. Ее били, били, ноги отрезали, груди отрезали, положили на окно, а ноги на балкон.

Мать и сестра едут на паре лошадей за нею:

— Смотри, там у моей доченьки на окне буточки остывают.

Пришли, а дочь уже убита. Тут и упала мать. Потом косточки все собрала мать, в сани положила, домой взяла. Приехали домой и вдвоем стали жить. Стала падчерица любимой дочерью. И теперь там живут. Больше ничего.

10. HÜVÄ NIIČUKAINE VARVEI

Eletihe koumen sizaresed. Üks' oli Redu-varvei. Ei käunu hän nikuna, päčil vaise venj. Toižed nened sizared käutihe bolha da sen'he. Nece Varvei päčilpei mäb mödha heileze sen'he. Händast ei navedtud sizared sousim. Nene sizared siga bol poimdihe, da sen't, da mida puutub siga kogotihe.

Nece Varvei dö kodihe teravaidesti döks' tulda edel heid. Tuli dei päčile mäni, rous. Nene mödha tuldhe sizared, kodihe dö tuldhe senespei da bolaspei.

— Toittik, sizared, sened da, bolad da? — nece Varvei küzub päčilpei.

— Oi, ištu, Redu-varvei, päčil, eika... — i pekstaze händast sinna.

Toižel homesel möst lähttihe nene sizaresed. Hän sanub:

— Otkaskep mindei, sizared!

— Oi, nena tule silei, Varveile. Kuna sindei otam? Ištu, kacu, päčil.

Lähttihe nene sizared i hän mödha. Mändhe, mändhe nene sizared ka lambhaine venub brodus.

— Oi, čikuskod, lekatskep mindei.

— Oi, venu, nena tulgha silei, venu siid! Sobid brodusteitmaha, sindei lemmaha em tulgei.

Vähäine mändhe, ka ukeine venub.

- Oi, čikuskod, neičukaižed, lekatskep mindei.
- Oi, em lekei dai, venu siga, sobid broduseitmaha em tulgei.

Nügudi nece Redu-varvei se proidub.

- Lendaskep mindei, sanub (lambhaine), — tüttü!
- Hän i lend' necen lambhaižen broduspei. Vähäižen mäni, ka ukeine venub.
- Oi, tüttü, lenda mindei!

Händast möst lend'. Hän kodihe edelpei döks' nece Redu-varvei i päčile möst. Sizaresed tuldhe nügudi sigapei, bolaspe da senespei. Sanutaze hänele:

- Redu-varvei, homen liinob cerkov, a sina päčil venud.
- Homen lähtoba sizaresed cerkvaha, sädaze.
- Oi, otkatskep, čikuškod, mindei cerkvaha.
- Oi, kuna otam Redu-varvein cerkvaha, stramun ningoman!
- Oi, algei otkei, otkat sana tagaze, algei vaise pekskei.

Nece Varvei mödha lähtob cerkvaha. Mäni Varvei, kivudehe painei, hänele sigapei ukeine lübj, hänele andei sobad kuldmasiižed. Varvei mäni cerkvaha. Eini papp pajata, ni služkei ei, kaik neche adivohvo kactaze. Nece neizne Varvei pundalzihe teraveidešti cerkvias edel rahvast i läks', höbole ratcile ištiihe i kodihe ajamaha läks'. Ned sizared mäba dö edel händast, edel hebon. Heid ümbärz', heileze andei kunutal čvikun, painei mougotile, ühteles itoižele. Tuli nece Varvei kivudeno, kivudehe paini, höbon sihe dätt', iče riičihe dai sobad sihe dätt' möst. Tuli dai möst päčile iče mäni. Sizared tuldhe.

- Avoi, Redu-varvei, täambei adiv oli cerkvias, kuldmasiižis sobiš oli, papid ni ked ei sluužtud, kaik hänehe kactihe.
- Enj libo mina olnu? — Varvei se sanub.
- Oi, nena silei ehti, sinak ningitte olid? — möst händast i pekstaze päčile.
- Homen, sanub, — völ liinob cerkov.

Nened möst lähtihe cerkvaha.

- Otkatskep, sizared, mindei täambei.

Nece Varvei möst läks' mödha cerkvaha. Nece Varvei möst mäni, kivudehe paini, hänele andei tähthasiižed plattäd. Varvei möst ratcile ištjihe, möst cerkvaha ajei. Mäni cerkvaha, ka möst kaik cerkov siga kaku süttj, mugomiš sobiš. Nece Ivan-carevič ott' i tervaz' lavan cerkvias, siid kus nece adiv seižub. Necil adivol kolus sihe i däi. Nece Ivan-carevič sormusel imännijjal paini ocha necile adivole. Cerkvaspei lähtihe. Nece adiv möst ratcile ištjihe, ajei, nenid sizard möst ümbärz', ühteles andei čvikun, toizižele čvikun, riičalzihe i möst päčile mäni. Sizared tuldhe dö cerkvaspesi.

- Avoi, Redu-varvei, täambei oli adiv, nuka kaik hänen päle i kactihe.

Nece Varvei se sanub:

- Enj libo mina olnu?

Händast möst peksta zavottihe, roukad, päčile.

- Oi, algei pekskei, otkat sana tagaze.

Varveil occ se kär'dud. Sizared sanutaze:

- Mikš om silei, Redu-varvei, occ se kär'dud?
- A senes olin, sanub, — da satatin ocean.
- Täämbeli, sanub, — Ivan-carevič kaiktä eccib, kuule min, tervanu oli kolušin, ka kaikile oli probjingu döugihe, ni kelle sättu ei. Nügut tulob mijale nene kolušid probjimaha. Nece Ivan-carevič sida mehele ottab, kelle koluš sättub.

A Varveil siga päčil kohtun pakutab. Tuli (Ivan-carevič), nenile kahtelesizarele i probji kolušin, ei god'nuze heile, eilä heide döugad möto.

- Ken völ om teil päčil? — nece Ivan-carevič sanub.
- Oi, meide siga om Redu-varvei päčil, ala hotä kärde!
- Ei, sanub, — pidab lasketada.

Varveid päčilpei lasketethet, hänel occ kär'dud, necen kolušin probjim Varveile döugha, vokurat Varveile. Ottihe Varveil occ riičihe. Nece Ivan-carevič terveht händast risthaze, pelgastj: pidab mehele ningitte otta. Nece Varvei sanub Ivan-carevičale: «Ištu naku». Nece Varvei mäni lagedaha pöudho, vihändaha normhe, kivudehe painj risthaze. Höbo tuli, kartina do togo, ka hänen päle i kacta. Nece da Varvei sadihe da do togo adivoks, ratcile ištjihe höbole, ajab carin dvorcha, carin perthe. Siga dö car' da Ivan-carevič da vastataze händast. Vödhe händast perthe ka muga käzipoliš i vödhe. Adiv, ka päle i kacta.

Nenid sizarid kuctihe svadbaha. Svadib väthe dai täambei siga eletaze. Kaik, enamb nimida.

ДОБРАЯ ДЕВОЧКА ВАРВЕЙ

Жили три сестры. Одна была грязнуля Варвей. Она никуда не выходила, только на печи лежала. Другие же сестры ходили за грибами и ягодами. Варвей слезает с печи и идет за ними следом по грибы. Сестры ее совсем не любили. Собирают они там ягоды, грибы и что подвернется, а Варвей быстренько бежит домой раньше их. Пришла и забралась, бедняжка, на печку. Следом пришли сестры из лесу.

— Принесли ли, сестры, грибов да ягод? — спрашивает Варвей с печки.

— Ой, сиди, грязнуля Варвей, на печке, не то... — И бьют ее.

На следующее утро опять пошли сестры. Она говорит:

— Возьмите меня, сестры!

— Ой, черт тебя побери! Куда мы тебя возьмем? Сиди на печке!

Пошли сестры, и она следом. Шли, шли сестры, видят — в грязи лежит овечка.

— Ой, сестрички, поднимите меня!

— Ой, лежи, черт тебя побери, лежи тут. Не будем мы пачкать одежду, не будем тебя поднимать!

Прошли они немного — стариочек лежит.

— Ой, сестрички, девочки, поднимите-ка меня!

— Ой, не поднимем, лежи там, не будем одежду пачкать!

Теперь проходит мимо грязнуля Варвей.

— Подними-ка меня, девочка, — говорит [овечка].

Она подняла из грязи овечку. Прошла немного — стариочек лежит.

— Ой, девочка, подними меня.

И его она подняла. Она побежала домой, эта грязнуля Варвей, и опять на печку. Пришли сестры из лесу [букв.: с ягод, с грибов]. Ей говорят:

— Грязнуля Варвей, завтра будет служба в церкви, а ты лежишь на печке.

Сестры идут в церковь, одеваются.

- Ой, сестрицы, возьмите меня в церковь!
— Ой, куда мы возьмем тебя, грязнулю Варвей, в церковь, срам такой!?

— Ой, не берите, возьму слово обратно, только не бейте!

Варвей растягивала идти следом в церковь. Попила Варвей в поле, стукнула по камушку, оттуда поднялся спичечок, дал он одежду золотую. Прашала Варвей в церковь. И икон не поет, и служба не идет, все на эту барышню смотрят. Эта девушка Варвей быстренько повернулась и вышла раньше других из церкви, села верхом на лошадь и поехала домой. А сестры идут впереди нее. Она обогнала их, хлестнула их кнутом, ударила ту и другую. Припила Варвей к камушку, стукнула по камушку, оставила тут лошадь, сама разделилась и оставила тут одежду. Припила и снова забралась на печку.

Пришли сестры.

— Ой, грязнуля Варвей, сегодня в церкви была девуличка в золотой одежде. Ни икон не служил и никто [не могли], все на нее смотрели.

— Не я ли была? — Варвей-то говорит.

— Ой, черт тебя побери, ты-то там и была. — И опять побили ее на печке. — Завтра, — говорят, — опять будет служба.

Сестры опять пошли в церковь.

— Возьмите-ка меня, сестры, сегодня!

Варвей опять пошла следом в церковь. Опять пошла, стукнула по камушку, ей дали звездное платье. Варвей опять села верхом, опять поехала в церковь. Опять церковь засветилась огнем, засияла от такой одежды. Иван-царевич взял и наизнанку смолой пол в церкви, где стояла эта девушка. Калоша девушки тут и осталась. И еще Иван-царевич именем перстнем стукнул в лоб этой девушки.

Все вышли из церкви. Девуличка опять села верхом, поехала. Опять обогнала своих сестер. Одну хлестнула, другую хлестнула...

Быстро разделилась и опять забралась на печку. Пришли сестры из церкви.

— А-вой-вой! Грязнуля Варвей, сегодня была барышня, так только на нее все и смотрели!

Варвей-то и говорит:

— А не я ли это была?

Ее опять начали бить-колотить, бедняжку, на печке.

— Ой, не бейте, возьму слово обратно!

Лоб у Варвей перевязан. Сестры говорят:

— Почему у тебя, грязнуля Варвей, лоб перевязан?

— А я за грибами ходила, — говорит, — да ушибла.

Сегодня, — говорят, — Иван-царевич повсюду ищет свою невесту. Он намазанную калошу теперь всем примерял по ноге, никому не подходит. Теперь к нам приедет Примирять эти калоши. Иван-царевич ту возьмет замуж, кому подойдет калоша.

А у Варвей там на печке душа болит. Пришел, примерил он калошу двум сестрам, им не подошла, не по их ногам.

— А кто у вас спас там на печке? — говорит Иван-царевич.

— Ой, там на па грязнуля Варвей на печке, только не связывайся с нею!

— Нет, — говорит, — нужно ее опустить.

Варвей с перевязанным лбом с печки опустили. Примерил он калошу, как раз по ноге Варвей. Развязали Варвей лоб, Иван-царевич поцеловал ее крест-накрест, сам испугался: надо замуж взять замарашку такую. Варвей говорит Ивану-царевичу:

— Сиди тут.

Пошла Варвей в чисто поле, зеленую дубраву, стукнула крест-накрест по камушку. Появилась лошадь: картинка такая, что только на нее и смотреть. Оделась Варвей, стала красавицей. Села верхом на лошадь, едет во дворец царя. Там царь и царевич уже встречают ее. Отвели ее в дом, под руки вели. Девица такая, что глаз не отвести.

Этих сестер пригласили на свадьбу. Сыграли свадьбу. Они и сегодня там живут. Все, больше ничего.

11. VELL I SIZAR

Ende oli ukk da akk. Necel ukol da akal oldhe poig da tütar. Nece mamm koliškanz.

— Tulgat, sanub, — poig da tütar, täenna minunno. Kacu, mina kolen, ka üks' küzugat ühtel, toine toižel.

Nece tütar ištj vaise komnatas stöklovijas, nimida ii ranu. Nece poig kävi mecnikiile, lindjjid sai da mida puutub. Nece poig nai, ott' jägi-baban türen mehele. Murzäin nece kohtištj da rodi prihäižen. Nece vell mecha läks'. Mäb, küzub:

— Čikuško, ka mina läksin.

— Mä, mä, veikuško.

Nece murzäin ei navednu necida nadod ni vuusö. Hän ištj siga vaise da sei, da d'ei. Nece murzäin mäni dei lehman tanhal pus'k. Nece vell tuli mecaspei i sanub:

— Zdrasvui, čikuško.

— Zdrasvui, veikuško.

— Hiväl čikuškol da hiväl veikuškol üks' parahim lehm oli i sen pus'k.

— Mina liinen, ka i lehm liinob, — nece vell sanub.

Nece vell möst homesel läks' mecnikiile.

— Nu, čikuško, mina läksin.

— Mä, mä, vellüško.

Nece murzäin mäni da parahim ubeh oli, dai sen pus'k. Nece vell tuli kodi-he ka:

— Zdrasvui, čikuško.

— Zdrasvui, veikuško.

Ka hän teda nimida ei... Nece vell sanub:

— Nene vigad prosstud, mina liinen, ka i höbo liinob.

Vell ön magadab i möst lähtob mecha. Nece murzäin dö ičeze rožonijan lapsen pusknu. Nece vell tuli ka:

— Zdrasvui, čikuško.

— Zdrasvui, veikuško.

— Ka hiväl čikuškol, ka hiväl veikuškol üks' oli rožonii ka sen pus'k.

Nece vell sizarenno mäni sinna ka sanub:

— Sizar', säte, lähkam praznikale.

— Mičšhe, veikuško, sätaze?

— Mustihe, sanub, — säte.

Nece vell höbon vallast', sizaren ištut' kordha i lähtihe. Ajetihe ka, ajetihe ka, ajetihe ka...

— Nakku rikta, ka koirad nuttaze, rahvaz käutaze, lindud letaze. Völ ei jiknu sihe, völ läks' edeleze. Ajei ka, ajei glušhe strušnijaha, orgho. Höbon azot'.

— Lähte kordáspei, sizar.

Kordáspei hän läks', händast rikoškantz'.

Veikuško, mii mindei rikta, ka čapa milci käded da döugad, sido paik silmile i piasta mindei.

Nece vell ūapei döugad i käded i händast i dätt' sihe. Hän iše höbon künd' i koduhe. Vell nece tuli kodihe ihästusis, murzäin ihästunu, eletaze.

Nece neižne döda tuhtjäskanz lujas. Hän lovaž ka, lovaž lutuškül ni, rouk. Tuli, tuli ka kaiveine. Hänele döda tuhtjäze, voikab. Hän kaivežes läheli täni. Hän voikab kaivorounal. Sigupei läbji i sanub:

— Anda käzi.

Hän sanub:

— Min mina andan? Käzid milci cilla.

— Čokeida tännana lutjäk!

Hän i čokeiž. Hänele käded i andci.

— Anda i döugab, sanub, — tännana.

Hän i döugad čokeiz sinna. Döugad andji hänele dümal. Nece neižne koduhe läks'. Mäni ka taričeze necen vellenno da nevestkanno öks. Mill se ei piasta ohotas. Vell se päst'. Nö ei tundkei. Nece pästtihe öks ka händast döttihe i söötühe. Nece vell i sanub:

— Midani tedad bivalščinijid samuda?

Nece neižne sanuškantz ičeze pobedad. Sanub, starinjčob ičeze kaik: «Ende oli ukk da akal, necel ukol da akal oldhe tüür da poig. Nece mamm koliskanz» — «Tulgat, sanub, — poig da tüür täanna minunno. Kacu, mina kolen, ka tiks' küzugat ühtel, tojne toilzel.» Nece tüür išt' vaise komnatas stölklovijas, nimida ei ranu. Nece poig kävi mecnikiile, lindud sai da mida puutub. Nece poig nai, ott' jagi-buban türen mehele. Murzäin nece kohtijü da rodi priheižen...» Muga i starinjčob kaiken.

Mill sanub: «Tühd', tühd'!»

Nece vell händast sidei ubehele händha akan sidei, päst' lagedaha pöudho, vihändaha normhe. Kuna necil akal döug — sihe kouk, kuna küzi — sihe harav, kuna perze — sihe turbaz, kuna pää — sihe kalli, kuna po — sihe so, kuna silm — sihe silmlähde.

Enam'b nimida. Kaik.

БРАТ И СЕСТРА

Жили-были старик и старуха. У старика и старухи были сып в дочь. Мать стала умирать.

— Подойдите, — говорит, — сын и дочь, ко мне. Вот я умру, так вы советуйтесь друг с другом [букв.: спрашивайте один у другого].

А дочь эта все время сидела в стеклянной комнате и ничего не делала. Сын ходил на охоту, птиц да что попало ловил.

Сын женился, взял в жены дочь бабы-яги. Жена его забеременела и родила мальчика. Брат пошел в лес и спрашивает у сестры:

- Сестрица, так я пойду в лес?
- Иди, иди, братец.

А жена брата совсем не любила свою сноху. Сама все сидела, ела да пила. Пошла эта женщина в хлев и заколола корову.

Пришел брат с охоты и говорит:

- Здравствуй, сестрица.
- Здравствуй, братец.

А жена:

— У милой сестрицы да у дорогого братца была одна лучшая корова — и ту заколола [сестрица].

— Буду я — и корова будет, — говорит брат.

Брат опять пошел утром на охоту.

- Ну, сестрица, я пошел.
- Иди, иди, братец.

Лучший был жеребец, эта жена пошла и заколола. Брат пришел домой:

- Здравствуй, сестрица.

- Здравствуй, братец.

А он пока ничего не знает... Выслушав, брат говорит:

- И эту вину простим, я буду — так и лошадь и все будет.

Брат переспал ночь и опять идет в лес. Жена своего родного ребенка заколола. Приходит брат:

- Здравствуй, сестрица.

- Здравствуй, брат.

— У милой сестрицы да дорогого братца был один рождённый — да и того зарезала.

Брат пошел к сестре и говорит:

- Сестра, одевайся, пойдем на праздник.

- Какую одежду, братец, надеть?

- Черную, — говорит, — надень.

Брат запряг лошадь, посадил сестру в сани и поехали. Ехали, ехали они. «Если тут убить, так тут собаки лают, и люди тут ходят, птицы летают». Не убил тут, еще дальше поехали. Ехал, ехал, в страшную глуши заехал, остановил лошадь.

- Выходи из саней, сестра.

Вышла она из саней. Он решил ее тут убить.

— Братец, чем меня убивать, так лучше отруби мои руки и ноги, повяжи платок на глаза и уди.

Братец отрубил руки и ноги и оставил тут. Сам повернул лошадь и поехал домой. Приехал он домой довольный, жена обрадовалась, живут они.

Захотела девушка пить. Культиами шевелит, шевелит, бедняжка. Видит — колодец. Ей сильно пить хочется, плачет. Рядом колодец. Плачет на краю колодца. Оттуда встает кто-то и говорит:

- Дай руку.

Она говорит:

- Как я дам? Нет у меня рук.

- Сунь сюда культи!

Она и сунула. Ей Бог и дал руки.

Дай и ноги сюда, — говорит.

Она и ноги сунула туда. И ноги дал ей Бог. Поняла эта девушка свою. Шла она, пила. Просится к своему брату и невестке переночевать. Невестка неохотно впускает, а брат впустил. Они ее не узнают. Впустили ее переночевать, напоили, накормили. Брат и говорит:

— Знаешь ли ты какие бывальшины?

Эта девушка начала рассказывать о своих горестях, все о себе рассказывающая:

— Жили старик со старухой, у старика и старухи была дочь и сын. Стала умирать эта мать. «Подойдите, — говорит. — ко мне, сын и дочь. Вот я умру, так вы сядете друг с другом». Дочь только сидела в стеклянной комнате, ничего не делала. Сын ходил на охоту, ловил птиц да что попадало. Сын женился, взял дочь бабушки. Жена забеременела и родила мальчика...

Так они и рассказали все. Невестка говорит:

— Пустое это все, пустое!

Брат взял ее, свою жену, привязал к хвосту жеребца и пустил того в чисто поле, на зеленую лубраву. Где упала ее нога — там кочерга, где рука — там грабли, где задница — там дерн, где голова — там скала, куда упала п... — там болото, куда глаз — там трясина [букв.: окно на болоте].

12. KULDAINE PRILIÄ

Ende oli ukk da akk. Koume tütärt oli. Nene tütred hardämaha käutaze chtkičtel koumen kesken kilbetihe. Nece Ivan-carevič kundlob perteses, mida hō pagištaze. Kaikiš vanhamb sizar sanub:

— Mindei otaž! Ivan-carevič mehele, ka mina tegižin ühtes kuidužes koumeüched sobad.

Keskmaine sizar sanub:

— A mindej otaž! Ivan-carevič mehele, mina ühtes taignas koumeüched leibad paštažin.

Koumanz' sanub:

— A mindei otaž! Ivan-carevič mehele, ka ühtes kohtus koume bohatirid rodiži: tukaine kuldaine, toine hobedaine oliž.

Nece Ivan-carevič nai, necen norembar tütren ott'. Nece murzäin kohtišti. Rodi koume poigad: tukaine kuldaine, toine hobedaine. Rodihe ka küs'k Ivan-carevičale:

— Ivan-carevič, mii babeid ecmahu. ala ota dägi-babud babaks.

Nece Ivan-carevič lüks' dorogad möto, astub, ka dägi-babb vastha tulob, sanub:

— Zdrasvui, Ivan-carevič! Edahaksik mäd, Ivan-carevič? babei se küzub.

— Män babeid cejnaha:

— Ota mindei.

— Dägi-babeid ei lasknu otta, hän sanub.

Hän möst sanub: «Mäne hot' mii, ka mijal kaik dägi-babud».

Nece dägi-habu orgciči, a Ivan-carevič dorogeči, möst vastha tulob Ivan-carevičale. I ott' babaks necen dägi-baban. Tuldhe, kilbet lämbitethel lapsile.

Nece babei tonu koume koirkužud. Nece dägi-babb ott' kilbetihe koume last. Hän siga pezet' nenid lapsid, da i päst' lagedaha pöudho, vihändaha normhe nenid bohatirid. Nece babei tuli kilbetišpei, sanub Ivan-carevičile:

— Eilä silei akaiž rod'nu bohatirid, a om koume koirkužud rod'nu.

Nece Ivan-carevič sanub:

— Ezmäine viga oukha prost'tud.

Nece vsöravno möst murzäin kohtjsti, vsöravno möst rodi koume bohatirid: tukaine kuldaine, toine hobedaine. Rodihe ka käs'k Ivan-carevičale:

— Ivan-carevič, mä babeid ecmaha, ala ota dägi-babad babaks.

Möst läks' Ivan-carevič babeid ecmaha, ka tulob dägi-babb vastha. Sanub:

— Zdrasvui, Ivan-carevič! Edahaksik sina mäd, Ivan-carevič?

— Män babeid ecmaha.

— Ota mindei.

— Dägi-babad ei lasknu otta, hän sanub.

Hän möst sanub:

— Mäne hot' mii, ka mijal oma kaik dägi-babad.

Nece dägi-babb orgeiči, a Ivan-carevič dorogeiči, möst vastha tulob Ivan-carevičale. Uk se necen baban möst ott' babaks. Hän möst vönu lapsid külbetihe. Siga babei möst päst' lapsid nenid. Murzäin nece kaks' last andei külbetihe, a ühten dätt' oiktan nižan alle. Dägi-babb nece tuli kilbetišpei, Ivan-carevič sanub:

— Kacu, sanub, koume bohatirid om rodnu, a kacu, koirkužud oma.

Nece Ivan-carevič tegeteit' bučun, roudaižed vandhed, necen murzäimen pani sinna bučhu i päst' Änižehe heid. Nece Ivan-carevič nai, ott' dägi-baban tüturen mehele. Eläškathe hö...

Nece buč siga kačaihe, kačaihe. Siga dö nece prihā kazvei suureks.

— Oi, mamuško, döugaižed oigendan!

— Ala, nadi, oigenda, sūväs sijas olem...

Randha tuliškathe dö. Kuulišt', kirksaht' dö ma, kačai dö hiid randha.

Nece prihaine döugad oigenz, nece buč i hougen'. Ned sigapei i lähtihe mamm da poig. Prihā suur', hivä, tukaine kuldaine, toine hobedaine. Mamm sanub:

— Poig, kut mö naku eläškandem?

Poig sanub:

— Mama, vere magatta, ala holdu.

Magatihe ö. Homesel lübutihe, ka i pert' dö tehnuze sihe lujas hivä.

— Nügut, sanub, — meile eläda se om lujas hivä, bateiž nügut vaise meil oliž...

Nügut nece prihā mäni, kivudehe painj i nene kaik molodcad sihe tuldhe, velled hänen dai batt'. Hö kaik zdorovkaihe. Eläškathe siid. Kaik.

ЗОЛОТОЙ МАЛЬЧИК

Жили-были старик со старухой. Было у них три дочери. Эти дочери ходили по вечерам в баню [лен] чесать. Иван-царевич слушает в предбаннике, о чем они говорят. Самая старшая сестра говорит: «Если бы Иван-царевич взял меня замуж, то я бы из одного волокна соткала бы три разных платья». Средняя сестра говорит: «Если бы меня взял Иван-царевич

замуж, то я бы из одного теста испекла бы три разных хлеба». Третья говорит: «А если бы меня взял замуж Иван-царевич, то я бы сразу [букв.: из одного живота] родила бы трех богатырей и был бы у каждого один волосок золотой, другой — серебряный».

Иван-царевич женился, взял в жены младшую дочь. Жена забеременела. Родила она трех сыновей: один волосок золотой, другой — серебряный. Родила она и велела Ивану-царевичу:

— Иван-царевич, иди искать повитуху, только не бери бабу-ягу.

Иван-царевич пошел по дороге, идет ему навстречу баба-яга, говорит:

- Здравствуй, Иван-царевич! Далеко ли ты идешь, Иван-царевич?
- Иду повитуху искать.
- Возьми меня.
- Бабу-ягу не велела брать.

Она опять говорит:

— Иди хоть сколько, а у нас все бабы-яги.

Баба-яга — лесом, а Иван-царевич — по дороге. Она опять идет навстречу Ивану-царевичу. И взял он эту бабу-ягу повитухой. Пришли они, истопили детям баню. А у бабы-яги принесено три щенка. Взяла баба-яга троих детей в баню, помыла их и отправила в чисто поле, на зеленую дубраву этих богатырей. Пришла баба-яга из бани, говорит Ивану-царевичу:

— Твоя жена родила не трех богатырей, а трех щенят.

Иван-царевич говорит:

— Первая вина пусть будет прощена.

Жена все равно снова забеременела, все равно родила трех богатырей: волосок золотой, другой — серебряный. Родила и опять велела Ивану-царевичу:

— Иван-царевич, иди искать повитуху, не бери бабу-ягу.

Опять пошел Иван-царевич искать повитуху. Идет по дороге, навстречу ему баба-яга, говорит:

- Здравствуй, Иван-царевич! Далеко ли идешь, Иван-царевич?
- Иду повитуху искать.
- Возьми меня.
- Бабу-ягу не велела брать, — он говорит.

Она опять говорит:

— Иди хоть сколько, у нас все бабы-яги.

Баба-яга лесом пошла, а Иван-царевич — по дороге. Опять идет навстречу Ивану-царевичу. Взял он ее повитухой. Она опять отнесла детей в баню, опять спрятала этих детей. А жена-то отдала в баню только двоих детей, а третьего положила под правую грудь. Пришла баба-яга из бани и говорит Ивану-царевичу:

— Смотри, говоришь, трех богатырей родила, а это щенки.

Иван-царевич сделал бочку, железные обручи, посадил туда жену и бросил в Онего.

Иван-царевич женился, взял в жены дочь бабы-яги. Стали они жить.

А пока бочка там качалась, качалась, мальчик вырос в большого парня.

— Ой, мамушка, я выпрямлю ножки!

— Не надо, дорогой, мы на глубоком месте.

Стали подходить к берегу, услыхали: уже земля зашуршала. Их к берегу пришло. Мальчик ноги выпрямил, и бочка разломилась. Мать и сын вышли оттуда. Парень большой, хороший, волосок золотой, другой — серебряный. Мать говорит:

— Сын, как мы будем тут жить?

Сын говорит:

— Мама, ложись спать, не беспокойся.

Проспали ночь. Проснулись утром, а тут уже и дом очень хороший выстроился.

— Теперь, — говорит, — нам очень хорошо жить. Был бы только у нас твой отец...

Пошел этот парень, стукнул по камушку, и пришли к ним все молодцы, братья его, и отец. Поздоровались они и стали тут жить. Все.

13. NASTENKA-NEVEST

Ende eletihe ukk da akk. Ukol da akal oli tütar i poig (nimid teda en). Oli prihää tulnu toižiš maišpei aštiid tehmaha. Nece prihää necen neičenke i oznakomihe. Nu, batt' da mamm koliškathe ka sanutaze prihääle: «Poig, ala anda sizart edahaks mehele.» Nu, nece sizar' i sanub: «Vsöravno män, koume vott olen dö oznakominuze, en küzu, män.»

Nece prihää i läks' rodnäd keramaha ičeze male, a neižne pedajanno ičeze elon i kandiš, varastab prihääd Änižen randal. Siid vell ei anda ka prihile oli sanunu pilščikile: «Voined ka dätkat sizaren, mina teide taga andan mehele.»

Prihääd pilščikad se oldhe pahad, a neižne se oli hvä. Kacuht' ka ajetaze karablil koumel otmaha, kezarusttiš päiviš kargiideke ka, garmoniideke tuldhe randale. Prihääd unineglažed pandhe adivole, hän letkele siga i tropni magatta. Siid nece ženih tuli, hippäst', noustab, pudištab, vedehe vob, hän ii nouzu. Ženih kützub: «Eilä ohvot tulda vai?»

Nu, hänt dättihe, karabläd kät'he i lähtihe. Hö vaise lähtihe, ka hän i küpsaht', neglaižed se heittihe. Hän i kützub i huikutab, vedehe mäb... kützub: «Völak suuldihe tulda?» Sanutaze prihääd: «Suuldihe koumel karablil tulda homen.»

Möst tuloba, kuudel karablil tuloba, kezarusttiš päiviš, kargiideke, garmoniideke, pajideke tuldhe randale. Prihääd möst unineglažed pandhe adivole. Hän möst letkel venub. Siid ženih hippäst', tuli, noustab, pudištab, vedehe vob, hän ei nouzu. Ženih kützub: «Eilä ohvot tulda vai?»

Hö hänt dättihe, karabläd kät'he i lähtihe, prihääd neglaižed i heittihe. Adiv küpsaht', kützub: «Dö oldhe?» Sanutaze: «Oldhe da i lähtihe.» Hän huikutab, vedehe mäb... Kützub: «Völak suuldihe tulda?» Sanutaze: «Suuldihe homen tulda ühccal karablil.» Möst tuloba ühccal karablil, kezarusttiš päiviš, kargiideke, garmoniideke, pajideke tuldhe randale. Prihääd möst unineglažed pandhe adivole. Hän möst letkel venub. Ženih möst tulob, noustab, pudištab, vedehe vob. Hän ei nouzu. Möst hö lähtoba. Prihääd unineglažed i heittihe. Adiv i küpsaht', kützub: «Dö oldhe?» Sanutaze: «Oldhe da i lähtihe.» Hän läks', prostihe, kaiken elon tagaze kandiš i läks' randad möto. Sanub: «Söravno nenide taga mä en.»

Tuli dögud. Dögudes oli hougi puutnu noraižihe. Sanub: «Nastenka, pästa mindei! Pästned, ka pahal aigal liinen hivä.» Hän hougen i päst'. Nuguni mäni, mäni, ka puutnu däniž mugažno noraižihe. Sanub: «Nastenka, pästa mindei, pästned, ka pahal aigal liinen hivä.» Hän dänišen i päst'. Mäni, mäni, ka tulob kondii, puutnu kläpcha. «Pästa, sanub, — Nastenka, mindei.» Nastenka sanub: «Sina mindei söd.» Hän i sanub: «En sö, koske en.» Hän i päst'.

Mäni, mäni, ka tuli suur' dögi, must, leved. Seiži, seiži: «Mii pidab tehta?» Kacuht' ka hougi i tuli, sanub: «Nastenka, ištte milei i tabate šahliaš.» Toižhe rahdha i vei.

Mäni, mäni, ka tuli so, eisa proitta, muga i uppatab. Tuli däniž, sanub: «Ištte, tabate korviš.» Hippi, hippi itoi kuivale male, päst' hänt. Kahtes bedas i päznu om. Mäni, mäni, ka tuli kor'b tihed, käzi ei mülünu. Tuli kondii, hänele kaiken lomai, tegi orgos tropan. Hän i proidi. Mäni, mäni, tuli pertiine, punoze. Adiv i sanub: «Päivhapei licom, a minuhupei pordhil.» Pertiihe azotih. Ka hän i proidi perthe, proidi vaise, bož ženihon i kuzub: «Kuspei oled da kenen oled?» Hän i sanub: «Tötusko, ed ehtnu sötta-dötta, a kuzud.» Dö nece ženih i tuli. Hän nühaib i sanub: «Božusko, reskan hengen duhh om.» A adiv se škapha peitnuze. Prihäuser se tuli ka i sanub: «Reskan hengen duhh om silei. Igaks žal' liinob, adiv se hivä oli.» A bož se i sanub: «Ka tulnu om.» Prihäuser sanub: «Kus sai tulda ningomiš korbiš da dögiš?» Bož sanub: «Ka tulnu om.» Hän škapašpe i päst'. Adiv hippäst', tuli, hänenke risteiti tervehtihe. Gostili božannu, ženihon male i lähtihe höbol, telegal. (Enamb nimida.)

НЕВЕСТА НАСТЕНЬКА

Жили-были старик со старухой. У них были дочь и сын (имен не знаю). Жил тут и парень, пришедший из других мест, посуду делал из глины. Этот парень познакомился с девушкой. Ну, когда мать и отец стали умирать, они говорят сыну:

— Сын, не отдавай сестру замуж далеко.

А сестра и говорит:

— Все равно пойду, я уже три года знакома с ним, и не спрошу — пойду.

И парень этот пошел в свои края собирать своюю родню. А девушка к сосне принесла все свое добро, ждет парня на берегу Онего, у сосны. А брат не хотел отдать сестру и сказал парням-пильщикам:

— Если можете, то остановите мою сестру, я отдам ее за вас замуж.

Парни-пильщики были гадкие, а девушка — хорошая.

Видит: на трех кораблях едут за нею. Прибыли красным летним днем, вышли на берег с пляской, с гармошками.

А парни-пильщики воткнули девушке сонные иголочки, она тут же и упала на песок. А жених приехал, спрыгнул, будит ее, трясет, в воду относит. Она не встает. Жених спрашивает:

— Не хочешь выходить за меня?

Ну, и оставили ее, корабли повернули и уехали.

Только они уехали, девушка вскочила: иголки-то выпали. Она и зовет, и в воду вслед идет... Спрашивает:

— Обещали ли еще приехать?

Парни отвечают:

— Обещали завтра прибыть на шести кораблях:

Опять прибыли они красным летним днем, на шести кораблях, явились с пляской, с гармошками, с песнями. Вышли на берег.

Парни опять воткнули сонные иголочки девушке, она опять на песке лежит. Жених спрыгнул, подошел, будит ее, трясет, в воду относит, она не встает. Жених спрашивает:

— Не хочешь за меня выходить?

И оставили они ее, корабли повернули. Парни иголочки и сняли. Девушка вскочила, спрашивает:

— Были уже?

Говорят: были и уехали. Она зовет, в воду идет... Спрашивает:

— Обещали ли еще приехать?

Говорят ей:

— Завтра обещали на девяти кораблях приехать.

Опять едут — на девяти кораблях, с пляской, гармошками, песнями. Подошли к берегу. Парни опять воткнули девушке сонные иголочки. Она опять лежит на песке. Жених опять идет, будит ее, трясет, в воду несет, она не встает. Опять они уехали. Парни и сняли сонные иголочки. Девушка вскочила, спрашивает:

— Уже были?

Говорят: были и ушли. Она простилась, отнесла обратно все свое добро и пошла по берегу. «Все равно я за них не пойду замуж», — думает она. Навстречу река, в речке была щука, за веревочки зацепилась. Говорит:

— Настенька, освободи меня. Если освободишь, то в плохое время пригожусь.

Она и отпустила щуку. Шла, шла она, видит — заяц запутался в веревках, говорит:

— Настенька, освободи меня, если освободишь, то в плохое время пригожусь.

Она и освободила зайчика. Идет, идет она. Навстречу медведь, в капкан попал.

— Освободи, — говорит, — Настенька, меня!

Настенька говорит:

— Ты меня съешь.

Он в ответ:

— Не съем, не трону.

Она и освободила. Идет, идет она. Навстречу — большая река, черная, широкая. Стояла, стояла она. «Что мне делать?» Смотрит, щука подплыла и говорит:

— Настенька, садись на меня и ухватись за жабры.

И перевезла на другой берег.

Идет, идет она. Навстречу — болото, пройти нельзя, такое топкое. Прискакал заяц, говорит:

— Садись на меня, ухватись за уши.

Прыгал, прыгал и принес на сухое место. Отпустил ее. От двух бед она избавилась.

Шла, шла она. Навстречу густой лес, руку не просунуть. Пришел медведь, проложил ей тропинку в густом лесу. Она и прошла.

Идет, идет она. Навстречу — избушка, вертится. Девушка и говорит:

— Повернись лицом к солнцу, ко мне крылечком.

Избушка остановилась, она и вошла. Только вошла в дом, а крестная мать жениха и спрашивает:

— Откуда ты и чья ты?

Она и говорит:

— Тетушка, не успела еще накормить-напоить, а уже спрашиваешь.

Вошел жених, принюхивается и говорит:

— Крестная, свежим запахом пахнуло (девушка-то спряталась в шкафу).

А парень-то повторяет:

— Свежим запахом пахнет тут у тебя. Всю жизнь жаль будет: девушка-то хорошая была.

А крестная мать и говорит:

— Да пришла она!

Парень говорит:

— Как она смогла пройти: здесь такие чащобы и реки?

А крестная повторяет:

— Да пришла она! — И выпустила девушку из шкафа.

Девушка прыгнула, подошла к нему, поцеловалась с ним. Погостили они у крестной матери и поехали на лошади (на телеге) к жениху. Больше ничего.

14. PRIHÄ OTT' AKAKS LINDUN

Ende eli ukk da akk. Ukol da akal oli üks' poig. Nece mamm kol'. Nu, koliškanz batt'. Nece batt' kukuškanz poigan.

— Vot, sanub, — poig, mina nügudi kolen. Sina, poig, elä i rada, mise vandhad kuštteiž i sö, ka mise liib oliž medenke.

Nece batt' kol'. Poig kaikučel päival vandhad aji. Batei käs'k rata sihes-sai, mise liib tegižihe sôda ku medenke. Nece poig:

— Vaitti, libo probuida rata da küntta küläks.

Nece prihä radaškanz küläks, ka liib tegihe maged. Prihä i sanub:

— Proudan batei sanji: radad, ka liib tegese maged.

Batt' nakaži: «Poig, naimha lähted, ka ken ezmäine vastha puutub, sida i ota.»

Nece poig i zadumai naida. Läks' hän mecnikoimaha oruždänke. Läks', ka hänele lindjine vastha tuli. Necin lindjiižen tahtel' ampta, ka hän uugale dö nagolo ištuze. Nece prihä se sanub:

— Batei sanji, mise ken vastha tulob, ka otta milei nece lindjine.

Necen lindjiižen toi hän kodihe. Eletaze, ka lindjine min voib rata. Eletaze dö koume päävad. Nece prihä mäni rindal babjinnu. Babjil i küzub:

— Milei om todud lindjine akaks, bateil om kästtud.

Nece babji i opendab:

— Ota poutintrib i käske homen ombelta paid da kaddäd.

Nece prihä dö tuli kodihe, ott', andji truban poutnad, käs'k tehta paidan i kaddäd.

— Mina olen otnu sindei emagaks.

Nece prihä läks' mecha mecnikiimaha. Nece lindjine ott', adivoks tegihe, adiv tegihe, ka što nado. Necile prihäle paidan, kaddäd ombel' i varnha ripput'. Iče lindjižeks i kändihe. Nece prihä tuli, ka par sobid ombeltud varnas. Nece prihä babiinu i döksob.

— Babuško, sanub, — ombelnu om paran sobid.

— Vot, sanub babei, — homen möst käske sobid ombelta, a iče mäne to üksvočcid viceižid i sanu, mise män mecha, a iče vardiiče verejan taga.

Nece niižne paidad, kaddäd ombel', vereile i läks'. Nece prihä näggob verejan taga, mise niižne lujas krasivj. Nece niižne tagaze proidiškanz, prihä hänt i tabaz' i dotogo necen niičen lõi nenil viceižil. Nece adiv dö kändihe säkijaks zverikš: hän i gadaks, händikahaks. Potom kändihe värtväks. No, nece prihä i sanub:

— Nazad, zolota gora, naperöt, moloda žena.

Nece prihä ott' värtväns katkeiž i kandon alle i pani. Adiv tegihe, ka što nado. I eläškathe. Adiv se i sanub:

— Aigis, Vanüša, sina zavodid mindei opeta.

Hö eläškathe. Nu, toižiš maišpei tediš' prihä, mise om hivä adiv. Adivon pidab otta toižihe maihe. No siga hiil oma tägi-babad slugad. Vanüšad i kucataze carinnu.

— Vot, sanub, — Vanüša, sina maltad, sanutaze, detskijan suman lüuta.

Nece prihä sanub:

— En mina malta.

Nece murzeimennu i tuli. Murzeimele i sanub:

— Milei ninga kästtihe tehta.

Nu vot, murzein openz' hänt i selgit' kut lüuta.

— Mäne dorogad möto i siga künttaze serijal höbol. Nu vot, sina dergeida koume karvašt'.

Nece i mäni detskijan sumannu. A siga maa dö kaik träsiše.

— Ne träsis' mat'-sira zemlä, na tebe podarki.

Nece ott', karveižed hiit' sinna i sigapei lähttihe sumad, sundugan celijan. Vot, nece prihä sundugan ott' pän pälagele i kodihe carile vöb. Nened dö slugad pordhil varastetaze:

— Anda, mö vöm.

Nece prihä sanub:

— Ken lüuz' da toi, ka se i vöb.

Necen suman i vei. Car' sanub:

— Min že voin pän čapta?

Nece prihä möst kodihe läks'. Nened slugad i möst zamekaith: kuni ii izvotkoi prihäd, ka iisa otta murzeint. Car' sanub:

— Vanüša, sina mahtad tehta carin longen, kaiked, okrome lindunmaidod oliž, siga kaiked oliž.

Nece prihä kodihe läks', tuli murzeimennu i sanub. Murzein sanub:

— Mina sanjin silei, mise aigis zavodid opeta, äi hlopotiid liinob, nece murzein sanub, — vere magatta.

Nece murzein kunase kävel' i tegi do togo longen, kaiked, okrome lindunmaidod.

— Mäne, sanub, — vö i ala anda nenile tägi-babiile vöda.

Nece prihä i vei. Tägi-babad dö pordhil siištaze:

— Anda, Vanija, mõ võm.
— En dö anda, ken toi se i vob.

Neece car' i sanub:

— Kut mõt voim hanel pän čapta, han mäst tegi longen.

Neece prihād möst kodike tuli. Projidi vähine aigad i prihān möst kuetaze carinuu.

Vot, sanub. — Vanija, sina mahted eläbid gusid tehta.

Se bužile: «En muhta.»

A hö sanutaxe: «Et tehae, ku tegeze pā čapta.»

Vot nece prihād i sanub Nastusju-prekrasnjale:

— Näged, mina sanja aigis sines zevodid mindei opeta, ak i sanub, — mä pakide kuks aigad nenid läks' akad, kudambid pidab izvot'tu.

Tuldhe. Lähthe. Murzein undji paiketeche endi mida kirdit'. nu i selgit' hüd jõzze rodinijate male. Nu vot, nene mändhe, mandhe kuverdan se aigad. Perfüme i vež.

Perfüme, perfüme, päivhapei oein, mihepei pordheisfin.

Perfüme azotine, Perthe i mäache.

Fu, fu, tirsat tri goda žila, russkogo duha ne vidla, russkii duh javilsa.

Neece prihād i sanub

Babuško, lilliasti, domašti. Edi chruu sötta, ni dötra, a rigchtid kidostada.

Neece akk i kitzuh:

Kuspej rõ olet, kuspej mänet?

Neece prihād i sanub

Nüga i ninga. Sanutihе: täs tehtage eläbid gusid.

Akk i sanub:

— Minnu poigad tehtaze. Vot, sanub, — poigad tuldaze, ka kuna tüd panda? Hö tüd södaze.

Neece ott', pani ühten kaimloho, tožen pani tožhe, prihān — plin pälagete. Vot, nene prihād i tuldhe mecaspeil.

— Entl mida om russki duh pertis.

— Oldhe naku rahvaz, mamm sanub, — kästtaze gusid eläbid tehta hö.

— Miks že päätid hüldaze?

— Vaitti, mina pordhile mänen hüksaldan.

Mäni, trähni, hö i lähtihe. Tuldhe perthe. Prihād i sanutaxe:

— Mida kävelelli?

— Kävellem, sanutaxe, — tö maltact eläbid gusid tehta.

Nene prihād sanutaxe:

— Sijëas, sõm da döm i tegem.

Södhe, dödhe i lähtihe tehmaha.

— Anda, sanutaxe, — mille lännu pidatei mez'.

Neece akk mäni, akan i selgit'.

— No, vot, sanutaxe, — tulid, istte i nukkahta uki. A nukkahtad, ka sad korvale.

Neece akk rouk, pidat', pidat' i nukkaht'.

— Nukkahtid?

Akk ii teda mida sanuda. Sanub:

— Nukkahtin.

Hö kocvale, akk i riktihe.

— Anda toine pidatei.

Nece toine akk mäni.

— Nu vot, sina ala nukkahta, akale i sanutaze.

Akk nukkaht'. Akale i sanutaze:

— Nukkahtid?

Akk sanub:

— Nukkahtin.

Akale pädmöto korvale hlopni, akk i kol'.

— Nu vot, nugudi tule iče.

Nece prihää i mäni.

— Tulid, a nukkahtad ka i silei sežo.

Nece prihää pidat' i nukkaht'.

— Sina nukkahtid? Sanutaze.

Prihää sanub: «En nukkahtanu».

— A min tegid?

— A dumein.

— Min dumeid?

— A märgad mad, vei kuivad om enamb? Prihää sanub. Märgad mad om enamb.

— Vaitti, mö määam märičem. Iilä proud, ka surm silei.

Mändhe, märitihe i märgad mad enamb. Hänen proud i läks'. Edeleze i pidatab. Nu, möst i nukkaht'. Möst sanutaze:

— Nukkahtid? — sanutaze.

— En, sanub, — dumein.

— A min dumeid?

— A dumein: pen't mecad vei sur't enamb om. Mindei möto, sanub, — pen't mecad om enamb.

— Vaitti, sanutaze, — mö möst märičem.

Nu vot, händast möto i läks': pent' mecad enamb. I möst pidatab edeleze. Hän i nukkaht' möst.

— Nukkahtid?

— En, sanub, — nukkahtanu, a paiseižen kormanaspesi otin.

— A nu vei, sanutaze, — mii om silei paiseižes?

Ottihe paiseižen, lugetihe: nece om hiide vävu.

— Oh, sanub, — mö hätkestiim, adiv om ottud i stolan taga išttaze, varastetaze čas na čas.

Ottihe, teravašti nened gusid tegaltihe i sanutaze:

— Kudamb miis teramba vob?

Üks' sanub:

— Mina vön časus.

Toine sanub:

— Mina vön poles časus.

Koumanz' sanub:

— Mina silmale panen, mignin i siga liinoba.

Nu, nece silmale pani i migni. Hö dö pordhil oma. Nece adiv dö siga varastab, ii usko. Adiv nägišt', mise mänob prihää, dö tulob. Nece niižne döugal stolale i lavale hippäh', ott' nene gusid kaivii da päst' vämmaha.

Adiv i sanub:

— Gusi, što možete igraite.

Nened gusid dotogo tehthe, stolad veretihe, narodad äjan riktihe. A car' i sanub:

— Azota, ika kaikid dö rikiid.

Nece murzein i sanub:

— Gusi, što možete, to i igralte.

Nece car' sanub:

— Täizö, azota!

A prihå sanub:

— Kirditaned kaikele carstvole carikš, ka askei azotan.

Nece car' ott' i kirdit' carikš i tänambei siga eletaze.

ПАРЕНЬ ВЗЯЛ В ЖЕНЫ ПТИЦУ

Жили старик со старухой. У старика и старухи был один сын. Мать умерла, стал умирать отец. Пригласил он сына:

— Вот, — говорит, — сын, теперь я умру, ты, сын, живи и трудись, да так, чтобы сошники блестели, а ешь так, чтобы хлеб был как с медом.

Отец умер. Сын каждый день точит сошники. Отец наказывал работать так, чтобы хлеб стал как с медом. Сын: «Не попробовать ли в полную силу поработать и попахать». Парень наработался вдоволь, и хлеб стал сладким. Он говорит: «Правду говорил отец: когда вдосталь наработаешься, то и хлеб станет сладким».

Еще отец наказывал: «Сын, когда будешь жениться, то бери ту, которая первая придет навстречу». Сын надумал жениться. Пошел он охотиться с ружьем. Идет, а ему навстречу птичка. Он хотел застрелить птичку, а та садится ему на плечо. Парень и говорит:

— Отец наказывал взять первую встречную. Возьму я эту птичку.

Принес домой он эту птичку. Живут они. Птичка делает, что может. Живут они уже три дня.

Пошел парень к бабке-соседке. Говорит он бабке:

— Принес я себе в жены птичку, отцом так наказано.

Эта бабка его наставляет:

— Возьми полотно и заставь завтра сшить рубаху и кальсоны.

Пришел парень домой, дал ей полотно, велел сшить рубаху и кальсоны:

— Я взял тебя в дом хозяйкой.

Пошел парень в лес на охоту. А птичка превратилась в барышню. Стала она девушкой что надо. Сшила она ему рубашку и кальсоны и повесила на вешалку. Сама снова превратилась в птичку. Пришел парень домой, а пара белья уже сшита и висит на вешалке.

Парень бежит к бабке:

— Бабушка, — говорит, — она сшила пару белья.

Бабка наказывает:

— Завтра опять вели сшить белье, а сам иди принеси однолетних прутьев и скажи, что пойдешь в лес, а сам подкарауливай за дверью.

Девушка сшила рубашку, кальсоны и пошла во двор. Парень видит из-за ворот, что девушка очень красивая. Стала она проходить обратно, парень поймал ее и стал стегать этими прутьями. Девушка стала превра-

щаться во всяких тварей: и змеей, и волком. Потом превратилась в веретено. А парень и говорит:

— [Стань] сзади золота гора, впереди молода жена.

Взял веретено, разломил и сунул под пень. Девушка стала что надо. Стали они жить. Молодуха и говорит:

— Рано ты, Ванюша, начал меня учить.

Живут они. Но в чужедальней стороне узнали, что у парня этого есть красивая жена, и решили — надо увезти девушку в другие страны. А служанки у них там бабы-яги.

Позвали Ванюшу к царю.

— Вот, — говорят, — сказали, что ты, Ванюша, можешь найти детскую суму.

Парень говорит:

— Нет, не сумею.

Пошел он к молодухе и говорит:

— Мне вот так приказали сделать.

Ну вот, жена научила его, где и как найти.

— Иди по дороге, там пашут на серой лошади. Ну вот, ты выдерни три волоска.

Тот и пошел за детской сумой. А там вся земля дрожит.

— Не трясишь, мать-сыра земля, на тебе подарки.

И бросил он туда волоски, а оттуда — сумы, целый сундук. Взял парень сундук, поднял на голову и несет царю. А служанки на крыльце ждут:

— Давай мы отнесем!

Парень говорит:

— Кто нашел, тот и отнесет.

И отнес он это.

Царь сокрушаются: «Как я отрублю ему голову?» И опять пошел этот парень домой.

А служанки эти вновь намекают: пока этого парня не изведешь, не взять эту молодуху.

Опять царь говорит:

— Ванюша, ты умеешь приготовить царский обед. Пусть все будет, кроме птичьего молока.

Пошел парень домой, пришел и рассказал жене. Жена говорит:

— Я тебе говорила, что слишком рано ты начал меня учить, много хлопот будет. Ложись спать, — говорит.

Жена куда-то сходила и подготовила до того хороший обед, было все, кроме птичьего молока.

— Поди, — говорит, — отнеси, не давай отнести бабам-ягам.

Парень и отнес. Яги-бабы уже на крыльце сидят:

— Дай, Ванюша, мы отнесем.

— Нет уж, не отдашь. Кто принес, тот и отнесет.

Царь говорит:

— Как мы отрубим ему голову, ведь он приготовил заказанный обед!

Парень опять пришел домой. Прошло немного времени, и парня опять зовут к царю.

— Вот, — говорят, — Ванюша, ты умеешь живых гусей делать!

Тот божится:

— Не умею!

А те говорят:

— Не сделаешь — так придется тебе голову отрубить.

Вот парень и рассказывает Настасье Прекрасной.

— Видишь, я говорила, что рано ты стал меня учить. Иди, попроси месяц времени и двух старух, они нужны будут.

Те пришли. Когда они отправились, жена дала что-то в платочек, что-то написала. Ну, и послала их в родимые края. Вот идут они, идут сколько-то времени. Навстречу избушка:

— Избушка, избушка, лбом к солнцу, к нам крылечком!

Избушка остановилась. Вошли они в избушку.

— Фу-фу! Тридцать три года жила, русского духа не видела, русский дух явился!

Парень и говорит:

— Замолчи, бабушка! Не успела накормить-напоить, а спешишь закричать.

Старуха спрашивает:

— Откуда вы будете, откуда идете?

Парень и говорит: так, мол, и так, сказали, что здесь делают живых гусей. Старуха и говорит:

— Мои сыновья делают. Вот сыновья придут, так куда мне вас девать? Они вас съедят.

Взяла она и одну положила под одну подмышку, другую — под другую, а парня на макушку.

Вот приходят сыновья из лесу:

— Почему-то русский дух в избе.

— Были тут люди, — мать говорит, — просят живых гусей сделать.

— А почему же ты их отпустила?

— А подождите, я пойду на крыльце и крикну их.

Пошла, тряхнула, они и выпали. Пришли в избу. Парни спрашивают:

— Зачем пришли?

— Ходим мы... — говорят, — вы умеете живых гусей делать?

Парни отвечают:

— Вот сейчас мы поедим да попьем — и сделаем.

Поели, попили и пошли делать.

— Дай кого-либо, кто посветит нам.

Мать и послала одну из старух.

— Ну вот, — говорят, — пришла — и садись, посвети нам, да не дремли, а задремлеши — оплеуху получишь.

А старуха, бедная, светила-светила и задремала.

— Задремала?

Старуха не знает, что ответить. Говорит:

— Задремала.

Они ей по уху — и убили старуху.

— Дай другую посветить нам.

Вторая старуха пошла.

— Ну вот, — говорят старухе, — ты не дремли!

Старуха вздрогнула, старухе и говорят:

— Задремала?

Старуха говорит:

— Задремала.

Старухе по уху — она и умерла.

— Ну вот, теперь ты иди сам.

Парень и пошел.

— Вот ты пришел, а если вздремнешь, то и тебе будет то же.

Парень подержал и вздремнул.

— Ты задремал?

Парень говорит:

— Не дремал!

— А что ты делал?

— Думал.

— О чем ты думал?

— Чего больше, сырой или сухой земли? — парень говорит. — Сырой земли больше.

— Подожди, мы пойдем измерим, если неправда, то тебе будет смерть.

Пошли, измерили, и оказалось — сырой земли больше. Его правда оказалась. И дальше сидит и светит. И опять вздремнул. Опять спрашивают:

— Вздремнул?

— Нет, я думал.

— О чём думал?

— А думал — мелкого или крупного леса больше?

— Подожди, — говорят, — мы измерим.

И опять оказалось, как он думал: мелкого леса было больше. И опять сидит и светит им. Опять вздремнул. Спрашивают:

— Вздремнул?

— Нет, — говорит, — не вздремнул, а платочек из кармана взял.

— А ну-ка, что у тебя в платочке?

Взяли они платочек, прочитали: это же их зять.

— Ох, — говорят, — мы опаздываем: там молодушка украдена, все сидят за столом и ждут [пира] с часу на час.

Быстро сделали они гусей.

— Кто из нас быстрее отнесет?

Один говорит:

— Я отнесу за час.

Второй говорит:

— Я отнесу за полчаса.

Третий [их зять] говорит:

— Я положу на глаз, мигну — и там будем.

Ну, он положил на глаз и мигнул. И вот они уже на крыльце. А девушка там уже ждет. Увидела, что идет он, перепрыгнула через стол. Взяла гусей, отпустила их играть и говорит:

— Гуси, что можете, играйте!

Эти гуси до того играли, что столы перевернули, много народа убили. А царь говорит:

— Останови их, а то всех перебьют.

А она говорит:

— Гуси, что можете, то и играйте!

Царь кричит:

— Брось, останови!

А парень говорит:

— Назначишь меня царем всего царства, то остановлю.

Вот царь и назначил [букв.: записал] его царем, и сегодня они там живут.

15. NASTASJA KUUDEIŽED TUKEIŽED

Endei eli mužik da akk. Hiil oli üks' tütar — Nastasja kuudeižed tukeižed. Mužik i sanub: «Mili pidab lähtta kunani burlakihe, dengid samha.»

Necce mužik astj, astj i döda zahoti. Koverdaze kaiviižeha vett dömha, händast meccine tabaz' bardas i sanub: «En pästa, andadik türen Nastasjan mehele?» Hän i suuli, sanub: «Andan, vaise pästkat.» Händast i päästihe.

Tulob mužik kodihc, hõ akance pagetaze, a Nastasjan dättihe kodihc. Nastasja voik, voik, voik.

Oli hiil, kozlein, kozleižele i sanub: «Kozluško, kuna milei pageta?» Kozlein i sanub: «Ota, ličte olgtukhu i mina sindel sidon regudehe i piitan sindel.» Hän mäni tukhu i kozlein sidj regudehe i hän läks' pagoho.

Vedi, vedi, ka tulob meccine vastha. Küzüb: «Nägidik Nastasjan?» «Nägin, nägin, sanub, — pordhil ištub da tiiletii šuukižed puidad omblob.»

Süid mäni, mäni, ka tulob toine meccine vastha, ka möst küzüb: «Nägidik Nastasjan?» — «Nägin, nägin, sanub, — pordhil ištub, tiiletii šuukižed puidad omblob.»

Döks', döks' kozlein, sūriči därvet pagetihe, a meccijed ii tetud tilda sinna. Mäni ka därvet taga pertine sižub, ju noze. Oks tarideze. Pertides Ivan-carevič elab da baba-jaga tütrene. «Etiž pätkj oks?» — kozlein tarideze. «Oks pästam, vaise regute däta pertesche.» Kozlein sanub: «Endo data, kus iče siga i regut.» I lounan alle panj.

A Ivan-carevič ehtkižel šarižel vätaze, vereteldaze šarine. Necce Nastasja i ottab šarižen i piitah. Eetihe, eetihe ka Hiuta iiviigi. Ka Ivan-carevič sanub kozleižele: «Kenni om silci regudes.» Kästtihe aveita olgtuk, ka sigapei Nastasja i lüutihe. Ivan-carevič sanub: «Otan mina ičelin Nastasjan, a baba-jaga däb sinna.» A baba-jagan tütar i sanub Nastasjale: «Lähkam minunke külbmaha Änižele.»

Änižele mäha. Baba-jaga rippustab kiven kaglha i uppatab Nastasjan. Tulob i sanub Ivan-carevičale, misé Nastasja ii tahtnu elüda i pagen'. Dö pidab kozlein rikta dei söda. A kozlein i sanub: «Pästa mindei.» Ivan-carevičale sanub: «Mäne.»

Kozlein kut mänob därvet randale i huikotab. Nastasja sanub: «Embi, mina lübuda, suur' kivi om kaglas.» Tuli kozlein voikusine, ka Ivan-carevič küzüb: «Miks oled voikusine?» Ka kozlein sanub: «Nastasja om vedes dei suur' kivi om kaglas.»

Ivan-carevič döks' dei Nastasjan i vedi vedespe. Tuli dei Nastasjan ott' akaks, a baba-jagan riki dei türen riki.

НАСТАСЬЯ ЗОЛОТЫЕ КУДРИ

Жили-были муж да жена. У них была одна дочь — Настасья златокудря. Мужик и говорит:

— Нужно мне идти куда-нибудь на заработки, деньги добывать.

Этот мужик шел-шел и пить захотел. Наклонился он к колодцу напиться воды, а черт схватил его за бороду и говорит:

— Не отпуши! Отдашь ли свою дочь Настасью за меня замуж?

Он и пообещал, говорит:

— Отдам, только отпустите.

Его и отпустили. Приходит мужик домой, и они с женой убежали, а Настасью оставили дома. Настасья плакала, плакала, плакала.

Был у них козлик, она и говорит козлику:

— Козлик, куда мне бежать?

Козлик и говорит:

— Запихайся в пук соломы, а я привяжу тебя к санкам, спрячу тебя. Она влезла в пук соломы, козлик привязал его к санкам и побежал.

Тащил он, тащил санки, попадается черт навстречу и спрашивает:

— Ты не видел Настасью?

— Видел, видел, — говорит, — на крыльце сидит и вам шелковые рубашки шьет.

Опять идет-идет козлик, попадается навстречу второй черт и также спрашивает:

— Видел ли Настасьюшку?

— Видел, видел, — говорит, на крыльце сидит и вам шелковые рубашки шьет.

Опять бежит-бежит козлик, убежали они за озеро, а черти не смогли попасть туда. Пришел и видит козлик: стоит домик за озером, крутится.

Просится переночевать. В домике живут Иван-царевич да баба-яга с дочерью.

— Не пустите ли переночевать? — просится козлик.

— Переночевать пустим, только санки оставь в сенях.

Козлик говорит:

— Не оставлю, где я сам, там и санки. — И сунул под лавку.

А Иван-царевич вечером играет шариком, катает шарик. Эта Настасья берет шарик и прячет. Искали-искали — не могут найти. Иван-царевич говорит козлику:

— У тебя есть кто-то в санках.

Заставили развязать пук соломы и там нашли Настасью. Иван-царевич и говорит:

— Я возьму за себя Настасью, а баба-яга там останется.

А дочь бабы-яги и говорит Настасье:

— Пойдем со мной купаться на Онего.

Идут они к Онего. Баба-яга повесила камень на шею Настасьи и утопила ее. Приходит и говорит Ивану-царевичу, что Настасья не захотела жить с ним и сбежала, нужно убить козлика и съесть.

А козлик говорит:

— Отпусти меня...

Иван-царевич говорит:

— Или.

Козлик пошел на берег озера и зовет. Настасья отвечает:

— Не могу встать, большой камень на шее.

Приходит козлик заплаканный, а Иван-царевич спрашивает:

— Почему заплаканный?

Козлик говорит:

— Настасья в воде, и большой камень у нее на шее.

Прибежал Иван-царевич, Настасью вытащил из воды. Настасью взал в жены, а бабу-яту и ее дочь убил.

16. ČOMA MURZEIN

Endei eletihē kupec i kūpčih. Oli bill läks' poig. Poig i sanub: «Papa, mili pidab naida.» — «Nu, keda mō otam? Alaj otkj bohatad, otkam bedni da čoma.» I poig i nai, čomā murzeimen i ott'. Elāb poig hivin, toime toš' navedtaze. Nece batt' i sanub poigale: «Voidik ajada Ribinskijale tavaraha?»

Andj koume asttād i poig läks' tavaraha. Poig läks' i andj murzeimele kuudeižen kolceižen, suukižen vöhuden. Nece poig aji Ribinskijaha i tavarad gruzi asttād töuded i läks' kodihe. Äništ' mōto ajetihe i dōl tabaz? Hō, näged, tožideke kupeideke vtataze karteh. Ühten kupcanke sponškathe. Sanub: «Mina tusttun akad mōto.» Toime kupe sanub: «Ala tusttu, moet hän, akeiž, tusttub mindei mōto...»

Nece toime kupe mānob noidan akannu i sanub: «Mäne murzeimennu i var-gusta hänel vöhutt.» Hän, noidakk, māni teraveidesti murzeimennu, a murzein kilbetin lämbitanu oli, a noidakk nece akeižen kilbetihē ott' i necen vön i var-gust'. Vöb sinna i andab kupcale, a kupec sanub mužikale: «Kacu, akeiž selgit' vön, kudamben düüid.» Nece kupe i usk, misse vö on hänen. Hän viinan döškanz'. Aji kodihe ka murzeimenke iini zdorovod annu. Ehtkižel mužik sunub: «Lähkam guleimaha, mina kaiken sili starinüüden.» Händast manitub sildale i dögehe lukeidab murzeimen. Murzeimen vett mōto kandji i toi ribakjde pertižennu. Rjbakod nägištethe i vedespei vedetihe eläban. Murzein oli lujas čoma. Murzeimen ottihe emagaks pertižehc. Hän abutab rjbakile, kalad kiitab.

A nece mužik suuditihē kümneks vodeks. Nece murzein mānob carile kuharkaks. Nece car' om ravaz, hän lujas navedib murzeimen, misce čoma om. A car' se käub türmha kacelmaha türömščikid i hän, murzein, i sanub carile: «Papa, ola mindei kacmahu türömščikid, mičed oma.» Hänenke ku mānob, papazeke, türmha kacmaha, ka mužik se siga istub. Murzein i küzub: «Kut sili om nimi?» Hän i sanub: «Sina ved oled minun mužik.» Mužik i langen' kom-buleze, voikaškanz' i sanub: «Edijk sina ole minun akk?» — «Papa, sanub, — nece om minun mužik. Hän ii teda, misce mindei om vedespei vedetud.» Nece car' tojel päival māni dej pääst' türmaspei i ott' händast poigaks, a murzeimen tütreks i nugune eletaze.

КРАСАВИЦА ЖЕНА

Жили купец и купчиха. Был у них один сын. Сын и говорит:

— Папа, мне нужно жениться.

— Но кого возьмем? Не возьмем богатую, а возьмем бедную да красивую.

Сын и женился, взял красивую жену. Хорошо живет сын, они любят друг друга. Отец спрашивает сына:

— Можешь ли ты ехать в Рыбинск за товаром?

Дал ему три баржи, и сын поехал за товаром. Сын, уезжая, дал жене золотое колечко и шелковый поясок. Приехал в Рыбинск, нагрузил товара полные баржи и поехал домой.

Ехали они по Онего и настиг их ветер. А они, видишь ли, с другими купцами в карты играют. Заспорили они. Один говорит:

— Я скучаю по жене.

Другой купец говорит:

— Не скучай, может, она, твоя жена, скучает по мне...

А сам, приехав, колдунье наказывает:

— Иди к его жене и укради у нее поясок.

Она, колдунья, быстренько пошла, а у той была истоплена баня, колдунья пошла с молодухой в баню и украла у нее поясок. Относит туда и отдает купцу. А купец говорит мужику:

— Смотри, жена твоя подарила пояс, который ты ей оставил.

Мужик и поверил, что пояс его отдан. Он начал пить. Приехав домой, он так с женой и не поздоровался, а вечером и говорит:

— Пойдем глять, я тебе все расскажу.

Он обманул ее: привел на мост и в реку бросил жену.

Ее понесло по течению и прибило к избушке рыбаков. Рыбаки увидели ее и вытащили еще живую. Женщина была очень красивая. Ее взяли хозяйкой в избушку. Она помогает рыбакам, рыбу варит.

А этого мужика осудили на десять лет. Потом его жена пошла кухаркой к царю. Царь очень старый, ему понравилась эта женщина: уж очень она красивая. А царь-то ходит в тюрьму смотреть заключенных. А женщина и говорит царю:

— Батюшка, возьми меня с собой посмотреть на заключенных, какие они.

Когда она пошла в тюрьму, то увидела, что ее муж там сидит. Жена и спрашивает:

— Как тебя зовут? — Она же и говорит: — Ведь ты мой муж.

Муж так и упал на колени, заплакал, запричитал:

— Неужели ты моя жена?

Говорит она:

— Батюшка, это мой муж. Он не знает, что меня вытащили из воды.

На следующий день пошел царь и отпустил его из тюрьмы, взял его к себе в сыновья, а женщину — в дочери, и теперь живут.

17. KUT KOUME VELT VEPSAD OPENZIHE PAGIŠTA VENÄKS

Amu ende mužikal oli koume poigad. Kaik hiide pereh eli kodiš. Hö vuusö ii mahttud pagišta venäks. Batäze kaiken tahtel' hiid ougotada burlakiihe Piterihe, no bed oli kaik ses, mise hö ii mahttud pagišta venäks. Batäze sanub: «Poigad, pidab opetaze venäks pagišta, a potom napravin

kunani tiid burlakiihe.» Vanhambale poigale batt' andii sada rubläd dengad i napravi Piterihe opemahaze. Poig läks' sinna döugei, sikš mise sinna dorogid železniid il olnu i vett mõtö parahodid ii kävelnu.

Astes dorogas proidi õi aigad, no vsõže poig väzi dorogas, no doidi. Hän tuli Piterihe derevnaäspe. Kaik hänele oli neznakomi, no tulnu opemahaze venäks ku pidab ičeze azz' sprouda (opetaze pagišta venäks). Astub suuride pertide keskes, pitkid ulicid mõtö. Küks' kaks' ravast akašt', kudambad mikš se sajad tverditihe ičeze keskes: «Mi, mi.» Neoe poig kuulišt' nened sanad «mi, mi» i duumeib, mise ninga i pagištaze vanäks i duurneib: «Mina openzimii pagišta». I hiviš meliš läks' srazu kodihe. Kaiken dorogan tverdi: «mi, mi, mi», mise ii unohtada. Tuli kodihe hiviš meliš, batäleze sanub: «Mina dö openzimii pagišta «mi, mi, mi, mi». I tverdi polen časud. Nu, batäze sanub: «Molodec, teravas openzitii pagišta. Nuguni void mända burlakiihe. Vaise opeta pidab völ kaks' poigab i lähtett kaik koume burlakiihe.»

Batäze andii sada rubläd keskmeižele poigale i sanub: «Mä, opete sina venäks pagižmaha.»

Läks' mugažo keskmecine poig. Tuli Piterihe ühtennu sildannu. Siid siistihe kahten inženerad i lattihe stroida sildan uuden. Üks' hiiš sanub: «Pidab tehta obäzatelno.» «Konečno delo!» sanub toine.

Nece poig kuulišt' nene sanad «konečno delo», duumeib, mise «openzimii pagišta venäks» i teramba läks' kodihe. Kaiken dorogan tverdi, mise ii unohtada nenie sanjd. Tuli kodihe hiviš meliš, batäze sanub: «Kut azz'ad, poig, dö openzitei pagišta? Novei, kut pagižed?» Poig zavodi tverdida: «Konečno delo, konečno delo, konečno delo.» Hätken mugažno tverdi. Nu, batäze sanub: «Pidab i koumanz' poig opeta, noremb.» Andii sada rubläd i se mugažno läks'.

Tuli Piterihe ühtennu pijnijannu i nägob gorodovijad kahten kätzipoliš vedetate lujas humalaßen mužikan. Se huikeib: «Za čto, ni po čto, za čto, ni po čto!» Poig kuulišt' nened sanad «za čto, ni po čto» i duumeib: openzimii dö pagižmaha venäks i läks' kodihe i nened sanad tverdi kodihessei. Tuli kodihe batäzennu i sanub: «Papa, mina hivin openzimii venäks pagižmaha.» «No, hivä, molodec, poig, novei kut pagižed.» Poig časun üneižen [tverdi]: «Za čto, ni po čto.»

Batt' hiviš meliš: hotä openzin poigid veniiks pagižmaha, no pidab hüd napravida burlakiihe, nuguni venäks mahttaze pagišta. I sanub poigile: «Mängat Piterihe burlakiihe.»

Ned poigad sädihe i lättihe. Asttaze dö nell päivad. Nagištethe kolian. Pagjštaze toine toženke: «Min pidab necinke kolianke tehta?» I soglašihe kanta derevnaässei. Vaise tahteltihe otta, vdrug asttaze policeiskijad. Podoittihе hiidennu i kätzutaze venäks: «Ken rikii?» Vanhamb venäks openuze pagižmaha poig i sanub venäks: «Mi.» Policeiskii kätzub: «Za čto?» Noremb sanub, openuze pagišta venäks: «Za čto? Ni po čto!» Policeiskii sanub: «Tiid pidab arrestoval!» Keskmeine poig mugažno openuze ka sanub: «Konečno delo!»

Policeiskijad hüd zaberithe i dälges batt' poigid ii viinu lüuta.

КАК ТРИ БРАТА ВЕПСА НАУЧИЛИСЬ ГОВОРТЬ ПО-РУССКИ

Давно это было. У мужика было три сына. Вся семья жила дома. Они совсем не умели говорить по-русски. Отец все хотел отправить их бурла-

чить в Питер, но вся беда была в том, что они не умели говорить по-русски.

Отец говорит:

— Сыновья, надо научиться говорить по-русски, а потом направлю вас куда-нибудь бурлачить.

Старшему отец дал сто рублей и направил в Питер учиться. Сын пошел туда пешком, потому что железных дорог тогда не было и по воде пароходы не ходили. В дороге прошло много времени, сын устал в пути, но все же доехал. Пришел он в Питер из деревни, все было незнакомо ему, но раз пришел учиться русскому, то надо справлять свои дела — научиться говорить по-русски. Идет он между большими домами по длинным улицам. Догнал двух старушек, которые почему-то между собой твердили: «Мы, мы...» Этот сын услыхал эти слова и подумал, что, наверно, так и говорят по-русски, и решил: «Я научился говорить». И в хорошем настроении пошел сразу домой. Всю дорогу твердил: «Мы, мы, мы, мы», чтобы не забыть.

Пришел довольный домой, отцу своему говорит:

— Я уже научился говорить: «Мы, мы, мы, мы». — И твердит полчаса.

Отец говорит:

— Ну, молодец, быстро ты научился говорить, теперь можешь пойти бурлачить. Вот нужно еще научить двоих сыновей, и тогда все вместе пойдете бурлачить.

Отец дал среднему сыну сто рублей и говорит:

— Иди ты теперь научись говорить по-русски.

Пошел средний сын. Пришел в Питер, подходит к одному мосту, тут стоят два инженера и намереваются построить новый мост. Один из них говорит:

— Надо сделать обязательно.

— Конечно-дело, — говорит другой.

Этот парень услыхал эти слова — «конечно-дело» и решил, что научился уже говорить по-русски. Быстро побежал домой. Всю дорогу твердил эти слова, чтобы не забыть. Пришел домой довольный. Отец спрашивает:

— Как дела, сын, научился уже говорить? Ну-ка, как ты говоришь?

Сын начал твердить:

— Конечно-дело, конечно-дело, конечно-дело. — Долго твердил.

Ну, отец говорит:

— Надо и третьего сына, младшего, выучить.

Дал ему сто рублей, и тот тоже ушел.

Пришел в Питер к одной пивной и видит: городовые под руки ведут одного сильно пьяного мужика, тот кричит:

— За что? Ни по что! За что? Ни по что!

Ну, парень услыхал эти слова — «за что, ни по что» и думает, что научился уже говорить по-русски, и пошел домой, а эти слова твердил до самого дома.

Пришел он к отцу домой и говорит:

— Папа, я хорошо научился говорить по-русски.

— Ну, хорошо, сын, молодец. Ну-ка, как ты говоришь?

Сын целый час [твердил]:

— За что, ни по что...

Отец поводен: хорошо, что научил сыновей говорить по-русски. Надо их теперь направить бурлачить. И говорит сыновьям: «Идите в Питер бурлачить». Сыновья собрались и поплыли. Идут уже четыре дня. Вдруг видят мертвца. Говорят друг другу: «Что делать с этим мертвцом?» И решили нести его до деревни. Только они хотели взять, вдруг идут полицейские. Подошли к ним и спрашивают по-русски:

Кто убил?

Старший сын, научившийся говорить по-русски, говорит:

— Мы.

Полицейский спрашивает:

— За что?

Младший сын, научившийся говорить по-русски, говорит:

— За что? Ни по что!

Полицейский говорит:

— Вас надо арестовать.

Средний сын, тоже обученный, говорит:

— Конечно-дело!

Полицейские их забрали, и с тех пор отец не мог их найти.

IR. BOGAT VELL. I GOLL' VELL.

Bogat vell oli kuudantegii, a goll' vell oli luudidetegii. Ühten kerdan goll' läks' mecha tomha luudide oksid, mœcas nügišt' õoman lindun i duumeib: «Kut pidab nece lind sada?»

Ot' kirvhen, taci lindhu i rikoi lindun. Tob kodihe, vellele sanub: «Miõchen bude lindun rikoin.» Bogat vell sanub: «To tännä.» Hän toi. Bogat sanub: «Mõ milei.» Goll' sanub: «Ota.» — «Äjanik maksab lind?» Goll sanub: «Kaks' rublaid.» — «Ota dengad.»

Bogat vell ot' lindun, känd' oiktan suugan, kaccub — om kirditet: «Ken necen lindun sõb, sel liinod suur' vägi.» Ot', känd' huran suugan, siiga om kirditet: «Ken necen lindun sõb, sel liinob döga õn põlusen al viuz rublaid, kuudeine monet.»

Bogat vell käskob iõeze akale: «Žari nece lind i ala anda nikelle, krome vajse mili sõda.»

Necel aigal tuldhc goll'an vellen lapsed i necen lindun sõdhe i ühitihe vereile. Tuli emag tanhalpei, kaccub — žarkijad illa. «Mii nugutte tehta?» Ot, kukiil pän čapoi i tegi toižen žarkijan. Tuli kodihe mužik [sanub]: «Anda, ak, sõda.»

Ak hanele necen žarkijan andoi, hän sei, ver' magatta i homesel nuuz'. Vaged ii ližanu i kuudašt' monetad ii olnu põlusis. A goll'an lapsed nuustihe, hil ližan' väged i molembil oli üksin monetin kuudeižin põlusis. Necis paliči goll vell bogultui.

Bogatale vellele tegihe zavidno. Kucii vellen fateraha: «Kuule vei, vell, silei om pertiš ii čisti duh, nened lapsed oma silei čortad, hüd sina izvodi, bude däda ūeltiž elabaks.»

Tuli vell kodihe, sanub akaleze: «Kuule vei, ak, miil pertiš om pahad azzüd, lapsed miid riktaze, mii pidab nugune tehta?» Ak hanele sanub: «Pidab mecha

vöda i sinna dätta.» Ahttihe lapsile üksin höbiin i koirjn i oruždän. «Lapsed, tänambei lähtem senhe, tö lähtett höbiil, otkat oruždäid i koirad.»

Muga i tehthe. Mändhe mecha kümnen virstan taga i segoitethe lapsid, dättihe sinna, a iče lähtihi kodihe.

Lapsid tabaz' pimed ö. Lapsed i sanutaze: «Mida nugune tegem? Pidab tehta lämii. Tege sina, vell, lämii, a mina san žarkijan.»

Mäni väheižen aigad, kaccub: edes kondi kahten poiganke. «Nugune mina ambun.» Kuulob, kohdi pagižeb: «Ala ambu, mina andan sili poigid, hö sili prigodiše.» Nece laps' iini ambnu, a ott' poigid kondjalpei i vei vellele. «Ala pästa nikuna, vell.» A se muga i tegi. «Mina möst lähten, enik keda sa žarkijaks.» Möst läks'. Vähan astub, tulob vastha däniš. «Dämišan mina ambun.» Däniš sanub: «Ala ambu, ota milei kaht däništ, hö sili prigodiše.» Muga i tegi hän, toi vellele i sanub: «Möst toin kaks' zverid, min tegem, žarim vei dätam?» Toine vell sanub: «Ii pida žar'da.»

Ladihe pimed ö. Verdhe magatta velled. Magatihe ön, tuli homez, pidab mända edeleze. Mändhe hö mecad möto kaiken päivan. Ehtbokas tuli dorog. Mäba hö dorogadmöto. Tuli kaks' tesarad. Noremb vell sanub: «Mina lähten oiktale.» A vanhamb vell sanub: «Mina lähten hurale.»

Necel sijal hö i dägihi. Toineトイžele sanutihe kut pidab uuz' kerd lüuta toine tošt'. Noremb vell i sanub: «Dätkam mö täenna üks' stokan vedenke, kudamb miš tulob nakhu i kacub, vezi om bude sportnuze, sida velt ilä eläbad. Anttihe kätt i iče lähtihi. Noremb vell tuli lidnha, küzub rouhal akal: «Iiksa mili faterale tulda?» Akeine sanub: «Voib.» Hän azotihe, küzub akeižel: «Mikš oma lidnas mustad flagad rippuset?» Akeine sanub: «Homen carin türen vödaze drakonan mäthale gadale sömaks. Nece gad om sõnu lidnas kaikid niičcid. Nece önik sanub: «A sabik mili mända sinna kacmaha?» Akeine sanub: «Voib.»

Tuli uuz' homez. Nece önik osedlaič höbon, ot' koiran, konddän i dänišan. Tuli edel kaikid sille mäthale i varastab. Päliči pordon todhe carin türen i dättihe mäthale, a iče kaik svita läks' tagaze lidnha. Tuli se aig, tegi-he döl, šumiškathe puud. Kuulob — tulob gad. Hän ot' i plitale ištihi. Kacub — pliitha om kirditet: «Ken necen plitan lendab, plitan al om sabl' i posudin vägevad viinad, ken necen viinan döb, se voiškandob vladet' necil sabläi i necil sabläi pobedib gadan.»

Hän muga i tegi. Hänel tegihe suur' vägi. Tuli gad, gadal oli kakstoškime päid. Gad i sanub: «Mina pakičin ühten, a siid om kaks'...» Läks' hiilazei boi. Silač čapii kuuz' päid i hänel värištii sabl'. Toižen kerdan mahni, čapii nell päid i sabl' kitten'. Hän sanub koirale: «Abutagat mili rikta gad.» Koir, kondi i däniš hiitihe družno, rasttihe dälgmeižed kaks' päid. Nece silač i ihastii. «Nugune, hän sanub, — azz' om tehtud, pidab tehta lämii.» Tehthe lämiiin, čaptihe hilljile necen gadan, pandhe lämiihe, a žezlad (kelideke) bogatir' ot' ičelete. I läks' nece sijalpei i tuli butkha, kus oli carin tütar. Se oli poleleze kolnu. Bogatir händast nuust': «Ala varaida, gad om rikitud.» Se ii veri. «Kacu naku om sili kaik dokazatelstvo, kacu «žezlad» (kelideke) om kakskime nell štukad.»

Carin tütar händast terveht', andii hänele kuudeižen kolcažen i nosovijan paikan, a zverile sidei šuukižed lenteižed kagladmöto. Nece niižne sanub: «Nugune muga tegem...» Sanub bogatir', — mina tahtiin magattaha.» Koirale sanub: «Karauli kuni mina magadan.» Koir karauli väheižen, kondjale sanub: «Karauli, mina veren magattaha.» Kondi kacii väheižen i sanub dänišale:

«Kacu väheine, mina veren magattaha.» Däniš kacii väheižen, mugažo ver' magattaha. Nugune kaik magataze, a carin tütär ii magada.

Necel aigal selgit' car' necile mäthale ičeze slugan. «Mä, riža völ, iik ole minun tütär eläb i to täenna mili sana.» Se muga i tegi. Tuli hän mäthale, kacub — carin tütär om eläb, hän hänel kuzub: «Dö oli gad?» Carin tütär sanub: «Oli, gadan rikiil nece mez', kudamb magadab kondijanke, koiranke i dänišanke.» Carin sluga sanub niičele: «Sanu, mise mina rikiil ičiiž batalliuž, a ed sanune, ka mina silei pän čapan.» Carin tütär andii soglasijan. Carin sluga ot' sablän kädehe i čapii pän necil bogatiril. Sluga i carin tütär lähtihelidnha carinnu. Car' kuzub: «Mida igas ii olnu, mina ičeliin en veri, mise nece minun silmihe däviše tütär.» Sluga sanub: «Enambad nece gad ii koske nikeda, mina händast rikiil.» Car' sanub: «Neciš hüvudes mina andan sinun taga tütren mehele i polen ičiin mad.» I tehthe svadban.

Necel aigal libji däniš, nuustab kondijan i koiran: «Miil om bed — ižandal om pä čapetud.» Kondi i koir verdutihe dänišan päle: «Mö sindei rikom neciš azzäs.» Däniš sanub: «Algii rikki, mina necen azzän ladin, pästkat mindei vaise mecha.» Koir sanub dänišale: «Mä i päliči časus tule tagaze.» Däniš läks' i toi eläbad i kollän vett, sanub: «Pidab nugune voita ižandale kagl i pä panda tagaze.» Muga i tehthe. Vaise pän pandhe ii muga, a selghapei rožin. Siid voithe eläbal vedel, bogatir' i nuuz'. Kaccub — iilä pä muga. Koir verdii dänišan päle: «Ed muga tehnu, mina sindei ratkeidan.» Däniš sanub: «Voikam möst kollän vedel.» Muga i tehthe. Pän hiittihe irdale i pandhe uudheze, voithe eläbal i kollän vedel. Bogatir' nuuz', sanub: «Mikš milii laskitei hätken magata?» Koir hänele sanub: «Sikš mise mö kaik magazim.» Bogatir' sanub: «Kus-žo om carin tütär?» Däniš sanub: «Hän kodihe läks'.» Bogatir' sanub: «Lähkam i mö kodihe.» Ištiihe höbole i lähtihelidnha kodihe.

Tuldhe möst necile faterale. Tuldhe i kuzutaze babeil: «Babuška, mikš oma lidnas čomad flagad rippuset?» Se sanub: «Carin tütär lähtob mehele.» Bogatir' kuzub: «Kenen taga?» Se sanub: «Slugan taga, hän spas carin tütren, a neciš päliči car' andab tütren mehele i polen mad ičeze.» Bogatir' kuzub: «Babuško, sabik miile mända svadbaha?» Babei sanub: «Kaikile voib.» Bogatir' i läks'. Pani carin tütren kolcan kačasormele, sidii träpicam, mise ii nägiš. A car' oli annu prikazan: svadbaha pästta vaise tervhid. Konz hän tuli carskijaha dvorcha, dohtur kuzub: «Mikš om sor'm sidotud?» Bogatir' sanub: «Däniš puri.» — «Kus om däniš?» Hän sanub: «Kalidorale om dättud.» Dohtur slugale sanub: «To täenna.» Sluga toi. No dohtur sanub bogatirile: «Pidab sor'm kacta.»

Necel aigal koir, kondi i däniš mändhe sinna kus oldhe nevesta i ženih. Nevesta lüubi konddän. Hän ot', dročib kädel konddän kaglad möto i puutii lenteine kädehe. Nevesta sanub: «Necen zverin mina nähnu olen sel mäthal, kus mindei tahtel' gad sôda.» Ženih ot' pahan melhe, a dohtur hiiit' träpicam sormespei i sanub: «Kuss sina otid necen kolcan?» Bohatir' sanub: «Mili podari carin tütär ses azzäs, mise mina rikiil gadan». A dohtur doloži ičeleze carile. Pidab hiiita sanad, kut om puutun kolc necile mehele. Car' kucii necin bogatirin ičeze komnataha i kuzub: «Kut silii puutii nece kolc?» Hän möst sanub sen, min sanji bogatirile. Car' völ kuzub: «Om völ mičid dokazatelstviid?» Bogatir' sanub: «Om! Dokazatelstv om: kolceine, nosovi pakeine, kakskime nell žezlad gadaspei, kudamen mina rikiil, i koir, kondi i däniš, hiile oma sidotud kaglale šuukižed lenteižed, sidii tiide tütär drakonan mäthal.»

Necen kaiken faktan tedištethe i car' sanji: «Bude želaid otta händast mehele, ka sina liined minun vävu i andan polen mad.» Necen kaiken muga i tehthe. Väthe svadban, dälges svadbad kucii car' slugan, kützub slugal: «Ken silii käsk manitada carin. Neses vigas päliči kahtes časus silei liinob hiittud pā.»

Dälgele necida svadbad carin prikazan vjpolnithe: slugal čapetihe pān, a bogatirin taga anttihe tüturen.

I nece bogatir' dälge kaiked pirovanjad läks' mecha ohotimaze. Ott' höbon, koiran, konddän, dänišan i mecas hän ödui. Tegi lämein kuzen alle i tahtlob ön magata. Kuulob kuzespei paginan: «Milii vilu om.» Carin vävu sanub: «Laskte alahaks i lämbitelde necil lämeil.» Kuzespei sanub: «Mina sinun zverid vareidan, sinun zverid mindei purdaze.» — «Ala vareida, ii koskkoi.» Kuzespei möst pagin om: «Kuule, nor' mez', ota oks, kudamen mina tacin i paina hillästi ičiiž zverid.» Carin vävu muga i tegi. Iče, höbo, koir, kondi i däniš tegihe kiveks.

Tuli necile tesarale vanhamb vell, ott' kädehe stokanan, kaccub, vezi om sportnuze i dumeid: minun velt iilä eläbad. Pidab mända nugud hänen dorogad möto. Läks' hän sida dorogad möto, kuna mäni noremb vell i tuli lidnha. Kaccub, om kirditet prikazad, podpis' om pandud caril. Prikazan oli kirditet caril: «Kadii nor' vävu, ken lüudab, sille andan hivän höbon i nell tuhad zolotad.» Nece vanhamb vell lugi prikazan, mäni, lüuz' ičeleze fateran i fateran ižandal kützub: «Ken mugitte om vävu?» Fateran ižand sanub: «Oli tulnu mez', en teda kuspei, höbol raccil, koiranke, kondänke i dänišanke i tegi vot ningoman azzän: päst' surmaspei carin tüturen i siš päliči puutji carin vävuk.» Vanhamb vell ott' pähä: «Pidab lüuta vell.»

Läks' hän samha lihäd mecha. Tuli necile sijale, kus om vell. Ladihe ö. Tegi lamein, pani lindun kiitta. Kuulob kuzespei paginan: «Milii om vilu.» Alahanpei hänele om otvet: «Laskte, lämbitelde.» — «En rohti, sinun koirid vareidan, na, ota viceine i paina ičiiž koirid, ika mindei purdaze.» Alahanpei sanub: «Ala vareida.» — «En rohti.» — «Noka ed rohti, ka mina sindei lasketan», sanub vanhamb vell. «A kut sina mindei lasketad?» — «Kebneidešti.» Ott' oruždän kädehe, pani patronan oruždäha. «Völ sanun: laskte alahaks.» Hän ii lasknuze. Hän ott' i ambii ülhähaks sihe meheze, a se mez' nagranke sanub: «Oli sinuničcid da kaik sinun al.» No, alembeine sanub: «Sanu, kus om minun vell, a ed sanune, ka mina sindei rikon.» Kuzespei sanub: «Sinun pul'k mindei ii riko.» Alembeine ott', tegi ristan pul'kha, ambii ülembeizele i ülembeine langen' hänen. A alembeine pol'g hänele kurkule. No, necile volšebynike mända oli ii kuna... Nuust' hänen vellen, höbon i zverid. Nuustihe, velled kaburzihe, tervehtethe i lähtihe carinu. Tuldhe hö carinu, carin vävu i sanub: «Nece om minun vell, mö olem segoitut, miid batei kadot' mecha. Vot hän nugude lüuz' mindei, a mina toin händast sinunnu.» Mii oli kirditet prikazas, sen car' i mak-sjj. Dälgele necida tegi svatule balun. Necil balul vanhamb vell kert' ili gulei i mina, Kuzov, necil balul olin, pivad dein küläks, huulid möto vod', a suuhu ii puutnu, i humalziin i car' mindei potki irdale.

БОТАТЫЙ И БЕДНЫЙ БРАТЬЯ

Богатый брат был золотарь, делал золотые вещи, а бедный брат делал голики. Однажды пошел бедный брат в лес за ветками для голиков, в ле-

су увидел красивую птицу и думает: «Как бы добыть эту птицу?» Схватил топор, швырнул в нее и убил птицу. Приносит домой, говорит брату:

— Какую птицу я убил!

Богатый брат говорит:

— Давай сюда!

Он принес. Богатый говорит:

— Продай мне!

Бедный отвечает:

— Бери.

— А сколько стоит птица?

— Два рубля.

— Бери деньги.

Богатый взял птицу, приподнял правое крыло, видит — написано: «Кто эту птицу съест, тот будет сильным». Взял он приподнял левое крыло, а там написано: «Кто эту птицу съест, у того каждую ночь под подушкой будет пятирублевая золотая монета».

Богатый брат приказывает своей жене:

— Зажарь эту птицу и никому не отдавай, кроме меня.

В это время пришли дети бедного брата, съели все и ушли. Пришла хозяйка из хлева и видит — жаркого нет. Что теперь делать? Взяла она и отрубила голову петуху, сделала другое жаркое. Пришел мужик домой:

— Дай, жена, есть.

Жена подала ему это жаркое. Он съел. Лег спать, утром встал, а силы не прибавилось и золотой монеты под подушкой не оказалось.

А дети бедняка встали, силы у них прибавилось и под подушкой у них было по одной золотой монете. Так бедный брат разбогател. Богатому брату стало завидно. Позвал он брата к себе домой:

— Слушай-ка, брат, у тебя в доме нечистый дух, дети твои — черти, ты уничтожь их, если хочешь остаться в живых.

Пришел брат домой и говорит своей жене:

— Слушай-ка, жена, в нашем доме плохи дела, дети убьют нас, как нам теперь быть?

Жена ему говорит:

— Надо отвезти их в лес и оставить там.

Дали детям по лошади, по собаке и по ружью.

— Дети, сегодня пойдем за грибами, вы поедете на лошадях, возьмите ружья и собак.

Так и сделали. Ушли в лес за десять верст, сбили их с пути, оставили там, а сами пришли домой.

Детей настигла темная ночь. Они и говорят:

— Что нам теперь делать? Надо огонь развести. Ты, брат, разведи костер, а я пойду добуду на жаркое.

Шел недолго, видит: впереди медведь с двумя медвежатами. «Сейчас я выстрелю». Слышил, медведь заговорил:

— Не стреляй, я отдаю тебе медвежат, они тебе пригодятся.

Он и не выстрелил, а взял медвежат у медведицы и привел к брату:

— Не выпускай их никуда, брат.

Тот так и поступил.

— Я опять пойду, не достану ли чего-нибудь на жаркое.

Отправился, прошел немного, навстречу заяц. «Зайца я застрелю». Тот и говорит:

— Не стреляй, возьми у меня двух зайчат, они тебе пригодятся.

Так и сделал он. Принес брату и говорит:

— Опять я добыл двух зверят, что будем делать, зажарим или оставим?

Другой брат говорит:

— Не надо жарить.

Наступила темная ночь. Легли братья спать. Проспали ночь, наступило утро. Надо идти дальше. Шли они по лесу целый день. Под вечер увидели дорогу. Идут они по дороге. Впереди развилка. Младший брат говорит:

— Я пойду вправо.

А старший говорит:

— Я пойду влево.

В этом месте они и разошлись и договорились, как потом найти друг друга. Младший брат и говорит:

— Давай оставим здесь стакан с водой. Кто из нас придет сюда и увидит, что вода испортилась, значит, другого брата нет в живых.

Попрощались они и разошлись.

Младший брат пришел в город и спрашивает у старушки:

— Нельзя ли мне остановиться на квартире?

Старушка говорит:

— Можно.

Он спрашивает у старушки:

— Почему в городе черные флаги вывешены?

А старушка говорит:

— Завтра царскую дочь повезут на драконову гору на съедение змею. Этот змей съел всех девушек в нашем городе.

Этотnochлежник говорит:

— А можно ли мне пойти посмотреть?

Старушка отвечает:

— Можно.

Наступило новое утро. Этотnochлежник оседлал лошадь, взял с собой собаку, медведя и зайца. Пришел он туда раньше всех и ждет. Через некоторое время привели царскую дочь и оставили на горе, а вся свита вернулась обратно в город. Вдруг поднялся ветер, зашумели деревья. Слышит — идет змей. Усевшись на каменную плиту, он увидел, что на ней написано: «Кто эту плиту поднимет — под ней сабля и сосуд с крепким вином, а кто это вино выпьет, тот может овладеть этой саблей и победить змея». Так он и сделал. Он почувствовал большую силу.

Появился двенадцатиголовый змей и говорит:

— Я просил одну, а тут двое...

Начался бой. Силач отрубил шесть голов, и у него искривилась сабля. Махнул он второй раз, отрубил четыре головы — и сабля разломилась. Он говорит собаке:

— Помогите мне убить змея.

Собака, медведь и заяц дружно бросились и оторвали последние две головы. Силач обрадовался.

— Теперь, — говорит, — дело сделано, надо костер развести.

Развели костер, разрубили на кусочки змея, бросили в огонь, а жала и языки богатырь взял себе. Ушел он с этого места, притопел в будку, где была царская дочь, от страха подуживая. Богатырь поднял ее:

— Не бойся, змей убит.

Та не верит.

— Смотри, тут тебе доказательство, видишь — двадцать четыре штуки: жала и языки.

Царская дочь поцеловала его, дала ему золотое колечко и носовой платок, а зверям привязала на шеи шелковые ленточки.

Девушка говорит:

— Теперь сделаем так...

А богатырь перебывает:

— Я хочу спать. — Собака говорит: — Карапуль, пока я сплю.

Собака карапулила недолго, медведю говорит:

— Карапуль, я лагу спать.

Медведь немного посторожил и говорит зайцу:

— Присмотри немного, я спать лягу.

Покараулит заяц немногого и тоже спать лег. Теперь все спят, а царская дочь не спит.

Тем временем царь послал на гору своего слугу:

— Иди, проведай, жива ли моя дочь, и сообщи мне.

Тот так и сделал. Пришел он на гору, видит — царская дочь жива. Он и спрашивает у неё:

— Змей уже был?

Царская дочь отвечает:

— Был змей, и его убил этот человек, который спит с собакой, медведем и зайцем.

Царский слуга говорит девушке:

— Скажи своему отцу, что я убил, а не скажешь, то я отрублю тебе голову.

Царская дочь согласилась. Слуга взял саблю и отрубил голову богатырю. Слуга и царская дочь отправились в город к царю. Царь удивляется:

— Этого никогда не бывало, я себе не верю, моя ли дочь явилась живой ко мне?

Слуга говорит:

— Больше змей никого не тронет, я его убил.

Царь говорит:

— За это добное дело я отдам свою дочь за тебя замуж и с нею пол-парства.

И сыграли они свадьбу.

Тем временем проснулся заяц, будит медведя и собаку.

— У нас беда, голова у хозяина отрублена.

Медведь и собака рассердились на зайца:

— Мы убьем тебя за это.

Заяц говорит:

— Не убивайте, я все удачу. Отпустите только меня в лес.

Собака говорит зайцу:

— Иди и через час возвращайся.

Заяц сбежал и принес живой и мертвый воды и говорит:

— Теперь нужно помазать хозяину шею и поставить голову обратно.

Сказано — сделано. Только голову они поставили не так, а лицом к спине. Потом помазали они живой водой и богатырь встал. Видят — голова не так. Собака рассердилась на зайца:

— Не так ты сделал, я тебя разорву!

Заяц говорит:

— Давайте помажем опять мертвый водой.

Так и сделали. Сняли голову и снова поставили, помазали мертвый и живой водой. Богатырь встал, говорит:

— Почему вы дали мне так долго спать?

Собака ему говорит:

— Потому что мы все спали.

Богатырь говорит:

— Где же царская дочь?

Заяц отвечает:

— Одна домой ушла.

Богатырь говорит:

— Пойдемте и мы домой.

Сели они на лошадь и поехали домой. Пришли они опять на ту же квартиру. Пришли и спрашивают у старушки:

— Бабушка, почему в городе красные флаги развешаны?

Та говорит:

— Царская дочь замуж выходит.

— За кого? — спрашивает богатырь.

Та говорит:

— За слугу, он спас царскую дочь, а за это царь отдал свою дочь замуж и полцарства своего.

Богатырь спрашивает:

— Бабушка, а можно нам пойти на свадьбу?

Старуха говорит:

— Всем можно.

Богатырь и пошел. Надел кольцо царской дочери себе на палец, перевязал тряпочкой, чтобы не видно было. А царем был дан приказ: на свадьбу пускать только здоровых. Когда он пришел в царский дворец, доктор спрашивает:

— Почему палец перевязан?

Богатырь говорит:

— Заяц укусил.

— Где заяц?

Он говорит:

— В коридоре оставлен.

Доктор говорит слуге:

— Принеси сюда.

Слуга принес. Доктор говорит богатырю:

— Нужно палец посмотреть.

Тем временем собака, медведь и заяц шмыгнули туда, где были жених и невеста. Невеста любила медведей. Она ласкает рукой медведя, по шее гладит, и попалась ленточка под руку. Невеста говорит:

— Этого зверя я уже видела раньше на той горе, где меня змей хотел съесть.

Жених обозлился.

А доктор снял у богатыря тряпку с пальца и говорит:

— Где ты взял это кольцо?

Тот отвечает:

— Мне подарила царская дочь за то, что я убил змея.

А доктор доложил об этом самому царю. Надо узнать, как кольцо попало к этому человеку. Царь позвал богатыря в свою комнату и спрашивает:

— Как к тебе попало это кольцо?

Он опять повторил то же, что сказал доктору. Царь спрашивает:

— Есть ли доказательства?

Богатырь говорит:

— Есть доказательства: колечко, носовой платок, двадцать четыре жала [с языками] от змек, которого я убил. Собаке, медведю и зайцу завязаны на шее шелковые ленточки, а повязала их ваша дочь на драконовой горе.

Узнав об этих всех фактах, царь говорит:

— Если пожелаешь взять ее себе в жены, то будешь моим зятем, и дам тебе полцарства.

Так все и было. Сыграли свадьбу. После свадьбы позвал царь слугу и спрашивает у слуги:

— Кто тебе велел обманывать царя? За это тебе через два часа снесут голову.

После свадьбы выполнили приказ царя: слуге отрубили голову, а царскую дочь выдали за богатыря.

И этот богатырь после пиршества пошел в лес охотиться. Взял лошадь, собаку, медведя, зайца и в лесу заночевал. Развел костер под елкой и хотел переночевать. Слышит с елки голос:

— Мие холодно.

— Ты, — говорит царский зять, — спускайся и погрейся у костра.

С елки говорят:

— Я боюсь твоих зверей, твои звери меня укусят.

— Не бойся, они не тронут.

С елки опять говорят:

— Слушай, молодой человек, возьми прут, который я тебе брошу и ударь тихонько по своим зверям.

Царский зять так и сделал. Сам он, лошадь, собака, медведь и заяц превратились в камни.

Пришел па развалику старший брат, взял в руки стакан, смотрит, а вода помутнела. Думает он: «Нет в живых моего брата. Нужно мне пойти теперь по его следам». Пшел он по той дороге, куда ушел его младший брат и пришел в город. Видит, написаны приказы, под ними царская подпись. В приказе написано: «Потерялся царский зять, кто найдет, тому дам хорошую лошадь и четыреста тысяч золотом». Этот старший брат прочел приказ, пошел, нашел себе квартиру и спрашивает у хозяина квартиры:

— Кто такой этот царский зять?

Хозяин квартиры говорит:

— Не знаю, откуда-то явился человек верхом на лошади, с собакой, медведем и зайцем, и вот что он сделал: он избавил от смерти царскую дочь и так стал царским зятем.

Старший брат решил: «Надо найти брата».

Пошел он в лес за дичью. Пришел на то место, где его брат. Настала ночь. Развел он костер, чтобы сварить дичь. Слышит с елки голос:

— Мне холодно.

Снизу ответ:

— Спустись, погрейся.

— Не смею, твоих собак боюсь. На тебе прутик, ударь по своим собакам, не то они меня укусят.

Снизу говорят:

— Не бойся.

— Не смею.

— Ну, если боишься, то я тебя спущу, — говорит старший брат.

— А как ты меня спустишь?

— Очень просто.

Взял он ружье в руки, вложил патрон.

— Еще раз говорю: спускайся.

Тот не спускается. Он и выстрелил, а тот человек хохочет:

— Было много таких, как ты, но все они сгинули.

— Скажи, где мой брат, а не скажешь, то я тебя убью.

С елки говорят:

— Твоя пуля меня не убьет.

Он поставил крест на пуре, выстрелил в верхнего, тот упал возле него. Он наступил упавшему на горло. Ну, оказалось — это волшебник. Деваться ему некуда: расколдовал он брата, лошадь и зверей. Все встали. Братья обнялись, поцеловались и пошли к царю.

Пришли они к царю. Царский зять и говорит:

— Это мой брат, нас отец потерял в лесу, мы заблудились. Вот теперь брат нашел меня, а я привел его к тебе.

Все, что было записано в приказе, царь уплатил. После этого устроили свату бал, на этом балу гулял старший брат, и я, Кузов, на этом балу тоже был, пива пил досытая, по губам текло, в рот не попало. Охмелел я, и царь выдворил меня пинком.

19. GLUUPAD RAHVAZ

Ende eletihe ukeine i akeine. Mad heilaze ii olnu. I vot semetihe hö nagrišt' ičzeze pertin päle. I vot kaikučen päivan ukeine kävelob kacmaha kut kazvab nagriž. Ezmeižel päival nagriž kazvei kopeikan surčeks, tošpāan nagriž kazvei koumen kopeikan surčeks, a koumandel päival — pätakon surčeks. Nelländel — dö askei blödeižen surčeks.

Tuli ukeine kodihe i sanub akeižele:

— Kacu, akeine, nagriž pidab otta, eika kazvab lujas suureks i labotab miide pertin.

Akeine sädihe i lübjji pertin päle nagrišt' otmaha. Töuden havadon vali gurbha i zavodi päzda soumad möto, no käded akeižel väzdhe i akeine langen'

alabaks ügesõrpilie i rikeihe. Ukeine veik, veik i pani akeißen potletsha, u iče läks' veikteid ecmaha.

Tuli kana vastha: «Kuna astud, ukeine?» — «Veikteid ecmaha.» — «Ota mündej.» — «Mahtadik voikta?» — «Mahtan.» — «Nu ka ištse regehe.»

Potom tulibz vastha dāniš, rebei, händikuz i kondi. Ištut' ukeine kuikid regehe itoi kodihe. Soubaz' heid potletsha akeižennu, o iče läbi lavas küzelob veikleil: «Dö vejkit?» Sed sanutaze: «Käduded i döugeižed dö vejkim.»

Potom ukeine mest klizub: «Dö vejkit?» Veiktijad sanutaze: «Vejkim dö.» Aveit' ukeine verejan potletsha, a veiktijad döste pagob lähtih. Kaeuib ukeine, ka aksat' dö eila. Kuni vejktihe da sini akeine i sõdhe.

Tuskas ukeine ol' havadeižen, pani havadeižhe kăžižen i čuutaban labideižen i läks' kuna pū kaudab, kirvhudenke.

Mäni, mäni. Tuli perlune. Kaulob, sign lujas dütteitaze. Mäni ukeine perthe i näggob čuudan: mužik püüpel hüppib štannihe, u ak seižub pääčinnu i štanad pidub. Ukeine sanuh: «Ajanik undatt, jesli mina opendan štuneid pammaha?» Mužik andei hänele sada rubläd. Ot' ukeine dengad i läks' tagemba.

Näggob, seižub pertiūne i eill ni üht iknad. Näggob, mez' dökselob puzunke se vereile, se perthe. Küzub ukeine mehel: «Miks' sina dökseled?» Mez' sanuh: «Pertišpei kandižen pimedan vereile i vereilpe svetan perthe.» — «Ajanik andact dengid, jesli mina tegem svetan teile perthe?» — «Kaks' sadad andam», sanuh mez'.

Silci ukeine ot' kirven i čapei iknan perthe. Ot' dengad i läks' tagemba.

Mäni, mäni, näggob pertiūben. Tuli i pakidene öks. A neel' pertiūnes kaikužen ön stidhe krotad mez'. I vot itand ihastii, pani ukeižen otdeñijahha komnatatuha magatta i duumcib ibc: «Pust' sõdaze krotad, takouski mužik om.»

Ver' ukeine komnatatuha i kažižen ol' huvadeižespei i pani laptha. Hemesel herastihe, ka laval kogo kolied krotid: kažižen kaikid rikei.

Itand küzzub: «Kut sina rikeid ningoman kogou?» Ukeine sanuh: «Milgi om zverine, kudamb rikkob, a jesli annet dengid, ka mina teiletei dätan.» Itand andei dengad i läks' ukeine kodihapei. Tuli laptemba i näggob: hänen pertin sijas seižub suur' hivä pert'. Märtsikanz' laptemba i näggob: ühtoh pertišpei bohat mez' i ozutub kädel, miise: «Ala tule laptha i lahte neel' ploßadilpei.» Ukeine ištih kivele i voikud voikaškanz' i veik sen verdan, miise hänen kündilipei tegihe suur' üniine i uppot' bohačun kodin. I ukeine läks' hivis melis edeleze i edeleze.

О ГЛУПЫХ ЛЮДЯХ

Жили старичок и старушка. Земли у них не было, и решили они поселять рену на крыше дома. Старичок каждый день ходил смотреть рену, как она растет. В первый день рена выросла с коняйку, на второй день — с трехконечную монету, на третий — с пятак, на четвертый день — размером с блюдце. Пришел старичок домой и говорит старушке:

— Старушка, рену нужно собрать, не то вырастет слишком большая и прилавит наш дом.

Старушка оделась и поднялась на дом за репой. Полный мешок вздрагнула на спину, стала спускаться, руки у нее устали, она упала на зубы бороды и умерла. Старичок щакал-щакал, уложил старушку в подклеть, а сам пошел исскать пчальщиц.

Встретилась курица, спрашивает:

- Куда идешь, старишок?
- Плакальщиц искать.
- Возьми меня.
- А причитать умеешь?
- Умею.
- Ну, тогда садись в сани.

Потом встретились заяц, лиса, волк и медведь. Усадил их всех старишок в сани и привез домой. Закрыл их всех в подклеть к старушке, а сам сквозь пол спрашивает:

- Уже оплакали?

А те отвечают:

- Ручки и ножки уже оплакали.

Потом старишок опять спрашивает:

- Оплакали?

Говорят:

- Оплакали.

Открыл старишок дверь в подклеть, а плакальщики бегом. Убежали. Смотрит старишок, а старушки нет. Пока оплакивали старушку, тем временем и съели ее.

С горя старишок взял мешочек, положил в него котенка, совок с топором и пошел куда глаза глядят [букв.: куда голова несет]. Шел-шел, навстречу избушка, слышит — там очень сильно гремят. Вошел старишок в избушку и видит чудо: мужик с печки прыгает в штаны, а жена стоит внизу и держит эти штаны. Старишок говорит:

- Сколько вы мне дадите, если я научу штаны надевать?

Мужик дал ему сто рублей.

Взял старишок деньги и пошел дальше. Видит — стоит избушка без окон и мужик бегает с корзиной то в избу, то во двор. Старишок спрашивает:

- Почему ты тут бегаешь?

Мужик говорит:

- Из избы я выношу темноту, а со двора приношу свет.

- Сколько вы мне дадите, если я сделаю свет в избе?

- Двести рублей дадим, — говорит мужик.

Тогда старишок взял топор и прорубил окно в избе. Взял деньги и пошел дальше.

Шел-шел, видит избушку. Подошел и просится на ночлег. А в этом доме каждую ночь крысы съедали человека. Хозяин обрадовался, уложил спать старишку в отдельную комнату и думает: «Пусть съедят его крысы. Таковский и мужичок».

Лег старишок в комнате, взял из мешка котенка и положил рядом. Утром проснулся и видит: на полу целая куча мертвых крыс, котенок всех задавил. Хозяин спрашивает:

- Как ты убил такую кучу?

Старишок говорит:

— У меня есть такой зверек, который убивает, а если дашь мне денег, то я оставлю его вам.

Хозяин дал денег, и пошел старишок домой.

Стал подходить [к дому] и видит: на месте его избы стоит большой хороший дом. Стал приближаться к дому и видит: выходит из дома богатый человек и показывает рукой, что подходить, мол, нельзя, уходи, дескать, отсюда. Старичок сел на камень и заплакал. Он плакал столько, что из его слез образовалось большое Онего и потопило дом богача, а старичок, довольный, пошел дальше.

20. AKAL OLI MAKС

Ende eletihe ukk akank. Lapsid hilj ii olnu. Ukk käveskel' kaikušti mecha radole haugod čäpmaha, a akk oli kodiš, emagičihe kodiradol. A mužikad ičeze ii navednu. Oli maks. Kut, nägettik, mužikad se ii navednu, ka kaikušti hänén edes ozutelihe läžus.

Kerdan läks' mužikaze mecha haugod čäpmaha. Tuli maks besedale, viinad döškatilie, kargud paniškuthe. Mužik necida ii tenu vuusö, mise ii todeks akaze läžub, miks mire akk mahtii pritvorüüdaze kaikušti. I vot maksanke gulitätsze ii ühi kerdad. I kerdun necin gulban aigan tulob pakičii liibad pakimaha. Akk kargaidab, konz uksen uvaiz perthe pakičii, maks vändab garmolihe. Nägob pukičii, mire ninkiine azz' om i žaliuhe ukole. Starinič kaiken, mii pertiš hänel tegihe.

Ühtel aigal tuli melhe pakičijale, sanub ukole: «Ličte sina havadoho i mina selgan taga ven sindai ičiž žo kodihe i havadonke panen loučan alle, a iče pakičemii akalaž öks.» Hö muga i tehthe. Mužik mäni havadoho, lend' pakičii havadon ičeze selgan taga i läks' astmaha ukon akazzenno. Tuli pertesche, avaidab uksen perthe i sanub: «Sula sima, emag, usko mindai, ole hluvá, astun pit'kaspu dorogaspei vešsideke. olen vüznu lujus.» — «Oi, embii pästta öks, mužikad illä kodiš.» — «Ka püsta, püsta, ala dö pahaks ota, ii luji sinun mužik, mina händast tedun.» Akaze uskalzihe i päst' pakičijan perthe öks. Siid žo i sanub pakičii: «Kuule vui, emaguine, mina panen havadonke vešsid loučan alle, a iče lübun pačile venumaha.» Akk sanub: «Ka pane loučan alle i lübu pačile, siga om läm magata.» Pakičii muga i tegi. Lübjil pačile, ver!

Kuulob, tulob maks garmolinke. Akk oigendab stolan i viinan panob. A siid ii ajad aigad proidnu, ištih makسانке stolan taga i zavottihe viin döda. Tegihe humalaššiks, maks vändaškanz' garmolihe, akk kargeidaškanz'. Päcilpei pakičii i sanub havadole: «Kacelte hillästi, havad, kacelte hillästi loučan all.» Siid laskihe pakičii päcilpai, mest ott' havadon vešsideke selgan taga i läks' veraile. Päst' havadospai roukan mižikan. Sanub mužik: «Spasibo sili, pakičii, mina tedištin nuguni akan läžun.»

Toizel päival akk läžus. Käsk' mužikale külbetin lämbitada. Mužik lämbit', a kuni külbel' lämbiz', sini kävii mecha koivüžihe. Tuli metaspai kodihe, küzub: «Emag, külbet' dö om vaumiž?» — «Vaumiž dö om», sanub akk. «Vaumiž om ka oigenda ol'g dorogašt' mõto külbetihe mändes.»

Läks' akk ukonke külbetihe. Riičihe. Ukk i sanub: «Mäne lübu marjile. Nu, vaumiž oled? Mina lüumed panen.» Akk sanub: «Vaumiž.» Mäni ukk pertesche, ott' batagan koivüžen, da muga peksta zavodi akan. Ii olnu siid hänele aigad konz dumaida. Läks' pagemaha külbetišpai. A ukk kidoštab taganpai: «Olged mõto dökse.» Ii olnu siid olghesai. Kaik läžu hänel ses pläivaspai läks'. I siga tähasai eletaze.

НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

Жили-были муж с женой. Детей у них не было. Старик всегда ходил в лес дрова рубить, а старуха была дома, занималась домашней работой. Мужа своего она не любила. Был у нее любовник. Поскольку мужа своего она не любила, то всегда прикидывалась перед ним больной.

Однажды пошел старик в лес рубить дрова. Пришел к ней любовник на беседу, и стали они пить вино и плясать. Муж ничего не подозревал, верил, что жена на самом деле болеет. Она умела притворяться. И вот они с любовником гуляют много раз.

Однажды во время такой гулянки приходит нищий просить хлеба. Когда нищий открыл дверь в избу, жена плясала, а любовник играл на гармошке. Нищий видит такое дело и пожалел старика. Рассказал ему, что в его доме творится. Подумал нищий и говорит старику:

— Заберись ты в мешок, а я отнесу тебя на спине в твой дом. И суну тебя в мешке под лавку, а сам попрошу переночевать.

Но, так и сделали. Забрался мужик в мешок, нищий поднял мешок на спину и пошел к жене мужика. Пришел в сени, открывает дверь и говорит:

— Дорогая ты хозяйка, будь добра, поверь мне. Иду я с дальней дороги с вещами, очень устал.

— Ой, не могу пустить переночевать, мужа нет дома.

— Да впусти, впусти, не обижай, не будет ругать твой муж, я его знаю.

Жена решилась и впустила нищего в дом переночевать. Тут нищий и говорит:

— Слушай-ка, хозяйка, я поставлю мешок с вещами под лавку, а сам заберусь на печку.

Жена и отвечает:

— Поставь, поставь под лавку, а сам забирайся на печку, там тепло спать.

Нищий так и сделал, поднялся на печку и лег. Слышит, идет любовник с гармошкой. Хозяйка накрывает на стол и вино ставит. Прошло немного времени, садятся они с любовником за стол и начинают пить вино. Захмелели они, любовник заиграл на гармошке, а она начала плясать. Нищий с печки и говорит «мешку»:

— Поглядывай тихонечко, мешок, посматривай осторожненько изпод лавки.

Затем спустился нищий с печки, опять взял мешок с вещами за спину и вышел. Выпустил из мешка бедолагу-мужика. Мужик говорит:

— Спасибо тебе, нищий, теперь я узнал «болезнь» жены.

На следующий день жена «заболела». Попросила мужика истопить баню. Муж баню истопил, а пока баня топилась, сходил в лес за березками. Пришел из лесу домой, спрашивает:

— Хозяйка, баня уже готова?

— Готова уже, — говорит жена.

— Раз готова, то расстели на дороге в баню солому.

Пошли жена с мужем в баню. Разделись. Муж и говорит:

— Иди заберись на полок. Ну, готова? Я пару поддам.

Жена говорит:

— Готова.

Пошел мужик в предбанник, взял березовую палку да как начал лупить жену. Некогда тут было ей думать — выскочила из бани. А муж кричит вслед:

— По соломе беги!

Не до соломы тут было. С того дня вся хворь прошла. И живут они там и по сей день.

21. VAN'KA I KOZA

Eli uk da ak, ukol da akal lapsid ii olnu nikeda, eletihe rouhazessei kahten. Vot, dumaitihe uk da ak: tehkam savesiine prihaine-Van'ka. Ottihe, savest kaidihe, topstihe i tegiba savesiizen Van'kan. Kuivatihe i pandhe čogaha stolan taga. Nece savesiine Van'ka pagižeškanz': «Deduško, sanub savesiine Van'ka, — mina sindeiž sen.» Ot' dei necen ukon sei.

Toižel päival sanub: «Babuško, mina sindeiž sen, sanub.» Ot' dei sei necen akan i män' vereile.

Astub murzei vedele kahten vädranke. «Murzei, sanub savesiine Van'ka, — mina sindeiž sen, deduškon siin, babuškon siin i sindaiž sen.» Ot' dei sei akan vädrildeke, dei kogonaze. Astub edeleze dorogad möto.

Astub koza vastha. «Koza, sanub, — mina sindeiž sen.» — «Siižutade krežan alle, sanub koza, — mina sileiž prámo suhu hippästan.» Ot', nece savesiine Van'ka siižutihe krežan alle, a koza krežalpei döksob. Ot' koza, döks', döks', da ku butkeidab peciühe. Sigapei läksiba ukoine, akaine i murzei vädroideke i nece Van'ka muren' supaloile.

Ukoine i akaine tuldhe kodihe i pagištas: «Enamb em tehkoi savesišt' Van'kad, ika seb.»

Nece ak rodi koume türtü ühtes kohtus. Kazdhe ned türed. Osttihe uk da ak kozeižen. Nece (uk) oigendab vanhambad türtü paimendamha kozad. «Ehtkoičel mina kozal kützun, sötidik i dötidik sina kozan.»

Nece tütar läks' paimnehe, söt', döt' necen kozan i ajab kodihe. Ižand kützub kozal: «Siidik, deidik, kozeine?» — «En, sanub, — senu i en dönu.» Ot' ižand türen kodišpei küks': «Mäne kuna pä kandab, edveini kozad sötta i dötta.»

Homen nouzob i oigendab toižen türen paimnehe. «Mäne, sanub, — söta i döta kozad, ika sindeižgi kükseñ.» Se ot' kozan, söt', döt' i ajab kodihe. Ižand mest tulob vastha i kützelob: «Seidik, kozeine, deidik, kozeine?» Koza sanub: «En dönu, en sönu.» Ot' mest türen aji kodišpei: «Mäne kuna pä kandab.»

Koumandel päival oigendab koumanden türen paimnehe. Se mest mäni, söt', döt', söt', döt', peceihe dö ii mäne kozale, muga söt' kozan i ajab kodihe. Tuli ižandannu i kützelob ižand: «Seidik, kozeine, deidik, kozeine?» — «En sönu, en dönu, sanub kozeine.» Ot' necen türen mest aji kodišpei.

Nelländel päival oigendab akan: «Söta i döta kozeine, ika mugoine i sileiž čest' liinob.» Mäni ak, söt', döt', söt', döt', pimedahassei pidi i ajab kodihe. Uk vastha tuli. «Seidik, kozeine, deidik, kozeine? kützelob hänel. Koza sanub: «En sönu, en dönu.» Ot' akan i ajii.

«Lähtta libo iceliin paimeta.» Viidendel päival läks' iče paimnehe, söt',

döt', söt', döt', pimedahassei söt', tuli kodihe i küzub: «Seidik, kozeine, deidik, kozeine?» — «En sönu, en dönü», sanub kozeine. Vot ot' da kirfhel bokha i andei, muga polen bokad i čapoi. «Sinus päliči, sanub, — ajin lapsid i akan», ižand sanub kozale. «Mäne nügude sina kuna pä kandab.» Läks' koza püudole, lüuz' zemlänkan, konddän pezan. Eli neciš pezas kondi, händikaz i rebei. Vot koza čaptud bok, ištiihe päčile. Tulob rebei i küzub: «Ken siga päčil om?» — «Mina, sanub, — olen koza, pol' bokad čaptud, koumes grošas osttud, topsin sindeiž döugil i hougeidan sarvil.» Nece rebei i pagan'.

Tulob händikaz. «Ken siga päčil om?» — «Mina, sanub, — kozin'ka-koza olen, pol' bokad čaptud, koumes grošas osttud, topsin sindeiž döugil, hougeidan sarvil.» Kondi mugazo pelgasjii i pagod pertišpei, ičeze pertin dät' kozale. Zavodi nece koza eläda pertiižes, a nece mužik ot' tütrid i akan tagaze i eläškanz kodiš.

Ajab kerdan ižand mecha siiriči neciš kodiižes i küzub: «Ken siga päčil?» — «Mina, sanub, — olen kozin'ka-koza, pol' bokad čaptud, koumes grošas osttud, topsin sindeiž döugil, hougeidan sarvil.» Nece ižand sanub: «Davai, tule, hougeidadli sarvil?» Vedi kozan päčilpei döugiš i regele pani i toi kodihe i sanub kozeižele: «Völak sanud: et söttud, ed döttud, ka pän čapan, en däta eläbaks.»

Vot zavodi mest türed paimeta, üks paimendab päivan, toine — toižen, koumanz' — koumanden. Hän akanke kodiš radab i türed kozeižen paimetaze, hän andab hiile maidon, lehmaš' ii olnu, a oli hebo. Vot eletaze voden, toižen. Kozeine hiil läžeganz' i kol.

ВАНЬКА И КОЗА

Жили старик и старуха, у них не было детей, жили до старости вдвоем. Вот надумали старик и старуха сделать глиняного мальчика Ваньку. Взяли накопали глины, размяли ее и сделали глиняного Ваньку. Высушили и поставили в угол, под стол. Этот глиняный мальчик Ванька заговорил:

— Дедушка, я тебя съем. — Взял да и съел этого старика.

На следующий день опять говорит:

— Бабушка, я тебя съем. — Взял да и съел старуху. И вышел.

Идет женщина с двумя ведрами за водой.

— Женщина, — говорит глиняный Ванька, — я тебя съем, дедушку я съел, бабушку я съел и тебя я съем. — Взял да и съел женщину вместе с ведрами, целиком.

Идет дальше по дороге. Идет коза навстречу.

— Коза, — говорит глиняный Ванька, — я тебя съем.

— Встань под горой, — говорит коза, — я прыгну прямо тебе в рот.

Взял да и встал этот глиняный Ванька под горой, а коза бежит с горы. Бежала, бежала да как пырнет его в живот. И этот Ванька раскололся на части. Оттуда вышли старичок, старушка и женщина с ведрами.

Старичок и старушка пришли домой и говорят: «Больше не будем делать глиняного Ваньку, а то съест».

Родила эта старуха сразу [букв.: с одного живота] трёх дочерей. Выросли эти дочери. Купили старик и старуха козочку. Старик отправил старшую дочь пасти козу:

- Вечером я спрошу у козы, накормила ли и напоила ли ты ее.
Пошла эта дочь пасти козу, накормила и напоила ее и гонит домой.
Хозяин спрашивает у козы:
— Ты ела-пила, козочка?
— Нет, — говорит, — не ела я и не пила.
Взял да и выгнал хозяин дочь из дома и говорит:
— Иди куда глаза глядят [букв.: голова несет], не могла козу накормить и напоить.
Назавтра встает хозяин и отправляет вторую дочь пасти козу.
— Иди, — говорит, — накорми и напои козу, не то и тебя выгоню.
Та взяла да накормила, напоила козу и гонит домой. Хозяин опять идет навстречу и спрашивает:
— Ты еда-пила, козочка?
Коза говорит:
— Не еда, не пила.
Взял да и выгнал дочь из дома:
— Иди куда глаза глядят.
На третий день отправляет третью дочь пасти козу. Та опять попала, кормила, поила, кормила, поила, да так, что козе больше в живот не лежит, так накормила, и гонит домой. Пришли к хозяину, и тот спрашивает:
— Ты ела, пила, козочка?
— Не ела, не пила, — говорит козочка.
Взял да и эту дочь выгнал.
На четвертый день отправляет жену пасти козу.
— Накорми и напои козочку, не то и тебя такая же участь ждет.
Пошла жена, кормила, поила, кормила, поила, до темноты держала и гонит домой. Старик идет навстречу.
— Ты ела, козочка, ты пила, козочка? — спрашивает у нее.
Коза говорит:
— Не ела, не пила.
Взял да и жену выгнал. «Пойду, что ли, я сам пасти». На пятый день пошел хозяин сам пасти. Кормил, поил, кормил, поил, до темноты кормил, пришел домой и спрашивает:
— Ты ела, козочка, ты пила, козочка?
— Не ела, не пила, — говорит козочка.
Взял да и ткнул топором козу в бок, да так, что отрубил полбока.
— Из-за тебя я детей выгнал и жену, — говорит хозяин козе. — Теперь иди куда глаза глядят.
Пошла коза в поле, нашла медвежью берлогу. Жили в этой берлоге медведь, волк и лиса. Вот коза, отрубленный бок, села на печку. Пришла лиса, спрашивает:
— Кто там на печке?
— Я, — говорит, — коза, за три гроши куплена, полбока отрублено, растопчу тебя ногами, расколю тебя рогами.
Эта лиса и убежала. Идет волк.
— Кто там на печке?
— Я, козонька-коза, за три гроши куплена, полбока отрублено, растопчу тебя ногами, расколю тебя рогами.
Волк и убежал. Идет медведь.

— Кто там на печке?
— Я, — говорит, — козонька-коза, за три гроша куплена, полбока отрублено, растопчу тебя ногами, расколю тебя рогами.
Медведь тоже испугался и убежал из дома, свой дом оставил козе. Стала эта коза жить в домике, а мужик взял дочерей и жену обратно и стал жить.

Однажды едет хозяин мимо этого домика и спрашивает:

— Кто там на печке?
— Я, — говорит, — козонька-коза, за три гроша куплена, полбока отрублено, растопчу тебя ногами, расколю тебя рогами.

Хозяин говорит:

— Давай приди, расколи рогами.

Вытащил он козу за ноги с печки, положил в сани, привез домой и говорит:

— Еще скажешь «не ела, не пила» — голову отрублю, не оставлю в живых.

Вот и стали дочери снова пасти козу, одна пасет день, другая — другой день, третья — третий.

Хозяин с женой живут дома, а дочери пасут козу. Она им молоко дает, коровы-то не было (лошадь была). Вот живут они год, второй. Заболела у них козочка и померла.

22. VIIKUŠKO ČAPAB SIZAREL KÄDED

Ende eli uk i ak. Ukol da akal oli poig da tütar. Mam tegihe bolni. Mam kucub ičezennu türen i poigan i käskob: «Üks' kucuškaha čikuškoks, a toine — viikuškoks.» Čikuško da viikuško eletihe. Viikuško sanub: «Čikuško, oliž naida.» «Nei, nei, viikuško, ala ota dägi-baban tütar mehele.»

Nece läks' viikuško naimha. Mäb hot' kuna, ka kaiktä oma dägi-baban türed. Tuli viikuško i sanub čikuškole: «Käiktä oma dägi-baban türed.» «Nu, ka, sanub, — ota, viikuško, ota..»

Viikuško i ot' dägi-baban türen. Viikuško käub carin dvorcha radole. Lähtob homesel radole ka küzub: «Čikuško, mina läksin.» I ehtkoižel tulob ka sanub: «Mina tulin, čikuško.» A akal ii kuzu nimida. Akale paha.

Homesel mužik läks' radole, a ak mänob i tanhal norembal lehmal pän čapab. Tulob mužik ehtkoižel radolpei, nece ak i sanub: «Znai čikuško hivä: parahimal lehmal pän čapii.» Viikuško sanub: «Nece viga prosttud.»

Möst tošpeal läks' radole. Se küzub čikuškol: «Mina möst läksin radole.»

Nece ak mäni, möst čapii pän ubehel. Tulob mužik ehtkoižel kodihe, ak žaloboicese: «Znai silei čikuško, a parahimal ubehel pän čapii.» Viikuško otve-toičed akale: «Nece viga möst prosttud.»

Läks' mužik radole koumandel päival. I möst küzub čikuškol, mise «mina läksin». Koumandel päival ak čapab pän ičze priheižel.

Tulob ehtkoižel mužik i möst sanub: «Mina tulin, čikuško.» Ak sanub: «Znai silei čikuško da čikuško. Mitte oli üks' priheine da nece čikuško pän čapii.» Viikuško sanub čikuškole mise: «Mina enambad necida vigad en prosti.» Valläst viikuško hebon i ištut' čikuškon regehe.

Nu, ajetihe edahaks. Tuli kand, kandonnu necen hebon i azot', «Paa

(pane), čikuško, pa kandole.» «Viikuško, ala čapa päd, a čapa luče milei käded.» Hanel viikuško i čapii käded künambrusibesei. Ištut' möst čikuškon regehe i ajetaze edeleze. Möst tuli kand. «Čikuško, paa nakhu pä.» «Oi, viikuško, ala milei čapa päd, a čapa döugad.»

Viikuško čapii döugad polyhesssei i necile čikuškole paikan silmle siidei i händast siho dät'. Nece čikuško läks', mecadmäto katiše. Katihe, katihe i carin sadhusei katihe. Carin sadus sei däblokiid. Homesel libub car', ka nägob: däblokad oma södud.

Toižel ol' car' pani karaul'maha vanhamban poigan. Poig ii viinu karaulda: uinon'. Däblokad möst tuli [čikuška] i sei i läks'. Homesel batäze tulob i küzub: «Kut vardičid?» «Embiinu vardita: uinzin.»

Selgit' car' keskmeižen poigan vardihe. Keskmeine poig ii viinu vardita: möst uinož. Däblokad möst södhe. Tuli batännu ka sanub: «Embiinu vardita: uinzin. Möst däblokad södud.»

Car' sanub koumandele, Vanüškale: «Mää (mäne) sina vardihe i jesli vardičed, ka kaik carstvo sili.»

Vanüš vardič, vardič i vardič necen adivon. Adiv i tuli däblokid sömha. Vanüš i küzub: «Ken sina oled, nor' vei ravaz liined? Mužikpol', ka otan velleks, a akpol', ka otan sizareks, a niižne liined, ka otan akaks.» Hän änen i andji: «Kuna mindei otad kätzitoman i döugatoman akaks.»

[Vanüš] silmiš paikan riiči i ot' akaks. Ot' selgha i kodihe händast kandju. Batäze hänele necen carstvo kaiken i andji. Vanüš läks' carin dvorcid möto hätkeks ili vähaks. Nece ak kätzij i döugatji rodi poigan: tukeižen kuudeižen, tožen hobedeižen. Ougotihe kirdeižen Vanüšale. Läks' vöhma kazak. Kazak mäni, mäni i mäni dägi-baban perthe. «Edahaksid mäned?» «Mänen, sanub, — Vanüšale kirdeižen vöhma. Ak poigan rodi, tukeižen kuudeižen, tožen hobedeižen. Vön Vanüšale kirdeižen.» «Dägi-baba sanub: «Mäne kilbetihe, Väznu oled ka mäne hondmahaze.»

Kazak läks' kilbetihe i kirdeižen dät' iknale. Dägibab otab kirdeižen i ratkeidab. I kirdit' namesto kirdeižen Vanüšale, mise ak rodi koirkužun. Vei kazak kirdeižen Vanüšale, Vanüša aveiž kirdeižen, lugj, ka ak koirkužun rodnu. Vanüš ratkeiž kirdeižen i vastha kirditab: «Tagogat buč roudeižil vandhil i pangat händast bučhu i pästkat merhe.»

Tagotihe bučun, nu i necen akan lapsudenke pandhe bučhu i pästihihe merhe. Buč kacaihe mertmäto hätken vei vähän i tuli dö randha, korskaškanz peskale. Priheine sanub mamale: «Mama, oigendan döugeižed.» — «Ala oigenda, völ süväl olem.»

Pord kačaihe, ka buč tuli randha, enambad ii mäne nikuna. Poig sanub: «Mama, oigendan döugeižed.» Priheine döugeižed oigenz, buč i muren'. Lähtihe bučuspei. «Kuna, sanub mam, — mänen mö?» Priheine sanub: «Lähkam, mama, pakimaha.» Mama sanub: «Kuna mö lähtem, čomad olem, ii ankoi mille milostinad čomile.» Priheine sanub: «Voikamü nogel.» Voidihe nogel i lähtihe. Mündhe carin dvorcha, kus ugočaiže kaik carid. Ištihese čugeižche. Carid küzutuze: «Ken mahtab starinijid sanuda?» Käziži i döugažil ak se i sanub: «Mina ühten se mahtan.» «Mahtad ka sanu.» — «Ken vastustab ka koume pääpolišt antta, mikš perebivaib.»

Nece i zavodi sanuda ičeze elon proidindan: «Dägibaban tütar rikkj ičeze lapsen, a väriti mindei. A vell vei mindei mecha i čapii käded i döugad.» Dägibaban tütar i perebivaib: «Iilä muga. Sanu edeleze.» — «Bučhu oldhe pandud,

merhe oldhe päästtud. Buč kačaihe, tuli randha. Priheine döugad oigenz i buč muren', nu i sigapei läksim i voidimei nogel.» Priheine, tukeine kuudeine, a toine hobedeine išttaze, hän, vell, kudamb čapii käded i döugab i ženih Vanä. Vanä i vell pezetethe prihäst' i akad i pertiš lujas hivä päiv paštaškanz. Vell valläst' ubehen tanhalpei i ičeze akan, kudamb čapli lehmad, hebod i ičeze lapsed, ot', sidij ubehele händha. Painjii ubehed kunutal. Necil akal kuna döug däi sihe kouk, kuna käzi — sihe harav, kuna silm — sihe lähte, kuna perze — sihe so. Nene zavottihe eläda i mina siga olin adiviš i nägin kaiken.

БРАТ ОТРУБАЕТ РУКИ У СЕСТРЫ

Жили когда-то старик и старуха. У старика и старухи были сын и дочь. Мать заболела. Мать зовет к себе дочь и сына и велит:

— Зовите друг друга сестрицей и братцем.

Живут сестрица и братец. Братец говорит:

— Сестрица, надо бы жениться.

— Женись, женись, братец, но не бери, братец, в жены дочь бабы-яги.

Пошел братец жениться. Куда бы ни пришел, везде дочери бабы-яги.

Пришел и говорит сестрице:

— Везде дочери бабы-яги.

— Ну так, — говорит, — бери, братец, бери.

Братец и взял в жены дочь бабы-яги.

Братец ходит на работу в царский дворец. Пойдет утром на работу и говорит:

— Сестрица, я пошел.

И вечером приходит, так говорит:

— Сестрица, я пришел.

А у жены ничего не спрашивает. Жене не нравится.

Утром пошел мужик на работу, а жена идет в хлев и отрубает голову у молодой коровы. Приходит мужик вечером с работы, жена и говорит:

— Хороша твоя сестра, у лучшей коровы голову отрубила.

Братец говорит:

— Эта вина прощена.

На следующий день пошел он на работу. Говорит сестрице:

— Я опять пошел на работу.

Жена пошла опять, отрубила голову у жеребца. Вечером приходит мужик домой, жена жалуется:

— Хороша твоя сестра, а у лучшего жеребца голову отрубила.

Братец отвечает жене:

— Эта вина опять прощена.

Пошел мужик в третий день на работу. И опять говорит сестрице, что пошел. На третий день жена отрубила голову своему мальчику.

Приходит вечером мужик и опять говорит:

— Я пришел, сестрица.

Жена говорит:

— Сестрица да сестрица! Какой был единственный мальчик, да эта сестрица голову ему отрубила.

Братец говорит сестрице:

— Я больше этой вины не прошу.

Запряг братец лошадь и усадил сестрицу в сани. Ну, уехали они далеко. Видят пень, около этого пня он и остановил лошадь.

— Клади, сестрица, голову на пень.

— Братец, не отрубай голову, а отруби лучше у меня руки.

Братец и отрубил у нее руки по локоть. Опять усадил сестрицу в сани и едут дальше. Опять видят пень.

— Сестрица, клади тут голову.

— Ой, братец, не отрубай у меня голову, а отруби ноги.

Братец отрубил ноги до колен, завязал на глаза сестрице платок и оставил ее тут. Эта сестрица «пошла» — катится по лесу. Катилась, катилась и докатилась до царского сада. В царском саду поела яблок. Утром встает царь и видит — яблоки съедены.

На следующую ночь поставил караулить старшего сына. Сын не смог караулить: уснул. Опять пришла [сестрица], съела яблоки и «ушла». Утром приходит отец и спрашивает:

— Как караулил?

— Не смог караулить: уснул. Опять яблоки съедены.

Послал царь среднего сына караулить. Средний сын не смог караулить: уснул. Опять яблоки съели. Пришел к отцу и говорит:

— Не смог караулить: уснул. Опять яблоки съедены.

Царь говорит третьему, Ванюшке:

— Иди ты караулить, а если подкараулишь, то все царство тебе.

Ваня караулил, караулил и подкараулил эту девицу. Девица пришла яблок поесть. Ванюша и спрашивает:

— Кто ты, молодая или старая? Если ты мужчина, то возьму в братья, а если ты женщина, то возьму в сестры, а если девушка, то возьму в жены.

Она и подала голос:

— Куда ты возьмешь меня в жены, безрукую и безногую!

Ваня снял платок с ее глаз и взял в жены. Поднял на плечи и принес домой. Его отец и отдал ему все царство.

Ванюша пошел по царским дворцам — на долго ли, на коротко ли. Эта безрукая и безногая жена родила сына: волосок золотой, другой — серебряный. Послали Ванюше письмо. Его пошел относить слуга. Слуга шел-шел и пришел в дом бабы-яги.

— Далеко ли идешь?

— Иду, — говорит, — относить Ванюше письмо. Жена его сына родила, волосок золотой, другой — серебряный. Несу Ванюше письмо.

Баба-яга говорит:

— Иди в баню, устал ты, иди попарься.

Слуга пошел в баню и оставил письмо на окне. Баба-яга берет письмо и рвет его. Вместо него написала другое письмо Ванюше, что жена родила щенка. Отнес слуга письмо Ванюше. Ванюша вскрыл письмо, прочел, что жена родила щенка. Ванюша порвал письмо и отвечает: «Закуйте бочку железными обручами, кладите ее в бочку и бросьте в море».

Заковали бочку, ну и жену с ребенком посадили в бочку и бросили в

море. Бочка качалась по морю, долго ли, коротко ли, и уже к берегу прибилась и зашуршала по песку. Мальчик говорит матери:

— Мама, я выпрямлю ножки.

— Не выпрямляй, еще глубоко.

Еще покачалась бочка, подплыла к берегу, больше никуда не идет. Сын говорит:

— Мама, я выпрямлю ножки.

Мальчик выпрямил ножки, бочка и раскололась. Вышли они из бочки.

— Куда, — говорит мать, — мы пойдем?

Мальчик говорит:

— Пойдем, мама, просить милостыню.

Мать говорит:

— Куда мы пойдем, мы красивые, не дают милостыню красивым.

Мальчик говорит:

— Давай измажемся сажей.

Измазались сажей и пошли. Пошли они в царский дворец, где угощались все цари. Уселись в уголке. Цари спрашивают:

— Кто умеет сказки рассказывать?

Безрукая и безногая женщина и говорит:

— Я знаю одну.

— Знаешь — так рассказывай.

— Кто будет перебивать, тому дам оплеуху, почему перебивает.

Она и начала рассказывать о своей прежней жизни.

— Дочь бабы-яги убила своего ребенка, а обвинила меня. А брат отвез меня в лес и отрубил руки и ноги...

Дочь бабы-яги перебивает:

— Не так.

— Рассказывай дальше.

— В бочку посадили, по морю пустили. Бочка качалась, к берегу прибилась. Мальчик расправил ноги, и бочка раскололась, ну и вышли мы оттуда и измазались сажей.

Сидит мальчик, один волосок золотой, другой — серебряный, сидит она, брат, который отрубил руки и ноги, и жених Ваня. Ваня и брат умыли мальчика и женщину, и изба красиво засветилась. Брат запряг жеребца, взял свою жену, которая зарубила корову, лошадь и своего ребенка, и привязал к хвосту жеребца. Кнутом ударил жеребца. Куда упала нога — там кочерга, куда упала рука — там грабли, куда глаз — там родник, куда зад — там болото. А те стали жить-поживать, и я там была в гостях и видела все.

Ленинградская область

23. SEMENZIBA NAGRIŠT' PERTIN PÄLE

Eliba ende uk da ak. Uk sanub: «Semekam mö pertin päle nagrišt'». Nagrišt' pertin päle semenziba. Nagriž nece, näged, pertin päle kazvij. Akeine sanub: «Mända mini nühtmähä.» Män' sinnä nühtmähä, sigapei langez', langez' i satuihez. A nece mužik oti da jougas tabaz' da toižes da keskou rebiti akeižen nu dei aiteižhe taci. «Mända, sanub, — voikkid ectä.» Mäni voikkid ecmähä.

Astui, astui, händikaz tuli vastha. «Edahaksik, dädä, astud?» — «Astun, sanub, — minai ak kol', ka voikkid ecmähä.» — «Ota mindei.» — «Ka kut voikad?» — «Uu, uu, uu.» — «Tule perskusihе.» Ukoine perskusihе händikhan pani.

Astub möst, astub, astub. Tuli hänele vastha janiš. «Dädei, edahaksik astud?» — «Ka minai ak kol', ka mina män voikkid ecmähä.» — «Ota mindei.» — «Ka kut sää voikad?» — «Lu, lu, lu.» — «Comin voikad, tule perskusihе.» Sengi ot.

Möst astui, astui, rebji tuli vastha. «Dädei, edahaksik astud?» — «Voikkid ecmähä, minai ak kol'.» — «Ota mindei.» — «Ka kut sää voikad se?» — «Ou, ou, ou.» — «Tule, čomin voikad.»

Hüvä. Astui, astui, kondi vastha tuli. «Dädei, edahaksik astud?» — «Ka voikkid ecmähä.» — «Ota mindei.» — «Kut sää voikaškad?» — «Mäm', mäm', mäm'.» — «Tule perskusihе.» Ot' dei kodihe vüi. «Kus sinai akeine?» — «Aiteižes.» Nene kaik zverid päst' sinnä, necen akeižen kaiken drebezgi süiba, nanet süiba. Ukeine aveidab čiluižen i: «Jogo voikitei?» A nece sigapei rebji: «Voumiž om, aveida. Bude tarbi, ka sinagi tule täenna, sindeigi voikamei.» Aveiž, ka akašt' ele: ühted luhuded. Nu dei ukoine päst' zverid sigäpe hot' i akeižen žvakeižiba söda kaiken. Nudei nagriž pertin päle janu otmata.

ПОСЕЯЛИ РЕПУ НА КРЫШЕ ИЗБЫ

Жили старик да старуха. Старик говорит:
— Давай посеем репу на крыше.

Посеяли они репу. Выросла эта репа на крыше. Старушка говорит:

— Пойду-ка я репу рвать.

Пошла она репу рвать, а оттуда и упала. Упала и ушиблась. А мужик схватил за ногу да за другую да и разорвал старушку пополам. Да и бросил ее в чулан.

— Пойду, — говорит, — искать плакальщиков.

Пошел искать плакальщиков. Шел-шел, идет навстречу волк.

— Далеко ли, дядя, идешь?

— Иду, — говорит, — жена у меня умерла, так плакальщиков искать.

— Возьми меня.

— А как ты оплакиваешь?

— У-у, у-у, у-у!

— Залезай в ж...

Старичок сунул волка в ж... Идет, идет опять. Идет ему навстречу заяц.

— Дядя, далеко ли идешь?

— Да жена у меня умерла, иду плакальщиков искать.

— Возьми меня.

— А как ты оплакиваешь?

— Лу-лу-лу!

— Красиво оплакиваешь, залезай в ж... И этого взял.

Опять шел, шел. Навстречу лиса.

— Дядя, далеко ли идешь?

— Плакальщиков искать, жена у меня умерла.

— Возьми меня.

— А как ты оплакиваешь?

— О-у, о-у, о-у!

— Иди, красиво оплакиваешь.

Хорошо. Идет он дальше. Навстречу ему медведь.

— Дядя, далеко ли идешь?

— Да плакальщиков искать.

— Возьми меня.

— Как ты оплакиваешь?

— Мям-мям-мям!

— Иди в ж...

Взял и отнес всех домой.

— Где твоя жена?

— В чулане.

Запустил он туда всех этих зверей, а те старушку и съели на нет. Старики приоткроет дверь и в щель:

— Уже оплакали?

А лиса оттуда:

— Готово, открой! А если нужно, то и тебя можем оплакать, или сюда.

Открыл он, а старушки нет: одни косточки. Выпустил старишок зверей оттуда, хотя те всю старушку жвакнули. Ну, а репа так и осталась на крыше неубранной.

24. AK PAGIŽIŠKANZ

Ende eliba uk da ak. Oli üks' tütar. Hüvää. Nece ak mugajo koli, mam. A nece tat necen tütre offot kuti hänele otta mehele. Li teda kut rata. Mändhe hõ mecha tatazeke radole, entü mida radmaha. Mändhe, «Astu, sanub, — mänemei mecha minunke.» Mäniba. A hän mecha se töndui tatazeke, dei bab se hänele nevoi: «Mäned mecha se ka ota sugeine da harj» (a koumanden se en mušta min' käski otta). Dei nece oti, dei mäniba tatazeke mecha.

Mäniba dei süiba dei sanub: «Tütar, naske minei päs kacuhta teid'!»

Tataze pan' pän üskha. A neičukeine nägeb mísce tat jo ii čomin hänenke otnosiše. «Öi, sanub, — tatoi, užoske minä mänen nakhu kuzoudamoi penshan taga.» Hän sanub: «Ka ala penshiže, kusto minun aigan.» «A ii, nehorošo sinun aigan mända.»

Dei nece niižne pagen', nägeb, mísce hän jo ii čomin... tatazeke sc. Pagen' dei jokseb dorogadmö. Joksi, joksi, joksi, a nece hänele jälghe.

Hän joksi, joksi, joksi, joksi, taci hänele harjan (pän suktes oma harjad enčed). Harjan taci ka mugoi pihk kazvoi, nikut pihkus se ii sa ličtä. A nece uk jo nečiš pihkus ličoīhe, ličoīhe, a se neičukeine kaiken aigan uidib tataspei se, uidib. Hän sikš taci harjan se, mísce pidemba uidiiš. Nu dei joksi, joksi...

Nece jo mužik pihkus ličoīhe, niičukeižele sanub: «Užo, sanub, — tabadan, užo, tabadan.» Nece niičukeine kulob, kulob tat jo hükkab: «Užo, tabadan.» Nece uk möst joksob tomarom se.

Nece niičukeine joksi, joksi dei taci sugar, luižen sugar. Sugar taci, mugoi mägi tegihe, libed ogromni se, sugaspei, diki libed mägi. Mužik libub, libub mägen se — tagas šurahtab, ii vei. A nece niičukeine kaika pageneb, kaika jokseb, [mužik] ii vei libuda ka. Möst jokseb, jokseb, libub, libub ülahaks i möst orgho pázub, libed mägi se, luine. Niičukeine pagen' edahaks jo. Möst kuliš': «Užo mina tabadan, narovi, sinun tabadan.» Häncle janu üks' kereine. Otat i neceen kereižen tacib, nece jo kuumanden vešan. Kereižen tacib i kereižespei tegihe jogi, sūvā diki jogi. Taci. Niičukeine, näged, proidi, a jogi se tatan edehe jää. Tat jogirandha tuli, heikab: «Ehtata, tütar, ehtata, en kosketa, en ota mehele dei en kosketa.» A nece niičukeine sanub: «En ehtata.» Hän molih, molih: «Ehtata, ehtata.» Hän ii ehtata.

Tat oti, ičeze kilad čapí dei huneiž niičukeižele se dei putuiba niičukeižele se uugale. Taci kilad ne dei uugale putuiba. Dei nece niičukeine sanub: «Öi, mina gor'ki, ani tatan se čudan radoi. Kacuške, sanub, — kilad čapí, uugale minii huneiž.» A nene kilad ne: «Ani tatan se čudan radoi, kilad uugale taci.» I lähtki ii i pagištas, min' niičukeine sanub, sen i kilad sanutas.

Hüvää. Nece niičukeine kodihe mäni, nikelle sanu ii nimidä. Minni sanub, ka edelez kiladgi sanutas.

Tuliba svatud, svatud tuliba. Nece tat ii nimidä. Tedab, ninga ratud, ka ii nimidä. «Nu, sanub, — otta voitei mehele, kuume vot jo tütar ii pagiže.» Nece niičukeine ii pagiže ni kenenke: ni tatanke, ni kenenke, iisa. Pagiziškab, ka hänou pagištas nenod kilad. «Otkat, hot' ougat, a pagiže ii.» Nece mužik sanub: «Minii otan mehele, ka pagiziškandeb minunked.»

Tegiba svadban. Nu dei svadboitasoi. Svadban tegiba. Nece mužikankc nimidä ii pagiže.

Tegi hän lapsen nece ak. «Li pagiže, ka, sanub. — rikon necen niičukeižen,

ka pagižiškandeb, vet' žaldiičiškandeb.» Nu dei ičeze lapsen rikoi. Hän ii sanund daže nimidä, nece ak, tirpi, ii pagiže.

No, hüvä. «En tä, sanub, mužik, — min' zavotta, ii pagiže nimidä. A, sanub, — čortu, nain, nain. Otan erasen akan mehele, nu ka minni ka sanub.»

Nu dei ajei hän svathuzile jagi-baban tütrehe dei jagi-baban tütrene mehele otab, dei svadban tegiba. A nece anop, ap (a ostalnijad sigä ol' keda vei elendki, en teda), svadbaha prigotoudäs, ka kahtou päčil paštta, kiittas: tuleb svadib tälehtou. Atoiž perthe necen, kudamb ii pagiže se, anop se pani. Oigenz sinnä kiitmähä midä putui, näged. Dei kiti hän kislin, ak se. Kislin kiti, kislid se mujaht' luzikeižen. «Oi, sanub, — mitte maged kisel se.» A kilad ne: «Oi, mitte maged kisel se.» A nece ak: «Maged ka, sanub, — slötkotagat sinnä.» Dei nened kilad uugoupei šlop kislihe. Hän necen padan kislinke hvati da män' irdale da soumad vast hlop. Nece anop šaraht' i: «Ka, sanub, — nevesk, mi hän ninga hloppab se?» «A ni mi, mamei, habižed hougod päče putuiba da hloptetas päčiš.»

Nece anop ihastui ka surmhassei: nevesk pagižiškanz ka. A kuume vot eli, ii pagižend nikut.

A svadban varastadas, poigan varastab erasen neveskanke, jagi-baban türenked. Ii teda midä tehta, muga ihastii.

Svadbuu tuliba. A anop ii sanu mužikale, mise pagižeb murzei. Murzei, kudam pagižeškanz, oti nogikahan padan, šuukuižed platjad päle pan' dei nogekahan padan hijamiil ne ninga kandab. A nece murzei stolan taga, nece jagi-baban tütar se, ištub da: «Ed nogestoiž platjod se, andeižid minei murzeimen kactes platjid ne šuukuižid, a ed nogekahid padoid kandoiž suukuižil platjoil ne.» A nece murzein se sanub: «Aha, äjou sinä loukii, minä tulin mehele, kuume vot vareižin anoped, en pagižend, da kuume vot vareižin apen, en pagižend, da kuume vot vareižin mužikad, en pagižend. A sinä ezmeižehtou jo šuukuižed platjad jo panižid päle.»

Ka mužik ka ihastui ka, ii teda mi zavottä. Hippäst' stolan tagoupei, necen udon murzeimen fati da ubehele händhä sidoi nu da kolomatidme oigenz dorgadme. A mužik enččen akeiženke jäi eloile. Nu dei tänambeigi eletas tat dei mam, dei ak, dei mužik.

ЖЕНА ЗАГОВОРИЛА

Раньше жили старик и старуха. Была у них одна дочь. Хорошо. Жена умерла. А отец захотел жениться на дочери. Не знает, как это сделать. Собрались они с отцом на работу в лес (не знаю, на какую работу).

— Идем, — говорит, — со мною в лес.

Пошли. Когда собралась она в лес с отцом, бабка ей наказала:

— Пойдешь в лес, так возьми гребешок да щетку (а что третье велела взять — не помню). Взяла она все это, и пошли с отцом в лес. Пришли, поели и говорит отец:

— Дочь, поищи-ка в голове вшей.

Отец положил голову ей на колени. А девочка видит, что отец некрасиво с ней поступает.

— Ой, — говорит, — отец, подожди-ка, я пойду пописаю там, за кустиками.

Отец говорит:

- Не ходи в кусты, мочись тут, при мне.
- Да нет, нехорошо при тебе.

Девушка и убежала, чувствует что-то недобroе...

Бежит по дороге. Бежала, бежала, бежала, а он вслед. Бросила щетку (раньше были такие щетки для головы), бросила — и вырос густой лес, через который не пробраться. Но старик пробился через эту чащу, а девушка все убегает от отца. Она бросила щетку, чтобы отец быстрее отстал, а тот пробрался сквозь чащу, грозит девушке:

- Ужо, — говорит, — поймаю я тебя.

А девушка слышит, как отец кричит «ужо поймаю» и тот все бежит вдогонку.

Девочка бежала-бежала и бросила гребешок, костяной гребешок. Гребешок бросила — и появилась огромная гора, очень скользкая гора. Мужик поднимается, поднимается на гору и снова скатывается вниз, не может подняться. А девушка все убегает, мужик-то не может на гору подняться. Опять спешит, поднимается, поднимается наверх, опять вниз падает, гора-то скользкая, костяная. Девочка уже далеко убежала. Опять слышит:

- Ужо я тебя поймаю, подожди, я тебя поймаю!

А у девочки остался один клубок. Бросила этот клубок (это уже третий предмет), и из него образовалась река, очень глубокая река. Сама, видишь, прошла, а река-то осталась перед отцом. Отец появился у берега и кричит:

— Дочь, переправь меня, я не трону тебя, замуж не возьму и не трону!

А девочка говорит:

- Не переправлю!

Отец умолял-умолял:

- Переправь, переправь! — Она не переправила.

Отец взял, отрезал свои яйца, швырнул, попали они девочке на плечо. Девочка говорит:

— Ой, я горемычна, отец-то начудил, смотри-ка, — говорит, — отрезал яйца-дразнилки и швырнул мне на плечо.

А эти дразнилки:

- Отец-то начудил: отрезал яйца-дразнилки и швырнул мне на плечо. И не уходят с плеча, и что девочка скажет, то они и повторяют.

Хорошо. Пришла эта девочка домой. Никому ничего не говорит: что бы ни сказала, дразнилки повторяют.

Пришли сваты. Сваты пришли, отец помалкивает, что так наколдовал.

— Ну, — говорит, — замуж можете взять, но уже три года дочь молчит, ни с кем не разговаривает, ни с отцом, ни с кем. (Нельзя говорить: она только заговорит — и дразнилки начнут повторять.) — Берите хоть не берите, а все молчит.

Мужик говорит:

- Я возьму ее замуж, со мной она заговорит.

Устроили свадьбу, гуляют на свадьбе. А девушка ничего не говорит с мужем. Родила дочь.

— Молчит, — сердится муж, — а вот убью девочку, так заговорит, ведь жаль будет.

Ну и убил своего ребенка. А жена молчит, терпит. Ну, хорошо.

— Не знаю, — говорит мужик, — что делать, не говорит женаничего. К черту, — говорит, — женюсь, женюсь! Возьму другую жену — так что-нибудь скажет.

Ну и поехал сватать дочь бабы-яги. Решил взять в жены дочь бабы-яги. Готовят свадьбу. А теща и тестя (не знаю, были еще кто или нет) готовятся к свадьбе: в двух печах пекут и варят. Сегодня вечером будет свадьба. А жену, которая не говорит, теща послала, видишь, в другую избу варить. Сварила та кисель, попробовала ложечкой и говорит:

— Ой, какой кисель-то сладкий.

А дразнилки тоже:

— Ой, какой кисель-то сладкий.

А женщина:

— А сладкий, так прыгайте в него.

Ну, эти дразнилки с плеча и шлепнулись в кисель. А женщина схватила горшок с киселем, вышла во двор и хлопнула об угол дома. А теща вздрогнула:

— Невестка, что там хлопнуло-то?

— Да ничего, мать, осиновые дрова в печке трещат.

Теща обрадовалась до смерти: невестка заговорила, а ведь три года и не говорила совсем. А все ждут свадьбу. Теща ждет сына с другой невесткой, с дочерью бабы-яги. Не знает она, что делать, так обрадовалась.

Приехала свадьба. А теща не говорит сыну, что жена его заговорила. А жена, которая заговорила, взяла горшок, весь в саже, а на ней шелковое платье, и несет этот горшок рукавами. А дочь бабы-яги сидит за столом и говорит:

— Не пачкала бы платье-то сажей, отдала бы мне шелковое платье, а не носила бы горшки грязные в шелковом платье.

А жена и говорит:

— Аха, больно ты ловкая! Я вышла замуж, так три года боялась тещу — молчала, да три года боялась тестя — не говорила, да три года боялась мужа — не говорила. А ты [заговорила] уже в первый же вечер, захотела шелковое платье надеть.

А муж так обрадовался, не знает что и делать. Потом выскочил он из-за стола, схватил новую жену, привязал к хвосту жеребца и пустил по ухабистой дороге.

И стал мужик жить со своей прежней женой. Ну, и сегодня живут отец, мать, жена и муж.

25. MALČIK-PALČIK

Ukoine da akeine kahten eliba, elend hiilazei lapsid nikeda. Ukoine mäni hougoi hougoimaha. Hougod hougoi, hougoi dei čapoi piiglon. Tuli perthe dei sanub:

— Ak, čapoin piiglon.

— Nu, čapoid, ka, saub, — kutak. Mää, sanub, — bolnicaha, da okha kärdäs piiglon se.

Bolnicha män' dei piiglon käriba hänou. Tuli bolnicaspei, ka nägob: sormenpä se hänen, malčik-palčik, priheine, jo hougon hougoib ikanou. Ak kacuhti, sanub:

— Ken, sanub, — hougon, kacuske, ikanou hougoib?

Kacuhtiba, ka priheine se, sormenpä se hänen, malčik-palčik se hougoib hougon.

— Oi, sanub, — uk, kacu sinä, iik poig tehnus sormespei se?

— Nu, tegihe, ka slava bohu, nugude ka okha.

Nu, perthe toiba, stolan taga ištutiba, sötiba dei priheine kuti.

— Homen, sanub uk, — minä ajan künmähä.

A nece priheine se:

— Ajad ka minä sinei, tata, liibäd ton.

A mam se sanub:

— Ka vet ed vei, laps', kantta, liibäd se.

— Vön, yön.

Dei nece mam liibäd paštoi, kašlin ladi dei necile priheižele dei priheine liibän tatale.

Astui, astui dei surdui. Surdui dei ištuihe gribale päle. Kondi tuli necen griban süi dei necen priheižen süi. Nu dei perskespei pän ličob priheine dei sanub:

— Kondi, pästa perskespei.

Nece kondi sanub:

— Ka lähte.

— En lähte, vö, sanub, — iknalle, ka lähten, muite en lähte.

Nece kondi vaiknašti diki vot kuna deruunaha iknalle tuli, sanub:

— Lähte, priheine, perskespei.

— En lähte, vö, sanub, — pordaggihe ka lähten.

Möst nece kondi pordaggihe hänen vüi.

— Lähte, priheine, perskespei.

— En lähte, vö pertedeshe, dei lähten.

Nece kondi vaiknašti diki libui pertedeshe dei:

— Lähte, priheine, perskespei.

Hän perskespei hüppästab, verejan hlop soubha da korendon da korondou kondjad dei kondjan rikoi. Rikoi dei loučale panu. Tat kodihe tuli ka kondi loučuu. Sanub:

— Ak, kenak kondjan se?

— Ka malčik-palčik.

— Ka kut häń?

— Ka en teda. Kut pertedeshe toi dei rikoi.

Hüvä. Toižuu päivuu nece tat sanub:

— Minä liibän varastin, a häń, näged, kondjan sab. Ka kutak häń sai se?

Homen minä mänen, kacu, to sinä liib se.

Hän [priheine]:

— Tata, minä ton.

Dei möst toižuu päivou kašlin selgha dei möst liibäd vemhä. Liibäd vemhä sinnä mäni, tataze kündab. Hän sanub:

— Tata, ištte da sö, minä kündan sil aigil.

Tatt sömhä ištuihe a häń adrale päle ištuihe i žarib künnta. Tulob sihe sused, ukonnu se tul'. Hän sanub:

- Näge, mitte hüvä hebo sinei om, üksnäz kündab hän.
 - A ii üksnäz, sanub, — kündai minai om, poig kündai sigä.
 - A kusak poig om?
 - A poig, sanub, — adrou päu.
 - Oi, sanub, — mitte sinei poig om. Mö sinä minei nece priheine, — sused se sanub.
 - En mö, ičelain tolko üks' om ka, min' mön.
 - Hot' min' andan, vaise mö.
 - Nu, sanub, — andad havadon dengid, ka andan.
- A nece priheine sanub:
- Mö, mö, tatoi, minä pagenen.
- Dei necen müi, müi priheižen, dengad oti.
- A nece mužik pani hänen kormanaha, kukroho pan' necen priheižen, dei kormanaha. Dei kodihe katib hüviš meliš: priheine osttud. Tuli kodihe i sanub:
- Ak, minä vet, sanub, — poigan ostin.
 - Kusak om?
 - A kormanas.
- Kormanaspei vedouz' kukron, a kukroižes čila tehtud dei prihašt' ele. Priheine pagen' dei möst tatazennu. Tatale män' dei sanub:
- Näged, minä sanuin: mö, minä pagenen.
- Ukole hüvä: havadon dengoid sai dei poig hänele jai. A se ukoine muga priheižeta jai.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Старичок и старушка жили вдвоем. Детей у них не было. Пошел старичок дрова колоть. Колол, колол он дрова и порезал большой палец. Пришел в избу и говорит:

— Жена, я палец порезал.

— Ну порезал, так что. Поди в больницу, пусть там перевяжут палец.

Пошел он в больницу, и там перевязали ему палец. Пришел из больницы и видит: кончик пальца — мальчик с пальчиком.

И уже паренек дрова колет под окном. Жена посмотрела и говорит:

— Кто это, смотри, под окном дрова колет?

Посмотрели — так это мальчик с пальчиком дрова колет.

— Ой, стариик, смотри, не сын ли появился с кончика пальца?

— Ну, появился, так, слава Богу, пусть будет так.

Принесли его в избу, усадили за стол, покормили.

— Завтра, — говорит стариик, — я пойду пахать.

А мальчик:

— Поедешь — так я тебе, отец, хлеба принесу.

А мать-то говорит:

— Так ведь ты мал еще хлеб-то нести.

— Отнесу, отнесу.

Мать испекла хлеб, приготовила кошель, положила в кошель, и мальчик понес отцу. Шел, шел и устал. Устал и сел на гриб.

Пришел медведь и съел и этот гриб, и мальчика. А мальчик из медвежьего зада высунул голову и говорит:

— Медведь, выпусти меня из зада.

А медведь говорит:

— Так выходи.

— Не выйду. Отнеси меня во двор, тогда выйду, иначе не выйду!

Медведь тихонько пришел в деревню и говорит:

— Выходи, мальчик, из зада.

— Не выйду! Отнеси, — говорит, — к крылечку, тогда выйду.

Медведь отнес его к крылечку.

— Выходи, мальчик, из зада.

— Не выйду, отнеси в сени, тогда выйду.

Медведь тихонько поднялся в сени.

— Выходи, мальчик, из зада.

Мальчик выскоцил из зада, захлопнул дверь, схватил коромысло и коромыслом убил медведя. Убил и положил на лавку. Отец пришел домой, так медведь на лавке. Говорит:

— Жена, кто медведя-то [убил]?

— Да мальчик с пальчик.

— Да как он?

— Не знаю, как он убил да в сени принес.

Хорошо. На следующий день отец говорит:

— Я ждал хлеба, а он медведя добыл. Да как он его добыл-то? Завтра я пойду, так ты принеси хлеб.

Мальчик:

— Отец, я принесу.

На следующий день опять взял кошель за спину и пошел относить хлеб. Пошел он относить хлеб, а отец там пашет. Говорит:

— Отец, ты садись и поешь, а я тем временем попашу.

Отец сел поесть, а он усился на соху да и во всю пашет. Подошел тут сосед, к старику пришел. И говорит:

— Смотри, какая у тебя хорошая лошадь, одна пашет.

— Да не одна, — говорит, — пахарь у меня есть, сын у меня пахарь.

— А где сын-то?

— А сын, — говорит, — на сохе сидит.

— Ой, какой у тебя сын! Продай ты мне своего сына, — сосед тот говорит.

— Не продам, у самого он один.

— Что хочешь отдать, только продай.

— Ну, дашь мешок денег — отдам.

А мальчик говорит:

— Продай, продай, отец, я убегу!

Да и продал отец мальчика, взял деньги.

А мужик взял этого мальчика, положил в кошелек — и в карман, довольный катит домой: мальчик куплен. Пришел домой и говорит:

— Жена, я ведь сына купил.

— Где он?

— А в кармане.

Из кармана-то вытащил кошелек, а в кошельке-то дырка сделана и мальчика нет. Мальчик сбежал опять к отцу. К отцу пришел и говорит:

— Видишь, я сказал, что сбегу,

Старик доволен: мешок денег мальчик добыл и сын ему остался. А тот старичок так и остался без мальчика.

26. VAN'KA-VOR

Ende eliba uk da ak. Ukou da akou oli kuume poigad. Ühten kucuiba Vanäks, toižen — Vasäks, kuumanden — Fedoraks. Ühtüü vellel oli kuume poigad, a toižil nikeda elend. Nece vell, kudamou lapsid ne elend, sanub: «Andaskep täämbei Fedorad minunke mecha, kacuhtan, mida hänesas linneb, mitte hän linneb elii.»

Mändhe. Necin poigan ott' däd', no, plemännikan ott'. Mändhe. Mecas siga käveliba, käveliba. Nece poig sanub dädäle: «Oi, dädei, om naku čomid pedejid, olišku nened pedajad čapta da čoma pert' tehta nenis pedejiš.» Däd' sanub: «Hivä, astkam nüguni kodihe.»

Tuliba kodihe, sanub: «Nece sinun poig linneb hrestänski, ninga pagiž siga. Homen, sanub, — anda mini tošt' poigad.»

Toižen poigan ott', toižuu päivuu mändhe. Möst käveliba, käveliba sigä mecas. Däd' vüi händast, koivud ühted kazdas. Poig sanub: «Dädei, necen koivžoman čapeižid, ka, voi, rugišt' kazveiž neche čomad, sanub, — čoma liib kazveiž, necen kaiken kaskesen čapeižid ka.» Nece däd' sanub: «Linneb neciš semendai.»

Män'. Kodhe tuli, sanub: »Anda täämbei Vanäd, kuumant poigad.»

Kuumanden poiganke mäni däd' mecha. Käveliba, käveliba. Mužik härgän vedab dorogadme. Nece Vanä sanub: «Dädei, mina necen härgän dädöu vargastan.» — «Ka kutnä sina vargastad härgän?» — «Vargastan.»

Oti, edoupei joks' dorogadme, sapkad jougaspei hiitouz', dorogale tacouz', nu dei möst dädänke astub. Nece uk härganke astub. Astub, astub härgänke dei kacub: «Oi, sanub, — sapug mitte dorogou, čoma sapug om, da üks' om ka, en ota ühted sapkad.» Dei möst astuškanz. A nece prihä män', ümbärz' möstonä, sapkan ott' dei möst edoupei joks' deitoižen sapkan taci dorogale. Nece mužik astub härgänked. Hän sanub: «Ka kacke, sanub, — sapkad se en otand, näge, naku toine sapug. Otnuižin ka uudanuiž mini sapkad.» Mända da otta sapuk se. Härg naku sidouta nakhu puhudehe da. Hän necen härgän puhudehe sidouž dei sapkad otmaha män'. Sapkad otmaha män' dei: «Mätä kus sapug oli.» Muštagi ii kus sapug oli.

A sil aigau nece prihä Vanä, härgän puspei ruši dei ott', vargast'. Ukoine astui, astui dorogadme, sapkad ele. «Entä kus om, en enambad mäne.» Pördihez. «Mända, ika ii härg se pageniž... ka sapkad ele i härgäd ele.» Nu hüvää.

A nece däd' varast', nägi necen radon, ka piitnus däd'. Nece härgän vargast' dei läks'. A däd: «Mända kodhe.» Kodhe tuli, vellele sanub: «Vot mida, viiko, poig se durak om čisti, iihän elei linne. Kacu ningoi linneb podlec, ninga ukou härgän ott'.» Hüvää. Nu, dei nece priha dädäleze sanub: «Dädei, sanub, — mina härgän vargastin, mina üksnin vargastin, nu dei üksnin minä necen härgän i sön.» — «Ka kut muga sinä üksniiž söd, jose kaiken üksniiž söd?» Dädänke soglesihe dei mändhe stanuižeh, dei lämiin tegi dei härgän kiitaškanz, kiitmahe pani, katläs i kiitab. Nece däd' vardiičeb. «Dädei, sina varasta ala varasta, a mina necen härgän kiitan dei üksnein sön.» A däd' sanub: «Ka kut muga sina härgän üksniiž söd?» Män' stanun taga nece priha dei vongab: «En mina härgäd

vargastand, däddäm vargast', en mina härgäd vargastand, däddäm vargast'. Dei nece dädd' pagen' stanuspei dei härgäd ii söntki. Dei nece priha üksnäze härgän kiiti dei süi. Tuli kodhe nece mužik, mäni, vellele sanub: «Viikoi, sanub, — kacu, ninga i ninga, sanub, — podlec čisti, härgän vargast', kiiti dei üksnaze süiki.» Kaik.

ВАНЬКА-ВОР

Жили-были старик со старухой. У них было три сына. Одного звали Ваней, второго Васей, третьего Федором. У одного брата было три сына, а у второго никого не было. Тот брат, у которого не было детей, говорит:

— Отпусти-ка сегодня Федора со мной в лес, я посмотрю, что из него получится.

Пошли они. Дядя взял своего племянника, и пошли в лес. Там они ходили, ходили. Говорит племянник дяде:

— Ой, дядя, какие тут пригожие сосны, срубить бы эти сосны и построить из них красивый дом.

Дядя говорит:

— Хорошо, пойдем сейчас домой.

Пришли домой, он и говорит:

— Этот твой сын будет крестьянином: так он там рассуждал. Завтра отпусти со мной второго сына.

Взял он второго сына, ходили, ходили они там, по лесу. Дядя отвел его туда, где растут одни березы. Племянник говорит:

— Дядя, если бы этот березняк срубить, то выросла бы здесь хорошая рожь, хорошие хлеба, если бы сделать подсеку.

Дядя говорит:

— Из этого получится сеятель.

Пришли домой, дядя и говорит:

— Сегодня отпусти со мной Ванию, третьего сына.

Пошел дядя с третьим сыном в лес. Ходили, ходили по лесу. Мужик ведет быка по дороге. Ваня говорит:

— Дядя, я украду этого быка.

— А как ты украдешь?

— Украду.

Взял побежал вперед по дороге, сбросил с ноги сапог на дорогу и пошел с дядей дальше. А старик идет со своим быком. Ведет, ведет быка и заметил:

— Ой, — говорит, — какой красивый сапог на дороге, да один, не возьму один сапог. — И пошел дальше.

А парень опять обошел его, забежал вперед и бросил на дорогу второй сапог. Старик идет с быком и говорит:

— Гляди-ка, — говорит, — сапог-то я не взял, а тут второй сапог. Взял бы, так у меня были бы новые сапоги. Пойду-ка возьму тот сапог. А быка привяжу тут к дереву.

Привязал он быка к дереву и пошел за сапогом. Пошел за сапогом, да поди знай, где сапог-то был. Не помнит, где и был сапог.

А тем временем Ваня отвязал быка и взял, украл его. Старичок шел, шел по дороге — сапога нет. «Не знаю, где сапог. Не пойду дальше». — И вернулся: — «Пойти надо, а то не сбежал бы бык». Вернулся — и сапога нет, и быка нет.

Ну, хорошо. А дядя подкарауливал. Он спрятался и видел все это. Парень украл быка и ушел. А дядя: «Пойду я домой».

Домой пришел, брату говорит:

— Вот что, братец, сын-то твой настоящий дурак. Не будет из него человека, подлецом он будет — у старика украл быка.

Ну, а этот парень говорит дяде:

— Дядя, — говорит, — я украл быка, я один украл быка, я один и съем его.

— Да как ты один съешь его, неужели все съешь один?

Сговорились они с дядей и пошли в лесной стан. Развел он огонь и начал в котле варить быка. Дядя сторожит.

— Дядя, ты жди не жди, а я быка сварю и один съем.

А дядя говорит:

— Как же один быка съешь?

Пошел парень за стан и орет:

— Не я быка украл, дядя украл, не я быка украл, дядя украл!

Дядя и убежал из стана и мяса не поел. А парень сварил быка и съел один.

Пришел этот мужик домой и говорит брату:

— Братец, — говорит, — вот так и так, — говорит, — подлец он настоящий: украл быка, сварил и один съел.

Все.

27. UNEKAZ AK

Ende oliba nored molodijad. Ak oli diki unekaz. Oli süguz', liib uberida. Mužik sanub: «Elza, mäneske rahnamaha.» Elza nece män' rahnamaha. Rahnamaha män' dei ii zavodi rahnda, magaz' pejan. Pejan magaz' dei tuli kodhe. Mužik küzub: «Äjanik rahnjid?» — «Rahnjin' kaika, a läksin, en lugend.»

No, hüvää. Toižuu pejuu möst mäni. Män' dei möst magadab, ii zavodi rahnda. Möst pejan magaz'. Nu dei möst ehtou tul' kodhe, mužik küzub: «Äjanik, Elza, rahnjid?» — «A rahnjin, sanub, — pejan, a läksin, en lugend.»

Kuumanduu pejou möst oigenz' rahnamaha. Nece män', Elza, dei möst panihez. Panihez dei magadab, ii riža nimida. A mužik sanub: «Mända uberimha snapjid, kaks' pejad jo rahnji ka.» Mäni ka Elza magadab. Nece mužik roudad oti i pän keriči. Pän keriči i läks' kodhe.

Elza heraštihez. Elza heraštihez, nuuzi, ka pää keritut. «Ka entä Elza olen vei en Elza? Užo mänen kodihe, ka kodiš Elza om, ka minä en Elza.» Kodhe tuli. Kodhe tuli, ka kodiš Elzad ele. «Značit minä Elza olen.» No hüvää.

Nastupi talv. Mužik podrädijčeb, mecan vedab, podrädijčeb, a hän kodiš. Nimida ii kehta rata, kaika madadab. Ii kehta rata. Mužik tulob, ka sanub: «Ka hot' sinä midani se radneižid.» Minä, sanub, — mecaspei tulen, ka kaik sijad tari ičelein rata, ka vett ka i sidä sinä et to», sanub. «A hüvää, sanub ak, — minä homen mänen podrädaha, a sinä ja kodihe, kodiš

ом radod ãi.»

Mužik jai kodhe, hän ajo podrädaha. Mužik taignan segoit', liibäd paštoi, lavad pezi, živatad kacii, külbetin lämbit'. Elza tuli. «Oi, surdjin, surdjin.» Külmetunu tuli, vilu ol'. «Surdjid, ka homen ole sinä kodiš, a minä ajan podrädaha, a sinä tolko lämbita külbet i külbetihe kaiva dorogeine kaik kolenjil.» No Elza, ii mida tehta, külbetin lämbit'. A külbet' oli horošjan edahan. Külbetin lämbiti, dorogeinen kolenjil kaivii. I mužik tul' mecaspei. «Lämbitid külbetin?» — «Lämbitin.» — «Čistid dorogeinen?» — «Čistin.» — «Nu, astkam külbetihe.»

Külbetihe mäniba, pezihetoiš. A mužikou ottud kunut külmeteses. Mužik Elzad kunutou: «Vot, tari ninga rata, tariž liibäd paštta, tariž živatad kacta, tariž i külbet' lämbitada, tariž i lava pesta, tariž i taineine kezerta, a ii kaika magata.»

СОНЛИВАЯ ЖЕНА

Жили-были молодожены. Жена была очень сонливая. Была осень, хлеб убирали. Муж говорит:

— Эльза, поди-ка жать.

Пошла Эльза жать. Пошла жать, да и не начала жатву, а проспала день. День проспала и пришла домой. Муж спрашивает:

— Сколько скала?

— Все время жала, а пошла и не считала.

Ну, хорошо. На следующий день снова пошла. Пошла и опять спит, не начинает жать, опять день проспала. Ну и опять вечером пришла домой. Муж спрашивает:

— Сколько, Эльза, скала?

— А целый день жала, пошла и не считала.

На третий день муж опять послал жену жать. Пошла Эльза и опять улеглась спать. Улеглась и спит, ничего не слышит. А муж говорит:

— Пойти мне убрать снопы, уже два дня жала, дак.

Пришел, а Эльза спит. Муж взял ножницы и острог волосы на голове. Острог волосы ей и пошел домой.

Эльза проснулась, встала, а волосы острижены. «Так Эльза я или не Эльза? Пойду-ка я домой, если Эльза дома, то я не Эльза». Пришла она домой. Пришла домой, а Эльзы дома нет. «Значит, я Эльза». Ну, хорошо.

Наступила зима. Муж работает в подряде, лес возит, а она дома. Ничего не хочет делать, все время спит. Не хочет работать. Муж приходит и говорит:

— Ты хоть бы что-нибудь делала. Я прихожу из лесу и все должен делать сам, а ты и воды даже не принесешь, — говорит.

— А, хорошо, — говорит жена, — завтра я пойду в подряд, а ты оставайся дома, дома работы много.

Муж остался дома, а жена уехала в подряд. Муж замесил тесто, испек хлеб, вымыл полы, за скотиной присмотрел, баню истопил. Пришла Эльза.

— Ой, устала, устала! — Пришла озябшая: холодно было.

— Устала, так завтра оставайся дома, я поеду в подряд, а ты только

баню истопи и расчисти дорожку.

Ну, Эльза истопила баню. А баня была довольно далеко. Баню истопила, дорожку от снега расчистила. Пришел муж из лесу.

- Истопила баню?
- Истопила.
- Расчистила дорожку?
- Расчистила.
- Ну, пошли в баню.

Пошли они в баню, помылись. А у мужа был взят с собой кнут «от простуды». Муж [давай бить] Эльзу кнутом:

— Вот как надо работать: надо хлеб печь, присмотреть за скотиной, надо и баню истопить, надо и пол вымыть, надо и прясть, а не спать все время!

28. PROST VÄVÜ

Ende ol' prost mužik vävü. Nainu hän ol' edahan. Astub adiviehe anopehe i aphe. Tuli aphe adiviehe, anop tegi touknad. Touknad tegi, vävun ištut' sömhä. Vävü sūiž ka vareidab: sōb ka kar tegese, vareidab, anop sanub, mise äjän seid. Ii rohtnu i söda, muga i kodhe tuli. Tataze kützub: «Nu, anopiiž adivoičetiba?» — «Muga adivoičetiba: tegi magedad touknad, da en rohtind söda, sön ka kar tegese.» — «Oi sinä, prost, tariž ol' sōd ka segoitada ka toukun libub, möst tegese selgästi.» — «Söda uduu kerdou.»

Nedal' proidi dei hän möst ajab adiviehe. Anopennust tuli da apennust. Apda anop vasttiba. Möst adivoičetiba i anop pani kislid. Hän väheižen sūi dei nägeb, mise poleneb dei kislin segoiti. A anop nägi dei sanub: «Vävü, vet' kislid ii segoitelgoi.» Hän stolantagoupei läks' dei tuli kodhe. Kützub tat: «Nu, kut adivoičetiba?» — «Adivoičetiba čomin, da kislin segoitin da anop sanii, mise kislid ii segoitelgoi.» — «Hüvää, mänod uduu kerdou, ka ala rada ninga.»

Nedal' — toine proidi dei hän möst adivoiche ajab. Edahan oli, ka tuli homencel aigoiš tuli. Anop kürzad paštab. «Ištta, vävü, kürzid sömhä.» «Ištta, požalui, dorogaspei, ka zahotin söda se da.» Ištjihe, kürzid' sōb. A anop pani sen't. Hän muga napiraib sōb, muga hänel apetit. «Nu, anop, silai čirud, ka čirud.» — «Ka, vävü, ii čirud ole, a sen'.» — «Nu, sen' ka sen', a minä dumein: čirud.»

Nu i ladno. Sūi dei aji kodhe. «Nu, kut beregoičiba?» — «Beregoičiba ani čomin, nu minä dumein mise oma čirud, a oli sen'.» — «Hüvää, uduu kerdou mänod, ka ala ninga rada, a čomahti kacu, muja da eskei sanu anopele», nece tat se sanub.

Hüvää, mända udes möst adivihe. Vuu kerdan adivihe aji. Adivihe tuli sobatan ehtou. Anop ezmäi ii adivoičend, a pan' külbetin' lämhä. Kül'betin lämhä pan', dei külbet' palaškanz. Nece iknaspei kacub vävü dei sanub: «Anop, külbet' se palab.» — «Palab, ka palamaha om pandud.» Möst ištj, ištj vävü: «Anop, külbet' palab?» — «Palab, ka palamaha om pandud.»

No, okha. Anop kaika sigä radab, užnan tegeb. «Anop, a külbet' palab.» — «Palab, ka palamaha om pandud.»

«No, mända hougod toda», anop pagižeb. Anop hougod tomha män', a vävül necil' kromeine liibäd ottud. A lumeškanz, diki ajou lumen paneškanz.

Anop hougho männu, a vävü söb neciš kromašt', söda zahoti ka. A anop siüžub pordhil hougonke dei sanub: «Nu i huttib ka huttib.» — «A huttin' ka ičiin kromašt'.» Anop se sanub, mise lunt se paneb, a hän dumeib, mise vävüle sanub: huttib ka huttib.

ГЛУПОВАТЫЙ ЗЯТЬ

Жил когда-то глуповатый зять. Жену он взял издалека. Пошел он в гости к теще и тестю. Пришел в гости, теща подготовила толокно. Подготовила толокно и усадила зятя за стол. Поел бы зять, да боится: если он поест, то образуется ямка, и теща скажет, что он много съел.

И не посмел он есть, да так и пришел домой. Отец спрашивает:

- Ну, угощали тебя у тещи?
- Меня угощали так: подготовила теща сладкого толокна, да я не посмел есть, потому что образовалась бы ямка.
- Ой ты, глупый, надо было, когда поешь, все перемешать, и толокно опять бы выровнялось.
- Поесть, что ли, в следующий раз.

Прошла неделя, и опять он едет в гости. Приехал к теще и тестю. Тесть и теща встречают его. Опять угощают, а теперь теща поставила на стол кисель. Он немного поел и видит, что ополовинил кисель, и перемешал его. А теща увидела и говорит:

- Зять, кисель ведь не размешивают.
- Он встал из-за стола. Приходит домой, отец спрашивает:
- Ну, как тебя угощали?
- Угощали хорошо, да я кисель размешал, а теща намекнула, что кисель не размешивают.
- Хорошо, пойдешь в следующий раз — не делай так.

Прошла неделя-другая, и едет зять опять в гости. Далеко было добираться, приехал рано утром. Теща блины печет.

- Садись, зять, блины есть.
- Сяду, пожалуй, с дороги так есть хочется!

Сел он и ест блины. А теща подала еще и грибов. Он все уплетает с аппетитом.

- Ну, теща, у тебя почки так почки.
 - Да не почки это, зять, а грибы.
 - Ну, грибы так грибы, а я думал почки.
- Ну, и ладно. Поел да и поехал домой.
- Ну, как угощали?
 - Угощали очень хорошо, но я думал, что были почки, а были грибы.

— Ну, хорошо, пойдешь в следующий раз, то иначе поступай: посмотри хорошенко, распробуешь и только потом скажи теще, — это отец-то говорит.

Хорошо, опять решил ехать в гости. Еще раз поехал в гости. В гости приехал в субботу вечером. Сначала теща не угощала его, а затопила баню. Затопила теща баню, а баня загорелась. А зять спокойно смотрит в окно и говорит:

- Теща, баня-то горит.
 — А горит [топится], так пусть, на то она и затоплена.
 Опять сидит, сидит зять.
 — Теща, баня горит.
 — Горит [топится], так пусть, на то и затоплена.
 Ну, ладно. Теща все работает, ужин готовит.
 — Теща, а баня горит.
 — Горит [топится], так пусть, она ведь затоплена. Ну, пойду-ка я дров принесу, — говорит теща.
- Теща ушла за дровами, а у зятя с собой кромка хлеба взята, он горбушку жует — есть захотел. А тут снег валит, очень сильно метет. Теща стоит с дровами на крыльце и говорит:
- Метет так метет!
 — А мету [уплетаю] — так свою горбушку.
- Теща-то говорит, что снег метет, а он подумал, что теща о нем говорит.

29. KURGED

Ende mužik semenz edahan kagrad. Kagran hänou söškathe kurged. Midä rata kurgiideke? Män' erasou pejou, čapji habjiid, tegi karteižid i valji vinad karteižihe. Toižuu pejou män' kacmaha — kurged kaik venutas. Kurged hän keraz' ümbri ičesaz nahkvehe. Astub. Astui, astui, dei kurged lendaškathe. Kurged lendaškathe i hän lendab i päliči sures diki sos.

Astub mecnik Osoi. Ampta ladi. «Osoi-dädii, Osoi-dädii, ala ambu, minä olen tägä.» — «Oled ka ruši nahkve.» Nahkven ruši, kurged lendiba, a hän soho putui.

ЖУРАВЛИ

Посеял как-то мужик овес. Овес у него начали поедать журавли. Что делать с журавлями? Пошел он однажды, нарубил осин, сделал корытца и налил в них вино. На следующий день пошел он посмотреть — все журавли лежат. Собрал он журавлей и привязал их к ремню. Идет. Шел-шел, а журавли и полетели. Журавли полетели, и он уже летит через большее болото.

- Идет охотник Офой. Хотел выстрелить.
- Дядя Офой, дядя Офой, не стреляй: я тут!
- Тут, так развязжи ремень.

Он развязал ремень, журавли улетели, а он в болото угодил.

30. NENAKAZ AK

Eliba ende uk da ak. Oli keza. Uk da ak mäniiba tehmaha hiinäd. Pejan tehiba, ehtkoičel asttas kodhe. Astta tarbiž ol' randadme. A jogirand oli kivekaz. Uk sanub akale: «Oksä, ale pane kašlihe kivid.» A Oksä kaiken narošno radleb. Ot' da pani töuden kašlin kivid. Asttas edelespei. Edelespei tarbiž oli

proottä jogi süudadme. Astas süudadme, a süud huba oli, murenu. Ük sanub: «Oksa, ala kargeida süudou.» Oksa mestna ot' da kargeidaškanz. Kargeidaškanz dei lanksi jogehe. A selgäs hänou oli kašal' kivideke. Muga i ii voin' libuda vedespei, upoz. A uk mäni kodihe, udes nai i čomin eläskanz. Nügudeki čomin elab.

УПРЯМАЯ ЖЕНА

Жили-были старик и старуха. Пошли они сено косить. Косили они день, вечером идут домой. Идти нужно было по берегу реки, а берег был каменистый. Старик говорит жене:

— Окся, не клади камней в кошель.

А Окся все делает наоборот, нарочно. Взяла да и наложила полный кошель камней.

Идут дальше. Дальше нужно было перейти через реку по мосту. Идут они по мосту, а мост был плохой, разбитый. Старик говорит:

— Окся, не пляти на мосту.

Окся опять взялась вредничать и стала притягивать. Начала плясать да и упала в реку. А за спиной у нее был кошель с камнями. Так она и не смогла выбраться из реки, утонула. А старик пошел домой, снова женился и зажил хорошо. И теперь хорошо живет.

31. UKOINE DA RAZBAINIKAD

Ende eli ukoine da akeine. Ukoijel da akeižel elend lapsid. Vanhtuba, elend vonukoid. Eliba hii gollas, ii tetut kut eläda edelespei. Ukoine reši mända mectamaha, možet sab kenennik, eläda linneb kebjemb.

Mäni mecha ukoine, sai tedren. Astub tedrenke kodhe i kuleb paginan — pagišasoi razbainikad. Hän põlgastui, libui kushe. Istub kuzes. Razbainikad tuldhe neen kuzennust, tegiba lamein, pandhe katležen kehmaha kitost. Ukoine istub kuzes. Tirpi, tirpi, lähtob kuzi. Kuzeškanzihe dei katležeh. Razbainikad pagišas: «Sanutaze, elend sündud, a sünd om, näge miile katležen töutab vedel.»

Istub ukoine kuzes i kacub, midā ratasoi razbainikad. Razbainikad aveižiba šougr. Šougr saiba pühkmene. Pühkmene šougrspei viškeižiba kuudejžid pätakoid i kliumenikoid. Lugeškathe. Ukoine kacuj, kacui i sordi tedren. Tedr langen' ani nenile pätakoile päle. Razbainikad põlgastuiba; kense hiid homeižeb, skokkahtiba dei uidho. A ukoine pätzui i kerazi pühkmene den goideke i tulj akaižennu kodhe. Nügudeki eletaze akeine i ukoine čomin i huktišoi vižnikad i kümenikad.

СТАРИЧОК И РАЗБОЙНИКИ

Жили-были старик со старухой. У них не было детей. Состарились они, внуков нет. Жили они бедно, не знают, как им дальше жить. Решил старик пойти на охоту — может, добудет что-нибудь и жить будет легче.

Пошел старик в лес и добыл тетерева. Идет с тетеревом домой и вдруг слышит разговор — разбойники беседуют. Он испугался и взобрался на елку. Сидит он на елке. Подошли разбойники к этой елке, развели костер и поставили на него вариться котелок с супом. Старичок сидит на елке. Терпел он, терпел — помочиться хочет. Помочился — да прямо в котелок. Разбойники рассуждают: «Говорят, что Бога нет, а Бог есть, видите, наш котелок водой наполняет».

Сидит старик на елке и наблюдает, что разбойники делают. Разбойники развязали мешок, вынули оттуда скатерть. На неесыпали из мешка золотые пятерки и десятки. Начали считать. Старик смотрел, смотрел и выронил тетерева. Тетерев упал прямо на эти пятерки. Разбойники испугались: кто-то их заметил. Вскочили да и убежали.

А старик спустился и забрал скатерть с деньгами. Пришел домой к же-не, и теперь живут старик со старухой хорошо и считают пятерки и десятки.

32. JUMOU ARIFEIHA LONGILE TULI

Ende eliba kaks' velled: üks' bohat, a toine bedni. Bohat bednijad velled ii lübind. Bohatale radoiba, radnikoid pidi, kaik sijad vounhed, kazakad, kazačihad, a bedni vell lapsid diki äi. Kaika pagastha päle mämob da pakiceb dengoid da liibäd da.

Tuli praznik, mäniba pagastha. Bohat vell outrile kohttha, Lazar, kombuile laskhe, ristiše, sanubgi:

— Minä vet, hospod', en ota, jumalaižem, nimidä verast, minai vet kaik ičiin, sön minä ičiin, jon ičiin, pidän ičiin, a Arifei kaika verhile pakičeb, pagastale da lapsid töus pert', eläb bedno, ele hänou nimidä, hän om čisti grähhine.

A Arifei čogeizes kombuil', pitk' kouhtan päl i moliše, iče ičtas kulakou rindhijiže da ocha iškoiteleb:

— Oi, minä se ka, jumalaižem, grähhine olen, kaika pakičen pagastan pälo, lapsid minei äi, mad minei ele, emboi nikut eläda, čistj grähhine olen, čisti grähhine olen.

A jumou se pagastas tedab, kudam min moliše. Läksiba pagastaspei. Lazar se sanub:

— Jumou se pagastas oli, ka mijale longile tuleb, vet minä olen bohat.

Arifei ka i dumai ei, mäni kodhe. Ka jumou se Arifeiha longile tuli. Jumalalo se jälghe adivoid tuli äi, a Arifejuu nimida ele, ni liibäd, ni kiitosid, ni midä. Tuli jumou.

— Oi, jumalaižem, sinä tulid longile, a minai nimidä.

— Ele, ka kackhaške emäg se päciš ka, ik kiitost ole da midani.

Aveiž ak päčin, ka kiitosid sigä mäne teda midä, töuz' zakuskoid. Mäni čogha, liibäd oli kromeine mastnäs, ka kacuhti, ka sigä koloboid ka kalitkoid, ozražnikoid, säkijad töus', kokatid, nižušt. Stolan ak ladi. Ištuiheze adivod stolan pähä, jumou sanub:

— Ka, sinä, Arifei, hot' vinou čestiižid väheižuu.

— Ka ele vet vinad se, jumalaižen, minei, olen vet minä bedni.

— Mäneske kaivole, to vädreine vett, počerpni da kaco töus', ala vähašt.

Toi män' vädran vett, zavodi kouheižuu otta.

— Ala kouheižuu, ala, pano butuukha, lüuda piču rümkeine, česti rümkeižuu.

Hän pan' vett butuukha, rümkeižuu česti, kaik kaksin rümkeižin juibä. Adivod humouzuiba, süibä, jüibä, spasiboičhezo, läksiba irdale, šateiše kaik derenas. Lazarile čud: Arifejas ni mid ele, humalas läksiba. Kuspei Arifei vinan ot?

Tuli Arifejanno:

— Kuspei sinei, Arifei, vin ol', vet sinei ele dengoid da nimidä?

— Ele, ka jumou sanoi: «Otaške vädr da to kaivospei da česti, ka humouzudas kaik.» — «Da i minä, sanub, — muga butuukha panin, adivoile čestin, adivoižed humouzuiba.»

Nece Lazar kodhe, vädran kädhe, kaivole joksi, kodhe vet kandišeb, zavodi butuukha panda da jotta. Vezi ka vezi om. «Jumou, značit, lübib bedniid, a bohatid ii lübi.» Muga Lazar i sanui.

БОГ К ОРИФЕЮ НА ОБЕД ПРИШЕЛ

Жили-были два брата, один богатый, а второй бедный. Богатый не любил бедного брата. На богатого работали, работников держал, все на-готово сделают батраки, батрачки. А бедный брат — детей у него очень много — все к церкви ходит и просит денег да хлеба.

Наступил праздник, пошли в церковь. Богатый брат, Лазарь, против алтаря на колени опустился, крестится и говорит:

— Я ведь, Господи, мой Боже, не беру ничего чужого, у меня ведь все свое, я ем свое, пью свое, ношу свое, а Орифей все у чужих просит, у церкви, и детей полная изба, живет бедно, нет у него ничего, грешный он.

А Орифей в уголке на коленях, длинный каftан надет, молится, сам себя в грудь и в лоб бьет:

— Ой, я-то, Боже, грешный, все милостыню прошу у церкви, детей у меня много, земли у меня нет, не могу жить никак, чисто грешный я, чисто грешный.

А Бог-то знает, кто о чем в церкви молится. Ушли из церкви, Лазарь говорит:

— Бог-то в церкви был, так к нам на обед придет, я ведь богатый.

Орифей и не думает, пошел домой. А Бог-то к Орифею на обед пришел. Вслед за Богом гостей много пришло, а у Орифея ничего нет, ни хлеба, ни варева, ничего.

— Ой, Боженька, ты пришел на обед, а у меня ничего нет.

— Но пусть хозяйка посмотрит, нет ли в печи чего-нибудь.

Открыла жена, хозяйка, печку, так там варева поди знай сколько, полно закусок. Пошла в угол, была краюха хлеба в корзине, посмотрела, так там колобы да калитки, ячневые пироги, всего полно, калачи, булки. Жена на стол накрыла. Сели гости за стол, Бог говорит:

— Ты бы, Орифей, хоть вином немного угостили.

— Так нет ведь вина-то у меня, Боженька, я ведь бедный.

— Иди-ка на колодец, принеси ведро воды, да смотри почерпни полное, не полупустое.

Пошел, принес ведро воды, стал ковшиком брать:

— Не ковшиком, нет, налей в бутылку, найди маленькую рюмочку, угощай рюмочкой.

Он налил воды в бутылку, рюмкой угощал, все по две рюмки выпили. Гости опьянили, поели, попили, поблагодарили и ушли, шатаются все по деревне. Лазарь удивляется: у Орифея ничего нет, а пьяные вышли. Откуда Орифей вино взял? Пришел к Орифею:

— Откуда у тебя, Орифей, вино было, ведь у тебя нет ни денег, ничего.

— Нет, так Бог сказал: «Возьми ведро да принеси из колодца и угошай, так опьянеют все». Да я, — говорит, — так и сделал: в бутылку налил, гостей угостил, гости опьянили.

Этот Лазарь домой, ведро в руки и на колодец побежал, домой водуносит. стал в бутылку наливать и поить. Вода как вода.

— Бог, значит, любит бедных, а богатых не любит, — сказал Лазарь.

33. PAP I RADNIK

Ende pap radnikan pidäb, hot' kut radnikan pouktab, radnik nikut ii elä, lähteb. Nu, tehta ii midä, radnik papilpei lähteb. Pap tuli bazarale da i käveleb, radnikan ecib. Eraz mužik sääb:

- Midä ecid, batuško?
- Ka ecin, sanub, — radnik mini tari oliž.
- Ka ota mindei.
- Tule.

Pouksihe mužik radnikaks papile. Tuliba paphe, ön magaziba, homencuu radole töntta.

Ištuiheze murgnäle. Murgnän süibä, a pap sääb:

— Sinä, papad', toške i long, miile ii tariž tuuda da aigad ii tari trattä.

Papad' i radnikale sääb: «Sögämei.» — «Ka sögäm, minun täht.» Papad' longen toi. Longen süibä. Pap sanub: «Ka sögäm i peilong ühtnägoi.» — «Sögäm, minun täht.» Peilongengi södhe.

Nu, ištäsoi, söda jo ii tahtoi radnik ni mittuš'. «A možet užinoičemei ühtnägoi.» — «Ka mijak emei?» — «Užinoikamgi ühtnägoi.»

Papad' užinangi toi, užunoičiba. Radnik läks' stolan päspei, kouhtanan päle pan' da astub sareile. Pap sanub: «Sinä mijak, radnik, sareile?» — «Užinan süimei ka jälghe užinad ika magata panese.»

Män' sareile da panhe magata da suškad magaz' radnik.

ПОП И РАБОТНИК

Раньше поп работника держал. Хоть сколько нанимает работников, работники никак не уживаются, уходят. Ну, делать нечего, работник опять от попа уходит. Поп пришел на базар, работника ищет. Один мужик говорит:

- Чего ищешь, батюшка?
- Да ищу, — говорит, — работник мне был бы нужен.
- А возьми меня.
- Иди.

Нанялся мужик к попу в работники. Пришли к попу, ночь пропали, угром на работу надо идти. Сели завтракать, завтракали-завтракали, а поп говорит:

— Ты, попашья, принеси-ка и обед, чтобы не надо было снова приходить и время тратить.

Попадья говорит работнику:

— Поелим?

— По мне, так поедим.

Попашья принесла обед, пообедали. Поп говорит:

— А съедим и полдник заодно.

— По мне, съедим.

Съели полдник. Ну, сидят, работник уже нисколько есть не хочет.

— А может быть, поужинаем заодно?

— А почему бы нет? Поужинаем заодно.

Попадья и ужин принесла, поужинали. Работник вышел из-за стола [букв.: с конца стола], кафтан надел и идет в сарай. Поп говорит:

— Ты почему, работник, в сарай?

Поужинали, так после ужина всегда спать ложатся.

Пошел в сарай да лег спать. И сутки проспал работник.

34. KUT AK MUŽIKAN MANIT'

Ende eliba uk da ak, ii edahan pagastaspei. Hiil jähez eli pap. Mužik da ak eliba družno. Ak tegi drugun. Nece drug erasuu chtkožuu... tuuda tariz, a mužik kodiš. Ak ii teda, kut mužikad manitada. Mäni da tanhoupei živatad pästi, lehmäid da hebon pästi da lambhad. Tuli da irdoupei heikab (mužikan se kucuiba Sidoraks): «Sidor. Sidor, živatad irdale pâzuiba!»

Irdou se oli talv. Lumi. Nece Sidor libui, üksil kadjeil, üksil paidoil, poutnasižiš sobiš, stupnäd jougha õkaiž da i joks'. Nece živatad souptel', souptel', ak abuti. Kudeig živatad soupsiba, nece akan drug perthe švilahti. Ak perthe mäni da verjäd kaik soubaz'. Sidor jäi iknaalle. Sidor tuli i kolotise. «Kaken sää oled?» nece ak sanub. «Ka olen sinun mužik Sidor.» — «Minei Sidor kodiš.» — «Kut kodiš, minä naku olen.» — «Minä kützun, ka Sidor mine änen andab. Sidor, sinä kodiš?» Nece drug sigā sanub: «Kodiš.» — «Näged, kulid, Sidor kodiš.»

II teda midä nece Sidor zavot'ia. Joksen', joksen', jougoile vilu, ičelaz vilu, irdou pakame. Joksi paphe. Kolotihe, kolotihe, pap aveiž. «Ken sinä oled?» — «Sidor.» — «Ka mijak sää, Sidor, öl irdou?» — «Ka perthe nikut ak pästa ii, abuta perthe sadas.»

Pap tuli Sidoranke, tariche, tariche perthe pästta Sidoran. Nece ak sääb: «Li, batuško, Sidor minai kodiš. Sidor naku kravatiš venub. Kacu, ed usko, ka änen andab Sidor. Sidor, sinä kodiš?» Nece drug sääb: «Kodiš.» — «Kulid, ed?» — «Kulin, ka ii Sidor, ii ole.» Kacuhliba da sääb: «Pitkad libused (ende pitkad libused pidiba ka), ani čort om.» Neven Sidoran uugilpei trähni pap (Sidoran jo jougad külmnuded, uugha ot') da Sidoran jüt' i kodhe joks'.

Sidor ii teda kuna mända öl. Dumai, dumai, surmhassai küldmi. A papin härg sid... ühtežuu papil se tehtut tanheine da sigā härg. A tanheine se läim, souptase irdoupei, noreižuu sidose verei. Hän män' sinnä härganno da i magaz'

härgäanno jasliš. Lämmeine hiinäs da i magaz'. Homencuu libui da i tuli kodhe. Ak sää: «Kusak sää, Sidor, olid?» — «Ehtou perthe et päästand ka.» — «Kut en? Sinä minunke magazid, töö homencuu kuna se läksid.»

Nu, huvä, äjou proudad ii sa tehta akanke, ak mugoi lofkikulu. «A magazid kus?» — «A naku magazin papin tanhou härgänke.» — «Oi, Sidor, sinä Sidor, härgänke magazid, nuka jo vactjjid.» — «Jose vactjjin?» — «Ka vactjjid, vactjjid.» — «A nügde mi zavotta?» — «Nügde mi zavotta, vet' huba pagin töndub. Dovediše last tehmaha kunani mända edomba.»

Ak kudei suhrid Sidorale kuiži da Sidoran spravi, aigad proidihti. Šougun Sidorale selghä i Sidor töndui last tehmaha.

Astub peivän, astub toižen, astub kaks' jo nedalid jougei. Eduu mašinad ii käveltut suril ningomil pereleskoil. Astui, astui, nedalid možet kuume astui, en tea kuverdan. Tuli mugomale pereleskale, homaiči ka dorogou mužik kuunu, a sapkad villaized mužikou jougas čomad. Hän otí, mužikou jougad čapoi i šoughu pani. «Kus ösijou mänen da sapkad päčile panon, nene jougad suladan da hädan i sapkat lindäss.»

Tuli, öks taričhe. Sidoran sötiba, Sidoran jotiba, päčile magattaha panetiba. Hän nene sapkad jougoideke vedi, pani päčile sulamaha da uinoz' doro-gaspei ka.

Sil öl emagou se lehm kandoi. Vilu irdou se dikij pakaine, vazaine se külmi. Hii toiba (necen Sidoran unohtiba päčil, miše om hiil önik), paniba necen vazaižen päčile. Sidor magadab.

Sidor öl heraštui ka vazaine Sidoran noleb. Ka mi hän om? Sidor muji, muji, ka vazaine märg. «Jose minä vazan tegin, härgänke magazin ka...? Ani minä tegin. Tari uitta täspei öl, ika kästtas vu vazan mine otta kerdale, mäne tea, mi linneb.» Nece Sidor hillästi sigä, vaiknašti sobihez da läks', nene jougoideke sapkad unoht' päčile.

Homencuu ižand da emäg nuuziba, kacuhtiba vazaižen, homaičiba sapkoideke jougad. «Kacu, sanob, — nugde se nugde aži. Önik oli päčil, önikad ele, sapkad i jougad jeibä. Ani vaza süi.» Otiba, necen vazan rikoiba da taciba krežha.

A nece Sidor hüviš meliš astub kodhe. Astui, astui sigä, rigehti, rigehti, jälgmeine jo eht, öks jo kodhe tuleb. Hänle tuleb soudat vastha. A soudat hiide derenas oli, kaiken derenan öks taričhe, taričhe, hijou seki taričhe, läksi da kundli verjän taga. Ak öks päästand ii, a pagižeb sigä drugunke. Kuleb, miše drugunke pagižeb. «Sinä, sää, — tuled, nu ka minä tegen žarkijan, panen päčhe.» — «A ježli Sidor tuleb, nenil pejil dolžen tuuda ka, minä iče se kuna?» — «A iče karznäha panoudamei, uindab Sidor i sinä lähted. Možet vu ii tule täl ehtou.»

Vasttiheloi necen soudatanke Sidor. «Sinä, sää, — mijak, soudat, vast öhe tönduid derenaspei?» — «Niken, dädä, öks ii päästand.» — «Ka ika ala mäne, pörte, mänemei da mijou magadamei.»

Soudat asttes se tabaz' kajagan doroguu, lindun, polan al. Pörzihezoi, tuliba Sidoraha. Sidorih hüviš meliš kuti Sidoran vasteleb. Ištiheloi sömhä. «Ele, Sidor, nimidä kiittut se mugost', ele nimidä paštta se. Ihastjin se ka surmhazesei, surmhazesei ihastjin.»

Zavodiba užinoita. Nece soudat kajagan vedoudab, lindun, suugad diki kibedad. Lind: «A-A! vingahti.» Sidor sanob: «A min hän lind se?» — «A hän, sää, — pagižta mahtab, lind se, minä hänon paginan tuukuin, hän om tedei lind se.» — «A min hän sano?» — «A sano: om žarkij päčiš.» — «Min sä

pagižed, nece ak sāb. — mijou žarkijad päčiš igas eleške.» — «Eleške ka kackameiške.» Sidor mäni, päčin avaiž — žarkij päčiš. Žarkijan toiba päčišpei. Nece soudat möst lindun suugas vedouz', lind möst vingahti sigä. «Ka min hän möst tedei lind se pagižeb?» — «Pagižeb ka etei usko, ak, näd, ii usko ka.» — «Ii usko, da vet' min se aigoin proudan sanob.» — «A sanob: om peLEN taga päčiš polišk litrad, vinad butuuK.» Päčiloudan möst avaižiba — ka vinad butuuK, toiba stolale. Soudat da Sidor vinan juibä, necen butuukan. Nece soudat humouzui ka lindud enambou vu bokas räzahtoit'. Lind möst vingaht'. «Ka min hän nügde se sanob?» — «A nügde sanob.., en teda sanoda ik?» — «Ka sano jo, sano, lind sanob ka kutak ed sano.» — «Ka sanob, om čort karznäs.» — «Jose om?» — «Om. Käsked ka minä küksen.» — «Ka kükse.» — «Výedin necen čortan igäks.» Karznän avaižiba. Ak sāb: «Üksnein elin, ka ele niničid čortid, en nägeske.» Mäniba karznäha, soudat otu ufatnikan, män' karznäha. Sigä mužik, drug se karznäs. Hän ku nöugeidab kerdan, toižen. Nece drug karznäspei hurahatab da irdale, läks' sigäpe. Mužik sāb: «Sigä oli čort.» Muga soudat necen čortan igäks küksi, openzi.

Soudat homenchessei magazi. Necen lindun mužik ostaškanzi. Nu, soudat lindun hälle ustupi, müi, jät', žallöiči, sāb: «Na, sindei kaika podderžib nece lind.» A soudatale tari oli dengad da liib dorogha. Sidor andoi dengoid, andoi liibäd, aleižed andoiba kädhe vahvad.

Soudat töndui, a mužik händast blagodari čomašti i jäi ičeze akanke elämha. Enamb drug ii tulend.

КАК ЖЕНА МУЖА ОБМАНУЛА

Жили-были муж да жена недалеко от церкви, близко от них жил поп. Муж и жена жили дружно. Но жена завела друга. Однажды вечером этот любовник должен прийти, а муж дома. Жена не знает, как мужа обмануть. Пошла да со двора скотину выпустила, коров да лошадь да овец выпустила. Пришла со двора и кричит:

— Сидор, Сидор, скотина на улицу вышла! (Мужа-то Сидором звали.)

На дворе-то была зима, снег. Сидор встал в одних кальсонах, в одной рубашке, в полотняной одежде, в лапти ноги сунул и побежал. Запирал, запирал эту скотину, жена помогала. Пока они скотину запирали, этот друг жены в избу прошмыгнул. Жена вошла в избу и все двери заперла, Сидор остался под окном. Сидор пришел и стучит:

- Ты кто? — жена говорит.
- Да я твой муж, Сидор.
- У меня Сидор дома.
- Как дома? Я же тут.
- Я спрошу, так Сидор мне голос подаст. Сидор, ты дома?

Этот друг там говорит:

- Дома.
- Видишь, слыхал же, Сидор дома.

Сидор не знает, что делать, бегал-бегал, ногам холодно, самому холодно, на улице мороз. Побежал к попу. Стучался-стучался, поп открыл:

- Ты кто?

— Сидор.

— Да что ты, Сидор, ночью на улице?

— Да жена никак в дом не пускает, помоги в дом попасть.

Поп пришел с Сидором, просился-просился в дом, чтобы впустить Сидора. Жена говорит:

— Нет, батюшка, Сидор у меня дома, Сидор тут, на кровати лежит. Смотри, не веришь — так Сидор голос подаст. Сидор, ты дома?

Этот друг говорит:

— Дома.

— Слыхал или нет?

— Слыхал, да не Сидор это. — Посмотрел и говорит: — Волосы длинные — там, похоже, черт... (Раньше ведь длинные волосы носили.)

Поп Сидора стражнул с плеч (тот был на плечи взят — ноги мерзли) и побежал домой.

Сидор не знает, куда идти ночью. Думал-думал, до смерти замерз. А тут у попа бык... у попа сделана хлевушка и там бык. А хлевушка-то теплая, запирается снаружи, дверь веревочкой завязывается. Он пошел туда, к быку, и проспал около быка в яслях. Тепло в сене, да и выспался. Утром встал и пришел домой.

Жена говорит:

— Где же ты, Сидор, был?

— Так ты вечером в дом не пустила.

— Как не пустила? Ты со мной спал, сегодня утром куда-то пошел.

Ну, ладно, правды у жены не добьешься, жена такая ловкая, хитрая.

— А спал ты где?

— А тут вот спал, в поповом хлеву с быком.

— Ой, Сидор ты Сидор, с быком спал — так уж забеременел.

— Неужели забеременел?

— Забеременел, забеременел!

— Что теперь делать?

— Что теперь делать? Плохие разговоры пойдут, придется идти куда-нибудь подальше ребенка рожать.

Пока жена Сидору сухарей насушила да собрала Сидора, прошло много времени. Сидору мешок на спину, и Сидор отправился ребенка рожать.

Идет день, идет другой, идет уже две недели пешком. Раньше машины на таких больших перелесках не ходили. Шел он, шел, недели, может, три шел, не знаю сколько. На одном из перелесков увидел, что на дороге мужик мертвый, а валяные хорошие сапоги у мужика на ногах. Он взял ноги у мужика отрезал и в мешок положил. Говорит: «Куда на почлег пойду, так сапоги на печку поставлю, эти ноги пусть оттают, их выброшу, а сапоги останутся».

Пришел, на ночь просится. Сидора накормили, напоили, на печь спать уложили. Он эти сапоги с ногами вытащил, поставил на печь таять и уснул с дороги.

В эту ночь у хозяйки корова отелилась. На улице-то холодно, сильный мороз, теленок замерз. Они принесли (забыли, что у них на печиnochлежник), положили этого теленка на печь. Сидор спит.

Ночью Сидор проснулся, теленок его лижет. Да что это? Сидор ощупывал, ощупывал — теленок, и теленок мокрый. «Неужто я теленка ро-

дил, с быком-то спал... Наверно, я родил. Надо уйти отсюда ночью, а то заставят меня еще теленка взять с собой. Поди знай, что будет». Сидор тихонько оделся и ушел. Эти сапоги с ногами забыл на печи.

Наутро хозяин да хозяйка встали, посмотрели теленка, увидели ноги с сапогами.

— Смотри, ну и дела теперь. Ночлежник был на печи, ночлежника нет, сапоги и ноги остались. Наверно, теленок съел.

Взяли этого теленка убили и бросили под торку.

А Сидор в хорошем настроении идет домой. Шел-шел, спешит-спешит. последний уж вечер, к ночи уже домой придет. Навстречу ему идет солдат. А солдат в их деревне был, по всей деревне на ночь просился-просился, и к нему попросился да подслушал там за дверью. Хозяйка на ночь не пустила, а разговаривает там с другом. Слышишь, о чем с другом разговаривает. «Ты, — говорит, — придишь, так я сделаю жаркое, поставлю в печь». — «А если Сидор придет, на этих днях должен прийти, так куда я сам-то?» — «А сам в подвал. Мы ляжем спать. Сидор уснет, и ты уйдешь. Может, еще не придет сегодня вечером».

Встретился Сидор с этим солдатом.

— Ты, — говорит, — почему солдат, на ночь глядя пошел из деревни?

— Никто, дядя, ночевать не пустил.

— Все же не ходи, вернись, пойдем у нас переночуем.

Солдат по дороге поймал чайку. Птицу — под полу. Они вернулись, пришли к Сидору. Сидориха будто обрадованная встречает Сидора. Сели кушать.

— Ничего, Сидор, не сварено такого, нечего печь-то. обрадовалась я до смерти.

Стали ужинать. Этот солдат вытаскивает чайку, очень больно дергает за перья [букв.: перья очень больные], птица проницала «а-а!». Сидор говорит:

— А что это с птицей?

— А она, — говорит, — разговаривать умеет, птица-то, я понимаю ее язык, это вешая птица.

— А что она сказала?

— А сказала: жаркое в печи.

— Что ты говоришь? — жена говорит. — У нас в жизни не бывало жаркого в печи.

— Не бывало? А давайте посмотрим.

Сидор пошел, печь открыл — жаркое в печи. Принес жаркое из печи. Солдат опять птицу за перо дернул, птица опять там пискнула.

— О чём эта вешая птица опять говорит?

— Говорит, но вы ведь не верите, жена, видишь ли, не верит.

— Не верит, но птица, видно, правду говорит?

— А говорит: за заслонкой печи пол-литра, вина бутылка.

Заслонку опять открыли — вина бутылка, принесли на стол.

Солдат и Сидор выпили эту бутылку вина. Солдат опьянел, так еще сильнее за бок щипнул птицу. Птица опять пискнула.

— Что она теперь-то говорит?

— А теперь говорит... не знаю, сказать ли?

- Да уж скажи, скажи, птица предсказывает, так как не сказать.
- Да говорит, в подвале черт.
- Неужели?
- Да. Велишь — так я прогоню.
- Прогони.
- Выведу этого черта навсегда.

Открыли подвал. Жена говорит:

- Я одна жила, не видывала, нет никаких чертей.

Пошли в подвал, солдат взял ухват, идет с ним в подвал. Там мужик, друг этот, в подвале. Он как стукнет раз, другой. Этот друг из подвала выскоцил — да на улицу. Мужик говорит:

- Это был черт.

Так солдат этого «черт» проучил, навсегда выгнал.

Солдат до утра проспал. Этую птицу мужик захотел купить. Ну, солдат уступил ему птицу, оставил, продал, пожалел, говорит:

- На, тебя эта птица всегда поддержит.

А солдату нужны были деньги да хлеб на дорогу. Сидор дал денег, дал хлеба, хорошие варежки дал на руки.

Солдат отправился, а мужик его поблагодарил хорошенъко и остался жить со своей женой. Друг больше не приходил.

35. ENDE ELIBA KUUMEN VELLESSED

Ende eliba kuumen vellesed. Ajeiba mecha semendamha. Mecha tuliba öks, unohtiba spičkad kodhe. Sanutas norembad velled vanhembale (homaičiba lämoin edahan): «Mäneške, pakiče lämmöid, ken hän om ka.» Mäni vanham vell, tuli lämoinno, lämmöil uk ištub. «Anda, ded, lämmöid.» — «Andan lämmöid, anda perskes präšk, selgäs särmi ili sanu skask da priskask, ka lämmöid andan, a muite en anda.» Dumai, dumai vanham vell, selgäs särwäid kibed antta da präškäid, skaskad-priskaskad sanuda ii mahta, män’ tagaz. «Ii andand ded lämmöid.» «Hüvä, mäne keskmeine vell sinä.» — «Minä mänen, ka otan.» Tuli dedanno: «Anda, ded, lämmöid.» — «Andan. Anda selgäs särwäid da perskes präškän ka, ed anda... ili sanu skask da priskask.» Skaskad-priskaskad sanuda ii mahta, nu i muga selgäs särwäid, perskes präškäid ii andand, kibed. Tuli, ii sanu nimidä. Noremb vell sanub: «Oi tii, goräd, užoške minä mänen da otan dedou lämmöid.»

Tuli dedanno sinna noremb vell. «Anda, ded, lämmöid.» — «Andan. Selgäs andad särwäid da perskes präškän ili sanud skaskan da priskaskan.» — «A sanun skaskan da priskaskan, siloi, ježeli sinä poperečid, ka andad selgäs särwäid i perskes präškän i lämmöid.» — «Hüvä, dogovorhezoi.»

Zavodi sanuda skaskan da priskaskan. Sanubgi nece noremb vell: «Ende oli, sääb, kuume velled. Oli, sääb, hiiläzoi hubeine heboine. Ajeiba mecha semendamha, paniba kaks’tošküme märad kagrad hebole racile, iče ištuihezoi kagrale päle racile. Ajeiba, ajeiba, heboine kukištui kandho. Heboine vacan rebiti, prapadi, kagr maha mäni. Midä dumaida? «Sagam linduid.» Linduid taboiteliba, töudod havadod paniba. Kuna linduideke mänemei? Kulištiba, meren taga värištasoi: «Ele linduid.» Otiba, nene lindud meren taga šlingutiba, šlingutiba, iče hiide jälghe šlingahtiba. Mäniba, sigä vajehtiba, kaikuižes lind-

hu andeiba hiläzoi lehmän. Kuna lehmäd panda? Kulistiba taivhuu värištasoi: «Sapkois nahkad ele.» Hii otiba, lehmäd rikoiba, nahkas nülgiba, kaik nahkad taivhale šlinguriba, šlingutiba, iče jälge šlingahtiba. Nahkad sigä taivhui müibü, a händad tagaz tädiba. Kut taivhoupei lastas? Otiba händän, taivhaze sidoiba, zavodiba lastas händad kaik sidoiba ühthes, sidotas i laskesoi, sidotas i laskesoi. Laskhezei mahasci, vähäst' norad ii hvati, gomnale päle. Gomnäs taptasoi narod. Otiba, tuhuid keraziba, keraziba, noran punoiba, punoiba, vuu vähäst' ii hyatind. Nece nor kattet i hii maha lanksiba, jougad puuhesei maha putuiba. Mäniba deriuunaha, toiba zastupan, jougad kuivoiba.»

Nece uk i popereči: «Nece ka jo ei proud, vot i klastid.» — «Kelastin, ka andaske, priha sanub, — lämöid da selgäs särmi da perskes präšk.»

Muga detkou oti selgüs särmin, perskes präškin lämöid. Tuli priha velli-dennno. sanub: «Oi, tii goräd, etei sanut, a minä männuižin, ka amu lämmöid otnuižin.»

ЖИЛИ-БЫЛИ ТРИ БРАТА

Жили-были три брата. Поехали они в лес сечать. Пришли в лес к ночи, а спички забыли дома. Младшие братья говорят старшему (увидели вдали огонь):

— Иди-ка, попроси огня, кто-то там есть.

Понеял старший брат, пришел к костру. У огня стариик сидит.

— Дай, дед, огня.

— Дам отня. Дай с зада пряжку, со спины ремень или расскажи сказку да присказку, так дам огня, а иначе не дам.

Лумал-думал старший брат: дать со спины ремень да пряжку — больно, сказку-присказку рассказать не умеет, понеял обратно.

— Не дал дед огня.

— Ладно, или ты, средний брат.

Я пойду — так возьму.

Пришел к леду:

— Дай, дед, огня.

— Дам. Дай со спины ремень да с зада пряжку, а не дашь... или расскажи сказку да присказку.

Сказку-присказку рассказать не умеет, ну и со спины ремня, с зада пряжки не дал, больно. Примеял, не говорит ничего. Младший брат говорит:

— Ой, вы, горемычные, ну-ка я пойду да возьму у леда отня.

Пришел туда, к леду, младший брат:

— Дай, дед, огня.

— Дам. Даешь со спины ремень да с зада пряжку или расскажешь сказку да присказку.

А расскажу сказку да присказку. Если ты будешь перечить, то дашь со спины ремень и с зада пряжку и огня дашь.

Ладно, договорились.

Начал рассказывать сказку да присказку. И говорит этот младший брат:

— Жили-были три брата. Была у них, — говорит, — плохонькая лошаденка. Поехали в лес сечать. Положили лошади на спину двенадцать мер овса, сами сели верхом на овес. Ехали-стали, лошадка о пень споткнулась,

живот разорвала, сдохла, овес просыпался. Что делать [букв.: думать]? Наловим птиц. Птиц живьем ловили-ловили, полные мешки напихали. Куда пойдем с дичью? Услыхали, что за морем горюют: птиц нет. Взяли этих птиц, за море стали бросать, бросали-бросали, сами вслед за ними бросились. Пошли, там обменяли: за каждую птицу дали им по корове. Куда девать коров? Услыхали, что на небе плачут: нет кожи на сапоги. Они взяли коров убили, кожу содрали, все кожи на небо побросали, сами вслед поднялись. Там, на небе, кожи продали, а хвосты вырядили себе. Как с неба спуститься? Взяли хвост, к небу привязали, начали спускаться, хвосты все связывают, связывают и спускаются, связывают и спускаются. Спустились почти до земли, немного веревки не хватает. На гумно опустились, в гумне народ молотит. Взяли пыли набрали, набрали, веревку вили-вили, еще немного не хватило. Эта веревка оборвалась, и они упали на землю, ноги увязли в земле по колено. Пошли в деревню, принесли заступ, выкопали свои ноги.

Тут старик и стал перечить:

— Вот это уж неправда, вот ты и соврал.

— Соврал, так дай-ка, — говорит парень, — огня да ремень со спины и с зада пряжку.

Так и взял у деда со спины ремень, с зада пряжку и огня. Пришел парень к братьям, говорит:

— Ой, вы, горемычные, не достали, а пошел бы я, так давно бы огонь добыл.

36. ELI AKAINE, OLI HÄNOU POIG

Eli akaine, oli hänou poig. Eliba diki gollas, iiilen nikus nimidä. Prihaine vähäizou kazvaht', poukaz' händast kazakaks bohatale mužikale kuumeks videks vaiše üksiš liibiš. Poukad nimidä. Nece priha radoi voden, radoi toižen, radoi kuumanden voden, enambad ii voiškandend rata i läksi kodihe mamazennost. Kodiš möst mamou nimidä iile i pagižeb mam poigale, mišo: «Podöm, kusni lüudamei radon kebnemban.»

I vot toižou päivou läksiba radod ecmähä. Asttas päivän, asttas toižen i kuumandou päivou dorogad vast homaičiba mäthäižen. Mam ohkaht', sanub: «Oh!» I siičas že tegihe kohtas mužik. «Miak sinä mindai kucuid?» — «A tönduiimai poiganke kebnäd radod ecmähä, astumai kuumanden päivän, a radod em voigoi lüuta, sikš minä sanuin «oh.» — «Nu ka poukta minei händast radole kuumeks videks. Kuumes vodes päliči tule necile sijale i andan poigan sinei.»

Akaine poigan jäti, iče hän mäni kodihe. Kodiš elab voden, elab toižen da i kuumanden eli voden. Tuli srok i mäni poigad ecmähä. I tuli möst sille sijale, kuna jäti poigan i möste sanub: «Oh!» Möst tegihe mužikaine hänou kohtas i pagižeb: «Babuško, tulid poigad otmaha?» — «Ka, sanub, — tulin poigad otmaha, lüuda minei poig.» — «Siičas minä ton sinei poigan.» I vot nece mužikaine toi hänele kohtha kakstoštikme lindud, kaik ühtuičed, suugaižed da harjaižed, kaik ühtuičed. I sanub: «Valiče, kudam sinun poig i ota.» Akaine sanub: «Minä en tunde, kudam om minun poig.» I senke tuli poigata tagas kogihe i eli voden kodiš möst.

Zdumai möst mända poigad ecmähä. Kodispai läksi i möst tuli sille sijale i möst sanub: «Oh!» Nece mužikaine möst hänennost tuli i sanub: «Tulid, baboi, poigad otmaha. Tulid, ka varasta, minä siičas ton poigan.» Vot nece mužikaine

möst toi hänele kakstoškime koirad. «Tundištu, sanub, — kudam sinun poig i ota.» — «Minä, sanub, — en tunde, kaik oma ühtüüced, en teda, kudam om minun poig.» — «A ed mude, ka mäne kodihe, andagi en.» Akaine kodihe tuli tagaz värunke.

Möst kodiš elüb voden. «Mända, sanub, — kuumanz' kerd, jik sa liuta poigad.» Töndui dorogaha, astub päivän, astub töjzen, kuumandou päivou tulch hänele vastha vanh ukoine. «Edahaksik, babuško, mäned?» — «Mänen, sanub, — andoin poigan opendushe, kävelin jo kaks' kerdad, u poigad tundištada embvi.» Nece ukoine pagižeb akaizele: «Et tundištu i nečil kerdožen sinä, a minü sinei nevon i siloi tundištad. Toh sinei kakstoškime hebon, kaik lindas ühtüüced: ühtüüced karvou, grivad ühtüüced, kabjad ühtüüced, a üks' hebo linneb rippuset pā i ii vesel, sinä ota se.» Akaine ukožespai erigantz.

Akaine möst tuli sille sijaižele i möst sanub: «Oh! Nece ukoine möst hänenost jävihe. «No, bapka, möst tulid poigha. Jesli nečil kerdou poigad et tundištu, poigab enambad en anda.» Itoi hänenost kakstoškime hebon: ükskarvaižed, grivad ühtüüced, kabjad ühtüüced i kaik veslad hebon, a ühtou hebon pā rippuset, ii vesel. Mužikaine sagib: «Valiže, bapkaine, kudam sinun poig.» Akaine ozut' sen, kudamou rippuset pā. «Nece minut poig.» sanub. — «Nu ka tundištad, ka ota händast.» Akaine hebon oti i tuli kodihe. Nece hebo kodiš kändihe poigaks. «Nu, sanub, — mamoi, mindai tundištad, nügude eläškandemoi čomin.»

Toizou päivou poigaine pagižeb mamaale: «Minä kändamoi hehoks, sinä vō mindai lindha i mo, a suicid ala anda.» Nece poig möst hehoks kändihe, mam vüi lindha i sujužihez bazarale. Tuliba torgožid hehod ostimaha i taritas arvon ūman, ii teda kuverz' otta. Sid' kuspaise tuli bokas ukoine: «Baboi, mö minei hebo.» Neeenke arvou ladīhoiš, hebon müi. Akaine sagib: «Minä sujužid en anda vaiše.» A ukoine sanub: «Suižed oma rattud hebonke.» Akaine dengad poluči i töndui kodihe.

Nece ukoine ajši lindha i zaidi trahterihe, a hebon sidoi iknan alle paccaze diki vahvas. Akaine astuškanz siriči neciš hebos i tundišt: «Nece om minun hebo.» A hebo pagižeb mehen kclou: «Tule, mamoi, hūta minaipai suicid.» — «En rohti tulda, sinä potkajad.» — «En potkaida, minä olen sinun poig, pigemba hūta suicid.» Akaine tuli, suicid hūta i hebo uidi.

Nece akaine mäni trahterihe i pagižeb: «Kenthän sidoi hebon diki kinktäis, a minä püslin.» Nece mužikaine kulišt', loihez irdale, hebon iile. Töndui ecmähä. Hebo kulišt', mišo händast sabuteldas, kändihe koiraks i jokseškanz jalomba. Nece mužikaine händikahaks i möst sahutaškanz. Nece koir kändihe vedeks, tegihez järvi. Händikaz kändihez hougiš. Järvi kuivi, kändihe linduks, lendi kodihe, tuli mamazennost, a hougiš jai kuivale i sihe i koligi.

A nece poig lindun lendi kodihe, möst kändihe poigaks. Sid hii pigi bohatluiba, streihoiš, ostiba hebon, lehmäid. Nece priha nai, oti bohatan nevestan. Eläškathē čomin.

ЖИЛА ЖЕНЩИНА, БЫЛ У НЕЕ СЫН

Жила женщина, был у нее сын, жили они очень бедно, ничего не было. Мальчик цемного подрос. Панялся он в баграки к богатому мужику за одни только хлеба на три года. Заработка никакого. Этот парень ра-

ботал год, работал второй, работал третий год, не мог больше работать и пошел домой к матери. Дома у матери тоже ничего нет, и говорит мать сыну:

— Пойдем, где-нибудь найдем работу полегче.

И вот на следующий день пошли искать работу. Идут день, идут второй и на третий день увидели у дороги горку. Мать охнула, говорит: «Ох!», и сейчас же появился около нее мужик.

— Зачем ты меня звала?

— А отправились мы с сыном легкой работы искать, идем третий день, а работы не можем найти, поэтому я сказала «ох».

— Ну, так отдай его ко мне в работу на три года. Через три года приходи на это место, отдам тебе сына.

Женщина оставила сына, сама пошла домой. Дома живет год, живет другой, да и третий год прожила. Подошел срок, и пошла искать сына. И пришла опять на то же место, где оставила сына, и опять сказала: «Ох!» Опять появился около нее мужик и говорит:

— Бабушка, ты пришла сына брат?

— Да, — говорит, — пришла за сыном, найди мне сына.

— Сейчас я приведу тебе сына.

И вот этот мужичок привел к ней двенадцать птиц, все одинаковые, крылья и перья — все одинаковое. И говорит:

— Выбирай, который твой сын и бери.

Старушка говорит:

— Я не узнаю, который мой сын.

С тем и пришла домой обратно, без сына. И опять год прожила дома. Решила опять идти сына искать.

Вышла из дома и опять пришла на то место. И опять говорит: «Ох!» Этот мужичок опять к ней подошел и говорит:

— Ты пришла, бабушка, за сыном? Пришла — так подожди, я сейчас приведу сына.

Вот этот мужик опять привел к ней двенадцать собак.

— Узнай, — говорит, — который твой сын, и бери.

— Я, — говорит, — не узнаю, все одинаковые, не знаю, который мой сын.

— А не узнаешь — так иди домой, не дам.

Старушка с плачем пришла обратно домой.

Опять живет год дома. «Пойти, — говорит, — в третий раз, нельзя ли найти сына». Отправилась в дорогу, идет день, идет второй, на третий день идет ей навстречу старичок.

— Далеко ли, бабушка, идешь?

— Иду, — говорит, — отдала сына в ученье, ходила уже два раза, а сына узнать не могу.

Этот старичок говорит старушке:

— Не сможешь узнать ты и на этот раз, но я тебя научу, и тогда ты узнаешь. Приведет тебе двенадцать коней, все будут одинаковые: одинаковой масти, гривы одинаковые, копыта одинаковые. А один конь будет с опущенной головой, понурый, ты возьмешь того.

Старушка рассталась со стариком. Опять пришла на то же mestечко и опять говорит: «Ох!» Тот старичок опять к ней явился.

— Ну, бабка, опять принесла за сыном? Если на этот раз не узнаешь сына, вовсе сына не отдам.

И привел к ней двенадцать коней — одиаковой масти, гривы одиаковые, копыта одинаковые, и все кони веселые, и у одного коня голова опущена, навесел. Мужичок говорит:

Выбирай, бабушка, который твой сын.

Старушка указала на того, у которого голова опущена.

— Это мой сын, — говорит.

— Ну, раз узнала — так бери его.

Старушка взяла коня и пришла домой. Этот конь дома превратился в сына.

— Ну, — говорит, — мама, ты меня узнала, теперь будем жить хорошо!

На следующий день сын говорит матери:

— Я превращусь в коня, ты отведи меня в город и иродай, а узечки не отдавай.

Этот сын опять превратился в коня, мать отвела в город и остановилась на базаре. Пришли торговцы коня покупать и предлагают хорошую цену. Не знает, сколько взять. Потом откуда-то сбоку притяг старишок:

— Бабушка, иродай мне коня.

С этим договорились о цене. иродали коня. Старушка говорит:

— Я только узечки не дам.

А старишок говорит:

— Узечка рожена вместе с лошадью.

Старушка получила деньги и отправилась домой.

Этот старишок поехал в город и зашел в трактир. а коня очень крепко привязал к столбу под окном. Старушка проходила мимо этого коня и узнавала: «Это мой конь». А конь говорит человеческим голосом:

Подойди, мама, сними с меня узелетку.

— Не смею подойти, ты лягнешь.

— Не лягну, я твой сын, скорей сними узду.

Старушка подошла, узду сняла, и конь ушел.

Старушка пошла в трактир и говорит:

— Кто-то привязал коня очень туго, а я выпустила.

Тот мужичок услыхал, бросился на улицу — коня нет. Пошел искать. Конь услыхал, что его догоняют, превратился в собаку и побежал быстрые. Мужичок превратился в волка и опять стал догонять. Эта собака превратилась в воду, получилось озеро. Волк превратился в шукку. Озеро высохло, превратилось в птицу, птица прилетела домой к своей матери, а шукка осталась на суще да тут и сдохла.

А этот сын, птицей пристевший домой, опять обратился в парня. Потом они скоро разбогатели, построились, купили лошадь, коров. Этот парень женился, взял богатую невесту, стали хорошо жить.

37. PINKMUT DA KIVUT

Eiba prihaine ja akaine. Necc mam poigale sanub: «Kut mii elaskandemai, lübad ni supalašt' ele.» Prihaine: «Mamoi, mäne aitha, kolotiške purnuuižed, možot lüudat pazaižiž juvaižid libo jõuhõšt' edik lüudaiž.»

Akaine mäni aitha, koloti, koloti purnuižed, piikki da jouhod lüuzi puzikaižen. Aitaspäi läksi, libui sur' tulläine, jouhon necen kaiken puhui tulläižou. Akaine tuli perthe värunke: «Oi, oi, poig, kerazin, kerazin jouhošt' puzikaižen, da tulläine vii.» Poig: «Ala väriže, mamoi, minä mänen tulläizou pakičen jouhon tagaz.» — «Ka kut sää tulläižou jouhon pakičed?» — «Linneb jouh sadut.» I män' prihäine tulläižou jouhot samha.

Mäni tulläižennost: «Tulläine, anda jouh, mammalain miak sää vüid?» — «Minä antta emboi, mäne tagemba minun vellennost, hän sinii andab.»

Prihäine mäni edembahk toižen tulläižennost. Tulläine diki äjou puhub. Prihäine: «Anda jouh minii.» Tulläine: «Emboi jouhod antta minä, mäne edemba, om minun tat diki vägihine tulläine, hän sinii andab.»

Mäni prihäine vägihižen pohjaižen tulläižennost. Prihäine: «Ala käräida minun päle, anda jouh minii, mii liibäd söda ele.» «Minä jouhod antta emboi, minä andan sinii pihkmuden, levitad stolale, midä pakičet toda söda, sidä andab.»

Prihäine ihastui, kumarzihe jougha tulläižele i mäni kodihe. Astta oli edahaks. Tuli derounaha, pakicihe öks, ižand pästi. «Ište, prihäine, užinale, eskäi panetud.» Prihäine: «Minai om ičein užin.» Pihkmuden kaivoi, leviti stolale: «Pihkmut, anda minii söda.» Pihkmut kaiked andoi. Ižand čududelese: «Mitte nece pihkim!» Prihäine süi, panihe magattaha. Prihäine uinoz', ižand necen pihkmuden hänou vorui, a pan' prostan pihkmüden hänele. Prihäine homencou nuuzi aigašti i män' kodihe.

Tuli mamazennost: «Mamoi, minä nugude toin kaiked, ištte sömhä.» Prihäine pihkmuden leviti: «Pihkmut, anda söda.» A pihkmut ii anda. Prihäine fatihe: «Verno ižand vorui necen pihkmuden. Mest mänen tulläižennost, pakičen jouhod.» Dai män' prihäine tulläižennost jouhot pakičemha.

Tuli prihäine tulläižennost. «Tulläine, anda jouh.» — «Jouhod minä antta emboi, a andan kivuden, jouhouda kivudou, andab kaiked.» Prihäine kivuden oti dai uidi kodihe.

Tuli ösijale, taričihe öks. Ižand pästi. «Ištezo sömhä.» — «Minai om ičein užin.» Prihäine jouhouzi kivudou, pästi kaiked. Prihäine süi, panihe magattaha. Uinoz' prihäine. Ižand necen kivuden vorui, hänele pani prostan kivuden. Prihäine aigož nuuzi dai män kodihe necen kivudenke.

Tuli kodihe mamazennost. «Mamoi, ištte sömhä.» Kivudou jouhouz', kivud ii pästand nimida. Prihäine hvatihe radod: «Nece ižand mindai manteleb. Mänen mest tulläižennost.» Mani tulläižennost: «Tulläine, anda minii jouh.» Tulläine: «Emboi antta sinii jouhod, enamb antta ii midä. Andan minä sinii dubinaižen, dubinaižele sanu: «Lö hiidazoi.» Prihäine dubinaižen oti, män' kodihe. Tuli mest sen ižandannost öks. Ižand mest: «Ište užinale.» — «En tahtoi, panemoi muite.» Ižand hvatihe: «Mest toi midani prihäine, ii ištte sömhä.»

Prihäine uinoz'. Ižand podoidi prihäižennost: «Užo minä otan kaluižen necen.» Ižand otaškanz', a prihäine se ii magadand. «Kaluine, lö händast.» Kaluine ku oti kävelta selgädmne ižanduu. Ižand moliškanzihe prihäižele: «Keldä, okha hiitab löndan.» Prihäine: «Anda minii pihkmut da kivut tagaz, siloi minä keldän.» — «Andan,» sanui ižand. Andoi kivuden i pihkmuden. Prihäine keldi kaluižen, oti kivuden, pihkmuden i kaluižen i män' kodihe.

Tuli mamazennost: «Mamoi, mii bahattuimai!» Mam kuumet sutkad i ištub sömäta. «Ište, mamoi, sömhä.» Pihkmuden leviti stolale: «Anda, pih-

mut, söödil!» Pihkmudele kaiked tegihe söda. Mam ihastui. Kivuden stolale pani, ku jouhoudab kivuden, siga vuu parembad söndad hot' mi. Mam da poig eletas diki čomin.

Eli sid ii edaban bajär, kulišti necen radon, prihaine ninga bohattui. Tuli prihaineženos, kut nece pihkmut manitada? «Prihaine, anda minii pihkmut vähažeks, minä kucun adivojd, adivoide aigaks, minä sinii andan dengoid.» Prihaine soglašihe: «Minä andan sinii pihkmuden i kivuden.» A bajär samu prihainežele: «Minä stroin sinii pertin čoman i andan dengoid.»

Bajär män' kodihe, leviti pihkmuden stolale: «Ak, tuleške täenna, mitte miil bohastv.» Ak tuli. Bajär: «Anda, pihkim, söda!» Pihkmudele tegihe kaiked. Bajär da bairak igäs ii nägišket ningošt' elod. «Minai ii kaik vuu sid ole.» Pani kivuden stolale. Jouhodab kivudou, sid' vuu paremb tegihe stolou. Bajär dumait: «Enamb en anda prihale tagaz necidü.» Prihaine kävel', kävel' pakicemha, bajär anda ii kivut i pihkmut, i dengoid ii anda i pertid ii stroi.

Mam ištub da värižeb: «Ele miil gorä-gorkijoile ozad.» Prihaine: «Mamoi, ala väriže, minä tegen ozan. Mäne sinä kävele, vuu kerd pakiče.» Mam mäni, bairile jougha kumarzihe, bairil adivoit töuz, stolan taga ištta, pihkmut levitet, kivut stolau, adivoiçese adivot. Akaine moliskanzihe bairile: «Anda pihkmut da kivut.» Bajär akašt' tuukou: «Kut sää rohit tulda minun pertid strammähü, virzuiš lavale polgid.» Lavad bairil hoštetas. Akaižen irdho tuuki bajär. «Vuu tule pakičemha, minä sindai ripputan, adivoide aigan sinä stramid mindai.» Akaine män' värunke kodihe: «Oi, poig, poig, linneb nälgħä kolda.» A prihaine: «Em kolgoi, minä mänen iče.»

Prihaine oti dubinaižen i mäni bairinnost. «Anda minii, bajär, pihkmut i kivut.» Bajär prihaste tunkou. Prihaine: «Ed anda hüvaižou, minä otan toifin.» Prihaine dubinaižele: «Löške händast, pane hiiit kaikid.» Dubinaise kaikid loškanz, czmäi bairid, sid' adivoit, muga pani hiidäzo, bajär moliskanzihe: «Ota kivut i pihkmut, vaise keldä dubinaſt.»

Prihaine dubinaižen keldi, kivuden da pihkmuden oti, mäni mamazennost. «Mamoi, mamoi, miil nügude eläiskandemai.» Pihkmuden da kivuden pani stolale. «Pihkmut, anda söda.» Pihkmut adnoi kaiked. Prihaine kivudou jouhouz, siga tegihe vuu enamb. Prihaine mamalez: «Kacu, nügude bahattuimai.» I nügudeki etelas prihaine da akaine čomin.

СКАТЁРКА И ЖЕРНОВОК

Жили паренек да женщина. Эта мать говорит сыну:

Как мы будем жить — хлеба ни кусочка нет.

Паренек:

— Мама, или в амбар, выколоти закрома, может быть, найдешь в щелях зернышки. Или не найдешь ли муки.

Женщина попла в амбар, выколачивала-выколачивала закрома, мела-мела и наскребла лукопкю муки. Пошла из амбара, поднялся очень сильный ветер, всю эту муку сдуло ветром. Женщина пришла в избу с плачем:

— Ой-ой, сын, собрала я лукошко муки, да ветер унес.

Сын:

— Не плачь, мама, я пойду выпрошу у ветра муку обратно.

— Как ты у ветра муку выпросишь?

— Будет мука добыта!

И пошел парень у ветра муку доставать.

Пришел к ветру:

— Ветер, отдай муку, которую ты у моей матери унес.

— Я не могу дать, иди дальше, к моему брату, он тебе даст.

Парень пошел дальше, к другому ветру. Ветер очень сильно дует.

Парень:

— Отдай мне муку.

Ветер:

— Не могу я дать муки, иди дальше, мой отец очень сильный ветер, он тебе даст.

Пошел парень к сильному северному ветру.

Парень:

— Не сердись на меня, отдай мне муку, у нас хлеба нет, есть нечего.

— Я муки не могу дать, я дам тебе скатёрку: расстелешь на столе, что попросишь поесть, то и даст.

Парень обрадовался, поклонился ветру в ноги и пошел домой. Идти было далеко. Пришел в деревню. Попросился ночевать, хозяин пустил на ночь.

— Садись, парень, ужинать, потом ляжешь спать.

Парень:

— Скатёрка, дай мне поесть.

Скатёрка всего дала. Хозяин удивляется:

— Что за скатерть!

Парень поел, лег спать. Парень уснул, хозяин у него украл эту скатерть, а простую подложил ему. Парень встал утром рано и пошел домой.

Пришел к матери:

— Мама, я теперь принес всего, садись есть. — Парень расстелил скатёрку: Скатёрка, дай поесть.

А скатёрка не дает. Парень спохватился:

— Наверно, хозяин украл эту скатёрку. Пойду опять к ветру, попрошу муки.

И пошел парень к ветру муки просить. Пришел к ветру:

— Ветер, отдай муку!

— Муки я дать не могу, а дам жерновок, помелешь — будет все.

Парень взял жерновок и пошел домой. Пришел на ночлег, просится ночевать. Хозяин пустил.

— Садись кушать.

— У меня свой ужин.

Парень помолол жерновом, намолол всего, поел, лег спать. Уснул парень. Хозяин украл этот жерновок, положил ему простой жерновок. Парень рано встал и пошел домой с этим жерновом. Пришел домой к матери:

— Мама, садись кушать!

Жерновом помолол, жернов ничего не намолол. Парень хватился:

— Этот хозяин меня обманул. Пойду опять к ветру.

Пошел к ветру:

— Ветер, отдай мне муку!

Ветер:

— Не могу дать тебе муки, больше дать нечего. Дам я тебе дубинку, скажи дубинке: «Бей их».

Парень взял дубинку, пошел домой. Пришел опять к тому хозяину на ночь. Хозяин опять:

- Садись ужинать.
- Не хочу, лягу так.

Хозяин хватился: «Опять что-нибудь принес парень: не садится есть».

Парень уснул, хозяин подошел к парню: «Возьму-ка я эту дубинку».

Хозяин стал брать, а парень-то не спал:

- Дубинка, бей его!

Дубинка как начала ходить по спине хозяина! Хозяин стал умолять парня:

- Уйми, пусть перестанет бить!

Парень:

- Отдай мне скатёрку и жерновок, тогда я уйму.

- Отдам! — сказал хозяин. Отдал скатёрку и жерновок.

Парень унял дубинку, взял жерновок, скатёрку и дубинку и пошел домой. Пришел к матери:

- Мама, мы разбогатели!

Мать трое суток сидит без еды.

— Садись, мама, есть. — Скатёрку расстелил на столе: — Дай, скатёрка, есть!

На скатёрке появилась всякая еда. Мать обрадовалась. Жерновок на стол поставил — как помелет на жернове, там еще лучше еда. Мать и сын стали жить очень хорошо.

Жил недалеко оттуда барин, услыхал он, как парень разбогател. Пришел к парню. Как эту скатёрку выманить?

— Парень, дай мне скатёрку ненадолго, на время, гостей я позову. Я тебе денег дам.

Парень согласился:

- Я дам тебе скатёрку и жерновок.

А барин говорит парню:

- Я построю тебе хороший дом и денег дам.

Барин пошел домой, расстелил скатёрку на столе:

- Жена, иди-ка сюда, какое у нас богатство.

Жена пришла. Барин:

- Дай, скатерть, поесть.

На скатёрке всего появилось. Барин и барыня вовек не видали такой жизни.

- У меня не все еще тут.

Поставил жерновок на стол. Помелет жерновом, тут еще лучше на столе появилось. Барин думает: «Больше не отдам парню этого обратно». Парень ходил-ходил просить, барин не отдает жерновка и скатёрки. И денег не дает, и избы не строит.

Мать сидит и плачет:

- Нет нам, горемычным, счастья.

Парень:

— Мама, не плачь, я добьюсь [букв.: сделаю] счастья. Сходи ты, еще раз попроси.

Мать пошла, барину в ноги поклонилась, у барина полно гостей — за

столом сидят, скатёрка расстелена, жерновок на столе угощает гостей. Женщина стала умолять барина:

— Отдай скатёрку и жерновок.

Барин вытолкал женщину:

— Как ты посмела прийти, дом мой срамить, в лаптях мой пол топтать! — Полы у барина блестят. Барин вытолкал женщину на улицу: — Приди еще просить — я тебя повешу, ты при гостях срамишь меня.

Женщина с плачем пошла домой:

— Ой, сын, сын, придется с голоду помирать.

А парень:

— Не помрем, я сам пойду.

Парень взял дубинку и пошел к барину.

— Отдай мне, барин, скатёрку и жерновок.

Барин парня вытолкал. Парень:

— Не отдашь по-хорошему, я возьму иначе. — Парень дубинке: — Бей его, дай им всем!

Дубинка начала всех бить, сначала барина, потом гостей, так надавала им! Барин стал просить:

— Возьми жерновок и скатёрку, только уими дубинку!

Парень остановил дубинку, взял жерновок и скатёрку, пошел к матери.

— Мама, мама, мы теперь заживем. — Положил скатёрку и жерновок на стол: — Скатёрка, дай поесть!

Скатёрка дала всего. Парень жерновом помолол, тут стало еще больше [еды]. Парень матери:

— Смотри, теперь мы разбогатели.

И теперь живут парень с матерью хорошо.

38. ELIBA UK DA MAMŠ

Eliba uk da mamš. Kondī zavodi heidenost kāda. Kerdan ehtā uk da mamš ištuiba, ištuiba i sit' pan'he. Pan'he i magatas. Zavodība uindōda, kulištpa — ken-se vārain taga stukičese. Mānba avaidamha. «Ken sigā?» — «Mā.» — «A ken sā?» — «Ka mā.»

He kulištpa, što kohdī. He varagāspa molombad. Hän stukučikāz' i he kaik sijad tugespa. Hän stukičhe, stukičhe, sadaize i sa. Sid basib: «Etai avaida ka pertingi mā teiden kändān i teid sen.» Mamš joks' perthe i basib ukole: «Ukoine, minak me tegeškandomai-se, kondī meid seb.» — «Ka ankam hälle mi-ni.» — «Ka min' me andamai?» — «Ka ankam hot' hälle kanaine.» — «Ankam.» — «Māne, mamš, anda kanaine.» Mamš joks', kanaizēn tači kondjale. Kondī mān'. He pan'he i uinos'pa.

Homencō nōs'pa. Pāivān eliba. Ehtā mest pan'hežō. Kulištpa — mest stukičese. Māniba avaidamha ka mest kondī. Mamš joks': «Uk, mest kondī, basib, sen teid, etā anda mīda-ni ka.» — «Ka minak me andamai se?» — «Ka māne, mamš, tači hälle busine.» Mamš joksi. Tači busižen hälle. Kondī mān'. He mest uinos'pa.

Toižō ehtā mest tul' nece kondī i mest ningaže stukičese. Uk basib: «Minak me andamai se?» — «Ka ankam vazaine.» Tačiba vazaižen. Kondī mān' vazaštmu, he pan'he i uinos'pa.

Toižō ehtā mest tul' kondi i mest pakičob. «Minak me andamai?» — «Ka ankam jo lehmaine.» Andethe lehman.

Sid mest tul' toižō ehtā kondi, he andoiba hebon, sid ištuba i gorüiba: «Minak me homen ehtā andamai, ku kaiken živatan andlimai, enamb antta homen i mida, tulob ka seb.»

Homencō nōspa, gorüiba: «Tämbäi tol'ko meil' ehthassai elo.» Uk basibgi: «Davai pletimai puzun tobnemban da riputamai laghe puzun da hutimo neche puzhu.» Uk särahthid sai, puzun ani suren, kätken, pleti i necen puzun riput' laghe. Varastaba ehtan. Sid eht tul'. Uk da mamš pan'he. Kondi mest tul' i stukitāze, stukitāze, jälgmā joks' mamš avaidamha ka antta i mida. Joks' uk, basib: «Minak me nigut tegomai? Sadaizem puzhu?» — «Sadaizem.» Libuiba läčha i seinamu libuiba, libuiba, saihe ka puzu se ihtele mehele tol'ko, kahtele i kut puzhu sadaize. Nu uk puzhu saihe i ištub puzus sigā, a mamš pertiš joksendab: «Voi, ukoine, mindai nigut' seb. Voi, voi, ukoine, kunak mä nigut?» — «Ištte päčhe pigemba, ika sab.»

Kondi zaloškan murēz', jo astub pertäčes, a mamš pigemba päčhe saihe, päčilädā tugez'he da sigā ištub päčiš.

Kondi tul', kaikjā horomois eči, nimiš i voi löuta ni ukod, ni mamšid. Läčha libui, sada i voilend nečida ukod. Lähteškáz' jo irdha, a mamš i voilend proterpta i päčiš ku riktä da riktä. Kondi vernihe da päčilädan avaiž da mamšin vei ka tolko uk i näggi.

Uk jää iksnäze i kol'.

ЖИЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ

Жили старик и старуха. Медведь начал к ним ходить. Однажды вечером старик и старуха сидели, сидели и затем легли спать. Легли и начали засыпать, услыхали — кто-то за дверью стучится. Пошли открывать.

- Кто там?
- Я.
- А кто ты?
- Да я.

Они услыхали, что это медведь, испугались оба. Он начал стучать, и они всё заперли. Он стучался-стучался, попасть не может. Потом говорит:

- Не откроете, так я и вашу избу переверну, и вас съем.

Старуха прибежала в избу и говорит старику:

- Старичок, что же мы будем делать-то, медведь нас съест.
- Дадим ему что-нибудь.
- А что мы дадим?
- Да дадим ему хоть курочку?
- Дадим.
- Иди, старуха, дай курочку.

Старуха побежала, курочку бросила медведю. Медведь ушел. Они легли спать и уснули.

Утром встали, день прожили. Вечером опять легли спать. Слышат — опять стучатся, пошли открывать — опять медведь. Старуха прибежала:

— Старик, опять медведь, говорит — съем вас, если не дадите чего-нибудь.

— Что же мы дадим-то? Иди, старуха, брось ему ягненка.

Старуха побежала, бросила ему ягненка. Медведь ушел. Они опять уснули.

На другой вечер опять пришел этот медведь и опять так же стучится. Старик говорит:

— Что мы дадим-то?

— Дадим теленка.

Бросили теленка. Медведь ушел с теленком. Они легли и уснули.

На следующий вечер опять пришел медведь и опять просит.

— Что мы дадим?

— Да дадим уж коровушку.

Дали корову.

Потом опять пришел на следующий вечер медведь, они дали лошадь. Потом сидят и горюют: «Что мы завтра вечером дадим, когда всю скотину отдали, больше дать завтра нечего, придет — так съест».

Наутро встали, горюют: «Сегодня нам только до вечера жить». Старик и говорит:

— Давай сплетем корзину побольше, повесим к потолку да спрячемся в этой корзине.

Старик раздобыл лучины, сплел очень большую корзину — зыбку и эту корзину подвесил к потолку. Ждут вечера. Потом наступил вечер. Старик и старуха легли спать. Медведь опять пришел и стучит, стучит. Наконец побежала старуха открывать, а дать нечего. Прибежал старик, говорит:

— Что мы теперь будем делать? Залезем в корзину?

— Залезем.

Забрались на скамейку и по стене поднимались-поднимались — добрались, а корзина-то на одного человека, вдвоем никак в корзину не залезть. Ну, старик в корзину забрался и сидит там. А старуха по избе бегает:

— Ой, старишок, меня теперь съест! Ой, старишок, куда я теперь?

— Садись в печь скорей, а то достанет.

Медведь задвижки сломал, уже в сенях идет, а старуха быстрее в печь залезла, заслонкой закрылась и сидит там, в печи.

Медведь пришел, по всему дому искал-искал, нигде не мог найти ни старика, ни старухи. На скамейку поднялся, не мог достать старика. Начал уже уходить, а старуха не могла утерпеть и в печке закашляла. Медведь повернулся да заслонку открыл. И старуху унес, только старик и видел.

Старик остался один и умер.

39. MÄNIBA LAPSED NABOLJUHE DEI PÖRÄSTUIBA

Mäniba lapsed naboližihe dei pörästuiba sina. Prihaine en magaz' korbes. Mälizii. Astuškaz' homencö hebo, prihane voikab. Hebo i basib: «Midak sää, poigāne, voikad?» — «Sida voikan, basib, — īputta kodhe, pörästuiin.'» — «Ištte minē rachale, mä sindā kodhe ven.»

Prihane hebole ištjihe rachale, i hebo prihāžen vedab kodhe. Ajeiba, ajeiba, putui pertine. Pertijespā joks' mamšine, jagi-baba i necen prihāžen hvati selgās

i vei perthe. Ripub häno kätte pertižes i necile prihāželes basib: «Sä likuta mindā i bajuta.» Nece prihāne voikab i bajutab: «Ba-ai bapkoid, ba-ai jagi-bapkoid.» Nece bapkoi uindaškāz', prihāne i basib: «Pästa, babkoi, mindā pähū sugmaha krincāžile.» Päi vō polō. Prihāne män' pähut sugmha. Sugib i voikab krincāžo.

Astub härg. Basib: «Midak sä, poigāne, voikad?» — «Näe, ninga i ninga, pörastuin da hebo toi mindā da jägi-baba satoi perthe da käskob nänkoita i bajutada. Kodihe nügūd minē iputta igas.» — «Davai, prihāne, ištte minē rachale, mä sindā ven kodhe.» Nece prihāne ištjih härgale rachale. Härg ajab. Prosnih jagi-baba, skokni polole, ka prihāst' ile. Vzglāni tele, ka härg prihāzen vedab. Jagi-baba joks', joks', tolko täpnida prihāst' selgās, a härg händan lend' da ku purskādab paskata i kaiken paskāz' neccen jagi-haban. Jagi-haba mālegāz': «Nügūd mi minē tehta, prihāzen veibā i näge en nimida.» Joghe män' pezmāzhe, a sid' aig härg prihāzen vei kodhe.

ПОШЛИ ДЕТИ ЗА ЯГОДАМИ И ЗАБЛУДИЛИСЬ

Пошли ребята за ягодами и заблудились там. Мальчик один ночует в лесу, хнычет. Утром идет лошадь, а мальчик все плачет. Лошадь и говорит:

- Что ты, сынок, плачешь?
- Потому плачу, что не могу домой попасть, заблудился.
- Садись на меня верхом, я отвезу тебя домой.

Мальчик сел верхом на лошадь, и лошадь везет мальчика домой. Ехали-ехали, попадается домик. Из домика выскочила старуха — баба-ята, схватила этого мальчика за шиворот и потащила в дом. Висит у нее лялька в домике, и говорит она этому мальчику:

Ты качай меня и баюкай.

Мальчик плачет и баюкает:

- Баю-баю бабку, баю-баю ягу-бабу!
- Эта старуха начала засыпать. Мальчик и говорит:
- Отпусти меня, старуха, на крылечко головку расчесать.

Еще светло на дворе. Мальчик пошел чесать головку. Чешет и плачет на крылечке.

Идет бык. Говорит:

- Что ты, сынок, плачешь?
- Видишь ли, так и так, заблудился я, лошадка повезла меня, а баба-ята затащила в дом и заставляет плягчить и баюкать. Домой мне теперь никогда не попасть.
- Давай, мальчик, садись на меня верхом, я отвезу тебя домой.

Мальчик садится верхом на быка, бык идет.

Проснулась баба-ята, выскочила на двор, а мальчика нет. Взглянула на дорогу, так бык мальчика везет. Баба-ята бежала-бежала, только бы схватить мальчика за спишу, а бык как поднимет хвост да как брызнет: окатил эту бабу-яту. Баба-ята заревела:

— Что мне теперь делать? Не вижу ничего, и мальчика увезли!

Пошла к реке умываться, а бык тем временем отнес мальчика домой.

40. KUT MUŽIK JÄI EMAGĪHE

Olba ak da mužik. Mužikale nagol' zavist': midak ak kodhe jab dei upravisē, sanub: «Upravitę, midani magedemb ladiid, sōd da jod da paneti da magadad. Ajeižid' künmhä.» Ak i basib: «Mä ajan homencō künmhä, a sā ja, upräde.» Ak nōz', mužikale nevō: «Štisurin hobi, voi häriče, čugud sōta, cipud pāsta da sōta, upräde i murgin minē ladi.» Ak ajē i kündab murgnhäsā, künd' aterjon.

Mužik nōz', päčin zatopī, taigin oli vū sotkta. Taignaspā hänō läks'. Kuni cipūd set', ka sini koršun tul' da sei lavā, i chtind sōtta. Kandates hänō sidotu kukšinaha vele. Jokseleb, dumai'b, häričese vē kandates ku ninga sidot kukšinā. Kandatez kaik valōhe lavale, da čugu hänō lavāpā sei i taigin kukerzū lavale i kaik sijad kesketi.

Mamš tul'. «Ukōne, murgin vāmīž?» — Oi, izo mamšīne, nimida īle vamišt, enam amb en ja emagihe, nimida minē ī tehta, emagōte paremb sā iče.»

КАК МУЖИК ОСТАЛСЯ ЗА ХОЗЯЙКУ

Жили жена да муж. Мужу все время завидно: почему жена остается дома и со всем управляетя. Он говорит:

— Ты управляешься, приготовишь чего-нибудь повкуснее, поешь, попьешь да полежишь. Поехала бы пахать.

Жена и говорит:

— Я поеду утром пахать, а ты оставайся и управься.

Жена встала и наказывает мужу:

— Крупу для щей растолки, взбей масло, накорми поросят, выпусти цыплят да накорми их, справься по хозяйству и приготовь мне завтрак.

Жена уехала и пашет до завтрака.

Муж встал, печку затопил. Нужно было еще тесто замесить. Тесто у него убежало. Пока цыплят кормил, тем временем коршун прилетел и съел их всех, не успел и накормить. Сметана у него подвешена к поясу. Бегает, думает, что сметана сама будет сбиваться, раз подвешена в кувшине к поясу. Сметана вся разлилась по полу, да свинья и съела ее с полу. И тесто опрокинулось на пол и все перемешалось.

Старуха пришла:

— Старичок, завтрак готов?

— Ой, дорогая старушка, ничего не готово, больше я не останусь хозяйствничать, ничего мне не сделать. Лучше ты сама хозяйствничай.

41. MIDA UKOLE UNIŠ NÄGUI

Eliba ak da mužik. Mužik navodi enikōd': ken astuba, pakičese eks, hän nagol' pästli enikōd'. I navodi hän, ken sanub sarnad.

Yhten kerdan tul' sādat, astui sādat kodhe i tuli hejā eks pakičes. Pästi mužik eks i basib:

— Tol'ko sā sanu minē sarnad nagol', paneme magattaha, sā sanu, mā kundlen.

Pan'he mužik sādatamu palatile. Mamš ištuihe kezerdamha. Magaziba, magaziba. Sādat nece nagol' sanub sarnad. Sid' uinžiba. Nečelete ukole nägub uniš, kū sādat teghe händikhaks, a uk teghe kondjaks i joksiba mecha. Joksenziba, joksenziba mecas i putui vastha heile hebo, ukon hebo. Händikaz i basib: «Davai, sōmā necen hebon.» Uk basib: «Miták me sōmā, nece hebo meiden, emā sō.»

Vē joksiba, joksiba. Putui vastha lehm. «Davai sōmā necen lehmän, söda tahtomä.» Uk i basib: «Emā sō lehmad. Nece meiden lehm, ei voi söda.»

Joksiba, joksiba, putui mamš vastha. Händikaz i basibgi: «Necen mamšin nigit sōmā.» A kondi basib: «Nece mamš minun, emā sō necida mamšid.» A nece händikaz i basib: «Nigit joksomā, joksomā, putuba ohotnikad vastha i rikoba. Händikhan rikoba, zavodiba nilkta (a händikas se ol' nece sādat). Donilgeškatas, a sā hippähta nečiš nahkas pälīči ka i tegetoi mest ukoks.»

Uk muga i tegi. (Nece nagol' uniš nägub nečile ukole.) Necen händikhan rikoiba ohotnikad, nilgiba, nilgiba, donilgiškāziba. Uk ku hipähtab pälīči nahkas da palatilpā alhakspā lavale. A mamšile ilo teghe, nagraškáz'. A se basib: «Oi, oi, rikoimō, rikoimō.» A mamš basib: «Minak sā, ukone?» Uk basib: «Mä olin kondi, a sādat — händikaz, joksezima kaik pödod, ladimā söda meiden hebon, hebo meile vastha putui, putui meile vastha lehm, ladimā söda, a mä en andand. A sid putuid sā meile vastha, mugažo ladimā söda da mä basiñ: «Emā sō, nece minun mamš.» Mamš se nagrab, dei basib: «Miš te joksenzitā, tol'ko hrapitā, magazitā palatil, nece sinē uniš nägū.»

ЧТО ПРИСНИЛОСЬ СТАРИКУ

Жили мужик и жена. Муж любил ночлежников: кто проходит мимо, попросится переночевать, он всегда пускал. И очень любил, кто рассказывал сказки. Однажды пришел солдат: шел солдат домой и попросился к ним переночевать. Пустил мужик и говорит:

— Только ты мне рассказывай сказки, ляжем спать — ты рассказываешь, я буду слушать.

Легли мужик с солдатом на полати. Старуха села прядь. Укладывались-укладывались, солдат этот все сказки рассказывает. Потом они уснули. Этому старику снится, будто солдат превратился в волка, а он — в медведя, и побежали они в лес. Бегали-бегали в лесу, и попалась им на встречу лошадь, лошадь старика. Волк и говорит:

— Давай съедим эту лошадь.

Старик перечит:

— Зачем ее есть, это же наша лошадь, не съедим.

Еще бегут, бегут. Встречается корова.

— Давай съедим эту корову, мы есть хотим.

Старик и говорит:

— Мы не будем есть корову, это наша корова, нельзя ее есть.

Бежали, бежали, встречается им старуха. Волк и говорит:

— Давай съедим эту старуху.

А медведь говорит:

— Эта старуха моя, не будем есть старуху.

А волк и говорит:

— Теперь бежим, попадут нам охотники навстречу и убьют. Убьют волка, начнут шкуру сдирать. (А волк-то был этот солдат.) Сдерут шкуру, а ты прыгни через эту шкуру и снова превратишься в старика.

Старик так и сделал. (Это все ему, старику, во сне кажется.) Убили охотники волка, ошкуривают, содрали шкуру, а старик как прыгнет через шкуру... Да вниз с полатей об пол головой. А старухе стало смешно, засмеялась. А тот говорит:

— Ой, убился я, убился.

А старуха говорит:

— Что с тобой, старичик?

Старик говорит:

— Я был медведем, а солдат волком, мы обегали все поля. Хотели съесть нашу лошадь, лошадь нам встретилась. Встретилась нам и корова. Хотели съесть, да я не дал. А тут попалась ты нам навстречу, тоже хотели съесть, да я сказал: «Не будем есть, это моя старуха».

Старуха смеется и говорит:

— Где же вы бегали. Спали на полатях, только храп стоял. Это тебе всё приснилось.

Вологодская область

42. KÜKSTUT KOIR DA KAŽI

Eli endo mellicnik (mellic oli göguu, mellic göguu radoi, kolesoil oli, gäuhob ülähan, alahan survob kagrad kürsiks). Nece mellicnik pidi koiran kaiken, miše mellican karauliž da nutaiž. A sid vuu elotihe deruunas uk da staruh gö vanhad ka kaži gö vanhtui. A necuu mellicnikau koir vanhtunu, ii nutaškanu, vorjd pästliškanz' mellicaha. Kažin küks' nece emag, staruh da uk kükstihe. Tuli kaži püudho, ištuihez mägudolo, voikab, mäugab: «Kuni mina godimoi, mina hirid taboitelin, hiiden veššad sohranäin, ka hö mindain baregoitihe. Tegimoi vanh, en kulo, emboi hirid tabata, mindain kükstihe. Miniin om abid.» A kacauz' — koir astub. «A kuna miniin koiraspäi uitta? A kuna mina uiduškan, mina gökstaki emboi, sörorno koir tabadab.» A koir ii uraida, ii nuta. No, hän küzub: «Kuna, koiraine, läksid?» — «Ka kuna mina läksin, voikume koir pagižeb, — kuni mina olin mellicau, ižand radoi minun, nu ka mina godimoi, karaulin mellican, vorjd mina en pästnu, nutin, taboitelin, a nügut en godiškannukso, mindain kükstihe kodiupäi.» A kaži hänlo vastha pagižeb: «Nu, siloi astkam ühtes, minaki kuni hired taboitelin da godimoi, ka pidetihe, minaki olon kükstut.»

Asttihe, asttihe mecha. Putui hiile reboi vastha: «Kuna, kaži da koir, läksitt?» A koir pagižeb: «Sina, reboi, ala pahoin kažile pagiže, nece om kaikide zveride päu car', kaikid proveriškab mecas, ked kus elotas: händikahad, kus elotas reboid, kus elotas gänišad. Sina, reboi, bude void, ka sanu miile, ken kus elab.» Nece reboi hiile sanui dei pagižepki: «Otkat mindainki kerdalo, kuna tö, sinna i mina astuškan.»

Asttas, putui hiile gänišaine. Nu, gänišaine uitta ladi. Reboi pagižeb: «Ala uidu, nece om mecahiine car'. Hö asttas mecas provermaha, äjak om miid mecas životnijid, kaikid proverdas.»

No, nenod asttihe, asttihe, väzdihe roukad, söda tahtoidas, göda tahtoidas.

Tuli nituine, a nitužuu se göksob ojaine. A mägut mugoine hüvä kosogoraine, puhtastadut oksad oma kuivad ningimad. A kuiviš oksiš ne om hir'. A koiraine se pagižepki: «Davai, sanub, — kot-ivanovič, ištkamoš nakhu da

lebaidüugamoiš, a možet tännä ödum.» Dai ödudiheki sihe. Hiihe vüu kondi oli ühtenu. Kondigi sihe ödui, ištub hiidme. A kondi se libui pedajihe, a kaži se vardiičeb hiruden necen lomunnu. Koiräine lämihuden tegi da kiitab katläižes ičelozo čajuden. A kažiine söda tahtoib ka lomunnu se ištub. A kondi se pedajihe libui da kacub: «Mida neno radaškatas? Göse mijau ningine car' mecas, mižo pahoin pen? Mijak ii mindain oliž panda carikš, mina kaikid suremb.» Nu, a kaži hiren vardiič, vardiič, hir' se ku kubahtab, kaži se ku šarahtab sinna oksjhe se keskhe kuivihe, hiren se tabadab. A kondi se toropihe. Kaži se kondgalo gälghe ladvha, pedailadvha. Kondi se bungahtab langeta da langeski sihe. Dai kondi uidi. Enamb ii ozutado. A händikaz om vüu hiidennu. Koir pagižepki: «Söda tahtoim, mida mö söškam? A mänoko, händikaz, käu miiden üuknanallo. Naku ningomau sijau elab minun ižand, hänou om sur' pahoin barak, to miniin barak.» Händikaz mäni, zagardospäi hiiden barakon tabaz', necile ojeiželo toi. Ištuihezoš kaik, a kaži se sanubgi: «Mina söškan lihääzen, a sina, händikaz, ime kaik čak da sö kiškad, rebita davai.» Händikaz rebit' barakon, vacas kiškad päst', süi, čakan imi. Händikaz küläine. I küzupki händikaz: «Nügude voib mända, kot-kotofejič, ningine car?» — «Voib, mäno.» No, händikaz läks' ičezo, tropime. A nece koir da kaži necon barakon kuni södihe, hätken elotihe ojaižuu.

ПРОГНАННЫЕ СОБАКА И КОТ

Жил как-то мельник. Мельница у него была на реке, работала на колесах, вверху муку молола, а внизу толкла овес на блины. Этот мельник держал собаку, чтобы лаяла, мельницу караулила. А тут же в деревне жили старик со старухой, старенькие. Да и кот ихний состарился. У мельника собака стала старая, перестала лаять и стала воров на мельницу пропускать.

Старик со старухой прогнали кота. Он пришел в поле, сел на бугорок, плачет, мяукает:

— Куда я теперь гожусь? Пока мышей ловил, их добро охранял, они меня берегли. Стал стар, перестал слышать, не могу мышей ловить — меня и выгнали. Обидно мне.

Видит, идет собака.

— А куда мне убежать от собаки? Куда я побегу, я и бежать-то не могу, все равно собака поймет.

А собака не рычит, не лает. Ну, он и спрашивает:

— Куда, собачка, пошла?

— Да куда я пошла, — со слезами говорит собака, — пока я была на мельнице, где хозяин мой работает, ну так я годилась, караулила мельницу, воров не пропускала, лаяла, воров ловила, а теперь я не гожусь, и меня прогнали из дома.

А кот ей говорит:

— Ну, тогда пойдем вместе, я тоже — пока мышей ловил, так меня держали, годился, а теперь меня прогнали.

Шли, шли они по лесу. Навстречу им лиса:

— Куда, кот и собака, пошли?

А собака говорит:

— Ты, лиса, не очень-то с котом разговаривай: это ведь царь над всеми зверьми, всех в лесу будет проверять, кто где живет: волки где, где дисицы живут, где зайцы живут. Ты, лиса, расскажи нам, если можешь, кто где живёт.

Лиса все им рассказала, а затем говорит:

— Возьмите и меня с собой, куда вы — туда и я пойду.

Идут они, навстречу зайчонок. Зайчонок хотел ускакать. Лиса говорит:

— Не убегай, это лесной царь. Они идут в лес проверять, сколько нас в лесу зверей, всех проверят.

Шли они, шли, устали, бедные, есть захотели, пить захотели. Увидели поженку, а по поженке ручеек бежит. И тут бугорок, косогор хороший, а на нем сухие ветки. А в этих сухих ветках — мышь. Собака-то говорит:

— Давай, Кот Иванович, сядем тут да отдохнем, и может, тут и заночуем.

Да и заночевали тут. А к ним присоединился еще медведь. И медведь решил запечевать с ними. Медведь поднялся на сосну, а кот караулит мышонка возле этих веток. Собака развела костер и кипятит себе чай в котелке. А кот есть хочет, поэтому сидит возле веток. А медведь влез на сосну и следит, что они будут делать. «Неужели у нас в лесу такой царь? Почему он такой маленький? Почему бы не меня поставить царем, я ведь самый большой!» Ну, а кот подкарауливал, подкарауливал мышку, только та шевельнулась, кот как бросится к сухим веткам — и поймал мышку. Испугался медведь. А кот прыг — и на вершину сосны. Медведь как бухнется оттуда и бежать. Больше не показывается.

А волк еще возле них. Собака и говорит:

— Мы есть хотим, что мы будем есть? А поди-ка ты, волк, сходи-ка на наш двор. Вот в таком-то месте живет мой хозяин, у него есть большой баран, принеси его!

Волк отправился, поймал в огороде барана, принес к этому ручейку. Сели все, а кот и говорит:

— Я буду мясо грызть, а ты, волк, высоси всю кровь да съешь киш-ки, давай рви!

Волк разодрал барана, кишки съел, кровь высосал. Волк съел. И спрашивает волка:

— Теперь можно уйти, наш царь Кот Котофьевич?

— Можно, уходи!

Ну, волк и ушел по своим тропам. А собака и компа, пока доедали этого барана, долго еще жили возле ручья.

43. SEMETIHE UKOINE DA AKAINÉ NAGRHEN KÜLBETIN PÄLO

Elotihe ukoine da akaine. Mecha üi viinugoi käuda. Akaine pagižepki: «Detko, täuvoduu kuna nagrhen se semendaškam? Palod mõ tehta emboigi, emboi kasked čapta. A semekam, davai, külbetin pälö.» Ukoine soglašihe. Nu i semetihe külbetin pälö nagrišt. Nagrhudes gö taimhudod lähtihe. Staruhaine pagižeb: «Ukoine, täiño kacu, nagrhuded ne gö min surčbed owa.» — «Da min sina, staruh, kuspäi hö nagrhuded, tolko viu lähtihe, tolko zavodnuksd kazda.» Nu, mõst väheizen staruhaine eli. A staruh nagrišt' tahtoib, ka ičeo

pagižeb: «Ukoine, tedan, oma gö nagrhuded.» Ukoine pagižeb: «Min sina, staruh, vuu oma taimnudod, iile vuu nagrhuzid.» Möst gö staruh ičezo pagižeb, tolko ukou nagrhuzid pakičob. Ukoine möst sanub, miše eile vuu nagrhuzid, oma vuu taimnudod.

Ukoine läks' mecha. Staruhaine külbetin pälo ägehuded pani, ägehutme libui, taimnuzid nütki, laskeškanzihe, ägehut šturaht', staruhaine langen', vacan rebit', kiskad valihezoi, nu i staruhaine külbetinnoks kol'. Ukoine tuli mecapäi. Eile staruhašt'. Mäni külbetinnoks se — staruhaine kounu. Mida tehta ukoiželo? «Ajada vallästada heboine, ajada voikkid ecmähä. Voikta ii kelle, üksnäin mina.» Zälliličob staruhan. Läks' mecha ajamaha, regen vallast'. Putui vastha oravaine. «Kuna, dätkim, läksid?» — «Läksin voikkid ecmähä.» — «Ota mindain.» — «Mahtadjk voikta?» — «Mahtan: čok-čok-čok.» — «Ištte kablhalo.»

Ajei väheižen. Tuli gänišaine vastha. «Kuna, dätkim, läksid?» — «Voikkid ecmähä.» — «Ota mindain.» — «Mahtad ed voikta?» — «Mahtan: tol-lo-lo.» — «Mä, ištte regelo.»

Ajab möst gö ukoine. Putui vastha reboi. «Kuna, dätkim, läksid?» — «Voikkid ecmähä.» — «Ota mindain.» — Mahtad ed voikta? — «Oo-oo-oo!». — «Mahtad, ištte kablhalo.»

Väheižen ajetihe. Putui kondi vastha. «Kuna, dätkim, läksid?» — «Voikkid ecmähä.» — «Ota mindain.» — «Mahtad ed voikta?» — «Mmmä-mmä-mmä!» — «Mä ištte regelo.» Kondi ištuihez regelo. Hebo nikuna sadas ii vii: väznu. A sablik ningimam vedaman vedada? Heboine siižutihez, ukoine löškanz', kubaižitaškanz. Heboine kubeganz, ka ii vii kubahtoittha. Aižas katkez'. «Nu, lapsod, mängät nügude aižas togat.» Mäni oravaine, väheižen hamhaižil toi vicaižen. «Dätkim, nece godiše vei ii?» — «Nece sineiž perskele godiše, a ii aišhaks hebole got'te.» Mäni gänišaine, toi möst vicaižen surembahkon. «Nece, dätkim, godiše vei ii?» — «Nece sineiž perskele godiše, a ii hebole aišhaks.» No, mäni reboi. Reboi toi koiviužen pod-hodäčjan, no penehkoine. «Nece, dätkim, godiše vei ii?» — «Nece ii got'te, sineiž perskele godiše.» — «Mäno, händikaz, to aižaz.» Händikaz mäni, koivun suron gürime känd', toi. «Nece, dätkim, godiše vei ii?» — «Nece siniiž perskelo, aiškalo ii got'te.» — «Mäno, kondi, to sina aižaz.» Kondi mäni, pedajan suren gürime känd', toi. «Nece, dätkim, godiše?» — «Da nece sineiž perskelo godiše, a ii hebole aišhaks.» — «Nu, ištka, mina iče käun.» Ot' kirfhuđen, mäni nece ukoine ecmähä koifhast'. Kuni koifháižen eci aišháižeks, sini neno händikaz da kondi heboižuu vacaižen poritihe, čakaižen kaiken gödihe, kiškaižed södihe, samalt tunktihe vacha, vacan ombüutihe. A heboižed kaik neno mecan živataižed regiūupäi uittihe toropihezoiž da. Oravaine uidüi, gänišaine uidüi. Reboi hitri om da seki piutihe, uidüi. Ukoine tuli, heboižuu aišhaižen ladi, valläst' heboižen, heboine ii kubahta. Kacouz', ka heboižuu vacaine poritut. No, mida tehta, heboine södut. Ukoine regelo länguded pani, da voikume kodih tuli da ištuihe ičeze pertiižehe, hebošt' iile, staruhašt' iile. «Kut mina nügude eläškan?» Voikmaha i gäiki. Kaik.

ПОСЕЯЛИ СТАРИЧОК И СТАРУШКА РЕПУ НА КРЫШЕ БАНИ

Жили-были старичик и старушка. В лес они ходить не могли. Старушка и говорит:

— Дед, где мы будем в этом году репу сеять? Пожогу делать мы не сможем, не сможем и подсеку рубить. А давай посеем на крыше бани.

Старичок согласился. Ну, и посеяли они репу на крыше бани. Вот уже и ростки появились. Старушка говорит:

— Старичок, поди посмотри, какой величины репки?

— Да что ты, старуха, какие там репки, только что появились, только расти начали.

Ну, опять немного прожили. А старуха репы хочет и свое твердит:

— Старичок, наверно, репки уже появились?

Старичок говорит:

— Что ты, старуха, только ростки вышли, репок еще нет.

А старуха все свое долдонит, все просит у старика репок. Старичок опять говорит, что нет еще репок, только ростки проклюнулись.

Пошел старичок в лес. Старушка поставила к бане борону и по бороне поднялась на крышу, нарвала ростков, стала спускаться, борона грохнулась, старушка упала, живот разорвала: кишки вывалились, ну, и старушка возле бани умерла.

Пришел старичок из леса. Нет старушки. Пошел к бане, а старушка мертвая. Что старику делать? «Запрягу я лошадь, да поеду причитальщиц искать. Оплакивать некому, один ведь я». Жалеет он старушку. Запряг он лошадь, поехал в лес. Навстречу ему белка.

— Куда, дядя, поехал?

— Поехал плакальщиц искать.

— Возьми меня.

— Оплакивать умеешь?

— Умею: чок-чок-чок!

— Садись в копылок.

Проехал он немного — навстречу зайчик.

— Куда, дядя, поехал?

— Плакальщиц искать.

— Возьми меня.

— Оплакивать умеешь?

— Умею: тол-ло-ло!

— Ну, садись в сани.

Опять едет стариик. Навстречу ему лиса.

— Куда, дядя, поехал?

— Плакальщиц искать.

— Возьми меня.

— Оплакивать умеешь?

— Оо-oo-oo!

— Умеешь, садись в копылок.

Проехали они немного. Навстречу им медведь.

— Куда, дядя, поехал?

— Плакальщиц искать.

— Возьми меня.

— Оплакивать умеешь?

— Ммя-ммя-ммя!

— Иди, садись в сани.

Медведь сел в сани. Лошадь не может сдвинуться с места, стала. Разве вывезешь такой воз! Лошадь остановилась, стариик начал ее бить, чтобы стронуть с места. Лошадка задвигалась, да не может воз сдвинуть. Сломалась оглобля.

— Ну, ребята, теперь идите принесите оглоблю.

Пошла белочка, в зубах принесла вичку.

— Дядя, эта годится или нет?

— В задницу тебе годится, а не на оглоблю.

Пошел зайчонок, принес вичку немного побольше.

— Дядя, эта годится или нет?

— В задницу тебе годится, а не на оглоблю.

Пошла лиса. Лиса принесла порядочную вицу, но все же маловата.

— Дядя, эта годится или нет?

— Эта не годится, тебе в задницу годится. Иди, волк, принеси оглоблю.

Волк пошел, выворотил большую березу с корнями, принес.

— Дядя, эта годится?

— Да эта в задницу тебе годится, а не на оглоблю. Иди, медведь, принеси оглоблю.

Медведь пошел, принес большую сосну с корнями.

— Дядя, эта годится?

— Да эта тебе в задницу годится, а не на оглоблю. Ну, сидите, я сам пойду.

Взял топор и пошел искать березу. Пока березу для оглобли искал, тем временем волк и медведь распороли лошади брюхо, кровь всю выпили, кишки съели, напихали в нутро мха, зашили. А все мелкие зверушки испугались и убежали с воза. Белка убежала, зайчик убежал. Лиса хитрая и та убежала, спряталась. Пришел старик, починил оглоблю, запряг лошадку, а лошадка ни с места. Взглянул, а у лошадки живот вспорот. Ну, что делать, лошадка съедена. Старичок положил хомут в сани да со слезами прибрел домой, сел в своем домике: лошадки нет, старушки нет. «Как я теперь буду жить?» Так и остался плакать. Все.

44. ELI MECAS GÄGI-BABA

Eli endo mecas gägi-baba, derüunaspäi eli hän läz. Ühten kerdan dööckäižed lapsed mändihe bolha da segoidihe. Asttihe, asttihe mecame, nägištadihe gägi-baban pertin. Pertiiine pörub. Dööckäižed pagištas:

— Pertiiine, pertiine, siižutado mechapäi üuknaižed, miihepäi veraihut.

Pertiiine siižutihe, dööckäižed pert'he mändihe. Magadab gägi-baba gümaukodas pä, kožuhanpäü güugad i pagižeb gägi-baba:

— Fu, fu, ruskoi duh vidom ne vidat', sljhom ne sljhat', kuspäi russkii duh gävihe?

Gägi-baba kätton ladi. Potom ištut' dööckäižed sömhä. Liiban sijas pani heboin sitkakuid, maidon sijas pani čakad. Lapsod butto čto sôdas, iče hö stolan allo tačuudas. Potom lähtihe sömäspäi, gägi-baba panihe kättoho:

— Dööckäižed, nügüt' mindain likutagat.

Dööckäižed likutadas, bajutadas:

— Baju, baju babaştain, baju gägi-babaştain.

Sanupki dööckäine:

— Baboi, minain kuzi lähtob.

— Mäno käu, kusto da miše tulo.

Дొంకాిне мәні irdaiželo i hūukutab hebožen:

— Vouged heboine, tuljo vouktaſt' liibäſt' andan.

Heboine tuli, dōočkāine liibäſt' andoi, iſtuhe ratcalo, ajii kodihe. Bajutab toine dōočkāine:

— Baju, baju babaſtain, haju gägi-babaſtain, baboi, minain' kuzi lähtob.
Mäno kusto da miše tulo.

Dōočkāine mәnі i hūukutab hebožen:

— Rusked heboine, tulo russstad liibäſt' andan.

Heboine tuli, liibäſt' andoi, iſtuhe dōočkāine ratcalo i ajii.

Likutab kummanz dōočkāine:

— Baju, baju babaſtain, baju, baju gägi-babaſtain, baboi, minain' kuzi lähtob.

— Mäno kusto da miše tulo.

Dōočkāine mәnі, hūukutab mustan hebožen:

— Mustaine heboine, tulo mina mustad liibäſt' andan.

Heboine tuli, dōočkāine iſtuhe ratcalo, ajii kodihe. Gägi-baba fatihe, nikeda hänönnuu ille, libui kättospää, läks' gälghe göksmaha. Göks', göks', dōočkäižen sabut', tegihe gö tabata. hebo potkad tresni gägi-babalo, čak nenaspañ göksoškanz. Gägi-haba voikud, mәnі pezi, möst gälghe göksob. Göks', göks' ojähä-pačakohõ gräni, da möstona gälghe göksob. Göks', göks' möst, gäi tolko tabata, möst ku hebo potkad tresni prämo kärzha. Gägi-baba voikume perdihe kodihe.

ЖИЛЯ В ЛЕСУ БАБА-ЯГА

Жила как-то в лесу баба-яга, жила она близко от деревни. Однажды пошли девочки за ягодами и заблудились. Шли они, шли по лесу, увидели избу бабы-яги. Избушка вертится. Девочки говорят:

— Избушка-избушка, повернись окнами к лесу, к нам дверью.

Избушка остановилась. Девочки вошли в избу. Спит баба-яга, голова в кюте, ноги на кожухе. Говорит баба-яга:

— Фу-фу, русский дух видом не видно, слыхом не слыхано. Откуда русский дух явился?

Баба-яга наладила колыбель. Потом усадила девочку поесть. Вместо хлеба положила лошадинный помет, вместо молока — кровь. Дети как будто едят, а сами под стол бросают. Потом вышли из-за стола [букв.: с еды]. Баба-яга улеглась в колыбель:

— Девочки, теперь качайте меня.

Девочки качают, баюкают:

— Баю-баю бабушку, баю бабушку-ягу.

Девочка говорит:

— Бабушка, я хочу пописать [букв.: моча выходит].

— Иди помочись, да чтоб обратно пришла.

Девочка вышла на двор и подзыывает лошадку:

— Белая лошадка, или, я дам белого хлеба.

Лошадка присла, девочка хлебца дала, села верхом, поехала домой.

Баюкает вторая девочка.

— Баю-баю бабушку, баю-баю бабушку-ягу... Бабушка, я хочу пописать.

— Иди, помочись, да чтоб обратно пришла.
Девочка пошла и подзывает лошадку:
— Красная лошадка, иди, дам красного хлебца.
Лошадка пришла, она хлебца дала, села девочка верхом и поехала домой.
Баюкает третья девочка:
— Баю-баю бабушку, баю-баю бабушку-ягу... Бабушка, я хочу по-
писать.
— Иди, помочись, да чтоб пришла обратно.
Девочка ушла, подзывает черную лошадку:
— Черная лошадка, иди, дам я черного хлебца.
Лошадка пришла. Девочка села верхом и домой поехала.
Спохватилась баба-яга — никого нет около нее. Встала из колыбели, по-
бежала следом. Бежала-бежала, догнала, чуть не поймала девочку. Лошадь
как лягнет бабу-ягу — кровь из носу. Баба-яга заплакала, ушла, умыла лицо,
опять следом бежит. Бежала она, бежала, осталось только поймать, лошадь
опять как треснет, лягнула прямо в рожу. Баба-яга с плачем вернулась домой.

45. GÄGI-BABA I LAPSED

Elotihe ak da mužik. Oli hijau dööčkäine da prihäine. Ak da mužik kuudi-
he, prihäine da dööčkäine gädihe.

Elotihe, elotihe, söda ii mida tehnukso. Lüutihe kerdan hernhudon,
kataidihe, kataidihe da karznähä sortihe. Vot hernhet kazvaškanz'. Kazvoi
lavahasai, lavas riigun čapetihe, kazvoi, kazvoi, lagehesai kazvoi. Lages ku
riigun čapetihe, kazvoi katusohosai. Katusos riigižen lüuz' i kazvab tagembal.

Kerdan prihäine läks' libumaha necidame hernhudme. Libui, libui,
kacauz', ka pertiine pörub. Prihäine pagižeb:

— Pertiene, pertiene, siižutado minuhuinpäi veraihut, mechapäi
üknaižed.

Pertiine siižutihe. Prihäine mäni. Stolau oli maidod, kašad. Kašad süi,
maidod güi. A gägi-baba karznäs gäuhab.

Potom neco prihäine vmosto maidod kuzihe, a vmosto kašad situuhe.
Potom läks', pertišpäi laskihe i mäni kodihe.

Toizuu päivau mändihe dööčkästme, kahton mändihe, ka möstna gägi-
baba karznäs gäuhab. Stolau oli kašad da maidod. Kašan da maidon södihe,
möstna vzamen kašad situhezo, vzamen maidod kuzihezo. Lähtaškatihe, a
gägi-baba se karznäspäi libub. Gägi-baba libui, prihäižen da dööčkäižen
tabaz', päčin lämhä pani i pagižeb:

- Nügüt' mina tiid' žarin da sön.
- Päč lämbin', gägi-baba labidon ot' i pagižeb:
- Dööčkäine, ištte labidolo.
- Dööčkäine pagižeb:
 - Baboi, mina en mahta ištakso.
 - Nu ed mahta, ka ištte sina prihäine.
 - Baboi, mina ku en mahta.
 - Ed mahta, ka tari ozutada.
- Istuhe labidolo i pagižeb:
 - Naku ninga.

A prihaine i dñočkaine ottihe da gägi-baban päche lükäitihe, päčilaudau saubatihe i uitihе. Mändihe kodihe da elüškathe hüvasti. A gägi-baba i seičas päche ištub. Kaik.

БАБА-ЯГА И ДЕТИ

Жили муж и жена. Были у них девочка и мальчик. Муж и жена умерли, мальчик и девочка остались одни.

Жили они, жили, кончилась у них еда. Однажды нашли они городицу. Катали, катали ее и уронили в подполье. Горошина проросла, выросла до пола, они в полу дыру прорубили. Рос, рос росток и вырос до потолка. Они в потолке дыру прорубили. Вырос он до крыши и там напел дырочку и растет дальше, вверх.

Однажды мальчик полез вверх по этому стеблю. Поднимается, поднимается и видит: избушка, вертится. Мальчик говорит:

— Избушка, избушка, остановись ко мне дверью, к лесу окнами.

Избушка остановилась. Мальчик вошел в нее. На столе стоят молоко и каша. Он съел кашу, выпил молоко. А баба-яга в подполье муку мелет.

Потом этот мальчик вместо молока написал, а вместо каши накакал.

После этого он спустился и пошел домой.

На другой день пошли они вдвоем с девочкой. Опять в подполье баба-яга муку мелет. На столе стоят каша и молоко. Кашу и молоко они съели, опять вместо каши накакали, вместо молока написали. Стали они уходить, а баба-яга вылезает из подполья. Вылезла баба-яга и схватила мальчика и девочку. Печь затопила и говорит:

— Теперь я вас поджарю и съем!

Печь растопилась, баба-яга взяла лопату и говорит:

— Девочка, садись на лопату!

Девочка отвечает:

— Бабушка, я не знаю, как сесть.

— Ну, не умеешь, так садись ты, мальчик.

— Бабушка, я не умею.

— Не умеешь, так придется показать.

Села она на лопату и говорит:

— Вот так!

А мальчик и девочка взяли да и сунули бабу-ягу в печь, закрыли заслонкой и убежали. Попали они домой и зажили там хорошо. А баба-яга и сейчас в печке сидит. Все.

46. SAVESINE VAN'KA

Eloihе ukoine da akaine. Tegihezoi vanhad. Staruhaine pagižeb, ištub da kezordab, kožližou loučas ištub. Ukoine länguded kohtendab. «Uk, kut žo mö nügude eläškam se? Iče mö se vanhuim, sötkid ne mijou ille, poigad ille, ille tütar, mida mö söškam?» «Dayai, staruh, kaigam saved, tehkam savesine Van'ka.» Saved kuiviba, pekstihe, Van'kan tehtihe savespäi, pandihe päche kuimaha. Van'ka sigau hotkas kuiv dai pagižeb: «Tatoi, mamoi, avaikat, mina gö

kuivin.» Tatoi, mamoi aveitihe. Van'ka läks' päčispäi. «Ankat söda!» A söda oli vähäine, Van'kale anttihe, enamba söda iimida. «Van'kaine, enamba söda mijou iile.» — «Iile, ka mina tiid sön.» Kožliižen süi, staruhan süi, länguded ukožuu süi, ukožen süi. Läks' deruunäha astmaha: viü söda tahtoib. Tuldhe dööckäd vastha, asttas logolo haravoidme. «Dööckäd, mina tiid sön. Mamtain süin, tattain süin, nügut tiitki sön.» — «Ka ala sō.» Hän kaikid nenid' dööckid süi.

Vähäižen asttihe. Tuldhe prihäd vastha. «Kuna, prihäd, läksit?» — «Radolo.» — «Mina tiid sön. Tattain süin, mamtain süin, dööckid süin, tiitki sön.» Oi sina bröngvac, prihid süi.

Asttihe möstonä. Tuldhe akad vastha, lituukoidme. «Akad, mina tiid sön. Tattain süin, mamtain süin, dööckid süin, prihid süin, tiitki sön.» Oi sina bröngvac, kaikid süi.

Asttas möst mužikad gälghe akoile lituukoime. «Mužikad, kuna läksit?» — «Niitmaha.» — «Siiškat väheine, mina tiid sön.» — «Ka mihe sina miid söd?» — «Mina söda tahtoin. Tattain süin, mamtain süin, akoid süin, dööckid süin, prihid süin, tiitki sön.» Oi sina bröngvac! Kaikid mužikoid süi.

Astub koza. Savine Van'ka astub vastha: «Koza, mina sindai sön.» — «Nu, söd ka sō.» — «Mina kaikid süin.» Sanui möst keda süi. «Nu, sina seižu mägen au, a mina prämo... Sina aveida su, sineiž suhu gökson.» — koza pagižeb. Van'ka sun avaiž, käded levit', seižub. Koza göks', göks', da ku vacha paigäiž karahtoit sarvil. Nece savesine Van'ka kaik muren', savikogoks mänik. A koza gäi. Enambad gälghe sida saves Van'koid ii tehkoi, siičas tolko pääcid, pääčinpohgäid. Kaik.

ГЛИНЯНЫЙ ВАНЬКА

Жили старик со старухой. Состарились они. Старуха с прялкой сидит на лавке, прядет. Мужик чинит хомут. Старуха и говорит:

— Старик, как мы теперь жить-то будем? Сами мы состарились, кормильцев у нас нет: сына нет, дочери нет, что мы есть-то будем?

— Давай, старуха, накопаем глины, сделаем глиняного Ваньку.

Накопали глины, размяли ее, Ваньку из глины сделали, поставили сущиться в печку. Ванька там быстро высох и говорит:

— Отец, мать, откройте, я уже высох.

Отец и мать открыли, Ванька вылез из печки:

— Дайте поест!

А еды было мало, дали Ваньке, съел, больше есть нечего.

— Ванюша, у нас больше ничего нет.

— А нет, так я вас съем.

Прялку съел, старуху съел, хомут съел и старика съел. Пошел по деревне: еще есть хочет. Идут девочки навстречу, идут они на пожню с граблями.

— Девочки, я вас съем. Я мать съел, отца съел и вас съем.

— Не ешь нас!

Но он съел всех девочек.

Прошел немножко. Идут навстречу парни.

— Куда, парни, пошли?

— На работу.

— Я вас съем. Я отца съел, мать съел, девочек съел и вас съем.

— Ой, ты, толстобрюхий!

Съел и парней.

Опять идет. Идут навстречу женщины с косами-литовками.

— Женщины, я вас съем. Отца я съел, мать съел, девочек съел, парней съел и вас съем.

— Ой, ты, толстобрюхий!

Съел всех.

За женщинами идут мужики с косами.

— Мужики, куда пошли?

— Косить.

— Постойте немного, я вас съем.

— Да почему ты нас съешь?

— Я есть хочу. Я отца съел, мать съел, девочек съел, парней съел, женщин съел и вас съем.

— Ой, ты, толстобрюхий!

Всех мужиков съел.

Идет коза. Глиняный Ванька идет ей навстречу.

— Коза, я тебя съем.

— Ну, съешь, так ешь.

— Я всех съел!

И рассказал, кого он съел.

— Ну, ты стой под горой и открой рот: я прямо в рот к тебе забегу, — коза говорит.

Ванька рот открыл, руки растопырил, стоит. Коза бежала, бежала, да как треснет рогами в живот. Глиняный Ванька разбился, превратился в кучу глины. А коза осталась. После этого из глины ванек больше не делают, теперь только печки делают из глины. Все.

47. SARNAINE OLÖNUŠKAN NÄHT

Elotihe uk da ak. Akaine se kol', dööčkäine gäi. A mužikalo tariž naida. A side oli deruunas se ičeze dööčkästme vüuki leskiak. Nece mužik nai hänou. Olönüška oli mužikan tütar, a hänou Mašenka [akan tütar]. A läks' nece mužikäine Šalha podvodaha, kaiken ajelihezoš podvodaha, ninga elotihe ka. A nece mačoha sädod dööčkäižen rušit', ühten räcnäižen gät' pälö, tufläižed gäugha pani. Hänt püudho vei, kegon pähä ištut' (rugišt' oli kezou rahndud). Nu, ištut' kegon pähä. Pakaine se pačkäidab. «Dööčkäine, läm vai vilu?» — «A läm, läm, da ii keza, hüvää, hüvää, da ii rodni mam.» A pakaine andoi hänlo valencaižed gäugha dööčkäželo.

Toižuu homesuu möst gö pačkäidab pakaine pahoin. «Dööčkäine, läm vai vilu?» — «A läm, läm, läm, da ii keza, hüvää, hüvää, da ii rodni mam, a mačoha.» Hän andoi pöužen hänlo pakaine.

Möst kuumandou homesuu vüu vilumb, a dööčkäine ii külmänd, kegon päs, da hüinou ka, pöiš ka... Möst gö pakaine paigäiž: «Dööčkäine, läm vai vilu?» — «Läm, läm, läm, da ii keza, hüvää, hüvää, da ii rodni mam, a mačoha.» A pakaine sidoi hänlo lämän paikan pähä. Nu i dööčkäine nece hüinou katauzihe vähääžuu da ištupki. A nece mačoha tuli ecmähä, kacta, külmehtui gö, ka tähasai kegonpäspäi katihbez maha. Tuli, kacauz', nikus iiile langenut. «Nu, langen', da kenni hänt sei.» Kegon päs ii nägu, hüinan au ištub ka. Ot' da läkski tagaze.

A süü aigau tat se tuli kodihe podvodame. «Kus olid?» — «A olin naku kegon kacuin.» — «A kus dööčkaine?» — «A en teda kuna i uidnu om.» Uk: «Nuko hänon gälgideme mända minei ajada.» Mäni da aji, ka dööčkaine ištub kegon päs, valencaijed udod, pöu uz', paikaine puhovi päs. Mužikaine nece ičeze tütruden ot', korgäu toi kodihe. Tuli kodihe, necon akan hondon neche kegon pähä vei, rušit' da sidoi hänon hüväs'ti, da ak külmehtuiki sihe kegolo pälo.

СКАЗКА ОБ АЛЕНУШКЕ

Жили старик со старухой. Старушка умерла, осталась девочка. А мужику надо жениться. А тут же в деревне жила вдова с дочерью. Мужик и женился на ней. Дочь мужика звали Аленушкой, а дочь вдовы — Машенькой. Поехал мужик в извоз в Шалу, он все ездил на заработки, тем они и жили. А мачеха затеяла девочку извести, разделя ее, одну сорочку оставила и туфельки. Отвезла девочку в поле, усадила на стог (рожь была сжата).

Ну, усадила на стог. Мороз-то трещит:

— Девочка, тепло или холодно?

— А тепло-тепло, да не лето, хороша-хороша, да не родная мать.

Мороз дал девочке валеночки.

На следующее утро опять Мороз сильно трещит:

— Девочка, тепло или холодно?

— А тепло-тепло, да не лето, хороша-хороша, да не родная мать, а мачеха.

Мороз дал ей шубку.

На третье утро еще холоднее, а девочка не мерзнет: сидит на стогу в сене да шуба на ней. Опять Мороз треснул:

— Девочка, тепло или холодно?

— Тепло-тепло, да не лето, хороша-хороша, да не родная мать, а мачеха.

И Мороз одел ей тёплый платок на голову. Ну, девочка прикрылась немного сеном и сидит.

А мачеха пришла искать, посмотреть, как та, верно, уже замерзла и скатилась со стога. Пришла. Посмотрела — нигде нет. «Ну, упала она, да кто-нибудь ее съел». На стогу ее и не видно: под сеном сидит. И ушла мачеха обратно.

А тем временем отец приехал домой с подводой.

— Где была?

— А ходила посмотреть стог.

— А где девочка?

— А не знаю, куда она ушла.

Старик:

— А пойти-ка мне по ее следам.

Поехал, а там девочка сидит на стогу — валеночки новые, шуба новая, платок пуховый на голове. Мужик взял свою дочь, в санях привез домой. Приехал домой, потом отвез эту плохую жену, раздел и усадил на стог, привязал крепко. Так старуха на стогу и замерзла.

48. DÖOČKÄINE I HIRUT

Elotihe endo ukoine da akaine. Oli hijau dööčkaine Mašenka. Akaine kol', ukoine gäi. Nece Mašenka kaiken käub guläimaha gägi-babaha. Püudos eli

gägi-baba üksnäzo tüürtme. Nece gügi-baba turičeo ukoižen taga mehelo:

— Ota mindain mehelo, mina beregoičeškan sinun tütrudon, maidum pezetaškan, maiduu sõtaškan, maiduu götaškan.

Nece dööckäine, gluupi laps' ka voib otta.

— Otkam, tatko, nece gügi-baba mehelo mamaks.

Ottihе. Elotihе hо vähäližen aigad. Gägi-baba dööckäst' ii navedi ukon tüürt.

Ajii ukoine podvodaha. Oli pert' pust sigau püudos edahan. Dööckäližen sädat', pani šauguižehе tuhkad touknan sijas kašaks, pani čurud toižhe šauguižehе surman sijas, pani kirpicaižid läban sijas. Vii necen dööckäližen vilihu perthe clamaha. Ehtkoju tariz kašast' kijitta, Kitab kašaižen. Tuli hirut:

Dööckäine, dööckäine, anda häärkmuf' nolauta.

Tulo, hirudom, ühtes sõgam.

Hirut tuli, dööckästme sõdihe ühtes. Hirut sanubgi dööckälo:

— Teravas tuloškatas ukod, sina ala varaida, mina sindaiž piitan, sina huile verai avaida, čajuu göta, sõta, sijad levita da panota. Potom mina sindaiž piitan, ala varaida.

Ühtnägi kulišt' dööckäine: kolotišoi. Mäni, avaiž, siičmen ukod tuli. Kaik šauguidme, säkijad hijau tavarad šauguiž. Nece dööckäine samvaran lämbit', ukoid' čajuu göt', užinau sõt', sijad levit', panot'. Ukod pagištas:

— Dööckäine, dööckäine, tulo mündme sijaiželo pando.

— Narougäti, stolažen obrädin.

— Dööckäine, tulo mündme magattaha pando.

— Narougäti, astkäižed pezon.

Dööckäine, dööckäine, tulo mündme magattaha pando.

Hirut hänt piravärtvätsiks kārauz' da paličalo paniki.

Ukod uinotihе. Vähäližen magatihe. Ühtnägi kukoi launuškanz'. Neno ukod kaik läbi mas mändihe. Tavaršaugud kaik dööckäželo gädhe. Homesuu nuustihe, möstona dööckäline kiitab kašaižen. Hirut tuli da:

— Čip, čip, dööckäine, anda häärmut nolauta.

— Tulo, hirudom, ühtes sõgam.

Tuli hirut, sõdihe ühtes. Möst päivan elotihе. Dööckäine üuknas kaclob, hond ved elada ühtelozo om pustas pertiš. Varastelob. Ehtkoine möstona tuli. Hirut sanub:

— Ala, dööckäine, varaida, mina sindaiž möstona piitän. Tuloba ukod ka sina hiid sõta i göta.

Möstona kašaižen kiitab dööckäine užinaks. Hirut tuli:

— Čip, čip, dööckäine, anda häärmut nolauta.

— Tulo, hirudom, sõgam ühtes.

Sõdihe, möstona panihezož magattaha. Ukot kolotišoi. Möst gö artel' ukoid tuli, möst siičmen kesken.

— Dööckäine, samuvar lämbita.

Dööckäine samuvaran lämbit', užinau sõt', sijaižed levit', magattaha ukoid panot'.

— Dööckäine, tulo mündme magattaha pando.

— Narougäti, mina astkäižed pezon.

— Dööckäine, tulo mündme magattaha pando.

— Narougäti, mina astkäižed pühkin.

— Dööckäine, tulo mündme magattaha pando.

Dööčkäižen hirut neglaižeks kärauz' da siinha čokaiž. Ukod:

— Mitte hond om dööčkäine, ii tulo magattaha.

Pordon magatihe, a möst kukoi launuškanz. Ukod provalihezo möst läbi mas. Nece tavar möst kaik gäi.

Päidui. Homesuu möst dööčkäine kašašt' kiit', hirutme södihe. Dööčkäižid deruunaspäi tuli hänon üukna allo jäi. Hän taričesoki:

— Sanugat tataloin, laske mindain otab kodihe.

Dööčkäižed mändihe. Sigau tatazo gö tuunu podvodaspäi. Tuli tat otma-ha, ka hänuu čeli sundug tavarad, kaik kuud da hobed. Sundugan habi vali regelo, kodihe vedab. A kodiš se gägi-baba kürzad paštab, a koiräine päčin au ištub da nutab:

— Hau, hau, ukon tütär kuudas da hobedas ajab kodihe. Hau, hau, hau, ukon tütär kuudas da hobedas ajab kodihe. Gägi-baba kürzan tačib koiräiželo:

— Na, kürz sö da sanu, miše gägi-baban tütär kuudas da hobedas.

Koiräine möst kürzan süi da:

— Hau, hau, hau, ukon tütär kuudas da hobedas ajab kodihe.

Gägi-baba kacauz', ukon tütär ajab kodihe sundugame. Habi sundugan letihe perthe, todihe tavarad.

Gägi-babalo tariž hänonki tütär bahatoitta. Ot', ičezo tütren sädat', pani sinna šonud, pani void, pani touknad, mäkuškoid paštoi, vii necen tütren möst sinna pustha perthe. Ehtkoiuu kašan kiitab nece gägi-baban tütär. Hirut tuli da:

— Čip, čip, čip, anda, dööčkäine, härkmut nolauta.

— Žab suhuiž! Andan mida siniiž härkmen nuuda.

— Nu ed anda ka narovi, üu tundištad...

Panihez magattaha. Hirut uidüi. Magaz', magaz'. Ukod tuudihe kolotišoiš.

Mäni sinna avoidamha.

— Dööčkäine, pästa mijd magattaha.

— Žab suhutoi! Üu tulit' mindain nuustamatamha.

Ukod verahe potkad lasktihe, tungihezoš perthe, tuudihe:

— Dööčkäine, samovar lämbita.

— Žab suhutoiš! Mina tiidme emagoičeškamoi on.

Ukod ottihe da necon dööčkäižen riktihe da luhudod saumha pandihe.

Gägi-baba gö sigau dumaib: «Nügüt' gö minunki tütär bahat.» Ühten ön magaz' dai gö dumaib bahattui. UKole nevopki:

— Mäno, ukoine, riža minun tütär, to kodihe, ühten ön magaz' ka.

Ukoine mäni. Sigau ühted luhudod saumas ištta. Havadoho amunz' luhudod, gägi-babalo vedab. Gägi-baba kürzad paštab möstona. Koiräine möst päčin au ištub, nutab:

— Hau, hau, hau, ukon tütär kuudas da hobedas, gägi-baban tütrüu lud havados.

— Žab suhuiž! — gägi-baba lajib koiran. — Na kürz da sanu, miše gägi-baban tütär kuudas da hobedas, ukon tütrüu lud havados.

Koiräine ičezo kartho:

— Hau, hau, hau, ukon tütär kuudas da hobedas, gägi-baban tütrüu lud havados.

Uffatan ot', šoroi, šoroi sinna koiralo, lõb koiran, mihe ninga hondoin nutab. Koir ičezo kartho nutab:

— Hau, hau, hau, gägi-baban tütrüu lud havados, a ukon tütär kuudas da hobedas.

Kacauz' ūuknaha gägi-baba, ka ukoine havadon luidme toi. Gügi-baba göksi vastha:

— Kuššo minain' Mašenka?

— Mašenka naku havados.

Gägi-baba voik, voik da luile pälo kolki sihe regelo, ü viinu pertheki leta. Móstona ukoine da nece tütär cläskatihe kahton kesken hüvästi bahatas, sičuski elotas.

ДЕВОЧКА И МЫШКА

Жили-были старик со старушкой. Была у них девочка Машенька. Старушка умерла, старичок остался. Машенька все время ходит гулять к бабе-яге. В поле жила баба-яга с дочерью. Эта баба-яга просится замуж за старичка:

— Возьми меня замуж, я буду заботиться о твоей дочери, молоком буду умывать, молоком буду кормить, молоком буду поить.

Эта девочка была еще глупым ребенком, ее легко было уговорить.

Возьмем, батюшка, эту бабу-ягу замуж, матерью мне.

Взяли. Жили они недолго. Баба-яга не любила девочку, дочь старика. Уехал старичок с подвойкой. Далеко в поле был пустой дом. Одела [мачеха] девочку, положила в мешочек золы вместо толокна для каши, в другой мешочек вместо крупы песку, вместо хлеба положила кирпичей. Отвезла эту девочку в холодную избу жить.

Нечером нужно сварить каши. Варит она кашу. Прибежала мышка:

— Девочка, девочка, дай мутовочку полизать.

— Иди, моя мышка, вместе поедим.

Мышка пришла, вместе с девочкой поела. Мышка и говорит девочке:

— Скоро придут старики, ты их не бойся, я тебя спрячу. Ты им открои дверь, напои чаем, накорми, постели им и уложи. Потом я тебя спрячу — не бойся.

Вдруг услыхала девочка — стучатся. Пошла открыла. Пришли семь стариков, все с мешками, в мешках у них всякого товара. Эта девочка самовар доставила, стариков чаем напоила, ужином накормила, постелила, уложила спать. Старики говорят:

— Девочка, девочка, иди с нами ложись.

— Подождите, со стола приберу.

— Девочка, девочка, иди с нами спать.

— Подождите, посуду вымою.

Девочка, девочка, иди с нами спать.

Мышка превратила ее в скалку да на полку положила.

Старики уснули. Немного поспали. Вдруг петух запел. Все эти старики провалились сквозь землю. Все мешки с товарами остались девочке.

Утром встали. Опять девочка кашу варит. Мышка пришла:

— Чип-чип, девочка, дай мутовку полизать.

— Иди, мышка, вместе поедим.

Пришла мышка, вместе поели. Опять день прожили. Девочка смотрит в окно — плохо ведь жить одной в пустой избе. Поджидает. Опять наступил вечер. Мышка говорит:

— Не бойся, девочка, я опять тебя спрячу. Придут старики, ты их накорми и напои.

Опять девочка кашу варит на ужин. Пришла мышка:

— Чип-чип, девочка, дай мутовку полизать.

— Иди, мышка, поедим вместе.

Поели. Опять легли спать. Опять стучатся старики, опять их пришло семь человек.

— Девочка, поставь самовар.

Девочка самовар согрела, ужином накормила, постелила, уложила старииков спать.

— Девочка, иди с нами спать.

— Подождите, я посуду вымою.

— Девочка, иди с нами спать.

— Подождите, я посуду вытру.

— Девочка, иди с нами спать.

Мышка превратила девочку в иголку и в стенку воткнула. Старики:

— Какая девочка плохая, не идет с нами спать.

Долго спали, и опять петух запел. Старики опять сквозь землю провалились. Весь этот товар опять остался.

Рассвело. Утром девочка опять кашу сварила. Поели они с мышкой. Много девочек из деревни пришло под ее окно. Она и просит:

— Скажите моему отцу, пусть он меня заберет домой.

Девочки ушли.

Отец подъехал с подводой. Приехал отец за ней — так у нее целый сундук товара, все золото и серебро. Едва он взвалил сундук на сани. Везет домой. А дома-то баба-яга блины печет. А собачка под печкой сидит и лает:

— Гав-гав-гав! Дочь старика в золоте и серебре домой едет! Гав-гав-гав! Дочь старика в золоте и серебре домой едет!

Баба-яга блин бросит собачке:

— Съешь блин да скажи, что дочь бабы-яги в золоте и серебре.

Собачка опять блин съела и говорит:

— Гав-гав-гав! Дочь старика в золоте и серебре домой едет.

Баба-яга посмотрела — дочь старика домой едет с сундуком. Едва сундук в избу подняли, принесли товары.

Бабе-яге нужно и свою дочь сделать богатой. Одела она свою дочь, дала с собой пшена, масла, толокна, напекла булок. Отвезла она свою дочь в тот пустой дом.

Вечером варит кашу эта дочь бабы-яги. Пришла мышка да:

— Чип-чип, девочка, дай мутовочку полизать.

— Жаба тебе в рот, дам я тебе мутовочку лизать!

— Ну, не дашь, так подожди, ночью узнаешь...

Легла она спать, мышка ушла. Спала-спала, пришли старики, стучатся. Пошла она открывать.

— Девочка, пусти нас ночевать.

— Жаба вам в рот! Пришли меня ночью будить!

Старики в дверь лягнули, втиснулись в избу. Пришли:

— Девочка, самовар согрей!

— Жаба вам в рот, буду я тут с вами ночью ходить!

Старики взяли эту девочку убили да косточки в угол сложили.

Баба-яга уже там думает: «Теперь уже и моя дочь богата». Одну ночь переночевала и уже думает, что разбогатела. Старику она и наказывает:

— Иди, старичок, навести мою дочь, привези домой, одну ночь уже переночевала.

Посхал старичок, а там в углу одни косточки лежат. Положил косточки в мешок и везет бабе-яге. Баба-яга опять блины печет. Собачка под печкой сидит и лает:

— Гав-гав-гав! Дочь старика в золоте и серебре. Кости дочери бабы-яги в мешке,

— Жабы тебе в рот! — баба-яга ругает собачку. — Возьми блины и говори, что дочь бабы-яги в золоте и серебре, кости дочери старика в мешке.

Собачка опять по-своему:

— Гав-гав-гав! Дочь старика в золоте и серебре, кости дочери бабы-яги в мешке.

Баба-яга схватила ухват да стукнула собачку. Бьет она собачку, потому так плохо лает. Собака по-своему лает:

— Кости дочери бабы-яги в мешке, дочь старика в золоте и серебре.

Посмотрела баба-яга в окно, там старичок мешок с костями привез. Баба-яга побежала на встречу:

— Где же моя Машенька?

— Машенька тут в мешке.

Баба-яга плакала-плакала, да тут на костях и умерла в санях, не могла в избу подняться. Опять старичок с дочерью начали очень богато жить вдвоем. И сейчас живут.

49. PAKIČIAINE DÖOČKÄINE

Elotibe ukoine da akaine. Oli hijau döočkäine üks' Mašenka. Ukoine da akaine kuudihe, necc döočkäine gli. Söda hänou liibäd iile. Mida tariž tehta? Ot' puzuižen, läks' pakičemha derüunime. Ozaižihe puhanpäǟn homesuu. Astub nece döočkäine Mašenka tožhe derüunihh. Ištub reduižes lehmaine, putnu pačakoho, Lehmaine pagižeb:

— Mašenka, Mašenka, veda mindain sarfhuziš, igan mina sindaiž abutaškan elada.

Mašenka sarfhuziš vedî lehmaižen, puhtast', pezi. Lehmaine necen döočkäižen Mašenkan korvaspäi pezot', tožespäi sādat'. Tegihe krasavica ka hünön päu kacta. Čoma soba päu, kološad ūbletonidme gäugas.

Mäni nece döočk pagastalo. Pap pajatab, a rahvas kaik neče döočkähä kactas. Oli sidei bajarin poig. Bajarin poig kaiken neče döočkähä kacub. Hän eduu kaikid rahvast služb proidi ristha mäni da uidiki. Möst tuli da rušauzihe da pakičemha läkski.

Toizuu puhapägu nece gö primetoideb bajarin poig, kenonžo nece om döočk, tariž hänt tundištada. Möstona döočkäine nece lähtoškanz pagastalo. Lehmaižespäi korvaspäi pezihe, tožespäi sādihe vuu čomembih kološoihe, ūbletonihe kengihe, möst mäni pagastalo. Nece prihä gö kacub ka kaiken süümid ii hija. I kaik rahvas kactas, ningiš' iileki nikugan, mugoiné čoma. Potom möstona ristas eduu rahvast proidäuz' dei uidí kodihe.

Kuumandaks pühapääks prihü dumaib: «Mida tariž tehta, kut hänt tariž tabata? Tehta mini tervad vädraižeh.» Tervad nece prihä, bajarin poig tegi,

vargiič konz nece dööčk mänob pagastaha. Nece dööčk möstona lehmaižuu korvas pezihe,toižes sädihe čomihe möstona šebletoihe, kološoihe kengihe, mäni pagastalo.

Bajarin poig pardhad void' tervau. Lähtoškanz nece dööčk pagastaspäi, rist-an proidi. Pordhaižile tuli, kološ hänou putui tervakahazo pardhazo, ii viinu nütkaitä. Nütkaitä hätk ka rahvaz tundištadas. Göks', uidui kodihe, kološaižen sihe gät'ki. Mäni kodihe, rušihe. Nece bajarin poig necen kološan ot', kaikile bahatjile dööčkile probui, nikelle ii latte. Golembile probui — nikelle i latte. Eli side hutoraižuu piūudos gägi-baba. Gägi-baban tütrennoks käutihe. Gägi-baba tütruu güagan vöst', vöst', čak göksob. Penendab güagan, muga tariž bajarin poigan taga tütar antta mihelo. Ii latt'e. Nu vuu kus keda om lüuta? A om ved' mijau kus se pakičjaine goläine dööčkäine Mašenka, probuigam bude sille. Mändihe necen dööčkäižennoks, hän ištub päčuu. Dööčkäine probui ka hänolo vokurat. Nu mida tehta? Tariž bajarin poigan taga mihelo otta, raz hijau gö ninga tehtut ka. Mäni nece dööčk lehmaižennoks. Möstona korvaspäi pezihe,toižespäi sädihe, tegihe mugoiné hüvä krasavica. Bajarin poigan taga mihelo mäni. Siga venčaihezoš svadbau, kodihe bajarithe ajetihe. Nügüt' dööčkäine elab bajarinaižen bahatas i kaik hüvästi i kaikki elotas hüvästi.

ДЕВОЧКА-НИЩЕНКА

Жили-были старичок и старушка. Была у них одна девочка Машенька. Старичок и старушка умерли, эта девочка осталась. Хлеба у нее нет. Что делать? Взяла корзиночку и пошла по деревням просить милостыню. Было это в воскресенье утром. Идет эта девочка Машенька в другую деревню. Сидит в грязи коровушка, в лужу попала. Коровушка говорит:

— Машенька, Машенька, вытащи меня за рожки, век буду тебе помогать жить.

Машенька за рожки вытащила коровушку, вычистила, вымыла. Коровушка эта девочку Машеньку из одного уха помыла, из другого одела. Превратилась она в красавицу, что любо на нее глядеть. Красивая одежда на ней, галоши с ботинками на ногах.

Пошла эта девочка в церковь. Поп поет, а народ весь на нее смотрит. Был тут барский сын. Барский сын все на эту девочку смотрит. Когда служба прошла, она раньше всех подошла к кресту и ушла. Пришла, раздалась и пошла просить милостыню.

В следующее воскресенье этот барский сын уже решил приметить, чья же это девочка, нужно ее узнать.

Опять девочка начала собираться в церковь. Из уха коровушки умылась, из другого оделась еще лучше, галоши с ботинками обула и опять пошла в церковь. Этот парень все смотрит, глаз не сводит. И весь народ смотрит — такой нигде больше нет, такая красивая. Потом она раньше других очутилась у креста и ушла домой.

В третье воскресенье парень думает: «Что делать, как ее поймать? Сделаю я смолы в ведерко». Приготовил барский сын смолы, караулит, когда эта девочка пойдет в церковь.

Девочка опять из ушка коровушки умылась, из другого оделась красиво, в ботинки и галоши обулась. Пошла в церковь. Барский сын нама-

зал лестницу смолой. Стала уходить эта девочка из церкви, прошла мимо креста. На ступеньку сопила, галоша пристала к смолистой лесенке, не смогла она отодрать. Отрывать долго — народ узнает ее. Бегом убежала домой, галошу тут и оставила. Пришла домой, раздевшись. Барский сын взял эту галошу, примерил всем богатым девочкам — никому не подходит. Бедным примерил — никому не подходит.

Жила тут, на хуторе в поле, баба-яга. Сходили к дочери бабы-яги, Баба-яга подтесала ногу дочери, тесала-тесала — кровь течет. Делает ногу дочери меньше, нужно выдать дочь за барского сына. Не подходит. Ну, кого, где можно еще найти?

— А ведь есть у нас где-то еще нищенка, бедная девочка Машенька, примерим ей.

Пошли к этой девочке, она сидит на печке. Девочка примерила, ей впору. Ну, что делать? Нужно взять замуж за барского сына, раз у них уж такой уговор. Пошла эта девочка к коровушке. Опять из уха умылась, из другого оделась, стала красавицей. Вышла она замуж за барского сына. В церкви повенчались, поехали домой к барину. Теперь она богато живет, барышней, и все живут хорошо.

50. KUT MUŽIK I KONDI NAGRHEN SEMETIHE

Elothe ukoine da akaine. Ukoine da akaine lähtihe kasked čapnaha. Mändihe mecha. Kondi side ištub, kondi tuli da pagižeb: «Ota, ukoine, mindain sebraha, mina siniž abulaškan čapta.» Ukoine čapab kirvhuu, kondi čapab lapol. Čapetihe kasken. Kondi pagižeb: «Nügut, ukoine, mida radaškam?» — «A nügutte kevedohosai ištuškab muga, a kevaduu mina tulon dai karziškam.»

Kevaduu ukoine tuli, ka kondi ištub kaskerüunal. Kondi magadapki side kaskennuu. Kevaduu mužikäine tuli kirvhutme. Kondi karzib lapol, mužikäine kirvhuu. Kasken karzitihe. Kondi pagižeb möst mužikalo: «Konz nügutte, mužikäine, tulod?» — «A nügut naku nedalid kaks' proidub ka tulon puutmaha.»

Kaks' nedalid proidi, mužikäine tuli, virit' kasken. Kondi viritab, mužik viritab. Puuttihe kasken, paloi hijau hivin, ii gānu nimittuš' pätnašt' vauktad. Kondi kaik känd', kandiš nenod palopud. Kandištihe, palon lodihe. Mužiküine pagižeb: «A kutšo mina, sanub, tulon hebuu kündmaha, ved' hebo kondid varuidab.» — «Sina hebolo püha pano havad da tulo muga.» — «Li, hebo kondgān rižab, uidub, minuin' ii saška künnta. Sina uidu, mina semendan, potom sina tulod, mina üksnäin kündan, ägestan i semendan hebome.» Kondi mužikan kundol, uidüi. Nece mužikäine tuli, nagrhen semenz', paloižen künd', ägest'.

Kazvab nece nagriž Kondi kaiken nagrižmannu käub, ii rohti edahaks nikuna, ii rači mända. Mugoine čoma nat' kazvoi hüvü, süguzuhusai kazvoi. Kondi ii koske.

Mužikäine tuli rižamaha, nat' čoma. Kondi küzub: «Mida, mužik, nügüt radaškam?» — «A vuu naku nedališt' kaks' proidub libo kuume da tulom nütkmähä.»

Proidi kuume nedalid. Kondi ištub kaiken. Mužik da ak tuudihe nütkmähä. Nütkitihe mužik da ak nagrhen, kondiki nütkib. Nütkitihe, nütki-

tihe, viičed ottihe, kogoine lešitihe. Mužik küzub kondgäu: «Mida otad, kondi, otad pälobaižen vai alombaižen?» — «Minin' pälobaine anda.» Hän dumaib, kagran söskendob, päu hüvää, ka pälobaine i nagrheski hüvää.

Ukoine nagrhen haudha kopaz', a kondi natin haudha kopaz'. Ištub kondi kaiken kopannu, varastab konz ukoine tulob nagrhezo. Ukoine pagižeb kondgalo: «Mina nagrhezo se tuloškan, ka hebo se varaidab, ka sina uidu». — A en uidu, ii varaidaška.»

Kondi ištub, a sigau gö ukoine gorüib: «Kut tariž ajada nagrhezo, kondi nüggüte mindain söb, ved hänou kopatud natid hapanihe, a mina otan nagrhen hüvän. Minin' gö siloi surmaine.»

Ajetihe kahton kesken akame, hüvästi pagištihe akaštme kodiš, kut rata. Mužik hänolo opendab: «Sina, akaine, naku na kirvez, nu a mina otan toižen kirvhen, lähemba hevod se sinna nagrižmannoks se mina ajan da sina gäd da kočutaki, a mina küzuškan: «Ken sigau?» Sina otvetoiče: «Mecnik.» — «Augat tuugoi tännna, kondgid iile. Sina ala tulo, ala ozutado.»

Ajei mecha mužikäine, ajei ka kondi ištub. Mida tehta? «Davai, kondi, kaigam haudad.» Sigau staruhaine gö kočkutab kirshuu. Ukoine kričibki: «Ken sigau?» — «Mecnikad.» — Keda tö ecit?» — «Kondgid.» — «Augat tuugoi, tägau iile kondgid. A sina, kondi, vere regelo.» Kondi regelo valihe. «Sina, ukoine, sido mindain norau.» Ukoine norau sidoi. «Anda mina kirshudon panen regehe.» Täpsaidab kirshüü kondgalo vacha. «Oi gö, kibed!» — kondi se pagižeb. Ukoine sanub: «Davai minatoižhe sijaha išken, en sihe ka ii kibed.» Toižen kerdan täpsaidab kirshuu vacha. Kondgäu kiškad langetihe. SIdotud norau ka ištub kondi regü. Staruhaine hotkemba tuli da heboižuu kodihe ajetihe da kondgän vedihiki. A potom kondgän vedhe, güudatadihe. Toižuu päivau nagrhezo tuudihe. Nece mužikäine mahtoi rata. Kondgän sai dai nagrhen kaiken oť kondgän väguu.

КАК МУЖИК И МЕДВЕДЬ РЕПУ СЕЯЛИ

Жили старик со старухой. Старик со старушкой пошли рубить подсеку. Пришли они в лес. Тут медведь сидит. Подошел медведь и говорит:

— Возьми меня, старичок, в общину, я буду тебе помогать рубить.

Старичок рубит топором, медведь лапами. Срубили они подсеку. Медведь спрашивает:

— Что мы теперь, старичок, будем делать?

— А теперь до весны будет так, а весной я приду и будем чистить подсеку.

Весной старичок пришел, так медведь сидит на краю подсеки. Медведь тут и спит, около подсеки. Весной старичок пришел с топором. Медведь чистит подсеку лапами, а мужичок топором. Вычистили они подсеку. Медведь опять говорит мужику:

— Когда же ты, мужичок, теперь придешь?

— А теперь пройдет недели две — и приду жечь.

Две недели прошло, мужичок пришел, поджег подсеку. Медведь поджигает, мужичок поджигает. Сожгли подсеку. Сгорело у них хорошо, не осталось никакого белого пятнышка. Медведь все повывернулся, выносил эти обгорелые пни. Выносили и вычистили пожогу.

Мужичок говорит:

- А как же я приеду на лошади пахать, ведь лошадь боится медведя?
- А ты накинь мешок на голову лошади да так и приди.
- Нет, лошадь медведя чует, уйдет она, я не смогу пахать. Уйди ты, я посею, потом ты придешь. Я один с лошадью выпашу, пробороню и посею.

Медведь послушался мужика, ушел. Этот мужичок пришел, пожогу вспахал, пробороновал, репу посеял. Растет эта репа. Медведь все время приходит к репному полю, не смеет далеко никуда уйти. Такая уж хорошая ботва к осени выросла. Медведь не трогает.

Пришел мужичок посмотреть, ботва хорошая. Медведь спрашивает:

- Что, мужик, теперь будем делать?
- А вот пройдет еще недели две или три — придем дергать.

Прошло три недели. Медведь все сидит. Мужик с женой пришли репу дергать. Мужик с женой дергают репу, и медведь дергает. Дергали, дергали, взяли ножи. Очистили репу от ботвы, [сложили] в кучи. Мужик спрашивает медведя:

- Что ты, медведь, возьмешь, вершки [букв.: верхнее] или корешки [букв.: нижнее]?

— Мне отдай вершки.

Он подумал, что раз он овес ест и верхушки хорошие, то и у репы тоже. Мужичок репу в яму закопал, а медведь ботву в яму закопал. Сидит медведь все время около ямы, ждет, когда мужик приедет за репой. Старичок говорит медведю:

- Я за репой-то приеду, лошадь-то боится тебя, так ты уди.
- А не уйду я, не будет бояться.

Медведь сидит, а мужичок там горюет:

— Как мне ехать за репой, теперь медведь меня съест. Ведь ботва у него закопана и сгнила, а я возьму хорошую репу. Тогда уж мне смерть.

Поехали они вместе с женой, дома они хорошо договорились, как им быть. Мужик учит жену:

— Вот ты, жена, возьми топор, а я возьму другой. Я подъеду с лошадью ближе к репному полю, а ты останься и стучи. А я буду спрашивать: «Кто там?» Ты отвечай: «Охотник». — «Не ходите сюда, здесь нет медведей». Ты не выходи и не показывайся.

Поехал мужичок в лес, так медведь там сидит. Что делать?

- Давай, медведь, раскопаем ямы.

А старуха там уж стучит топором. Старичок и кричит:

- Кто там?
- Охотники.
- Кого вы ищете?
- Медведей.
- Не ходите, здесь нет медведей!.. А ты, медведь, ложись на сани.

Медведь на сани взвалился:

- Ты, мужичок, привяжи меня веревкой.

Мужичок привязал веревкой.

— Дай я топорик положу в сани. — Топором как стукнет медведя по животу.

- Ой, больно! — медведь-то говорит.

Старичок говорит:

— Давай я по другому мести ударю, так не будет больно.

Второй раз как стукнет по животу топором. У медведя кишки вывалились. Привязан медведь в санях. Старушка быстро пришла, да на лошадке поехали и медведя увезли. Медведя привезли, выгрузили, на следующий день приехали за репой.

Этот мужичок умелый был. И медведя добыл, и репу всю добыл медвежьей силой.

51. ASTUI SAUDAT VOINASPÄI

Astui saudat voinaspäi. Putui hän öks hutoralo. Taričesob mužikau öks. Mužik ii ladi pästta, kanz om sur', a toine pert' om uz', ka iisa elada. A saudat sanupki:

— Mida-žo om?

— A pahoin' glomuiše.

— Ladno, mina en varaida, sanub, — pästkat sinna.

Mužik sanub:

— Mäno.

A saudat pakičeb:

— Anda balalaik, miše miniin oliiž veslömb.

Balalaikan mužik andoi.

Saudat mäni udho perthe, užinan kiit', süi, balalaikan ot' kädoho. Ištuihe vänmaha. Vänd', vänd', lanktoškatihe besad lagespäi. Ezmäi kargaitihe, kargaitihe, потом saudatan pakičeškatihe:

— Openda miid vändmaha.

— Ladno, sanui, — tämbäi pangamoš da magakam, homen opendan, tämbäi ii müu olo opeta.

Vot i panihezoš saudat i besad. Ön magatihe, homesuu mužik nuuz' dai dumaib: «Ile gö saudataad tähäsai hengiš.» Uhtnägi saudat astub mužikaha i pagižeb:

— Anda tämbäi, mužik, sur' buč.

Mužik lüuz bučin, saudatalo andoi. Saudat pagižeb:

— Jesli andad tütren minun taga mihelo, ka mina nenid besid kaikid hädan pertispäi.

Mužik soglašihe, tütren andab.

Nece saudat tegi bučhe pitkan propkan, vii udho perthe suusem bučin. Tuli ehtkoine, saudataine möstona užinan kiit', süi, balalaikan kädoho ot', ištuihe lauča i vändaskanz. Besad möst lagespäi lanktoškatihe. Kargaitihe, kargaitihe i möst pakitas saudatan:

— Openda miid vänmaha.

Saudat sanub besjle:

— Mängat kaik neche bučhe, ika ii sa opeta, i sami sur'ki mängaha.

Sur'ki mäni. Potom saudat ot' propkan kädoho i muga survoi. Siga besad voiktas bučiš, saudatalo molišoi:

— Saudataine, pästa, mahtam gö väta.

Saudat hiile pagižeb:

— Bude lähtot tägau pertispäi mecha elamaha, ka pästan, a et lähtkoi ka kaikid survon atavolo.

— Saudataine, pästa, kaik uidüm mecha.

Saudat bučin avaiž, besad kaik uittihe ranitut: küu göugad iile, küu päd iile, küu kätt iile — uittihe kaik mecha. Saudat nai. Necen mužikan tütren ot'. Gäi sihe perthe elamaha.

Proidi voz', proidi toine. Nece saudat mäni mecha mectamaha. Besad nägištadihe:

— Nece mužik mokič miid, kaikid rani, davai mä hänt tabakam.

Vot hänt okruštihe, sami sur' tuli kohtha i pagižet:

— Nügüt mö sindaiž opendam vändmaha. Rikom sindai da söm.

Saudat pakičeskanz besid:

— Pästkat mindain' akame prostmähäkso.

Hänt ii pästkoi.

— Ka narougät, augat rikkoi, ankat aigad, mina kirgitan kirgäižen akalo.

Kirgit'. Sur' bes oigenz' kaks' besaš' kirgäšt' vemha akalo. Kirgäižen vedi-he, ak lugi i läks' ühtes besaižime mecha. Astui, astui läheli besid, nägišt' ičezo mužikan i nägišt' besid. Persken kori, hibusod päst', koverzihe, astub tagan perskin. Potom nägišt' saudat ičezo akan i ozutab besile:

— Oi, nakkau kondi astub, tiid sōb nügüt. Ėavai uitkam, gökskam hotkemba.

Kaik besad radgäd gökstihe, a saudat vähäižen göks' i langez'. Potom besid ii näguškannu. Saudat libui gäugoile i tuli akannoks i lähtihe kodihe, elaškatihe enčikš.

ШЕЛ СОЛДАТ С ВОЙНЫ

Шел солдат с войны. Попал он к ночи на хутор. Попросился у мужика переночевать. Мужик не хочет пустить: семья большая, а вторая изба еще новая, в ней нельзя жить. А солдат и говорит:

— А что же там?

— А очень там чудится.

— Ладно, я не боюсь, — говорит, — пустите меня туда.

Мужик говорит:

— Иди.

А солдат просит:

— Дай мне балалайку, чтобы мне было веселее.

Балалайку мужик дал.

Солдат пошел в новую избу, сварил ужин, поел, взял балалайку в руки, сел он играть. Играл-играл, начали бесы падать с потолка. Сначала они плясали-плясали, потом начали просить солдата:

— Научи нас играть на балалайке.

— Ладно, — говорит, — сегодня ляжем спать да поспим, завтра на учу. Сегодня нечем учить.

Вот и улеглись солдат и бесы.

Ночь проспали, утром мужик встает и думает: «Уж нет в живых солдата». Вдруг солдат приходит к мужику и говорит:

— Дай мне сегодня, мужик, большую бочку.

Мужик нашел бочку, отдал солдату. Солдат говорит:

— Если ты отдашь свою дочь за меня замуж, то я всех этих бесов из дома выгоню.

Мужик согласился: отдаст он дочь.

Этот солдат сделал для бочки длинную пробку, отнес бочку в новую избу. Наступил вечер. Солдат опять ужин сварил, поел, взял балалайку в руки, сел на скамью и заиграл. Опять бесы с потолка стали падать. Плясали они плясали и опять начали просить солдата:

— Научи нас играть.

Солдат говорит бесам:

— Идите вы все в эту бочку, иначе нельзя учить. И самый большой из вас пусть идет. И большой вошел. Потом солдат взял пробку и так уж их толок! Бесы там в бочке плачут, умоляют солдата:

— Солдатик, выпусти, мы уже умеем играть.

Солдат им говорит:

— Если уйдете из этой избы жить в лес, то выпущу, а не уйдете, так я вас всех разотру в порошок.

— Солдатик, выпусти, мы все уйдем в лес.

Солдат открыл бочку, бесы, все покалеченные, убежали: у кого нет ноги, у кого разбита голова, у кого нет руки — все убежали в лес.

Солдат женился, взял замуж дочь мужика. Остался он жить в этой избе. Прошел год, прошел второй. Этот солдат пошел в лес на охоту. Увидели его бесы: «Этот нас мучил, всех поранил, давайте мы его поймаем». Вот они его окружили. Самый большой подошел и говорит:

— Теперь мы тебя научим играть. Убьем мы тебя и съедим.

Солдат начал просить бесов:

— Пустите меня проститься с женой. — Его не отпускают. — Подождите, не убивайте, дайте время, я напишу письмо жене.

Написал. Большой бес отправил двух бесов отнести письмо. Отнесли письмо. Жена прочитала и пошла вместе с бесами в лес. Шла она, шла, подошла к бесам. Увидела своего мужа и бесов. Она подняла подол, распустила волосы, наклонилась и идет задом наперед. Увидел солдат свою жену и показывает бесам:

— Ой, там медведь идет, теперь он вас съест, давайте убежим быстрее.

Бесы испугались, побежали от его жены. Все бесы наутек, а солдат, немного пробежав, упал. Потом бесов уже не стало видно. Солдат встал на ноги, подошел к жене, и пошли они домой, стали жить по-прежнему.

52. VAN'KA-DURAK MÖB HÄRGÄD

Elotihe endo čeli kanz: tat da mam, oli hijou kuume poigad. No, tat da mam se koudihe, a gäi hiile kuume härgäd. Üks' se poig oli durak, da kaks' se umnijad oli. No, mida tariž tehta? Härgid sötta kut? (taufshuu se ka gö lumut oli) A nece Van'ka pagižepki: «A davaite, velled, mögam härgid.» — «No, mögam. Kuna mö veškam möda?» — «A mina lüudan sijan.» Ičeze härgän ot', küttoho pani mecha vei. Kosogorha surhe vei, sinna sidoi necen härgän. A pehk oli, ladv se katkenu, kuivehtunu mec ningit pedai. Hän hamaruu iškeb da: «Dätkim, osta härgäine.» Iče hän pagižep vasthaki: «Mö.» — «Äjäk

andad?» — «Kuume sadad.» — «Konz dengäd?» — «Raštvoiš dengäd.» No, ičeze härgän sidoi neche, iče hän kodihe tuli. Gät härgän da. Velled küzutaski: «Nu, Van'ka, müid härgän?» — «Mün.» — «A midden härglä voidik mõda?» — «Požalui vain.» Toine vell pagižeb: «Võ minunki tämbäi härg.»

Hän möstona küttoho pani, mäni necenžo pehkonnoks. Hänon härg gö södud, ühted lud gättud. «Dätkim, osta härgaine.» — «Mö.» — iče hän pagižeb. «Ajak andad?» — «Kuume sadad.» — «Konz dengäd?» — «Raštvoiš dengäd.» No, möstona sidoi härgän sihežo pehkho. Läks' kodihe.

Tuli kodihe. Velled küzutas: «Müjd?» — «Mün.» — «A kus dengäd?» — «Raštvoiš dengäd.» Toineki vell möst pagižeb: «A mineiki mida hänt sötta, sötta ii miu, mida minii pidada, ve minunku, Van'ku, härg.»

Van'ka küttoho pani, härgän vei. Möstona sihe pehkho sidoi. Vellenki härgäd eile, ühted lud gättud. A hän möst sidoi da, mäni da, iškeb hamarou se da. «Osta härgaine.» — «Mö.» — «Ajak andad?» — «Kuume sadad.» — «Konz dengäd?» — «Raštvoiš dengäd.» Sidoi pehkho. Läks' kodihe.

Tuli kodihe. Vell kütupki: «Müjd?» — «Mün.» — «A kus dengäd?» — «Raštvoiš dengäd.»

Tuudihe hō läz deruunad se. Om časuunaine. A časuunalženno se putui hiile vastha pap. Pap se sanupki: «Raštva.» Hö lähtihe dengihe. Mändihe kuume velled möst necen pehkonnoks. «Anda dengäd, dätkim, anda dengäd.» Nece Van'ka hamaruu tuzib necun pehkon. A velled hänt laitas. «Mičed silei dengäti, putki gö kuvahtunut da kaik hapanudod. Ken silei andaškab dengäd?» Van'ka sihesäi tuzi pehkon necen künd bokalo sord'. Sigou kuudad, kuudatžid dengoid, tüudod šaugud amuutihe velled. Dei Van'ka täuden šaugun amuuz'. Vähäžuu lumudou kattibe da lähtihe kodihe. Tuudihe gö püudhosai — časuunaine. Časuunalženno pap putui vastha. «Kus tö, velled, olitt?» — «A-a, kus mö olim ka...» A vet' göhtui melhe vellile ne: «A gesli lähtob pap miide gälgime, neno dengäd lüudab i miile enamb ii doidu. Nece pap miide kuudan kaiken kandišob kodihe ičelozo.» Papid vet uudihe žadnijad pahtoin. Hö ottihe, ka mida tehta? Papin riktihe, časuunan pölo tačitihe, möst dengäd ottihe i kodihe lähtihe. Van'kad kütupki: «Ala pagiže ni kelle nimida.» Tundihe kodihe velled ningimad bahatad.

Kuz' nedalid proidi. Papid ečitas, ečitas, nikus papid eile. Öniston gö keratas. Öništton keratihe, kaikid kuetihe, nenid vellid gi kuetihe dai Van'kad kuetihe. A velled ne sääsaoi dai pagištasi: «Sina, Van'ka, ala tule, mö sinutaiž, mö tomašt' tom, mö muštam sinutaiž.» A Van'ka razve tirpab? Stolantaga rahvaz ištuihezois, a Van'ka sinna mäniiki dai: «Terfhen elat, keda tö muštai, kudamon mö papin' se rikoim, ka sen vai?» Velled stolantagapäi hüpähtadihe, gökstihe hotkemba. Oli hijau vuu koza, kozan riktihe, časuunan pölo tačitihe, papin necen gögöhö vedotihe, pästihe prolubaha. A koza karvoikaz ka časounan päu. A Van'kou kūzološkutihe sigou öništost se: «A konz tö rikoit, kuna tö panit?» — «A mö tačim časounan pölo.» No, časounan pölo mändihe provermähä. Mändihe ka Van'ka libui, kütub: «A tijau papil bard se oli?» — «A bardad ilenu.» — «A mičed gängad uudihe? Käbgäid undihe?» — «Käbgid midden papii ilenu, undihe gängas sapkad.» — «A sarved no uudihe?» — «Midden papii sarvid ilenu. Van'ka, tači, pästa časounan pääpüi, mö kacaudam, mitte sigou pap om.» Van'ka časounan pääpäi kozan karahtoit' pästta. «Tfu, tfu, Van'kan vaihad kundlod ka, astkat, muškat pap, gö pap kozaks kännukso, sidei koza om ka.» Möst mändihe muštmaha. No, dovau-

mitihe necon öništon, dai velled elaškatihe pahoin' hüvin dai do dengäd kandiſtihe dai Van'ka dai kaik elotas hüvästi ühtes kogos. Kaik.

ВАНЬКА-ДУРАК ПРОДАЕТ БЫКОВ

Жила как-то целая семья: отец, мать, и было у них три сына. Мать и отец умерли, достались братьям три быка. Один сын был дурак, а два других — умные. Ну, что делать? Как быков прокормить? Зимой было дело. Ванька и говорит:

- А давайте, братья, продадим быков.
- Ну, продадим. А куда мы их отведем?
- А я найду место.

Взял он своего быка, ведет, отвел в лес на большой косогор и там привязал быка. А там было трухлявое дерево, засохшая такая сосна, верхушка-то отломлена. Он бьет по пню обухом да:

— Дядя, купи бычка. — Сам же и отвечает: — Продай. — Сколько дашь? — Триста. — Когда деньги? — В Рождество.

Ну, привязал он своего быка, оставил там, а сам домой пришел. Братья спрашивают:

- Ну, Ванька, продал быка?
- Продал.
- А наших быков можешь продать?
- Пожалуй, могу.

Один из братьев говорит:

- Отведи моего быка сегодня.

Он опять повел быка на привязи, пошел опять к тому же трухлявому дереву. Его бык уже съеден, одни кости оставлены.

— Дядя, купи бычка. — Продай, — сам он и отвечает. — Сколько дашь? — Триста. — Когда деньги? — В Рождество деньги.

Ну, опять он привязал быка к этому же дереву. Пошел домой. Пришел домой. Братья спрашивают:

- Продал?
- Продал.
- А где деньги?
- В Рождество будут деньги.

И второй брат говорит:

— А зачем мне его кормить, кормить-то нечем, для чего мне его держать, отведи и моего быка, Ванька.

Ванька повел быка на привязи, привел и привязал его к тому же трухлявому дереву. А там быка брата уже тоже нет, одни кости оставлены. Привязал к пеньку быка, стучит обухом да:

— Купи бычка. — Продай. — Сколько дашь? — Триста. — Когда деньги? — В Рождество деньги.

Привязал к дереву, пошел домой.

Пришел домой. Брат спрашивает:

- Продал?
- Продал.
- А где деньги?

— В Рождество будут деньги.

Возле деревни стоит часовня. У часовни встречается им поп и говорит:

— С Рождеством!

А они идут уже за деньгами. Принесли братья к тому же дереву.

— Отдай деньги, лядя, отдай деньги! — Ванька дубасит обухом по дереву.

А братья его ругают:

— Какие тут тебе деньги: дерево трохлявое, сгнившее. Кто тебе здесь деньги отдаст?

Ванька до того дубасил по тому дереву, что вывернул его с корнем. А там золото, золотые монеты. Полные мешки начерпали братья. И Ванька начерпала полный мешок. Немного снежком прикрыли и пошли домой. Дошли до поля, до часовни. Возле нее встретился им поп:

— Где вы, братья, были?

— А-а, где мы были...

И подумали братья: «Если пойдет поп по нашим следам, найдет эти деньги, нам они больше не достанутся. Вывносит поп все наши деньги домой». Попы ведь были очень жадные. Что делать? Взяли они и убили попа, втащили на часовню, взяли опять деньги и домой пошли. Ваньке наказали:

— Никому ничего не говори.

Домой пришли братья очень богатыми.

Прошло шесть недель. Попа ищут, ищут, нигде нет попа. Сорочины уже собрали, всех позвали, и этих братьев тоже позвали. И Ваньку тоже. А братья собираются да и говорят:

— Ты, Ванька, не ходи, мы пойдем без тебя, а тебе гостинцев принесем, мы без тебя помянем.

А Ваньке разве терпится? Народ за стол успелся, и Ванька пошел туда же да и:

— Здравия желаю, кого вы поминаете? Не того ли попа, которого мы убили?

Братья выскочили из-за стола, быстрохонько убежали. Была у них коза, они ее убили — и в часовню. Попа стащили, бросили в прорубь. А в часовне — коза мохнатая.

Там, на поминках, у Ваньки спрашивают:

— А когда вы попа-то убили, куда вы его дели?

— А мы бросили его на часовню.

Пошли проверять к часовне. Ванька поднялся на часовню и спрашивает:

— А у вашего попа борода была?

— Бороды не было.

— А какие ноги у него были? Копыта были?

— Копыт у нашего попа не было, на ногах были сапоги.

— А рога-то были?

— У нашего попа рогов не было. Ванька, брось, опусти с часовни, мы посмотрим, какой там поп.

Ванька с часовни козу шарахнулся вниз.

— Тыфу, тыфу! Ванькину болтовню поступаешь, так... Подите, поминайте попа, поп уже в козу превратился, коза тут.

Пошли опять поминать. Закончили сорочины.

А братья зажили хорошо: выносили себе все деньги. Живут хорошо все вместе, и Ванька с ними. Все.

53. VAN'KA-DURAK EMAGOIČESOB

Elotihe vüuki kuume vellest, heil' eilend tataad da mamad. Kaks' se ol' umnijjad, a kuumanz' mestki Van'ka. (Edou Van'koid äi oli ka...) Nu, a vellile ne tariz oli naida. Dööčkime guläidas, nu a nece Van'ka kaiken päčuu ištub. A velled ne segoitadihe bučin čelijan olut. Oluť segoitethe bučin da lähtihe guläimaha dööčkidenoks. A nece Van'ka bučin lavalo viškäiž olutme, kartan ot', ištuihe da štargub. Nu, varejad tugez'. Velled tuudihe. «Van'ka, avaida!» — «Narougät, ukshe ajoudan.» — «Van'ka, avaida!» — «Narougät, püudho ajoudan.» — «Van'ka, avaida!» — «A tuugat iče tö!» — «Van'ka, avaida!» Van'ka ii avaida, hüvä štarkta. Iče hö veräjan kätihe, mändihe, ka olut viškäitut, Van'ka štargub. «Oi, sina, durak, sina durak, miile tariz naida, a sina oluden panid maha!.. Mida tehta nügutte tariz? A Van'kaspaï davai uitkam suusem kodiupäi, niičcid nügutte huiged ozutadako gö, a uitkam kodiupäi.»

Kuivatihe suhrid, pandihe šauguihe, kahtho šaughu. Lähtihe niičideme prostmäkso. Mändihe, kuni niičidenoks kätihe, Van'ka tuli, ühten šaugun saumha viškäiž suhrid, iče hän ištuihez šaughu, sidoihez. A velled tuudihe oluhoodennopäi, a Van'kad eile. «Davai hotkemba uitkam!» Lähtihe hotkemba astmaha. A Van'ka šauguspäi kričib: «Velled, varastagat!» — «Oi, ken naku miid sabutelob?» A kudamb Van'kad se kandab, ka se gö muga väzui, a kudamb suhrideme ka se voib astta hotkemba. A kudamb Van'kad kandab, ka se pagižepki vell: «Astu, vell, laptaižehe, mina pahoin väzuin, lähkam tuupäi, laske hän siriči meid göksob.» A Van'ka ühten šauguspäi kričib: «Velled, varastagat!» Vot lähtihe laptaha, ištuhezoš. Nece vell pagižeb (kudamb gügedan šaugun kandoi): «Davai, vell, sögam minun šauguspäi, minain güged pahoin šaug.» Avaatihe, ka šaugus Van'ka. Mida teged? Möst pördihezoš kodihe. Tuudihe Van'kame kodihe da elotaski peröd. Kaik.

«Mida miile nügut rata? Oigekam mö Van'kad hebuu Šalha tavaraha, svabad tariz tehta.» Oigetihe Van'kad hebuu tavaraha, anttihe dengäd kästtihe ostta šonud, gäuhod, luzikoid, pavaričid, stokanoid, vopšem astkid kaikid. Nece Van'ka ajii, vijkupi necen loukas, ost.

Ajab tagaze. A gärveme te se oli. Pühävoid bučin ost', gäuhod i šonud, i krendeliid, i luzikoid, čaškoid i stokanoid i säkijad ost'. Ajab, a göba hebo se tahtoib. Gärvhe riigjen čapoi. Hebo väheižen güi da hebo, ka hebo i om, hänle enamb ii tariz. Hän havadon gäuhod paigäiž. «Na, sanub, — hebo, gö!» Hebo päupäi gäuhod sõi, sõi, a ostalni se vet' upoz'. Ajii, ajii, a te se houktuimil ningitte, kevaspol' gö oli se, a pazad oma tedme gärveme se houktudet gähä. «Mida tehta necidame gädmee? Gesli mina lankton hebome, ka uptan.» Van'ka-durak, Van'ka-umnj. Ot' da pühävoil' nene pazad Van'ka davai valada. Pühävoil' se kaiken bučin valoiki pazoīhe ne nenhe gärvhe. No, tegihe vahvemb.

Tuli toišhe aghä gärvved. Möstgö hebo göda tahtoib. A hebo mida göškab? Van'ka prolubaižen čapoi, hebon götab, hebo ii gö. Hän šonud havadon viškäiž, hebo päupäi šonud sõi, sõi. No, enambad ii tahtoi. No, läks' Van'ka

kodihe ajamaha. Ajab pereleskau, a astkäd no kaik kolaitas ühtes gässikas se ühthezo, a Van'ka-kuluse: «Van'ka-durak! Van'ka-durak!» Nene astkäd hänt draznitas, nimitadas. «No, mida tõ mindain nimitatt!» Libui reguupäi, karah-toit' barbikohu neno kaik astkäd. «Istkät side, mina ajan güudgäuki kodihel!» Van'ka kodihe güudgäu tuli. Velled mändihe vastha. Vastha mändihe, ka Van'ka nimida eile, kaik güudgäu tuunu, dengäd pidetut. «Mida nügutte zavottä, kut elada?» Muga i gaiba naimatomad. Muga i elotas kaik batrakoiden. Kaik.

ВАНЬКА-ДУРАК ДОМОВИЧАЕТ

Жили три брата, матери и отца у них не было. Двое братьев умные, а третий опять же Ванька. (Раньше Ванек было многое дак...) Ну, братьям нужно жениться. Они с девушками гуляют, а Ванька все на печи сидит. Братья заварили целую бочку пива и пошли гулять с девочками. А Ванька вылил бочку с пивом на пол, взял корыто, сел в него и сидит по полу. Дверь он запер. Пришли братья.

- Ванька, открой!
- Подождите, до дверей прокачусь.
- Ванька, открой!
- Подождите, до красного угла прокачусь.
- Ванька, открой!
- Подождите, до поля прокачусь.
- Ванька, открой!
- А входите сами!
- Ванька, открой!

Ванька не открывает, ему хорошо кататься. Сами они дверь открыли, вошли и видят: пиво выпито, Ванька катается.

— Ой, ты, дурак, дурак, нам жениться надо, а ты пиво выпил!.. Что теперь делать? А давайте сбежим от Ваньки из дома, перед девушками нам теперь стыдно, сбежим из дома.

Насушили они сухарей, уложили в мешки, в два мешка. Пошли с девушками попрощаться. Пошли они, а пока к девушкам ходили, Ванька явился, из одного мешка вывалил сухари, сам сел в мешок и завязался. Братья пришли от невест, а Ваньки нет.

- Давай убежим быстрее!
- Ушли они быстренько. А Ванька из мешка кричит:
- Братья, подождите!
- Ой, кто это нас догоняет?

А тот, который Ваньку-то несет, очень устал, а второй, с сухарями, так тот может налегке быстро идти. Тот из братьев, который Ваньку несет, и говорит:

— Отойдем, брат, в сторонку, я утомился, уйдем с дороги, пусть он мимо нас пробежит.

А Ванька из мешка все одно кричит:

— Братья, подождите!

Братья стояли в сторону, сели. Брат, который тяжелую ношу несет, и говорит:

— Давай, брат, поедим из моего мешка, уж очень мой мешок тяжелый.

Открыли мешок, а там Ванька. Что поделаешь? Опять вернулись домой. Пришли с Ванькой домой и живут дальше. Все.

— Что нам теперь делать? Давай отправим Ваньку в Шалу за товаром, свадьбу надо сыграть.

Отправили Ваньку на лошади в Шалу, дали денег, велели купить пшена, муки, ложек, поварешек, стаканов, в общем — посуды всякой. Поехал Ванька и купил все в лавке.

Едет он обратно. А дорога-то шла по озеру. Куплены бочка растительного масла, мука и пшено, и крендели, и ложки, чашки, стаканы, и всего накупил. Едет, а лошадь пить захотела. Он прорубил прорубь во льду. Лошадь немного попила, а лошадь так лошадь и есть — больше ей и не надо. А Ванька бухнул мешок муки.

— На, — говорит, — лошадка, пей!

Лошадь сверху муку съела, а остальная мука вся под воду ушла.

Ехал он, ехал, а дорога была вся в трещинах, дело было к весне. Трещины образовались на дороге во льду. «Что делать с этим льдом? Если я провалюсь вместе с лошадью, то утону». Ванька — дурак, да Ванька — умный. Взял он да давай лить растительное масло в эти трещины. Всю бочку масла и вылил в озеро, в эти трещины. И лед стал крепче.

Приехал он в другой конец озера. Опять лошадь пить захотела. А что будет лошадь пить? Ванька прорубил прорубь, поит лошадь, а лошадь не пьет. Он высypал мешок пшена, лошадь сверху пшено ела-ела, больше не хочет.

Ну, поехал Ванька домой. Едет он по перелеску, а посуда в ящике громыхает, а Ваньке слышится, что посуда его дразнит, обзвывает: «Ванька-дурак! Ванька-дурак!»

— Ну что вы меня обзвываете!

Встал он с воза, швырнул всю эту посуду в кусты:

— Сидите тут, а я порожняком домой поеду!

Ванька домой порожняком и приехал. Братья вышли навстречу. Встретили, а у Ваньки ничего нет, пустым приехал, а деньги все издержал. Что теперь делать, как жить? Так и остались неженатыми. Так и живут батраками. Все.

54. DÖOČKÄINE I PAKAINE

Elotihe ukoine da ak. Ukuu oli tütar dai staruhau oli tütar. Li rodnijad molembil: staruhau ičeze tütar, a ukuu ičeze. Hö ühthideki. Staruh ii navednū ukon tütaid nikut, otab da käskeb veda mecha:

— Ve, sanub, — mecha, uk, da ve sabran pähä, laske hän külmehtub.

Nece ukoine sabran pähä vei i gät' sinna alastita. A vilu ningine, pakaine. Pakaine tuli da ümbri göksendob da:

— Döočkäine, vilu ali läm?

— Vilu, deduško, vilu.

Hän tači valencaizēd hänolo sinna. Potom möst küzui:

— Külmid ali ed?

— Külmin.

Tači pürižen. Möst tuli da kütui:

— Külmid ali ed?

— Külmin.

Tači paikan sinna hänolo. Möst kütui:

— Külmid ali ed?

— Külmin.

Hän tači alaižed hänolo. Hän südat' necen dööcküžen. No, dööckäine ön magaz?

Homesuu nuuz' staruh.

— Mäno, uk, otmaha dööckäst', külmehetnu om gö, to luhudod, hot' kopakam.

A dööckäine sänuze siga. Sabran päs, käub naku eläbaine. Ot' uk, regude-lo ištut' ningiman ani bajarinaižen.

— Oi, minun tüürki laske sädase, staruh samuh.

Uk ičeze türen toi kodihe, a staruhan türen vii sabran pähä sinna, lend' da gätki.

Pakaine tuli dai: «Dööckäine, külmid al' ed?» — «Žab suhu!» No, hän ni-mida ii annu. Möst tuli pakuine: «Dööckäine, külmid al' ed?» — «Žab suhu!» Sihesal käui, «žab suhu» sanel', sanel'. Pakaine hänolo nimida annu ei da külmehitoitki.

Ö proidi.

— Mäno, to minun dööckäine, sädnuse om.

Ukoine mäni ka dööckäine külmehetnu sabran pähä. Necen kokotaižen ot' da havadoho pani da regudon vedah kodjhe. Piudho tuli, koirad nuttas: «Hau, hau, ukon tutär tuli kiudas da hobedas, a staruhan tütruu lud havados vedotas.»

ДЕВОЧКА И МОРОЗ

Жили старик со старухой. У старика была дочь, да и у старухи была дочь. Для обоих неродные: у старухи своя дочь, а у старика своя. Они сошлись. Старуха неизлюбила дочь старика и велит отвезти в лес:

— Отвези, — говорит, — в лес, старик, да подними на стог, пусть она замерзнет.

Старик отвез ее на стог и оставил там раздетую. А холод такой, мороз еще. Пришел Мороз, вокруг бегает да:

— Девочка, холодно или нет?

— Холодно, девочка, холодно,

Он бросил ей туда валеночки. Потом опять спрашивает:

— Замерзла ты или нет?

— Замерзла.

Бросил он шубку. Опять пришел и спрашивает:

— Замерзла или нет?

— Замерзла.

Бросил он ей тула платок. Опять спрашивает:

— Замерзла или нет?

— Замерзла.

Бросил он ей туда варежки. Одел он эту девочку. Ну, ночь проспала девочка.

Утром встает старуха:

— Иди, старик, возьми девочку, замерзла она уже, привези, хоть kostochki закопаем.

Поехал он туда на санках брать девочку. А девочка там одета, на стогу, живехонькая. Взял стариk, посадил ее на санки как барыню.

— Ой, пусть и моя дочь оденется, — старуха говорит.

Стариk свою дочь привез домой, а старухину дочь отвез на стог, поднял туда и оставил.

Пришел Мороз:

— Девочка, замерзла или нет?

— Жаба тебе в рот!

Ну, он ничего не дал. Опять пришел Мороз:

— Девочка, замерзла или нет?

— Жаба тебе в рот!

До того Мороз доходил, а она ему все «жаба в рот». Ничего он ей не дал. Да и заморозил.

Прошла ночь.

— Иди, привези мою девочку, уже одета она.

Стариk пошел, так девочка замерзла на стогу. Эту «кочерыжку» он взял, положил в мешок и на санках везет домой. Едет по полю, собаки лают:

— Гав-гав! Дочь старика приехала в золоте да серебре, а кости старухиной дочери везут в мешке.

55. ENDO SOUDATIŠ SLUŽIBA KAKSTÜME VIŠ VOT

Detko sanuli. Endo soudatiš služiba kakstüme viš vot. Oli üks' prihää nainu i otiba hänt soudatihe. I dei ak i kahton lapsit'. Ak oli hänou ottut mehelo vištoštüme virstat hänospe. Ajada tedme, ka seiži seičmenduu virstou pagast, bolše läs nimida ilen.

Mužik hänou služi gö viš vot i koli sigo soudatiš. Sāniba akala, hän pahin veiki. Proidi nedal', ak vallästi hebon i läks' üksnäzo mamazonlokst kodihe. A lapsit däti sihe. Ajii mamazonlokst öks. Lasketi hebon, pani tahnalo. Lämbitiba samovaran i ištühje dömhä i veikiba mamazome. Avitölose verei, tuloskendob hänon mužik, pagižep akala:

— Ajagam kodihe, tari mini nägištada lapsit', homesuu mini tari uuda častiš.

Ak i mamazo hüpähtiba stolantagape i ištutološkatihe hänt stolan taga, a hän nikut ii išle i ii lähto tündusonluupe. Nu ak mäni mužikame, vallästi korkhä hebon i läksiba üu kodihe. Hebo oli nor'. Išttaas korgäs i pagištas. Mužik pagižep akala:

— Kudan' paštab, kolli vedab akan. Sina li, moloduha, et vareida mindei?

Ak hänlo pagižep:

— Mida mini sindei vareita? Sina mini mužik.

Tagema ajetas i hän pagiži ii ühtet terdat, što sina et vareida mindei. I tulosketas pagastahasat' i mužik pagižep akalo:

— Sina siižuhta tägo, a mina zaidun pagastaha ristmähäzo.

No i mäni pagastaha, a sigo kollät ii kopatut vini. Mäni hän i vedolop kollit lavame. Ak kaculti üuknaha, ka mužik hänon vedolop kollit. Ak hotkemba ištjhe korghä i läks' kodihel lapsidenlokst. A mužik hüppäh' pagastaspe i tüksoškuns' akan. Ak libji korgas siisti i küksop hotkemba hebon. Ak muga nütkib ohgäsiš hebon, miše hotkemba dëksiš, a mužik dëksop döökhe i kriip:

— Dogadit!

A akou rušihe üks' ohgäs i voločiše korgün taga. Mužik iivin haškota ohgäst, muga tüksi hebon. Aji kodihesat' siičmen virstat i taňazverejš valibe hebo bokalo, I koli. A ak südämest fati i mugažo koli korghä. Homesuu susedat nägištiba kaks' kollät — hebo i ak.

РАНЬШЕ В СОЛДАТАХ СЛУЖИЛИ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Дед рассказывал: раньше служили в солдатах двадцать пять лет. Один парень был женат, и его взяли в солдаты. Осталась жена и двое детей. Жена его была взята замуж за пятнадцать километров от них. Ехать по дороге — то на седьмом километре стояла церковь, больше поблизости ничего не было.

Муж ее служил пять лет и там, в солдатах, и умер. Сказали жене, она очень плакала. Пропла неделя, жена запрягла лошадь и одна поехала домой к матери. А детей оставила тут. Приехала к матери к ночи, распрыгала лошадь, поставила на двор. Согрели самовар, сели пить и заплакали они с матерью. Открывается дверь, входит ее муж и говорит жене:

— Поехдем домой, мне хочется увидеть детей, а утром мне нужно слова быть в части.

Жена и мать ее вскочили из-за стола и начали усаживать его за стол, а он никак не садится и не уходит с порога. Ну, жена и поехала с мужем. Зашпрыгала лошадь, и поехали ночью домой. Лошадь была молодая. Сидят они в санях и разговаривают. Муж говорит жене:

— Луна светит, покойник везет жену. Ты, молодуха, не боишься меня?

Жена ему говорит:

— Что мне тебя бояться? Ты же мне муж.

Едут дальше. И он не однажды спрашивает, что «боишься ли ты меня?». Подъезжают к церкви, муж и говорит жене:

— Ты постой тут немножко, а я зайду в церковь помолиться.

И вошел в церковь, а там были мертвые, еще не захороненные. Идет он и вытаскивает всех мертвяков на пол. Жена посмотрела в окно: муж таскает мертвяков. Жена скорее села в сани и поскакала домой к детям. А муж выскоции из церкви и начал догонять жену. Жена в санях стоя встала и гонит быстрее лошадь. Жена держит за вожжи, чтобы лошадь быстрее бежала, а муж бежит следом и кричит:

— Догадалась!

А тут развязалась одна вожжа и волочится позади саней. Муж не может перепнатнуть вожжи, а тонится за лошадью. Она мчалась до дому семь километров, и у ворот двора лошадь повалилась на бок и сдохла. А жена сквачилась за сердце и тоже умерла в санях. Утром соседи увишли двух мертвых — лошадь и женщину.

ПРИМЕЧАНИЯ

В примечаниях сообщаются общепринятые сведения: от кого, где, в каком году и кем записан текст, дается ссылка на «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (СУС). Классифицируя финно-угорские тексты, мы пользовались названным выше сюжетоуказателем, определяя по нему типы вепских и карельских сказок.

Для публикуемого текста дается шифр архива Карельского филиала АН СССР (ныне архив Карельского научного центра Российской Академии наук).

Сокращения: АКФ_в — вепские сказки; АКФ_к — карельские; АКФ_р — русские: далее отмечается номер коллекции и через запятую — номер единицы хранения. При наличии магнитофонных записей указывается соответственно шифр фондоархива ИЯЛИ КНЦ РАН. Например, ф. 2663, 10: цифры до запятой обозначают номер кассеты, следующей за ней — порядковый номер записи. Нерасшифрованные магнитофонные записи аннотированы в коллекции № 83, посему к номеру единицы хранения приписывается (ан.). После «паспортных» данных перечисляются, при их наличии, однотипные вепские варианты. Если совпадения с типовой схемой неполные, то номер СУС заключается в круглые скобки.

В примечаниях к текстам указываются и карельские варианты данного сюжета, опубликованные в нашей стране на карельском, финском и русском языках, а также неопубликованные варианты из упомянутого архива. По мере возможности учтены научные публикации вепских и карельских сказок ученых и собирателей Финляндии.

Комментарий в основном дается с точки зрения поэтики сказки, ее структурных и художественных особенностей, характерных контаминаций, источниковедения.

Архивный каталог по карельской сказке* отмечает наличие 2030 текстов сказок. Многие сюжеты в каталоге отражены большим количеством вариантов, поэтому материал в примечаниях дан выборочно. К тому же объем использованного сравнительного материала ограничен территорией Карелии, не приводятся примеры однотипных сказок тверских, тихвинских, новгородских карел и ингерманландцев, хотя они учтены в упомянутом каталоге.

Материал в сборнике распределен по трем крупным разделам: 1. Прионежье (Прионежский район Карелии); 2. Ленинградская область; 3. Вологодская область: внутри регионов — по деревням и исполнителям.

Прионежье

1. Девочка и козочка. Записала Н. Ф. Онегина в 1980 г. в с. Шелтозеро от А. Е. Логачевой. 85 л. СУС 313 А. АКФ_в 83, 143 — ф. 2627, 1; варианты: НАКМ, 25; NVM, 61; АКФ_в 57, 9; оп. 43, № 103, л. 23—25 (сб., № 8); оп. 43, № 229, л. 25—29 (сб., № 15). На основе изученного материала можно выделить две версии данного сюжета: русскую и уgro-финскую. Последняя в указателе СУС не выделена (см.: Ск. Заонежья, с. 202, примеч. 19). Они сходны начальным вредительством (обманный договор: «Отдай то, чего дома не знаешь»). При рождении сына сюжет развивается по классической русской версии (см. сюжет 313 А, Б, С в СУС, с. 113). При рождении дочери развитие сюжета иное, нашедшее отражение в основном в вепской и ка-

* Карельские сказки в архиве КНЦ РАН: Каталог / Составитель А. Т. Пакконен; Научный редактор Н. Ф. Онегина. — АКФ_к ф. 1, оп. 6, № 186 (в дальнейшем — Каталог «Карел. ск.»).

рельской сказке. Героиня сказки, обещанная отцом водяному (черту или другим злым силам), стремится избежать брака с водяным. Она спасается от нечистой силы, благодаря помощи тотемного животного (козы, козла, барана). Коза прячет ее в тюк соломы (сена) и увозит. Спасенная выходит замуж за царевича. Далее возникает мотив «подмененной жены». Колдунья пытается уничтожить волшебного помощника (козу, барана).

Итак, к угро-финской версии относится публикуемый текст и все перечисленные вепсские варианты, кроме NVM. 61. Карельских сказок подобного типа обнаружено больше, чем вепсских: АКФ_к 50, 7 (Музер. р-н); 79, 235 (Суоярв. р-н); 132, 96; 137, 17; 140, 14; Бел., 5 (Олонец. р-н); КНС I, 22, 23. Обе версии отражают древние верования: чудесный помощник — тотемный предок; другой архайический мотив: столкновение человека, члена рода, с «хозяином рыб» — водяным. Старик удет рыбу на Онего, удачлив в лове, но водяной требует от него выкуп (принесение жертвы): «Твоя жена беременна, родит сына, пошлешь его ко мне» (NVM, 61).

Реминисценции этого мотива находим в карельском тексте КНС I, 23. Русские сказки, совпадающие с угро-финской версией, записаны в Карелии, из них большая часть — в Заонежье: Онч., 128; Карн., 64; Ник., 118 (оп.); Ск. Заонежья, 19; ИРЛИ(р), кол. 2, п. 3, № 1; кол. 120, п. 7д, л. 218—220 (Медвеж. р-н); Онч., 56 (Беломор. р-н); АКФ_п, 56, 235 (Кем. р-н); Ск. Пудожья, 34. Доп. см.: Никиф., 157. Создается впечатление, что здесь имеет место заимствование сюжета с его архаикой русскими сказителями Карелии из вепсско-карельской сказочной традиции. Основная масса карельских сказок (более 20 вариантов) тяготеет к русскому канону (см. Каталог «Карел. ск.»).

2. Медведь и Маша. Записали Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен, Э. П. Хуттер в 1981 г. в с. Шелтозеро от А. Е. Логачевой, 86 л. СУС—179*. АКФ_в 83, 144 — ф. 2628, 7. Под разными индексами порою бывают очень схожие сюжеты: в данном случае нам кажется правомерным отнести к идентичным изданным СУС 314 А* «Бычок (лось, вол) — спаситель: помогает детям бежать от похитителя». См. вепсские варианты: НАКМ. 28 (Прионеж. р-н); АКФ_п 83, 189 — ф. 35, 6 (сб., № 39) (Ленингр. обл.); АКФ_п оп. 19, № 22, л. 123—125 (сб., № 44) (Вологод. обл.). Карельский вариант нам известен только один: АКФ_к 106, 84 (Лоух. р-н). Русская сказка Карелии представлена тремя текстами (СУС—179*): Карн., 32; Ск. Заонежья, 28 и 71. Вепсские, карельские и русские сказки данных типов почти идентичны.

3. Замарашка. Записали Н. Ф. Онегина, А. Т. Пакконен, Э. П. Хуттер в 1981 г. в с. Шелтозеро от А. Е. Логачевой, 86 л. СУС 510 А: 409. АКФ_в 83, 145 — ф. 2628, 1. Наиболее близкий вепсский вариант — NVM, 56. Сюжет «Золушка» весьма распространен у многих народов, в том числе у вепсов и карел. Основная коллизия мачехи и падчерицы разрешается с помощью сил материнского рода. Загробная дарительница-мать (иногда в ипостаси тотемного животного) предлагает взять на ее могиле веточку с магическими свойствами (получение волшебного средства). В итоге все задания мачехи падчерица выполняет: перебирает зерно, отделяет молоко от воды и т. д. (задача — решение). Царевич выбирает невесту. Героиня волшебной веточкой вызывает чудесного коня, добывает наряды, перевоплощается в красавицу и является на бал (в церковь). Царевич находит исчезнувшую невесту по утерянному башмачку (калоше). Такова схема публикуемого варианта и NVM, 56. Следует отметить, что такая разработка сюжета более характерна для карел: АКФ_к 10, 236; 10, 271; 12, 55; 18, 45; 22, 45; 46, 19; 89, 16 (Калев. р-н); 2, 141; 84, 28 (Лоух. р-н); 35, 43 (Беломор. р-н); 73, 6; 75, 1 (Кондоп. р-н). В подобных вепсских и карельских вариантах мачехе приписываются черты ведьмы, как в публикуемом тексте. Мачеха превращает замужнюю падчерицу в птицу, оленяihu и т. п., и к изложенному примыкает новый сюжет (СУС 409). Здесь он дан подробно и вполне традиционно в отличие от другого вепсского варианта — NVM, 56, где героиня превращена в волка и спасается при помощи волшебного дара тотемного предка (быка). Канонично выглядят карельские контаминированные варианты (СУС 510 А: 409): АКФ_к 29, 41; 13, 8 = КНС I, 28 (Калев. р-н); 35, 43; 79, 923 (Беломор. р-н); 46, 19; 45, 5; 50, 53 (Музер. р-н); 70, 94; 134, 44; 134, 122; 137, 3; 141, 25 (Олонец. р-н); 101, 12a; 113, 22; 114, 22 = КНС II, 19 (Пряжин. р-н); 64, 23 (Медвеж. р-н). Публикации: SKSJT, с. 65—73; KKN III, с. 40—42; Kultar., с. 69—80, 231—236; Евс., 47. Подробнее о сюжете 510 А см.: Онегина Н. Ф. Вепсские волшебные сказки о невинно гонимых // Фольклористика Карелии. Петрозаводск. 1983. С. 144—150.

4. Медведь и лиса. Собственноручная запись Р. П. Лонина (26 л.) в с. Шелтозеро, 1956 г. СУС (280). АКФ_в 58, 16. Вариантов ни в вепсском, ни в карельском, ни в русском материале не обнаружено. Сам записавший утверждает, что усвоил сказку устным путем, слышал в соседней деревне.

5. Своеольная жена. Собственноручная запись Р. П. Лонина в с. Шелтозеро, 1956 г. СУС 1365 А. АКФ_в 58, 33; варианты: АКФ_в 83, 152 — ф. 2660, 2; ОВР. 9; АКФ_к 22, 22 (СУС

1365 А; 1381); АКФ_к 26, 159; 29, 50 (Калев. р-н); 45, 8 (Сегеж. р-н); 102, 31 (Кондоп. р-н). Сюжеты про упрямых жен считаются широко распространенными, но в известном нам вепсском материале встречаются редко. Устные варианты, в том числе и публикуемый, насыщены реалиями местного быта, излагаются живой разговорной речью, являясь формой бытowego рассказа с четкой нравственной оценкой событий. Характерна краткость изложения, спр.: Ск. Заонежья, 43. Контаминации редки, хотя не исключены. Сюжет имеет литературную версию, см.: Итальянская новелла Возрождения. М., 1957. С. 320.

6. **Хозяин с хозяйкой да сосед-мясник.** Собственноручная запись Р. П. Лонина в с. Шелтозеро. 1956 г. СУС 1533 = АА *1580. АКФ_в 58. 17. Ни вепсских, ни карельских вариантов сюжета «Дележ гуси» не обнаружено. В русских сборниках опубликовано более 20 текстов. В русской среде Поморья. Пудожья сюжет не зафиксирован. В Заонежье — только два варианта: Онч., 172, запись М. М. Пришвина; неизданная запись А. И. Никифорова: Ник., 7 (оп.). Сказка получила распространение благодаря сборникам первой половины XIX века.

7. **Аполлон святой.** Записал Н. И. Богданов в 1956 г. в с. Шелтозеро от А. М. Зайцевой, 66 л. СУС 1380: 1537. АКФ_в оп. 43, № 298, л. 27—32; варианты: АКФ_в 57, 37; НАКМ, 8; АН, 95 (Прионежье); NEV I, 22; NVM, 34 (Ленинград. обл.); НАКМ, 99; АКФ_в 83, 67 (ан.) — ф. 2661, 2 (Вологод. обл.). Сказка широко бытует как в русской среде, так и в карельской и вепсской. Сюжет в чистом виде (СУС 1380), без контаминаций, бытует среди вепсов и карел: АН, 95; НАКМ, 99; NEV I, 22; АКФ_в 83, 67 (ан.) — ф. 2661, 2; АКФ_к 2, 177 (Лоух. р-н); 22(1), 3; 82, 24 (Калев. р-н); 52, 5 (Муезер. р-н); 63, 6; 64, 6 (Медвеж. р-н); 99, 11 (Пряжин. р-н); 132, 155; 135, 60; 141, 20; 142, 14 (Олонец. р-н). Публикуемый текст относится к менее распространенному типу, включающему контаминацию с сюжетом «Мертвое тело» (СУС 1537). такое соединение оправдано развязкой первого хода сказки (см. доп.: НАКМ, 8; NVM, 34; АКФ_к 89, 36). Не менее логична и контаминация с СУС 1536 «Мужик бросает в реку трех попов»: АКФ_к 74, 19; 164, 10 (Суоярв. р-н); 112, 5 (Пряжин. р-н); 132, 51 (Олонец. р-н). О русской сказке Карелии по изучаемому сюжету см.: Ск. Заонежья, примеч. 30. Сказки этого типа носят морализующий и антиклерикальный характер.

8. **Водяной.** Записала Егорова в 1947 г. в д. Залесье от П. Н. Ефремовой, 60 л. СУС 313 А. Варианты и схему сюжета см.: сб., примеч. 1. Публикуемый текст — разновидность сюжета «Чудесное бегство» в его финно-угорской интерпретации, только чудесным помощником здесь является не темное животное (коза, баран), а баба-яга, она прячет героянью от поезжан водяного. Кстати, яга-воительница в сказках появляется очень редко. Вопреки общепринятыму мнению, яга в сказках обычно дарительница, помощница, как в нашем варианте, отсюда становится понятной и внутрисказочная замена. Бегство оформлено здесь по канону русской версии: превращение в разные предметы.

9. **Неродная дочь.** Записала Егорова в 1947 г. в д. Залесье от П. Н. Ефремовой, 60 л. СУС 480 = АА 480 *С. АКФ_в оп. 43, № 103, л. 37—40; варианты: НАКМ, 26; АКФ_в 83, 34 (ан.) — ф. 2629, 2; 56, 12 (Прионежье); NEV II, 12; NVM, 12, 25; 26, 63; АКФ_в оп. 43, № 141, л. 70—71; АКФ_в 83, 16 (ан.) — ф. 2625, 9 (Ленинград. обл.); НАКМ, 96 и 101; АКФ_в 83, 175 — ф. 47, 9 (сб., № 48); 83, 162 — ф. 2663, 2; 83, 57 (ан.) — ф. 2661, 7 (Вологод. обл.). Это сказка из цикла сюжетов о мачехе и падчерице. в них не сама мачеха изводит падчерицу, а отдает ее на растерзание злым силам, олицетворенным в образах чудовищных стариков, ведьмы, медведя. Морозко и т. д. Этот древний мотив, отражающий взаимоотношения человека с духами, демоническими существами, в соединении с социальным мотивом «мачеха — падчерица», определяет структуру изучаемого сказочного типа. В основе первого хода — изображение добродетелей падчерицы, во втором — противопоставление грубости и нерадивости мачехиной дочери, отсюда негативность исхода. Типичная для русских и карел трактовка сюжета 480 = АА 480 *С (игра в жмурки с медведем) встретилась у вепсов только в варианте NVM, 26. Во всех остальных случаях враждебными испытателями являются старики-колдуны, которые с наступлением зари исчезают.

Карельские варианты сюжета см.: АКФ_к 132, 64; 134, 165 (Олонец. р-н); 74, 53 (Кондоп. р-н); 92, 6 (Пряжин. р-н); 22, (1), 26; 28, 165 (Калев. р-н); 6, 63; 6, 66; 7, 428 (Медвеж. р-н); 45, 25 (Сегеж. р-н). Публикации: КНС I, 26; ККН I, с. 153—154; Евс., 49; Suom., 78. Анализ материала показал, что вепсские и карельские варианты близких сюжетов (480 = АА 480 *С и 480 *В) совпадают с русскими сказками Карелии и Севера не только по структуре, но и текстологически. Нами усматривается здесь заимствование из русской традиции. Подробнее об этом см.: Онегина Н. Ф. Вепсские волшебные сказки о невинно гонимых, с. 140—145.

10. **Добрая девочка Варвей.** Записала Егорова в 1947 г. в д. Залесье от П. Н. Ефремовой, 60 л. СУС 510 А. АКФ_в оп. 43, № 103, л. 34—37; варианты: НАКМ, 21 и 23; АН, 51; NVM, 1 и 72; АКФ_в 83, 171 — ф. 47, 1 (сб., № 49); 83, 139. Тип 510 А мы уже анализировали в примеч. 3. Однако для вепсов каноничнее иное сплетение мотивов в данном сюжете. Девочка-

нищенка Варвей помогает встречным животным и старику выбраться из лужи (болота). Последний дарит батожок или камешек (получение волшебного средства). Стукнув батожком, геройня получает наряды, коня; едет на бал (в церковь), где привлекает внимание царевича, тот находит ее по утерянному башмачку. См.: НАКМ, 21; АН, 51 (Прионежье); НВМ, 72 (Ленингр. обл.); АКФ_в 83, 139; 83, 171 (сб., № 49) (Вологод. обл.). Дарителем при данном предварительном испытании может стать и животное (тотемный предок), как в тексте сб., № 49. Подобные варианты не являются исключением и в севернокарельской сказке: АКФ_к 20, 78 (Калев. р-н); 2, 90; 3, 136 (Лоух. р-н); 52, 6 (Муезер. р-н); 9, 1 (Кем. р-н).

11. **Брат и сестра.** Записала Егорова в 1947 г. в д. Залесье от П. Н. Ефремовой, 60 л. СУС 706. АКФ_в оп. 43, № 103, л. 25—28; варианты: АКФ_в 56, 7 (сб., № 22) (Прионежье); АКФ_в оп. 19, № 22, л. 36—39; АКФ_в 83, 164 — ф. 2663, 6 (Вологод. обл.). Сюжет «Безручка» весьма устойчив в традиции вепсов, карел и русских: по ложному обвинению жены брат отрубает девушке руки. Царевич находит в саду или в лесу безрукую красавицу и женится на ней, но семейное благополучие нарушается наветом ведьмы — ложным известием царевичу о рождении зверенка. Геройня чудесным образом исцеляется, окунув культишки в воду при попытке спасти тонущего ребенка. Истина выясняется, клеветница наказана. Судить о распространенности сюжета по вепским материалам у нас нет оснований. У карел в конце прошлого века К. Крон отметил более 20 вариантов сюжета «Безрукая девушка» (см.: SKS II, с. 143—148), в записях нашего времени зафиксировано 25 текстов (см.: Каталог «Карел. ск.» — сюжет 706). Наиболее традиционно изложены варианты карел: АКФ_к 20, 13; 28, 153; 42, 48 (Калев. р-н); 85, 193 (Лоух. р-н); 35, 2; 36, 56 (Беломор. р-н); 7, 426; 63, 47; 64, 2 (Медвеж. р-н); 96, 4; 99, 5; 103, 42; 113, 5 (Пряжин. р-н); 132, 34; 132, 55; 134, 47; 135, 28; 135, 41; 137, 4; 138, 78 (Олонец. р-н). Публикации: КНС II, 37; ККН I, с. 65—67; ККН III, с. 42—43; Бел., 8 (рус. перевод — Пажл., с. 71—74); SKSJT, с. 114—122. Сюжет 706 удачно контаминаируется с СУС 409; 707; 709: АКФ_к 157, 14; 26(2), 30 (Олонец. р-н); 102, 6 (Пряжин. р-н), есть и другие структурные разновидности. Хотя в большинстве вепских и карельских сказок изучаемого типа значительность семейного конфликта заслонила фантастику волшебной сказки и сложился бытовой рассказ о проделках коварной женщины, все же исцелитель Безручки — Бог или святой угодник — встречается еще в сказках вепсов, как в публикуемом тексте. В этом мы усматриваем влияние христианской легенды о чуде исцеления. Параллель в карельских сказках: АКФ_к 103, 42; 107, 53; 137, 4; КНС II, 37. Подробнее о сюжете см.: Онегина Н. Ф. Русско-карельские фольклорные связи: (Из опыта изучения общности поэтики волшебных сказок) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1980. С. 44—57.

12. **Золотой мальчик.** Записала Егорова в 1947 г. в д. Залесье от П. Н. Ефремовой, 60 л. СУС 707. АКФ_в оп. 43, № 103, л. 75—77; варианты: НАКМ, 5, 24, 30, 81, 85; АКФ_в 56, 7 (сб., № 22); 56, 25; 57, 9 (Прионежье); НАКМ, 196; NEV I, 32; НВМ, 59, 72; АКФ_в 83, 6 (ан.) — ф. 2624, 10 (Ленингр. обл.); НВМ, 55 (Вологод. обл.). Существует множество версий сюжета «Чудесные дети» (см.: Мелетин., с. 169), но в устной традиции Европейского Севера-Запада встречаются две: русская и западноевропейская. Структурно-типологический анализ этих версий с подробным описанием функций, с цитацией вепского материала и анализом художественных особенностей сюжета даны в ст.: Онегина Н. Ф. Вепсские волшебные сказки о невинно гонимых, с. 135—140. Анализируемая нами сказка очень широко распространена у русских, карел, вепсов и других народов. Все известные нам сказки вепсов, перечисленные в примечании, относятся к названной нами «русской» версии: «золотых» детей царицы подменяют зверятами, ее бросают в море (у вепсов обычно в Онего), закупорив бочку. Сын, спрятанный царицей, вырастает в бочке, потом ломает ее. На берегу силой магических свойств герой строит дворец (дом), добывает диковинки, привлекающие внимание царя-отца. Такую же трактовку сюжета «Чудесные дети» находим в полусотне карельских сказок архива (см.: Каталог «Карел. ск.» — сюжет 707) и в публикациях: КНС I, 48; SKSJT, с. 93—103, 103—109, 109—113; SKS II, с. 128—142; ККН I, с. 55—58; ККН II, с. 4—8, 131—138; ККН III, с. 54—56, 169—171, Бел., 15 = Пажл., с. 27—32; Конкка, с. 128—133; Kultar., с. 10—11, 133—142. У. С. Конкка называет такую трактовку сюжета классической «карельской» версией (см.: КНС I, примеч. 48, с. 515). Но у карел обнаружена и западноевропейская версия, см.: КНС I, 49; Roine, с. 302—307, спр.: Af., 288, 289. В большинстве вепских сказок данного типа осуществлен полный набор функций (действий сказочных персонажей). Для примера см. в упомянутой выше статье Н. Ф. Онегиной Приложение 1, где выделены синтагмы в сказке, записанной от вепсов в конце XIX в., а также НАКМ, 196. В публикуемом варианте сильно редуцирована концовка сказки, в то же время основной сюжет структурно и художественно соответствует канону.

13. **Невеста Настенька.** Записала Егорова в 1947 г. в д. Залесье от О. Е. Власовой. 76 л. СУС 400₂ = AA 400 *B: 554. АКФ_в оп. 43, № 103, л. 14—16. В известном нам вепском мате-

риале это единственный к тому же «женский» вариант данного сюжета. Традиционное развитие сюжета таково. Герой трижды просыпает свидание с обреченной царь-девицей, так как по наущению антагониста ему втыкают в одежду (в волосы, уши) сонные булавки (вредительство — околодование). Невеста уезжает (в нашем тексте — жених исчезает). Жених отправляется в поиск. Герой узнает, что невеста возненавидела его, а чтобы приворожить ее, нужно добыть яйцо с ее любовью. В дороге герой оказывает услуги случайно встреченным животным, и те помогают герою добыть яйцо с «тоской» девушки. Все заканчивается бракосочетанием. См.: АКФ_к 29, 137; 19, 76 (Калев. р-н); 52, 4 (Муезер. р-н); 75, 130 (Кондоп. р-н); 98, 2 (Приянин. р-н); 101, 4; 132, 69; 135, 182; 138, 45; 138, 83 (Лоденец. р-н). Публикации КНС II, 13; SKS II, 12c; Конкка, с. 143—148. Мотив 554 «Благодарные животные» всегда органично входит в сюжет, как в нашем случае. То же можно сказать о сюжете 302₁ «Смерть Кащейа в яйце» (здесь любовь—тоска девушки в яйце). Могут быть и другие контаминации: СУС 300₁ (АКФ_к 138, 45); СУС 315 (АКФ_к 132, 69) и т. п.

14. Жена-птица. Записали Г. Е. Власьев, П. Карпов в 1937 г. в д. Залесье от П. Е. Рябчинской, 75 л. СУС 465 А. В. АКФ_в 56, 4. Сюжет «Красавица-жена» имеет три версии, обозначенные сюжетоуказателем индексами А. В. С. Публикуемый вариант объединяет два первых сюжета: «Пойди туда — не знаю куда» и «Гусли-самогуды». Последний не имеет вариантов у вепсов, судя по известному нам материалу, и у карел нашелся только один текст: Бел., I. По сюжету 465 А отмечено 19 вариантов в каталоге «Карел. ск.». Вепсский вариант — АКФ_в оп. 43, № 141, л. 45—50 — к данному сюжету отнесен весьма условно. В публикуемом тексте оба сюжета недостаточно разработаны. Сказка, вероятнее всего, заимствована у русских и претерпела значительную деформацию. В русской сказке Карелии гусли-самогуды для героя изготавливает волк медный лоб (Карн., 7), в карельской тоже волки, сыновья лесной старухи, изготавливают волшебный предмет (здесь кантеле) — Бел., I. В вепсской сказке сыновья лесной старухи (уже не волки, а мужчины-мастера) должны изготворить «живых гусей» (неверно понятое слово «гусли»). Далее идет в обоих вариантах, как и в русской сказке, испытание героя сном и получение волшебного предмета (ср.: Аф., 216; Онч., 151). Замена слова «гусли» на более колоритное для здешних мест «кантели» — видимо, привнесение составителя сборника К. Беловой. Сказка, публикуемая в сб., в целом выдержана в традиционном стиле.

15. Настасия золотые кудри. Записала М. И. Зайцева в 1956 г. в с. Шокша от М. И. Сидорковой, 72 л. СУС 313 А; 450. АКФ_в оп. 43, № 299, л. 25—29. Варианты и анализ сюжета см. в примеч. 1. Эта сказка, как и первый текст сборника, относится к угро-финской версии, выделенной нами. По обманному договору — «отдай то, чего дома не знаешь» — обещана дочь, которая спасена козой и выходит замуж за царевича. В данном тексте в отличие от предыдущих (сб., № 1 и 8) есть мотивы сюжета 450: колдунья топит девушку и пытается уничтожить волшебного помощника — козу. Изложено все довольно схематично.

16. Красавица-жена. Записала М. И. Зайцева в 1956 г. в с. Шокша от М. И. Сидорковой, 72 л. СУС 882 А. АКФ_в оп. 43, № 299, л. 20—24. Сюжет не популярен среди вепсов, вариантов к тексту не обнаружено. У карел записано 11 вариантов: АКФ_к 10, 224; 10, 226; 10, 265; 60, 2, 161, 699 (Калев. р-н); 10, 254; (Кем. р-н); 61, 52 (Медвеж. р-н); 70, 58 (Суоярв. р-н); 98, 8 (Приянин. р-н); 134, 145; 135, 6 (Лоденец. р-н). Русская сказка Карелии представила данный сюжет в пяти вариантах: Заонежье — 1. Поморье — 1. Пудожье — 3. Сюжет новеллы таков: торговец, находясь далеко от дома, спорит с напарником о верности своей жены; тот обманом достает доказательство ее греховности (кольцо, пояс). Муж покидает дом: жена в мужском платье следует за ним и разоблачает клевету. Подобное традиционное изложение см.: АКФ_п 23, 233; 93, 223 (Пудожье). В публикуемом тексте второй части сюжета нет, ибо муж топит жену. Чудом спасшись, она возвращается к мужу. Такую же разработку сюжета см.: АКФ_п 56, 205 (Кем. р-н).

17. Как три брата вепса научились говорить по-русски. Записали Г. Е. Власьев, П. Карпов в 1937 г. в с. Шокша от П. Е. Сидоркова, 23 л. СУС 1697. АКФ_в 56, 11. Других вепсских вариантов не обнаружено. В среде карел на территории республики сделана одна запись: АКФ_к 35, 34 (Беломор. р-н); у тверских карел два варианта: АКФ_к 148, 331; 149, 28 (Тверская обл.). Это сказка из цикла анекдотов о дураках. Фольклорные анекдоты — это не что иное, как бытовые сказки. Они обычно насыщены реалиями быта, как в публикуемом тексте (сыновей отправляют учиться в Питер, добираются они пешком: отец хочет обучить их русскому языку, чтобы затем отправить бурлакить, т. е. на заработки. и т. п.). Сказки подобного типа, как правило, пронизаны юмором. Данный сюжет имеет четко выраженную национальную основу, в русской среде он отсутствует.

18. Богатый и бедный братья. Записали Г. Е. Власьев, П. Карпов в 1937 г. в с. Шокша от Ф. Н. Кузова, 41 г. СУС 567. 300₁ = АА 300 А, 554; 303. АКФ_в 56, 6; вариант: АКФ_в оп. 43, № 141, л. 40—45. Карельских вариантов в архиве — 23, а вместе с изданными — до по-

лусотни. Широкое распространение сказка получила благодаря лубочным изданиям, где она печаталась начиная с XVIII в. Сюжет в традиционном изложении таков: антагонист пытается завладеть волшебной птицей, под крылом которой написано пророчество: «Кто съест голову — будет царем, кто съест потроха — будет плеваться золотом». Изжаренную волшебную птицу съедают сыновья хозяек дома. Детей приказано убить, но им удается сбежать. Предназначение исполняется. Практически тип сказки определяется по ведущему конфликту, раскрытыму в центральном ходе, но именно этот тип сказки притягивает к себе разнообразные иные темы. Например, изучаемый сюжет «Чудесная птица» (СУС 567) порой предваряется другим — «Две доли» (СУС 735), заканчивающимся приобретением волшебной птицы. См. южнокарельские сказки: АКФ_к 140, 13; 102, 16а; КНС II, 25; SKS II, с. 211—212, 213—223. Иногда заключительным является сюжет «Рога» (СУС 566): АКФ_к 13, 14; 99, 24. Однако основная сюжетная линия развивается совершенно аналогично в русской, вепсской и карельской сказке — русский материал см.: СУС, с. 163, сп.: АКФ_в 56, 6; оп. 43, № 141, л. 40—45; 115, 30 (оп. 1) и АКФ_к 22(1), 41, 82 и 151 (Калев. р-н); 64, 13; 65, 37 (Медвеж. р-н); 150, 31 (Прионеж. р-н); 70, 17; 91, 17 (Пряжин. р-н); 134, № 42, 45, 51; 135, 83 и 87 (Олонец. р-н); SKS II, 9а; ККН II, с. 37—38, 79—84 и др. Контаминации, отмеченные нами выше, отсутствуют в публикуемом тексте, в нем большое место занимает сюжет «Победитель змея» (СУС 300₁), что, кстати, характерно для сказок Пудожья, сп. также карельские варианты: ККН II, с. 74—84; SKS II, с. 210—212 и др. Подробный структурно-синтагматический анализ данного сюжета (СУС 567) см.: Онегина Н. Ф. Русско-карельские фольклорные связи: (Поэтика волшебной сказки): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. С. 83—101 (Архив КНЦ РАН, ф. 1, оп. 45, № 137, а также: ИРЛИ РО. р. 1, оп. 49, № 229).

19. О глупых людях. Записал В. И. Кононов в 1938 г. в д. Рыбреека от А. А. Харитоновой. СУС 37; 1286; 1245; 1281. АКФ_в 57, 20; вариант: НАКМ, 113 (СУС 1245; 1245 А* = АА *1245 I, 1281) — Вологод. обл.

Обе сказки из серии анекдотов о глупцах. Начальный сюжет в публикуемом тексте — «Звери оплакивают (съедают) старушку» — введен произвольно, но он оправдан, так как дает возможность герою сказки отправиться в путь. Типичный вводный мотив в карельской сказке: «Муж ищет людей глупее жены (родителей) и находит их» (СУС 1384). Без контаминаций сказки-анекдоты распространены среди карел. При комплексе мотивов объединение их произвольное. Отсюда ясно, что совершенно одинаковые контаминации, как в волшебной сказке, найти трудно. СУС 1245 и 1286 вкупе с другими повторяются в АКФ_к 22(1), 36; 26, 158 (Кем. р-н); 38, 8 (Беломор. р-н); 52, 8 (Муезер. р-н); 55, 7 (Лоух. р-н); КНС I, 62 (Медвеж. р-н). Эти сказки составляют особую тематическую и композиционную группу, недаром сюжетоуказатель в данном разделе шифрует не сюжеты, а мотивы.

20. Неверная жена. Записал Р. П. Лонин в 1957 г. в д. Матвеева Сельга от К. А. Аристовой, 50 л. СУС 1360 С = АА *1361 I. АКФ_в 58, 68; вариант: NEV II, 36 (Ленингр. обл.). Сказка «Гость Терентий» содержит очень распространенные мотивы. Сюжеты о женах-изменицах были известны уже в средние века. В подобных сказках народ осуждает и высмеивает распущенность. Муж, застав жену с любовником, «излечивает» ее плеткой. Публикуемый текст каноничен, краток, в отличие от другого вепсского варианта — NEV II, 36, в котором, кстати, отсутствует мотив «Муж в мешке». Карельских вариантов обнаружено семь: АКФ_к 35, 26 (Беломор. р-н); 61, 53; 61, 62 (Медвеж. р-н); 132, 177; 132, 185; 134, 106; 63, 50 (Олонец. р-н).

21. Ванька и коза. Записал И. Моисеев в 1938 г. в д. Тихонища от И. А. Бузаева, 44 л. СУС 2028 = АА 333 *В; 212. АКФ_в 57, 11; варианты: НАКМ, 80; АН, 52 (Прионежье); НАКМ, 250; NEV II, 20; АН, 79; АКФ_в оп. 43, № 141, л. 78—80; АКФ_в 83, 9 (ан.) — ф. 2625, 1 (Ленингр. обл.); НАКМ, 94; ОВР, 78; АКФ_в оп. 19, № 22, л. 125—127; АКФ_в 83, 169 — ф. 2662, 18 (сб., № 46) (Вологод. обл.). Опубликованный текст представляет собой объединение двух кумулятивных сказок. Основной композиционный прием кумулятивных сказок — это многократное, нарастающее повторение одних и тех же действий, пока вся цепь не обрывается (или расплетается в обратном порядке). Кроме цепного построения возможны и другие виды постепенного нарастания. В этом нагромождении все содержание подобных сказок. В них нет интересных событий, выстраивающихся в сюжет. Так, например, первый наш сюжет «Глиняный Ванька» построен на ряде пожираний (съедаются бабка, дедка, женщины с ведрами, пока не появляется козел, который рогами раскалывает глиняного парня). Карельские варианты: КНС I, 18: АКФ_к 22, 66; 22, 74; 28, 142 (Калев. р-н); 73, 4 (Кондоп. р-н); 133, 40 (Олонец. р-н). Во втором сюжете (СУС 212) нахальная козу не могут выгнать из избушки ее хозяева — звери, появляющиеся поочередно с целью ее прогнать; вариант вепсский: NVM, 76; карельский: АКФ_к 134, 29.

22. Брат отрубает руки у сестры. Записали Г. Е. Власьев, П. Карпов в 1937 г. в д. Тихонища от А. М. Бузаевой. 45 л. СУС 706; 707. АКФ_в 56, 7. Сюжет «Безручки» (СУС 706) на-

ми анализировался в примеч. 11. В сказке А. М. Бузаевой все традиционно и хорошо оформлено. Удачно вплетается мотив из сюжета «Чудесные дети» (СУС 707). Заканчивается повествование очень древним мотивом, данным в форме этиологического рассказа: ведьма, привязанная к хвосту жеребца, растерзана: «Где упала ее нога — там кочегра, где рука — там грабли, где глаз — там трясина, куда задница — там болото» (ср.: сб., № 11).

Ленинградская область

23. Посеяли репу на крыше избы. Записала Н. Ф. Онегина в 1980 г. в д. Ладва Подпорожского района от М. З. Микшиной. 70 л. СУС (1960 Г = АА *1425); 37. АКФ_в 83, 148 — ф. 2624, 4; варианты по СУС 37: АКФ_в 57, 20 (сб., № 19); НАКМ, 9; АН, 92 (Прионежье); НАКМ, 188 и 246; NVM, 22 и 41; NEV II, 7 (Ленинград. обл.); АКФ_в оп. 19, № 22, л. 27—30; НАКМ, 115, 165, 169; NVM, 53 (Вологод. обл.). Сказки о животных в целом очень древнего происхождения. Ведущими персонажами в них являются лесные животные (домашние же играют подсобную роль). Вероятно, данный эпос формировался в те времена, когда еще не было прирученных животных. Но есть более поздние сюжеты, где действуют и животные, и люди, как в нашем случае. Все изучаемые вепсские сказки данного типа имеют традиционное начало: старики сеют репу на крыше, лезут за урожаем, старуха падает, убивается (СУС 1960 Г). Старик ищет плачую, приводит (привозит) зверей, те съедают старуху (СУС 37). Основным композиционным стержнем в сказках о животных является обман в самых разных видах, причем одураченным может быть и человек, как в публикуемом варианте. Наиболее традиционно выглядят вепсские сказки Ленинградской области (Ладва, Корбиничи, Радогаша, Чикозеро): из шести вариантов пять композиционно одинаковы с публикуемым, изложены они более полно и художественно. То же можно утверждать по поводу вепсских сказок Вологодчины, в отличие, скажем, от русских сказок Карелии: в них иной подбор мотивов и оформление функций. Из 14 в трех вепсских вариантах к сюжету СУС 37 органично примыкает сюжет «Звери в санях у старушки» — СУС 158: АКФ_в 83, 159 — ф. 2662, 19 (сб., № 43); АН, 92; NEV II, 7. И неожиданно богатые вариации сюжетов дает самая ранняя запись — НАКМ, 115; СУС 1960 Г, 37; 20A; 155. Говорить об их несовместимости нет причин. Формула плача слегка варьируется, но она есть во многих сказках: «Уули-уули старичка, репу сажавшего: аали, аали старушку, мягкие колоба выпекавшую» (НАКМ, 115). Карельский вариант сюжета СУС 37 обнаружен только один (АКФ_в 75, 132 — Кондоп. р-н)

24. Жена заговорила. Записала Н. Ф. Онегина в 1980 г. в д. Ладва от М. З. Микшиной. 70 л. СУС 510 В: 313 Н* = АА *313 I: 887. АКФ_в 83, 150 — ф. 2624, 6; варианты: АН, 37; АКФ_в 83, 27 (ан.) — ф. 2627, 5 (Прионежье); NEV II, 6; НАКМ, 194; АКФ_в 83, 15 (ан.) — ф. 2625, 8 (Ленинград. обл.); НАКМ, 107 (Вологод. обл.). Сюжет «Свиной чехол» (510 В) широко распространен у карел (в архиве более 30 текстов), меньше у вепсов и русских. Любой фольклорный текст сказки имеет дефекты, заметные исследователю, но наиболее полная структурная схема выглядит так: отец угрожает дочери насильственным супружеством. Дочь плачет на могиле матери, и та советует заставить отца приобрести необходимые вещи: платье цвета звезд, месяца, солнца или зари и свиной кожушок. Героиня, нарядившись в свиной чехол, исчезает из дома (м. б. бегство в форме «бросания предметов»). Ее, «чудо чудное, диво дивное», обнаруживают, и царевич берет ее к себе в служанки. Героиня тайно переодевается и появляется на царском пире (или в церкви) в чудесных нарядах. Тайна раскрывается. Свадьба. В публикуемом тексте освещены две функции: вредительство и бегство от преследователя, затем примыкает сюжет «Герпеливая жена» (СУС 887); он разработан в стиле карельских сказок, см.: АКФ_к 13, 5; 22, 16; 29, 105; 82, 303 (Калев. р-н); КНС II, 20. Самый близкий к вепскому варианту — КНС I, 31. В изданном тексте и НАКМ, 194 бегство дано в форме бросания предметов, см. также: АКФ_к 1, 5 (Лоух. р-н); 22, 16 (Калев. р-н). В карельских сказках героя чаще всего прячется от преследования отца в сундук, фонарь и т. п. предметы, которые затем брошены в море: АКФ_к 1, 18 (Лоух. р-н); 10, 222; 10, 269; 20, 2; 22, 27 (Калев. р-н); 132, 9; 134, 75 (Олонец. р-н). Одну из верий сюжета У. С. Конкка так и назвала «Фонарь» (см.: КНС I, примеч. 29, 30). Этот мотив отображен и в вепсских сказках, см.: АН, 37, NEV II, 6.

25. Мальчик с пальчик. Записала Н. Ф. Онегина в 1980 г. в д. Ладва от М. З. Микшиной. 70 л. СУС 700. АКФ_в 83, 149 — ф. 2624, 5; вариант: НАКМ, 93 (Вологод. обл.). Герой сказки — чудеснорожденный ребенок. Появляется он обычно из отрубленного пальца, как в публикуемой сказке (в вологодском варианте — из комка глины). Он меньше карлик, но наделен чудесной силой, ловкостью, сметливостью и обычно помогает своим «родителям» разбогатеть. В нашем тексте интересен мотив проглатывания мальчика с пальчик медведем. В этом мы усматриваем реликт давнего прошлого, восходящего к обряду посвящения (см.: Ист. корни, с. 52—64). Близки к изданным олонецким сказкам: КНС II, 34, 35. У карел сюжет

более распространен: АКФ_к 35, 20 (Беломор, р-н); 45, 3 (Сегеж, р-н); 132, 7; 132, 177н; 135, 109; 135, 174; 137, 15; 142, 21 (Олонец, р-н); Бел., 24. В вепсском варианте — НАКМ, 93 — усилен сатирический момент: мальчик с пальчиком, добывая деньги, одурачивает попа и мужика. Некоторые карельские сказки превращают маленького героя в ловкого вора в добродушно посмеиваются над его проделками (см.: АКФ_к 132, 7; 137, 15).

26. **Ванька-поп.** Записала Н. Ф. Онегина в 1980 г. в д. Ладва от М. З. Михшиной, 70 л. СУС 1525 D = АА 1525 *С I. АКФ_к 83, 146 — ф. 2634, 2; варианты: НАКМ, 283 (Приозерье); НЕУ II, 50; НВМ, 36 (Ленинград. обл.); НВМ, 51 (Вологод. обл.). Цикл сказок о ловком воре обширен, в указателе СУС разделено 26 подтипов этих сказок, а русских текстов по СУС 1525 D в сборниках имеется больше сорока. Их можно дополнить неутыченными архивными материалами Загнекста (АКФр 74, 61) и Пудовьи (АКФ_к 10, 26; 19, 13). Карельские сказки представлены контаминацией близких сюжетов 1525 D; 1525 A и др.: АКФ_к 23(1), 11 (Калев, р-н); 73, 184 (Калев, р-н); 134, 16 = КИС II, 72; АКФ_к 138, 44 (Олонец, р-н); без контаминаций: АКФ_к 138, 127. Такие сказки лучше называть бытовыми или новеллистическими. Героев этих сказок нельзя отождествлять с настоящими ворами каких-либо времен. Ловкий вор здесь обычно картико спрятал свое дело и скромно пропростом удовлетворяет элементарное чувство спрашиваемости, одурачивая спланных мира сего. Праздн. в публикуемом тексте последнее не акцентировано, хотя в остальных вепсских вариантах герой обычно обворачивает богатого, чтобы прохорчить обнищавших родителей. Или герой вор не из буржуа (см. тип 1525 A), а по признаку, идохисенцию. Дядя (сбично стеч.) ведет трех племянников (сыновей) в лес: дно из них проявил интерес к крестьянскому труду, а самый младший решает показать свое искусство в умении воровать. Морализующая концовка, как в данном случае, не характерна для сказок подобного типа, ибо в них воровство служит лишь одурачиванием тех, кого народ пренебрегает. Публикумский текст очень схож с записью из близкой деревни Пелшун (см.: НВМ, 36), в остальных вепсских вариантах контаминации не имеют очень давнюю историю. Эти сказки известны фольклору Древнего Египта, Индии, Китая, Африки и характерны для всех европейских народов.

27. **Спящая жена.** Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Ладва от П. С. Фадеевой, 66 л. СУС 901 В⁴ = АА 901 *В. АКФ_к 83, 157 — ф. 2659, 3. Это сказка новеллистическая из цикла о ленивых или строптивых женах. В таких сюжетах различается тема отрицательных сторон патриархального быта. Характеры в них комичные Эпизоды: муж «надеялся» жену на легкую плеткой, как в нашем случае. Бытовые условия в сказке обрисованы очень реалистически, но сказка стремится к необычному, невозможному. Здесь комическое, невозможное в реальной жизни — в сменении сюжета: героями сказки, которую муж застал спящей на ножке и кетриз, себя не считают: «Так Эльза я или не Эльза?». Сюжет в народе не очень популярен. Ученых мы не обнаружили вариантом, у калев. на пятах: АКФ_к 26, 18 (Калев, р-н); 46, 9 (Муезер, р-н); 79, 48 (Суоярви, р-н); 78, 30 (Приозер., р-н); 139, 8 (Олонец, р-н). У русских в Карелии — по одному варианту в регионе: АКФ_к 29, 114 (Петровъ); 16, 185 (Лудогорь); Ник., 6 (оп.) (Звенигородь); в общерусской традиции отмечено всего 8 текстов (СУС, с. 227).

28. **Глуповатый зять.** Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Ладва от П. С. Фадеевой, 66 л. СУС — 166 В⁴; — 220, АКФ_к 83, 154 — ф. 2660, 4.

Очень редкий сюжет, не обнаружен нами ни в карельском материале, ни в текстах русской сказки Карелии, а в общерусской традиции отмечен один вариант: Жин. ст., 1903, № 1—2, с. 206 (СУС, с. 349). Трудно в переводе подобрать синонимы, чтобы передать игру слов, из-за которой общающиеся не понимают друг друга. Отсюда комический эффект заметен лишь в оригинале. Этот текст напоминает своеобразную форму прозанического фольклора — бытовой юмористический рассказ.

29. **Журавль.** Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Ладва от П. С. Фадеевой, 66 л. СУС 1881 = АА 1876 *В. АКФ_к 83, 156 — ф. 2660, 6; варианты: НАКМ, 247; ОВР, 3. Сказки-небылицы отличаются разнообразием у всех европейских народов. При сходной сюжетной схеме всплывают самые различные мотивы, поэтому трудно учесть и энциклопедировать варианты. Публикумский текст краток, в то время как ранее опубликованные вепсские сказки даны в соединении с другими мотивами небылиц. У калев. под данным индексом не обозначено ни одного варианта, а в большой массе русских сказок отмечено всего 7 текстов (СУС, с. 371). Подробнее о небылицах см.: Левина Е. М. Русская фольклорная небылица: Автор. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1983.

30. **Упрямая жена.** Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Ладва от О. Ф. Комар, 17 л. СУС 1365 А. АКФ_к 83, 152 — ф. 2660, 2; варианты: АКФ_к 58, 33 (сб., № 5); ОВР, 9 — самый близкий публикуемому тексту. Комментарий к данному сюжету дан в примеч. 5.

31. **Старичок и разбойники.** Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Ладва от Н. В. Комар, 40 л. СУС 1653 А, В, С = АА 1653 В. АКФ_к 83, 151 — ф. 2660, 1; варианты: НАКМ, 33 (При-

онежье); NVM, 23 (Ленингр. обл.); NÄKM, 110; АКФ_в оп. 19, № 23, л. 22—26 (Вологод. обл.). Публикуемый текст — самый короткий, односюжетный, все остальные вепсские варианты контамированные, они завершаются сюжетом «Дурень, его браты и разбойники». Интересна типичная для местного быта деталь: в старик в публикуемом тексте, и браться в других сказках — охотники. Из карельских сказок односюжетный вариант — АКФ_к 102, 13 (Пряжин. р-н), остальные даны в контаминациях: 14, 10, 19, 81 (Калев. р-н); последнее характерно и для русских сказок Карелии, см.: АКФ_р 160, 3 (Заонежье); АКФ_р 2, 81; 21, 69; 83, 53, общерусских текстов отмечено более двадцати (СУС, с. 342).

32. **Бог к Орифею на обед пришел.** Записала М. И. Муллонен в д. Озера Подпорожского района от С. Н. Самаковой, 46 л. СУС 751 А* = АА *751 II. АКФ_в 184 — ф. 163, 6. Это так называемая легендарная сказка. Они очень редки в среде вепсов, да и у карел данный сюжет записан в одном варианте: АКФ_к 28, 38 (Калев. р-н), даже в общерусской традиции известны только 5 текстов (СУС, с. 187), в русской сказке Карелии вариантов не обнаружено. Сказка носит моралистический характер. Безземельный бедняк отличается высокими моральными требованиями к себе, он свое попрошайничество считает грехом. Богатый брат чванится своим неправедно нажитым состоянием и наказан самим Богом, который идет в гости к бедному и вознаграждает того за бескорыстие.

33. **Поп и работник.** Записала М. И. Муллонен в 1961 г. в д. Озера от С. Н. Самаковой, 46 л. СУС 1561. АКФ_в 83, 185 — ф. 166, 9; вепсских вариантов не обнаружено, карельский один: АКФ_к 136, 93 (СУС 1561; 1736) — Олонец. р-н: в русской сказке Карелии сюжет отсутствует. С десяток общерусских текстов можно обнаружить в СУС, с. 326. В этих сказках довольно скромное место занимает фантастика, они порою не обладают художественными достоинствами, зато в них узнаем реалии быта, как в данном случае. Попы всегдаанивали работников, так как духовенство не имело крепостных: это была привилегия дворянства, помещиков. Служба у попа была всегда основана на договоре, сделке. И в сказках видим, как жадный наниматель всегда заряется на дешевизну и оказывается в проигрыше. Сказки о хозяине и работнике почти всегда социально заострены, но в нашем варианте это несколько затушевано.

34. **Как жена мужа обманула.** Записала М. И. Муллонен в 1961 г. в д. Озера от С. Н. Самаковой, 46 л. СУС 1739; 1535. АКФ_в 83, 186 — ф. 167, 1; варианты: СУС 1739 — АН, 6; СУС 1535 — АКФ_в 56, 1 (Прионежье); NEV I, 13, NEV II, 30 (Ленингр. обл.); АКФ, ф. 26, оп. 1, № 14 (Вологод. обл.).

Аnekdoticheskie sюjetы o неверных женах широко распространены. Например, по сюжету «Дорогая кожа» (СУС 1535) у карел записано 30 вариантов (см.: Каталог «Карел. ск.»), а общерусских, включая не отмеченные в СУС, около ста текстов. Публикуемый вариант объединяет две линии сюжетов о семейных перипетиях: ловкая жена отправляет своего мужа из дома, чтобы позабавиться с любовником, но в конце концов она изобличена, ее первоначальное торжество омрачено. Популярными сюжетами о женах-изменниках стали уже в средние века в Западной Европе. Народная мораль осуждает распущенность, вплетая в сюжет комические ситуации.

35. **Жили-были три брата.** Записала М. И. Муллонен в 1961 г. в д. Озера от С. Н. Самаковой, 46 л. СУС 1920 Н*; 1882 А = АА 1877 *В; 1887*; 1889 К. АКФ_в 83, 187 — ф. 163, 4; варианты: АН, 4, 64; АКФ_в 56, 10 (Прионежье); ОВР, 3 (Ленингр. обл.); NÄKM, 111, 112 (Вологод. обл.). Основной сюжет «Огонь в обмен на небылицы» (СУС 1920 Н*) очень удобен для включения в пересказ любых мотивов небылиц, но их набор часто совпадает в вепсской и карельской сказке. Ср. публикуемый текст с АКФ_к 101, 19 — СУС 1920 Н*: 1889 К; 1882 А; АКФ_к 114, 12 и 136, 119 — СУС 1920 Н*; 1887*. Сходный набор мотивов в АН, 64 — СУС 1920 Н*: 1887*; 1889 К. Даже новеллистические сказки порой содержат нагромождение невероятных событий, невозможных в жизни по своей необычайности, а в небылицах эта действительность вообще выворочена наизнанку: в такие события никто не верит, но сказки этими чудесами и привлекательны.

36. **Жила женщина, был у нее сын.** Записал М. М. Хямляйнен в 1948 г. в д. Пелдуши от О. Н. Смирнова, 60 л. СУС 325. АКФ_в оп. 43, № 141, л. 12—17. Вепсских вариантов нет. Карельских вариантов обнаружено 7: АКФ_к 5, 276 (Калев. р-н): 74, 9 (Суоярв. р-н); 72, 95 (Кондоп. р-н); 72, 148 (Прионежье); 94, 60; 100, 11; 100, 48 (Пряжин. р-н). В общерусской традиции сюжет довольно широко распространен (СУС, с. 118). Сюжет «Хитрая наука» весьма каноничен, в нем обязательны эпизоды: узнавание сына из группы одинаковых птиц, животных (кобелей, коней и т. п.), обученных колдуном: продажа сына-оборотня: погоня колдуна с превращениями и его гибель. Публикуемый текст именно так трактует сюжет и с другими мотивами не контамируется, что в принципе не исключено. Изучаемый сюжет генетически связан с обрядом инициации (см.: Ист. корни, с. 87—90, с. 103—105).

37. Скатёрка и жерновок. Записал М. М. Хямляйнен в 1948 г. в д. Пелдushi Подпорожского района от Д. В. Ишевской, 52 л. СУС 563. АКФ_в оп. 43, № 141, л. 80—87. Вепсских вариантов нет, карельских 4: АКФ_к 101(1), 6 (Пряжин. р-н): 134, 141; 137, 12; 141, 13 (Олонец. р-н), общерусских текстов около 20 (СУС с. 160—161). Публикуемый вариант традиционен. Сказки этого типа обычно начинаются с социального мотива: семья бедна, «хлеба ни кусочка нет», от реального быта сказочник уводит нас в другой мир, где можно добыть волшебный предмет, дающий полное изобилие (скатерть-самобранка, волшебная мельница и т. п.). Бедняк вновь обездолен — богач у него отбирает чудесные дары, но в сказке всегда торжествует справедливость — извечная мечта человека. О первооснове мотива «Предметы, дающие вечное изобилие» см.: Ист. корни, с. 196—197, 290—292.

38. Жили старик со старухой. Записал Н. И. Богданов в 1958 г. в д. Прокушево Бокситогорского района от А. С. Лебедевой, 30 л. СУС 162 А* (СУС 163). АКФ_в 83, 190 — ф. 38, 10. Текст издан: ОВР, 136. Вариант: НВМ, 75 (Ленинград. обл.). Карельские варианты: АКФ_к 75, 16 (Кондоп. р-н): 134, 27 (Олонец. р-н). В данном сюжете волк (в вепсской сказке медведь) выманивает у леда овец, дочь, сына, иногда и бабку на съедение. Дед прячется в висящей под потолком корзине, ему удается спастись. Сюжет «Дед, баба и волк» (СУС 162 А*), отраженный в публикуемом тексте, практически идентичен с другим — «Пение волка (медведя)» — СУС 163 = АА *162: одинаковы композиция и содержание, разница только в медиационной формуле.

В русской сказке, в отличие от вепсской и карельской, сюжет СУС 163 «Пение волка» получил широкое распространение: общерусских текстов обозначено более 30 (СУС, с. 80—81), архивных вариантов — в Поморье более 10, в Пудожье более 20. Ошибочно мнение, что сказки о животных представляют собой рассказы о реальной жизни животных, их повадках: чаще действия не согласуются с природой, как в данной сказке. Звери и животные в сказках — условные носители действий. Публикуемая сказка по композиции кумулятивная (см.: Лайтер С. М. О жанровой специфике кумулятивной сказки // Проблемы изучения русского устного народного творчества. Вып. 6. М., 1979. С. 24—26).

39. Пошли дети за ягодами и заблудились. Записал Н. И. Богданов в 1958 г. в д. Сидорово Бокситогорского района от М. В. Кудряшовой, 66 л. СУС 314 А*. АКФ_в 83, 189 — ф. 35, 6; варианты: НАКМ, 28; АКФ_в оп. 19, № 22, л. 123—125 (сб., № 44). У карел сюжет не зафиксирован, редок он и в общерусской традиции. В сказке данного типа есть отголоски очень древних мотивов, связанных с инициацией. Дети, заблудившиеся в лесу, попадают в избушку яги, или она схватывает их, как в нашем варианте, — это реминисценции обряда посвящения (см.: Ист. корни, с. 82—85). Вместо яги может быть и другой похититель, например медведь, как в северновепсской сказке (НАКМ, 28), наиболее художественно оформленной, записанной в конце прошлого века. Сюжет этот перекликается по ряду мотивов с сюжетом — 179* (сб., № 2).

40. Как мужик остался за хозяйству. Записал Н. И. Богданов в 1958 г. в д. Сидорово от М. В. Гребневой, 64 л. СУС 1408. Фоноархив, 35, 11. Текст опубликован: ОВР, 122. Вариантов не обнаружено. В общерусской традиции всего 15 текстов, карельских текстов — 6: АКФ_к 2, 106; 4, 312 (Лоух. р-н); 22, 73; 22(1), 90 (Калев. р-н); 134, 1 (Олонец. р-н); 65, 25 (Медвеж. р-н). Последний вариант имеет сложную композицию (СУС 1691; 1696; 1408), в отличие от нашего текста. Опубликован, см.: Конкка, с. 171—172 (ср.: КНС I, 63 и Евс., 55). По подсчетам Аарне, у финнов обнаружено 99 вариантов, отражающих сей юмористический аспект крестьянского быта.

41. Что приснилось старику. Записал Н. И. Богданов в 1958 г. в д. Сидорово от А. П. Морозовой, 52 л. СУС — 1910*. АКФ_в 83, 188 — ф. 35, 13; вариант: АКФ_в 58, 35 (Прионежье). Ни в карельской, ни в общерусской традиции вариантов не обнаружено. Самое невероятное, перевернутое наизнанку событие является содержанием небылицы. Очевидно, сюжет «Сон-небылица» с точки зрения поэтики сказки не может быть каноничным, поэтому он непопулярен в среде сказочников.

Вологодская область

42. Прогнанные собака и кот. Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Пондала Бабаевского района от А. Л. Калининой, 72 л. СУС 103 (103 А*). АКФ_в 83, 158 — ф. 2663, 1; варианты: НАКМ, 191; ОВР, 77. Публикуемый текст — самый полный и отточенный вариант из отмеченных выше. Карельские сказки мало отличаются от вепсских: АКФ_к 35, 18 (Беломор. р-н): 52, 7 (Муезер. р-н); 63, 15 (Медвеж. р-н); КНС I, 9. В сказке опубликованного типа повествовательной единицей является мотив неожиданного испуга. Звери, предупрежденные хитрой лисой, настороженно наблюдают за невиданным животным — котом и так пугаются его шарахания, что медведь падает с дерева, оцарапанный волк удирает без оглядки. На-

ряду с фантастическим описанием действий животных в сказке очень реально показан крестьянский быт. В русском материале сюжет не нашел широкого распространения.

43. Поселяли стариочек и старушка репу на крыше бани. Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Пондала от А. Л. Калининой. 72 л. СУС 1960 Г: 158. АКФ_в 83. 159 — ф. 2662. 19: варианты: НАКМ. 9. 50, 67. 76; АН. 92 (Прионежье); НАКМ. 195. NVM. 29. 70; NEV II. 7 (Ленингр. обл.). АКФ_в оп. 19. № 22. л. 27—30: 83. 182; 83. 59 (ан.) — ф. 2661. 12: 83. 68 (ан.) — ф. 2662. 11 (Вологод. обл.). Сказки о животных жанрово разнообразны. Публикуемая нами сказка по структуре кумулятивная. Сочетание сюжетов может быть различным (см. примеч. 23). Такое сочетание сюжетов, когда один из них — «Звери оплакивают (съедают) старушку» (СУС 37) — не завершается, а заменяется эквивалентным — «Звери в санях у старушки (старичка), съедающие лошадь» (СУС 158). — встречается довольно часто у вепсов. Наш текст — стройный, художественно выдержаный. Карельских сказок данного типа мало: АКФ_к 65. 22 (Медвеж. р-н); 73. 1 (Кондоп. р-н); 132. 52 (Олонец. р-н), контаминация сюжетов 170 и 158 — КНС II. 4 (Кондоп. р-н). Изданных общерусских текстов (СУС 158) около 30; в нашем архиве: в Пудожье — 17, в Заонежье — 3, в Поморье — 2 варианта.

44. Жила в лесу баба-яга. Записали Н. И. Богданов, М. М. Леметти. Р. Преображенская в 1957 г. в д. Пондала от А. Л. Калининой. 47 л. СУС 314 А*. АКФ_в оп. 19. № 22. л. 123—125: варианты: АКФ_в 83. 189 — ф. 35. 6 (сб., № 39); НАКМ. 28. Анализ сказки дан в примеч. 39. Публикуемый текст лишь подтверждает сказанное ранее о связи сюжета с древним обрядом. Дополнительная деталь из данного текста того же порядка — испытание детей при обряде посвящения: «Вместо хлеба баба-яга положила лошадиний помет, вместо молока — кровь». О посвящаемых читаем: «Они должны были пить мочу... их сажали в яму с навозом и водой, обсыпали их испражнениями животных... наряду с перенесением боли часто гребовалось преодоление отвращения» (Ист. корни. с. 89; о встрече с ягой и ее еде см. там же: разделы 6. 7. с. 64—69).

45. Баба-яга и дети. Записал Н. А. Калинин в 1957 г. в д. Пондала от А. Л. Калининой. 47 л. СУС 1960 Г: 327 А. АКФ_в оп. 19. № 20. л. 58—60; варианты — СУС 327 А: НАКМ. 285 (Прионежье); NEV I. 31: АКФ_в 83. 13 (ан.) — ф. 2625. 6 (Ленингр. обл.); АКФ_в оп. 19. № 23. л. 2—3; АКФ_в 83. 89 (ан.) — ф. 2664. 2; ОВР. 94 (Вологод. обл.). Основной сюжет «Брат и сестра у ведьмы» выглядит так: мачеха изгоняет падчерицу и пасынка. Детей уводят в лес, они попадают в избушку ведьмы. Та пытается погубить детей (сжечь). Они спасаются от покушения, сунув в печь саму ведьму. Начальная беда ликвидирована. Завладев имуществом колдуньи, дети возвращаются. Это общая схема для сказок европейских народов (ср. сказку бр. Гримм. № 15; сказку карел — КНС II. 10; у вепсов — АКФ_в 83. 13 (ан.) — ф. 2625. 6; русский вариант — Ск. Заонежья. 9. Самый близкий к публикуемому вологодский вариант — АКФ_в 83. 89 (ан.): дети-сироты голодны и забираются в избушку ведьмы по стеблю горошины (иногда, наоборот, опускаются в подполье), там они находят пищу и волшебный жерновок, который затем похищен антагонистом, и это дает начало новому сюжету «Петух и жерновцы» (СУС 715 А) — НАКМ. 285; NEV I. 31; то же у карел — КНС II. 41; у русских — Ск. Заонежья. 9. В публикуемом варианте отсутствует хищение и, естественно, нет обозначенного сюжета. В одной из вепсских сказок по сюжету «Брат и сестра у ведьмы» наблюдается довольно редкое явление — полная бытовая замена (ОВР. 94). Среди вепсов и карел тип 327 А не очень распространен: в каталоге «Карел. ск.» — 17 вариантов; того меньше в общерусской традиции — учтено всего 4 текста (СУС. с. 120). Древнюю основу сюжета см.: Ист. корни. с. 98—103.

46. Глиняный Ванька. Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Пондала от А. Л. Калининой. 72 л. СУС 2028. АКФ_в 83. 169 — ф. 2662. 18. Варианты и анализ сюжета даны в примеч. 21. В сказке И. А. Бузова соединены два сюжета — СУС 2028 и 212 (сб., № 21), вероятно, поэтому кумулятивная цепочка по схеме «Глиняный Иванушка» дана редуцированно. В публикуемом тексте А. Л. Калининой сюжет изложен более обстоятельно, что заметно уже в экспозиции сказки: старуха с прялкой сидит, мужик чинит хомут. Они сетуют, что состарились, а кормильца нет, нет ни сына, ни дочки. Далее канонично нарастает цепочка действий до «разрыва»: глиняный Ванька превратился в кучу глины. Другой, более сокращенный текст А. Л. Калинина заканчивает так: «От глиняного мальчика только брызги глины полетели. Весь народ вышел» (ОВР. 78). И только в одной вепсской сказке фигурирует Аннушка (см.: АКФ_в 83. 9 (ан.)), в связи с чем вносятся своеобразные детали. Сказка бытует в вепсской среде давно, о чем свидетельствуют записи прошлого века. Вепсских вариантов насчитывается 12, карельских — 6, изданных общерусских вариантов — 20, архивных по русской сказке Карелии — 21, т. е. сюжет «Глиняный Иванушка» нашел довольно широкое применение.

47. Сказка об Аленушке. Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Пондала от А. Л. Калининой. 72 л. СУС 480 = АА 480 *В. АКФ_в 83. 161 — ф. 2663. 9; варианты: ОВР. 95; АКФ_в 83. 58 (ан.) — ф. 2661. 8: 83. 90 (ан.) — ф. 2664. 3 (Вологод. обл.); сб., № 54.

Не характерен, но по-своему интересен начальный эпизод сказки: «Поехал мужик в извоз в Шалу, он все ездил на заработки, тем они и жили. А мачеха затеяла девочку известии». Сказка носит ярко выраженный социальный характер. Главной виновницей изгнания героини из дома в сюжетах подобного типа является мачеха. Образ Морозко олицетворяет зло, враждебную силу, но добрая и кроткая падчерица вознаграждена за свои добродетели. В публикуемом сюжете отсутствует развернутый второй ход сказки, но свою равная мачехина дочь все же наказана. Карельских вариантов сюжета «Морозко» — 13 (см. примеч. 54). Подробнее о сюжете см.: Онегина Н. Ф. Вепсские волшебные сказки о невинно гонимых, с. 140—145.

48. Девочка и мышка. Записала М. И. Зайцева в 1958 г. в д. Пондала от А. Л. Калининой. 48 л. СУС 480 = АА 480 *С. АКФ_в 83, 175 — ф. 47. 9. Сюжет широко распространен у вепсов и карел, у тех и других известен более чем в 15 вариантах. Публикуемый текст традиционен как по композиции, так и с точки зрения художественного оформления. Этот же сюжет отражен текстом сборника № 9, см. примеч. к нему.

49. Девочка-нищенка. Записала М. И. Зайцева в 1958 г. в д. Пондала от А. Л. Калининой. СУС 510 А. АКФ_в 83, 171 — ф. 47. 1. Публикуемый текст представляет наиболее типичную для вепсов разработку сюжета «Золушка» (см. примеч. 10). В отличие от сказки П. Н. Ефремовой дарителем, волшебным помощником здесь стала коровушка (отголосок древнего верования в тотемы), отсюда мотив, встречающийся и в других сюжетах: «Из уха коровушки умылась, из другого оделась». Вепсские варианты, близкие публикуемому, см.: НАКМ. 21; АН. 51 (Прионежье); НВМ. 72 (Ленингр. обл.) АКФ_в 83, 139; 83, 171 (сб., № 10). Карельские сказки данного типа см. в примеч. 3.

50. Как мужик и медведь репу сеяли. Записала М. И. Зайцева в 1958 г. в д. Пондала от А. Л. Калининой. 48 л. СУС 1030. АКФ_в 83, 172 — ф. 47. 6; варианты: НАКМ. 11; АН. 1 (Прионежье); НАКМ. 255; НВМ. 13; АКФ_в 83, 147 — ф. 2627, 3 (Ленингр. обл.); НАКМ. 104, 168. Сюжет широко распространен в вепсской и карельской среде — 9 и 13 вариантов. В указателе русских текстов отмечено 12 (СУС, с. 258). Схема сюжета проста. Мужик и медведь договариваются вместе сеять и брать по договору то корешки, то вершки. Медведь все берет невпопад: у репы — вершки, у ржи — корешки. Все вепсские варианты подходят под эту схему, только в одном из них вместо медведя фигурирует леший, решивший забрать урожай, услышав, как мужик ругнулся: «К лешему и репу!» (НАКМ. 1), то же в пудожской сказке — АКФ_в 92, 49. В сказке постоянными элементами являются функции, а персонажи взаимозаменямы (медведь, леший, черт). Самый близкий к публикуемому НАКМ. 255, но только наш вариант дает пространное описание всего процесса выращивания репы на пожоге. Внесение в сказку этнографических подробностей — характерная черта А. Л. Калининой. В контаминации дан один вепсский вариант: АКФ_в 83, 147 (СУС 1030; 1091), ср. олонецкую сказку: АКФ_к 5(2), 78. Карельские сказки иногда соединяют сюжет 1030 со сказками о животных: СУС 1, 2, 3, 15 (см. АКФ_к 13, 23; 20, 20; 64, 30), чего мы не наблюдаем у вепсов.

51. Шел солдат с войны. Записали Н. И. Богданов, М. М. Леметти, Р. С. Преображенская в 1957 г. в д. Пондала от А. Л. Калининой. 47 л. СУС 1159; 1091. АКФ_в оп. 19, № 22, л. 120—123; вариант: ОВР, 6 (Ленингр. обл.). В указателе сюжетов (СУС) выделена группа сказок о глупом черте. Публикуемый вариант — из этой немногочисленной серии. Обе вепсские сказки близки по трактовке сюжета «Черт хочет научиться играть на скрипке» (балалайке, тальянке). В подобных сказках черт всегда обманут, одурачен, побежден человеком, ср. карельскую сказку — АКФ_к 63, 105 (Медвеж. р-н). В нашем случае контаминация с сюжетом «Кто приведет более необыкновенное животное» (СУС 1091) дополняет комический эффект сказываемого. Множество эпизодов о глупом черте (лешем) объединяет один из карельских текстов: АКФ_к 72, 62 (Кондоп. р-н) — СУС 1000; 1052; 1115; 1159. В публикациях и архивах сюжет слабо отражен (СУС, с. 264).

52. Ванька-дурак продает быков. Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Пондала Бабаевского района от А. Л. Калининой. 72 л. СУС 1643; 1600 = АА 1600 А; варианты: АН. 2 (Прионежье); АКФ_в оп. 19, № 22, л. 117—120; АКФ_в 83, 167 — ф. 2662, 22; ОВР. 82 (Вологод. обл.). Особую тематическую и композиционную группу составляют сказки о глупцах, совершающих нелепые поступки. В волшебной сказке всегда оказывается самым умным дурак. Силой магии или при помощи волшебных предметов (помощников) он одолевает все препятствия, побеждает зло. В новеллистических и бытовых сказках совсем иначе, даже если дурак добивается успеха, то это счастье по случаю, а неожиданный конец сближает эти сказки с анекдотами. Поведение подобных сказочных героев вызывает у слушателей не иронию, а добродушный смех. Так, в нашем случае нас забавляют представления дурака, что возможна продажа быка дереву, превращение попа в козу и т. п. В вепсских сказках обыч-

но объединяются два сюжета: 1643 и 1600; есть и у карел подобная контаминация: АКФ_к 100, 9 (Пряж. р-н); 137, 1 (Олонец. р-н). Изложен только один первый сюжет в АКФ_к 82, 288 (Калев. р-н); 134, 182; 135, 13 (Олонец. р-н). В подобных русских сказках Карелии контаминации очень разнообразны (см.: С.К. Заонежья, примеч. 32).

53. Ванька-дурак домовничает. Записала Н. Ф. Онегина в 1981 г. в д. Пондала Бабаевского района от А. Л. Калининой. 72 л. СУС 1691 = АА 1685 А, В; 1132, АКФ_в 83, 168 — ф. 2662, 23; варианты: АКФ_в 83, 8 (ан.) — ф. 2624, 13 (Ленинград. обл.); НАКМ. 110; АКФ_в оп. 19, № 22, л. 129—132; ОВР. 80 (Вологод. обл.). Эта сказка относится к тому же циклу, что и предыдущая. Дурак видит мир искаженно, в «перевернутом» виде. Если умные братья готовят пиво для свадьбы, то дурак оно, вылитое из бочек на пол, вполне годится для плавания в корыте. Но он не желает никому зла, он очень добр, услужлив, поэтому, сделав покупки, муку и пшено высыпает в прорубь, чтобы лошадь напоить-накормить (она же везла тяжелый воз). Глупеньких, но добрых в народе не осуждают, как и в данном тексте, хотя попытку к бегству от дурака (СУС 1132) все же предпринимают. В нашей публикации сюжет «Дурак домовничает» соединяется с сюжетом «Дурак делает покупки» (последний не выделен в СУС, см. АА *1681 I). В остальных вепсских вариантах выявлена контаминация с типом 1696 («Набитый дурак»), ср.: АКФ_к 65, 25. Однако у карел характернее дополнение СУС 1408: АКФ_к 35, 19 (Беломор. р-н); 65, 25 (Медвеж. р-н); 74, 33 (Суоярв. р-н).

54. Девочка и Мороз. Записала А. А. Митрофанова в 1962 г. в д. Пондала от Ф. Ниочевой. 56 л. СУС 480 = АА 480 *В, АКФ_в 83, 174 — ф. 204; варианты: ОВР. 95; АКФ_в 83, 58 (ан.) — ф. 2661, 8; 83, 90 (ан.) — ф. 2664, 3 (сб., № 47) (Вологод. обл.). Анализ сюжета дан в примеч. 47. Публикуемый вариант отличается от предыдущего тем, что содержит оба хода сказки. Негативный исход во втором случае (гибель мачехиной дочери) предопределен структурой сюжета. Карельских вариантов по сюжету «Морозко» — 13: АКФ_к 9, 38 (Кем. р-н); 34, 47; 63, 76; 63, 11 (Медвеж. р-н); 74, 53; 80, 43; 80, 73 (Суоярв. р-н); 132, 59; 132, 205; 132, 64; 133, 31; 134, 165; 134, 102 (Олонец. р-н). Иногда оба сюжета (АА 480 *В и 480 *С) обединяются, это характерно для карел, ибо встречается в каждом районе записи.

55. Раньше в солдатах служили двадцать пять лет. Записали Н. И. Богданов, М. М. Леметти, Р. С. Преображенская в 1957 г. в д. Кую (Панкратово) от К. В. Сергеева. 30 л. СУС 365, АКФ_в оп. 19, № 22, л. 74—76. Вепсских вариантов нет, карельские тексты см.: АКФ_к 65, 35 (Медвеж. р-н); 72, 89 (Кондоп. р-н); 101, 18; 112, 47а (Приянин. р-н); 133, 35 (Олонец. р-н). В общерусской традиции опубликованы 16 вариантов (СУС, с. 125—126, доп.: С.К. Пудожья, 16). В основном публикуемый текст схож с карельскими и русскими сказками на данный сюжет. В народе издавна бытовали устные рассказы о покойниках, выходящих из могилы. Эта тема отражена и в литературе, в том числе в балладе В. А. Жуковского «Людмила». Вопрос о влиянии баллады на народную сказку требует изучения.

ОПИСЬ ТЕКСТОВ ВЕПССКИХ СКАЗОК ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ АРХИВА
КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН¹

ПРИОНЕЖЬЕ²

ШЕЛТОЗЕРО

Анастасия Егоровна Логачева, 86 л.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. Т. Пакконен, Э. П. Хуттер

1. Медведь и Маша. См. сб., № 2. СУС — 179*. АКФ 83. 144 — ф. 2628, 7.

Зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной

2. Девочка и козочка. См. сб., № 1. СУС 313 А. АКФ 83. 143 — ф. 2627, 1.

3. Традиционное изложение сюжета «Мальчик и ведьма»: Ваня по озеру едет на лодке. ведьма заманивает мальчика к себе, подражая голосу матери: поручает своей дочке изжарить его, но та сама попадает в печь. Домой мальчика приносят гуси-лебеди. СУС 327, С. F. АКФ 83. 24 (ан.) — ф. 2627, 2.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. Т. Пакконен, Э. П. Хуттер

4. Муж-покойник приезжает на кабриолете и говорит: «Маша, поехали!» Посещают по очередно три кладбища. Он роет могилы, съедает трупы. Жена, испугавшись, убегает, запирается в избе, молитва пугает мертвяка, и он исчезает. СУС 363. АКФ 83. 30 (ан.) — ф. 2628, 3.

5. Мачеха отправляет падчерицу в лесную избушку. Та зажигает коптилку, делает тесто из толокна и угощает прибежавшую мышку. Вдруг загромыхало, влезает лошадина голова: «Девушка, подними меня на лавку, накорми, напои и укутай! Если поймаю, съем!» Благодарная мышка выручает Машу. С пением петухов голова исчезает. Мачехина дочь, оказавшись в избушке, бьет мышку-защитницу. Нечистая сила губит ее. СУС 480 = АА 480 *С. АКФ 83. 34 (ан.) — ф. 2629, 2.

6. Традиционная русская версия сюжета «Конек-горбунок». СУС 531. АКФ 83. 36 (ан.) — ф. 2629, 4.

Зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной

7. Вдовец женится на сестре бабы-яги, та посыпает падчерицу к ведьме за иголкой и ниткой. Яга велит работнице истопить баню, помыть девочку, чтобы затем ее изжарить. Девочка одаривает служанку платком, коту дает пирог, собаке мясо, дверные петли мажет маслом, яблоньку перевязывает ленточкой, сама убегает. Баба-яга во время погони грызет деревья, заставляет быков выпить озеро, но девочка спасается. СУС 480 В* = АА 480 *F; 480 А* = АА 480 *E; 313 Н* = АА 313 I. АКФ 83. 25 (ан.) — ф. 2627, 3.

¹ В описи учтены только тексты, записанные на языке оригинала (АКФ, ф. 1). Часть не расшифрованных фонозаписей дана в аннотациях (ан.).

² Имеется в виду Прионежский район Карелии, бытовое название используется для краткости.

8. Замарашка. См. сб., № 3. СУС 510 А: 409 АКФ 83. 145 — ф. 2628. 1.

9. Справил сороковой день после смерти жены старик и решает жениться на дочери. Дочь причитывает на могиле матери, жалуется ей на отца. Мать советует потребовать от него подарки: платья звездное, с солнцем, с луной и простое. Получив подарки, дочь ставит по углам комнаты четыре куклы (сама с вещами в середине) и, по совету матери, произносит заклинание: «Чем за батю замуж идти, лучше мне сквозь землю провалиться» — и пропаливается. Оказавшись в чужой деревне, нанимается в работницы, в красивых нарядах ходит в церковь. В нее влюбляется богатый парень, узнает ее по платью. Свадьба. СУС 510 В: 313 Е* = АА *722. АКФ 83. 27 (ан.) — ф. 2627. 5.

10. Емеля ловит щуку, та просится обратно в воду, обещая помочь ему во всех делах. Все исполняется «по щучьему велению». СУС 675. АКФ 83. 33 (ан.) — ф. 2629. 1.

Зап. 1986 г. Р. П. Лонина

11. Ваня катается на волшебной лодочке. Яги-баба заманивает его к себе и велит дочери истопить жарко печь. Маша пытается сунуть мальчика в печь, но сама оказывается в ней. Ведьма съедает свою дочь, а Ванию спасают гуси-лебеди. СУС 327 С, F. АКФ 83. 177.

12. Мачеха посыпает падчерицу к тетке-ведьме за ниткой и иголкой. Та заставляет ее ткать, а служанке велит истопить баню, чтобы помыть девочку и съесть. Девочка все слышит и оставляет у стана ткать котики, служанке дарит платок, собаку кормит мясом, дверь мажет маслом — сама в бега. Баба-яга в погоню, но девочка спасается. СУС (480 В* = АА 480 *F); (480 А* = АА 480 *E); 313 Н* = АА *313 I. АКФ 83. 178.

Мария Федоровна Гусева, 50 л.

Зап. 1986 г. Р. П. Лонина

13. Дурак, сделав покупки, распоряжается ими по-своему: купленные плошки напялил на пни, пшено высыпал птичкам, хлеб отдал собакам, мясо — голодным лисицам. СУС (1642). АКФ 83, 192.

Рюрик Петрович Лонин, 26 л.

Собственноручная запись 1956 г.

14. Медведь и лиса. См. сб., № 4. СУС 280. АКФ 58. 16.

15. Девушка выйдет замуж только за самого сильного и смелого парня. Юноша вызывается одолеть змея и побеждает. Свадьба. АКФ 58. 18.

16. Девушка идет купаться на Онего. Ее хватает водяной и уводит в свое царство. Старик рыбак видит спящую на камнях девушку и слышит ее жалобный голос. АКФ 58. 19.

17. На берегу Онего живет юноша, он хочет жениться на красавице. Мать не отдает дочь замуж до тех пор, пока юноша не победит змея. АКФ 58. 20.

18. Два таракана ищут на зиму жилище. Одного давят на пороге избы, другой проникает в жилище, заводит потомство, которое разбегается по всей избе. СУС (282 А* = АА *284). АКФ 58. 34.

19. Своевольная жена. См. сб., № 5. СУС 1365 А. АКФ 58. 33.

20. Хозяин с хозяйкой да сосед-мясник. См. сб., № 6. СУС 1533 = АА *1580. АКФ 58. 17.

21. Повариха во сне попадает в царство изобилия, но страшится змея. Затем ей снится дерущаяся между собой посуда. Просыпается — вся посуда на полу. СУС — 1910*. АКФ 58. 35.

Андрей Евдокимович Корзин, 46 л.

Зап. 1957 г. Р. П. Лонина

22. Служивый просит разрешения жениться. Ему предлагаются сватать царскую дочь. Солдат строит лебедя, летит в другое царство, сватается к царской дочери. СУС 575. АКФ 58. 74.

Василий Федорович Мякишев, 45 л.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова

23. Солдат выигрывает у генерала деньги, одежду, документы. Женился, затем в дороге проигрывает все в карты и вынужден пасти овец. Жена отыгрывает то, что он проиграл. Царь дает солдату генеральский чин, а генерал становится ефрейтором. СУС 880* = АА *880 I. АКФ 56. 14.

24. Богатому Марко предсказано, что его зятем и наследником станет сын бедняка. Богач пытается его погубить, бросает в Онего, но парень остается жив и женится на дочери Марко. Богач отправляет его в змениное царство, оттуда герой возвращается с богатством. Предсказания сбываются. СУС 930 (461). АКФ 56, 13.

25. Два брата крадут в городских складах золото, царь приказывает найти их. Попадается один из них, другой убивает его, чтобы замести следы. Трижды вор обманывает царя и хитростью берет его дочь в жены. СУС 950. АКФ 56, 15.

26. Дурак продает телячью шкуру, которая «все знает». Его братья убивают своих животных, но не могут выгодно продать шкуры. Братья случайно убивают мать вместо дурака. Дурак везет тело матери в город и представляет дело так, будто бы ее убил барин. Вымогает у него деньги. Братья хотят утопить дурака, но тот спасается. СУС 1535 = АА 1535 А, *В; 1537. АКФ 56, 1.

27. Мужик продает трем церковникам шапочку «все заплачено» и батожок, оживляющий мертвцевов. Те пытаются оживить царевну, но у них ничего не получается; им отрезают языки, сажают в бочку и топят. Мужику ставят попом, но он отказывается проповедовать. СУС 1539, 1536 В = АА *1730 I; 1826. АКФ 56, 2.

Пелагея Ивановна Антипова, 64 г.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова

28. Иван-царевич женится на младшей из сестер, обещавшей родить прекрасных сыновей. Баба-яга подменяет детей щенятами. Царевич приказывает посадить жену в бочку и бросить в море, а сам женится на дочери бабы-яги. Бочка приплывает к берегу, где сын Ивана-царевича основывает царство, находит своих братьев с помощью колобков, испеченных на грудном молоке матери. Все вместе возвращаются к отцу. СУС 707. АКФ 56, 25.

Егор Федорович Зайцев, 70 л.

Зап. 1956 г. Н. И. Богданова

29. Отслужив службу, солдат отправляется домой. Ночует по дороге у хозяина с условием рассказывать всю ночь сказки. Солдат соглашается, но ставит свое условие — не перечить. Рассказывая, он много раз повторяет фразу: «В этой местности все мужики дураки». Хозяин перебивает его, проигрывает и вынужден сам всю ночь рассказывать байки. СУС 1376 В* = АА *1376 В. АКФ, оп. 43, № 298, л. 20—22.

Анна Матвеевна Зайцева, 66 л.

Зап. 1956 г. Н. И. Богданова

30. Аполлон святой. См. сб., № 7. СУС 1380: 1537. АКФ, оп. 43, № 298, л. 27—32.

ЗАЛЕСЬЕ

М. М. Аверкиева, 74 г.

Зап. 1947 г. Егоровой

31. Человек с медведем сеют репу. Медведь берет вершки, мужик — корешки. На следующий год сеют рожь. Медведь берет корешки, мужик — вершки. Медведь говорит, что мужик его обманывает. Мужик резонно отвечает, что не он делит урожай. СУС 1030. АКФ, оп. 43, № 103, л. 22.

32. Герой попадает в воровскую шайку, которая хочет избавиться от него. Его замуроывают в бочку, но ее прибивает к берегу. Появляется волк. Герой хватается за хвост зверя и выбрасывается из бочки. Его привязывают к пнику. Мужик, намеревавшийся срубить пень, пугается парня и убегает, оставив лошадь, пилу и топор. СУС 1875; 1877* = АА 1877 А. АКФ, оп. 43, № 103, л. 1—3.

33. Дед с бабкой не могут вытащить репку, зовут одногоного прохожего, но вытащить опять не могут, зовут двуногого прохожего — вытащили репку. СУС 2044 = АА 1960 *Д I. АКФ, оп. 43, № 103, л. 22—23.

34. Купец спорит с мужиком, кто голоднее — дети купца или собака мужика. Мужик дает детям репу — они ее сразу съедают, купец бросает собаке хлеб — собака даже не нюхает. АКФ, оп. 43, № 103, л. 84.

П. Н. Ефремова, 60 л.

Зап. 1947 г. Егоровой

35. Водяной. См. сб., № 8. СУС 313 А. АКФ, оп. 43, № 103, л. 23—25.
36. Неродная дочь. См. сб., № 9. СУС 480 = АА 480 *С. АКФ, оп. 43, № 103, л. 37—40.
37. Добрая девочка Варвей. См. сб., № 10. СУС 510 А. АКФ, оп. 43, № 103, л. 31—34.
38. Брат и сестра. См. сб., № 11. СУС 706. АКФ, оп. 43, № 103, л. 25—27.
39. Золотой мальчик. См. сб., № 12. СУС 707. АКФ, оп. 43, № 103, л. 28—30.
40. Барин отнимает у мальчика жерновок. Петух требует вернуть похищенное. Его пытаются убить, но это не удается. Барину приходится отдать жерновок. СУС 715 А = АА 715. АКФ, оп. 43, № 103, л. 30—31.

О. Е. Власова, 76 л.

Зап. 1947 г. Егоровой

41. Три брата стерегут царский сад. Младшему удается ранить зверя. Царевич идет искать его, попадает в подземное царство. С помощью царевны золотого царства он убивает зверя (белого медведя). Царевич поднимает девушек наверх, а под его тяжестью веревка обрывается, но жар-птица доставляет его домой. Играют три свадьбы. СУС 301 А. В. АКФ, оп. 43, № 103, л. 16—20.

42. Невеста Настенька. См. сб., № 13. СУС 400₂ = АА 400 *В; 554. АКФ, оп. 43, № 103, л. 14—16.

П. Е. Рябчикова, 45 л.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова

43. Парень взял в жены птицу. См. сб., № 14. СУС 465 В. АКФ 56. 4.

44. Мачеха хочет избавиться от падчерицы, отправляет ее в лес. Девочка с помощью мышки обманывает мужика, зашедшего в избушку, с пением петухов нечисть исчезает, оставив мешок с золотом. Родная дочь тоже хочет добить золото, но мужик убивает ее. СУС 480 = АА 480 *С. АКФ 56. 12.

А. Слемзина

Зап. 1970 г. Р. П. Лонина

45. Изменнице-жене муж советует обратиться к святому Миколе. Получив совет, как избавиться от мужа, она кормит его жирными калитками. Мнимо ослепший муж стреляет в соперника. СУС 1380. АКФ 83, 191.

ШОКША

Мария Ивановна Сидоркова, 72 г.

Зап. 1956 г. Н. И. Богданова, М. И. Зайцевой

46. Настасья золотые кудри. См. сб., № 15. СУС 313 А: 450. АКФ, оп. 43, № 299, л. 25—29.

47. Красавица-жена. См. сб., № 16. СУС 882 А. АКФ, оп. 43, № 299, л. 20—24.

Павел Егорович Сидорков, 23 г.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова

48. Как три брата-вепса научились говорить по-русски. См. сб., № 17. СУС 1697. АКФ 56, 11.

Федор Никифорович Кузов, 41 г.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова

49. Богатый и бедный брат. См. сб., № 18. СУС 567: 300₁ = АА 300 А: 303: 554. АКФ 56. 6.

50. Дурак, женившись, проявляет свою глупость, не понимает советов отца. Невеста убегает с брачного ложа. СУС 1685 = АА 1685 В. АКФ 56. 5.

РЫБРЕКА

Мария Александровна Кононова. 63 г.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова

51. При разделе имущества сыновья не хотят брать к себе старую мать. Прохожий берет ее к себе за деньги. Дом детей проваливается. СУС 779 В* = АА *766 В. АКФ 56, 20.

Анна Абрамовна Харитонова (возраст неизвестен)

Зап. 1938 г. В. И. Кононова

52. О глупых людях. См. сб., № 19. СУС 37: 1286; 1245: 1281. АКФ 57, 20.

МАТВЕЕВА СЕЛЬГА

Клавдия Алексеевна Арестова. 50 л.

Зап. 1957 г. Р. П. Лонина

53. Неверная жена. См. сб., № 20. СУС 1360 С = АА *1361 I. АКФ 58, 68.

Анна Афанасьевна Щетинина, 48 л.

Зап. 1957 г. Р. П. Лонина

54. Герою сказки встречается старичок, который обещает отвести его в золотой дворец. В нем живет баба-яга, никогда не видавшая человека. Иван поладил с ней. Стали жить-поживать. АКФ 58, 69.

Спиридон Григорьевич Киприянов. 55 л.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова

55. Три брата по очереди noctуют у попа, при условии не разговаривать. Первые два брата нарушают условие и платят попу деньги. Третий брат одурачивает попа и его семью. Они все откупаются деньгами. СУС 1731 = АА *1731 I. АКФ 56, 8. СУС 1528. АКФ 56, 9.

КАСКЕСРУЧЕЙ

Петр Иванович Шикин. 39 л.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова

56. Три брата идут на заработки, старичок дарит им шашку и дает в помощники зверей. Царских дочерей должен съесть змей. Старший брат побеждает трех змееv, но слуга-предатель выдаст себя за спасителя, а героя наказывают. Братья выручают его, и все женятся на царских дочерях. СУС 3001 = АА 300 А; 303. АКФ 56, 27.

57. Кузьма Сарафантыч одним махом убивает семьсот штук мошки и семь оводов — объявляет себя богатырем. Настоящие богатыри назначают его старшим, трижды одолевают противника. А Кузьма случайно побеждает в поединке и становится царским зятем. СУС 1640. АКФ 56, 26.

Степан Михайлович Кабаков. 81 г.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова

58. Комар, муха, оса, заяц, белка и лиса забираются друг за другом в кувшин. Медведь тоже хочет попасть в кувшин, сует в него лапу — все звери в испуге разбегаются. СУС 283 В* = АА *282. АКФ 56, 18.

Петр Иванович Лонин. 70 л.

Зап. 1958 г. Р. П. Лонина

59. Мужик просится переночевать в незнакомый дом. Его впускают, кормят щами, принося каждый раз вновь, как только он съедает. Старик насили ноги унес. АКФ 58, 76.

Мария Лумбина. 76 л.

Зап. 1956 г. Р. П. Лонина

60. Кумулятивная сказка: «Пошел рыбак рыбу удить...» СУС 2016*: 2018 = АА *2015 I. АКФ 58. 8.

Леонид Фошкин. 26 л.

Зап. 1956 г. Р. П. Лонина

61. Мужик садится за стол. Хозяйка ему говорит: «Пайна ладкайжехе!» А он думает, как это — «ударить по миске». Хозяйка вновь повторяет: «Пайна, пайна!» Он и ударил по миске со всей силы. Хозяйка кричит: «Что ты делаешь?» — «Но ведь ты сама велела...» Не поняли друг друга. СУС 1699 В = АА *2140. АКФ 58, 70.

ТИХОНИШТА

Иван Акимович Бузаев. 44 г.

Зап. 1938 г. И. Монсеева

62. Обманом завлеченна на корабль царская дочь. Разыскивавший ее матрос хочет возвратить девушку обратно. Но, вынужденный вернуться за оставленным кольцом, теряет ее. По жребию царевну отдают другому. Во время свадьбы она узнает матроса по кольцу. Виновных наказывают. СУС 301 Д* = АА 301 *С. АКФ 57, 1.

63. Братья отправляются искать похищенных царевен, младший находит их в подземелье. Братья поднимают сестер, а Ивана оставляют под землей. С помощью благодарных животных он возвращается, женится на младшей сестре. Братьев казнит. СУС 301 А. В: 554. АКФ 57, 2.

64. Царевна превращена в медведя. Герой освобождает ее от чар, берет в жены. Она похищает волшебный меч. Ее любовник идет войной на их царство. Герой казнен. На могиле вырастает яблоня, ее срубают. Служанка подбирает щепку, та превращается в селезня, затем в молодца. Он убивает соперника, возвращает жену. СУС 401; 318 = АА 315 *В. АКФ 57, 4.

65. Царевна — мастер в карты играть. У партнера Ваньки деньги не кончаются. Став его женой, она узнает о существовании кошелька-самотряса, крадет его и на ковре-самолете улетает. Герой обнаруживает волшебные яблоки, продает их служанке жены, госпожа съедает яблоко — вырастают рога на голове. Муж ее «лечит», примиряются. СУС 566. АКФ 57, 5.

66. Отец отправляет поочередно сыновей на заработки. Портной и сапожник своим ремеслом ничего не зарабатывают, а третий из братьев странным «ремеслом» добывает большие деньги: от него у девицы ролится сразу полк солдат. СУС — 1650* = АА *1650 I. АКФ 57, 3

Зап. 1938 г. Д. И. Логинова

67. Купеческий сын выпускает из подвала волшебника, одарен богатырским мечом и конем. Спасает царских дочерей от трех-, девяти-, двенадцатиглавых змеев. Свадьба. СУС 502. АКФ 57, 8.

68. Стражник при помощи Света-разума (мужичка с ноготок) становится обладателем диковинок. Королевна просит продать их. Ей ставится условие: оголить себя при всем честном народе, а затем провести ночь со стражником. Она выполняет условие. Свадьба. СУС (850). АКФ 57, 6.

69. Иван занимается в пастухи. Хозяин бьется об заклад с купцом, что Иван не продаст хозяйственного коня, но пастух за поцелуй отдает коня дочери купца. Хозяин проигрывает в споре. СУС 889. АКФ 57, 7.

Зап. 1938 г. В. В. Воробьевая

70. Рыбак в сетях вытаскивает водяного, обещает ему отдать ребенка, который родится. Рождается дочь. На ней женится Иван-царевич. Водяной преследует молодых. С помощью волшебного гребешка и пера они скрываются. Баба-яга хочет погубить царевну, женить Ивана на своей дочери. Сообщает ему о рождении якобы ребенка-щенка. Мать и сына, посадив в бочку, бросают в море. Встреча отца с сыном. Возвращение домой. СУС 313 А: (707). АКФ 57, 9.

71. Мужик отдаст сына в училище к старцу в золотой дворец. Герой заглядывает в запретную комнату, выпускает трех левиц-голубин. Старик возвращает их. Сладьба одной из дочерей. Хозяин зовет молодых в гости. Иван отдает жене цветные платы, она улетает. Герой идет и находит жену. СУС 408; АА 408 А. АКФ 57, 10.

72. Ванька и коза. См. сб., № 21. СУС 2028 = АА 333 *В: 212. АКФ 57, 11.

Собственноизученная запись 1938 г. И. А. Булаева

73. Мица выпускает из темницы старичка-волшебника. В наказание выгнан из дома. Вынужден заняться в пастухи, с работой спрашивается. С помощью волшебника добывает богатырского коня и меч. Царевну отдают на съединение многоголовому змею. Герой спасает Сладьбу. СУС (502); 306 = АА 393 А. АКФ 57, 15.

Зап. 1938 г. Н. Моносова

74. Неверная жена спорит с сыном, как ей избавиться от мужа. Муж, спрятавшийся в дупле, вместо сына посматривает: «Маслом коринь супруга, чтобы он испел». Любовник, пришедший на свидание, убил мужика. СУС 1380. АКФ 57, 17.

Лина Михайловна Булаева, 45 л.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева. П. Карюкова

75. Мачеха пытает замуж за паренчика свою дочь вместо падчерицы-невестки. По дороге во дворец обман раскрывается, и дочь мачехи падает под мост. Из ее тела вырастает тростник. Калунья оживляет дочь, а падчерицу превращает в журналя. Пастух воспитывает ребенка в лес, где его корит редкая матильдина. Об этом узнает паренчик, сжигает крылья птицы и возвращается с женой и сыном домой. Дочь мачехи убивают. СУС 403; 409. АКФ 56, 3.

76. Брат отрубает руки у сестры. См. сб., № 22. СУС 706. АКФ 56, 7.

НИЖНЕКОПИНАЯ

Александр Михайлович Мартынов, 54 г.

Зап. 1937 г. Г. Е. Власьева. П. Карюкова

77. Охотник выполняет землю из огня, та в благодарность обещает научить его понимать язык птиц и пчел. Одна из собак охраняет амбар, пугает воров, по хозяйке бьет собаку и плохо корит. Мужик, вернувшись с охоты, подслушивает разговор собак и находит злую жену. СУС 670. АКФ 56, 10.

78. Дурек шадит пшук, «но пшукому вселнику» вслед за водой сама идет в избу, дровы сажки запираются в печь, без дождя на сажах Офеня сдет в лес по звону, влюбляется в себя дочь начальника, и она убывает вместе с драконом. Его хотят убить, но он спасается. СУС 675. АКФ 56, 10.

79. Усты идет искать любимого, попадает к разбойникам, они избирают ее своим атаманом. Разбойники узнают, что она женщина, и оставляют ее одну. Усты попадает на позицию, находит любимого, он ранен, она над ним голосит. СУС — 955 Д* = АА *955 И. АКФ 56, 10.

80. К живе охотнице приходит любовник. Она драчет его в печь по приходе мужа. Прожженый, заметив недадное, выдает проделки женщины и помогает ее мужу расправиться с соперником. СУС 1359. АКФ 56, 10.

81. Сенька крадет у поги лошадь, а у его жены — деньги; толчит лошадь в болоте, попри попытке вытащить ее сам умирает. Спасает его Сенька, но в то же время он одурачивает попадью так, что та разоряет свой дом. Поп нацимает парней убить лохочку, но Сенька и их окопачивает, продает им книгу, якобы оказывающей тюдев, в ови им забили своих жен до смерти. СУС 1525 Г; 1539. АКФ 56, 10.

82. Старик по велению старухи идет в лес за дятлом, находит его дупло, прогоняет туда голову, а вытащить не может: бежит за топором и вырубает свою голову из туши. СУС 1882 А = АА 1877 *В. АКФ 56, 10.

Л Е Н И Н Г Р А Д С К А Я О Б Л А С Т Ь

Подпорожский район

ЛАДВА

Марфа Захарьевна Микшина. 70 л.

Зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной

83. Живут мужик с бабой. У нее есть дружок. Притворившись больной, она посыпает мужа за тридевять морей привезти для изготовления лекарства потроха черной собаки. Она пишет с дружком, пока муж в отъезде. СУС 315 = АА 315 А. АКФ 83. 21 (ан.) — ф. 2626, 5.

84. Детей уводят в лес в пустую избушку, но они возвращаются по своим приметам — камешкам на гропинке. Их снова вытравывают в глубь леса, птички склевывают наброшенные хлебные крошки, однако детям удается найти дорогу домой. Родители одумались и рады их возвращению. СУС 327 А. АКФ 83. 13 (ан.) — ф. 2625, 6.

85. Мачеха велит отвезти падчерицу в лес. Девушка замешивает тесто, мышка просит блинчик, получает кусочек замеса. Появляется старик из подполья, девушка кормит его. Он зовет ее спать. Появляется мышка, бегает с колокольчиком вокруг постели: «Иду, иду!» Утром. Старик исчезает, девушке остается мешок с золотом и серебром. Мачеха отправляет свою dochь в лес за богатством, но мышка не помогает гробяинке, та гибнет. Ведьма ее воскрешает и подменяет падчерицу, невесту царевича, своей dochерью. Обман разоблачен. Но баба-яга вновь в семье царевича, жену его превращает в лебедь.

Пастух носит в поле ребенка, мать-лебедь кормит сына. Вторичный обман раскрывается. СУС 480 = АА 480 *С: 409. АКФ 83. 16 (ан.) — ф. 2625, 9.

86. Мать умирает, отец решает жениться на дочери. Та по совету старушки-задворенки просит отца добыть ей для свадьбы сарафан со звездами, затем с луной и солнцем. Отец все это достает. Садятся в карету, едут венчаться. Дорогой отец вышел по нужде, лошади рванули с места, он остался в лесу. Дочь очнулась в царских покоях служанкой. Ходит в церковь в красных нарядах, ее замечает царевич, может порог смоловой и находит ее по утерянной туфельке. Свадьба. СУС 510 В. АКФ 83. 15 (ан.) — ф. 2625, 8.

87. Жена заговорила. См. сб., № 24. СУС 510 В; 313 Н* = АА *313 I: 887. АКФ 83. 150 — ф. 2624, 6.

88. Дед идет удить, попадается золотая рыбка, она выполняет все просьбы старухи, дарит корыто, избу, но не исполняет ее желания быть царицей. СУС 555. АКФ 83. 18 (ан.) — ф. 2626, 2.

89. Мальчик с пальчик. См. сб., № 25. СУС 700. АКФ 83. 149 — ф. 2624, 5.

90. Из трех сестер Иван-царевич берет замуж ту, что обещает родить золотых сыновей. Яги-баба подменяет детей кутятами. В третий раз царица одного ребенка прячет. Ее с сыном замуровывают в бочку, бросают в море. Они спасаются. Сын строит царские хоромы, добывает диковинки, находит братьев и возвращает в семью отца. СУС 707. АКФ 83. 6 (ан.) — ф. 2624, 10.

91. Старик отправляется на заработки, встречается со странником, который учит его лечить людей. Старик съедает тайком просвирку и признается в содеянном только после того, как странник спас его от гибели, сам же странник по водешел, как по суху. СУС 785. АКФ 83. 7 (ан.) — ф. 2624, 12.

92. Старик и медведь сеют вместе пшеницу. Медведь по уговору получает корешки, крестьянин — вершки. В следующий сезон зверю обещаны вершки, но сеют они рапу, старик опять не внакладе. Он приезжает верхом на жене — медведь не может угадать, что это за животное, и вновь одурачен. СУС 1030: 1091. АКФ 83. 147 — ф. 2624, 3.

93. Подслеповатой невесте ищут жениха: один староват, другой скуповат, третий женат. Невеста «видит» иглу у порога (положена заранее). Сватовство состоялось, но обман раскрывается. Брат получает письмо в армию о якобы плохом поведении сестры, велит ее убить, но вместо нее режут собаку. Сестра много суток не приходит в сознание, ее считают мертввой, кладут в гроб, отвозят в лес, подвешивают на дереве. Гроб с красавицей замечает Иван-царевич и привозит к себе. Она приходит в себя. Свадьба. СУС 1456*: 883 А: 709. АКФ 83. 11 (ан.) — ф. 2625, 3.

94. Ванька-вор. См. сб., № 26. СУС 1525 D = АА 1525 D и 1525 *С I. АКФ 83. 146 — ф. 2624, 2.

95. Солдат голоден, но хозяйка жадна и уверяет, что в доме нет ничего. Солдат обещает сварить суп из топора и начинает готовить, постепенно выпрашивая малую толику крупки, масла и т. п. СУС 1548. АКФ 83. 20 (ан.) — ф. 2626, 4.

96. Набитый дурак говорит все невпопад, за что и получает тумаки. Домовничая, тоже все делает непутно. Отправляет делать покупки — он лишился всех вещей по своей глупости. СУС 1696: 1691. АКФ 83, 8 (ан.) — ф. 2624, 13.

97. Мужик перевозит солдата на другой берег за обещание показать, в чем мужская сила. Знакомит его с женой. Та рада гостю и называет солдата своим братом. Настала пора расстатьсяся. Старик провожает взглядом жену и солдата, те уже далеко в лесу; солдат фуражку на кол насадил, а сам — под куст с провожавшей. Смотрит старик и думает: «Все кланяется, вежливый». У солдата дорога дальняя. В одной избе достает из печи горшок с варевом, мясо съедает, туда — лапоть. Умело отвечает на вопросы хозяйки. СУС — 1734** = АА *1734. АА *1544. А* = АА *1545. АКФ 83, 12 (ан.) — ф. 2625, 5.

98. Посеяли репу на крыше избы. См. сб., № 23. СУС 1960 G: 37. АКФ 83, 148. — ф. 2624, 4.

99. У сирот нет еды, находят они горошину — и та падает в подвал, прорастает сквозь дырки в полу, потолке, крыше, растет до неба. Девочка поднимается по стеблю в небесную избушку, покорно выполняет задания хозяйки. В награду получает волшебный жёрнов («с одного бока появляются пироги, с другого — колобки»). Но барин отбирает у детей жёрнов, а петух все досаждает криками: «Отдай, барин, жёрнов!» Справедливость торжествует. СУС 1960 G: 715. А = АА 715. АКФ 83, 10 (ан.) — ф. 2625, 2.

100. У деда и бабки нет детей. Делают дочку из глины. Аннушка прядет и вдруг роняет в подполье веретено. Опустилась туда и съела веретено, потом съела дедку с бабкой, встречает стадо овец: «Я вас съем!» Барин предлагает сесть ему на спину, скидывает посередине реки на камень, бодает. Глиняная Аннушка разбивается, на берег выходят дед с бабкой. СУС 2028 = АА 333 *В. АКФ 83, 9 (ан.) — ф. 2625, 1.

Пелагея Степановна Фадеева, 66 л.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

101. Традиционное изложение сюжета «Рога». Все похищенные царевной предметы герой возвращает с помощью волшебных яблок, от которых вырастают рога. СУС 566. АКФ 83, 45 (ан.) — ф. 2659, 2.

102. Ленивую Оксю отдают замуж в дом, где большое хозяйство. Муж утром запрещает петуху петь, корове мытьть, лошади ржать. Те ослушались первого слова хозяина, и он их всех прирезал. Ленивая Окся по первому слову мужа стала вскакивать с постели и все делать по хозяйству. СУС 901 = АА 901 А. АКФ 83, 46 (ан.) — ф. 2659, 3.

103. Сонливая жена. См. сб., № 27. СУС 901 В* = АА 901 *В. АКФ 83, 157.

104. Традиционное изложение сюжета «Невестины загадки». СУС 921. АКФ 83, 47 (ан.) — ф. 2659, 4.

105. Глуповатый зять. См. сб., № 28. СУС — 1696 В**; — 2220. АКФ 83, 154. — ф. 2660, 4.

106. Журавли. См. сб., № 29. СУС 1881 = АА 1876 *В. АКФ 83, 156 — ф. 2660, 6.

107. Мужик покупает на базаре кусок мяса и просит рецепт приготовления. Продавец написал. Дорогой у мужика руки замерзли. Бросил мясо на землю, идет и пинает его. Собака бежит, схватила мясо. Мужик ей вслед: «Ты все равно готовить не сумеешь: рецепт-то у меня!» АКФ 83, 155 — ф. 2660, 5.

Ольга Федоровна Комар, 17 л.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

108. Упрямая жена. См. сб., № 30. СУС 1365 А. АКФ 83, 152 — ф. 2660, 2.

Надежда Васильевна Комар, 40 л.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

109. Старичок и разбойники. См. сб., № 31. СУС 1653 АВС = АА 1653 В. АКФ 83, 151 — ф. 2660, 1.

ОЗЁРА

Серафима Никитична Самакова, 46 л.

Зап. 1961 г. М. И. Муллонен

110. Бог к Орифею на обед пришел. См. сб., № 32. СУС 751 А* = АА *751 II. АКФ 83, 184 — ф. 163, 6.

111. Солдат соглашается спать в избе, где хохольчиают черти. Те просят солдата научить их играть на тальянке. Солдат приказывает им сделать дыру в стене и совать головы по очереди в эту щель, а сам дубинкой вгоняет их в стену. СУС 1159 (ср.: — 308***). АКФ, оп. 30, № 41, л. 51—52; ОВР, 6.

112. В лесу мужики находят большую дыру. Их одолевает любопытство. Один из них сует туда голову. Когда его вытаскивают за ноги, то сомневаются, была ли у него голова. Жена говорит: «Да головы-то не помню, а маленькая бородка вроде была». СУС 1225. АКФ 83, 183 — ф. 163, 1.

113. Упрямая жена делает все вопреки мужу: набивает кошель камнями, несет. Пляшет, проходя по мосту, падает в реку. Муж доволен, что избавился от жены. СУС 1365 А. АКФ, оп. 30, № 41, л. 63.

114. Жулики одевают старика-веспу в генеральскую одежду и велят на все вопросы отвечать: «Ага». Приводят его в магазин, набирают от имени «генерала» товар «для свадьбы» и исчезают, оставив нищего старика расплачиваться. СУС 1526. АКФ, оп. 30, № 41, л. 55—56 — ф. 167, 3; ОВР, 7.

115. Поп и работник. См. сб., № 33. СУС 1561. АКФ 83, 185 — ф. 166, 9.

116. Бедняк занимает у богача деньги на покупку коровы, но отдать долг вовремя не может. По совету цыгана на суде прикидывается дурачком, его оправдывают. СУС 1585. АКФ, оп. 30, № 41, л. 59—60 — ф. 167, 4. ОВР, 8.

117. Как жена мужа обманула. См. сб., № 34. СУС 1739; 1535. АКФ 83, 186 — ф. 167, 1.

118. Поп не хочет читать евангелие, а коли прихожане требуют, читает три недели кряду, так что народ — в двери. Не умея служить, он заставляет паству делать как он: все ложатся на пол и трясут ногами. СУС 1826; 1825 = АА 1825 А; 1825 D* = АА 1694. АКФ, оп. 30, № 41, л. 48 — ф. 166, 8. ОВР, 5.

119. Мужик поит вином журавлей, повадившихся на его гороховое поле, связывает их веревкой, прикрепляет к поясу. Журавли отрезвили и поднялись в небо. Мужик падает в болото, откуда сам себя выкапывает. СУС 1881 = АА 1876 *В; 1882 А = АА 1877 *В. АКФ, оп. 30, № 41, л. 43 — ф. 167, 2. ОВР, 3.

120. Жили-были три брата. См. сб., № 35. СУС 1920 Н* = АА 1920 *Д. АКФ 83, 187 — ф. 163, 4.

ПЕЛДУШИ

Виктор Никитич Кузьмин, 19 л.

Зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена

121. У мужика умирает жена, ему нечем кормить детей, он отводит их в лес. Самый младший кидает по дороге бумажки, по этим знакам приводят братьев домой, но их снова изгоняют. Мальчик ворует у спящих мужиков сапоги-скороходы и мешок с золотом. Все братья с богатством возвращаются к отцу. СУС 328. АКФ, оп. 43, № 141, л. 68—70.

122. Федька попадает к разбойникам, заглядывает в подвал, находит Катю. Они обманывают разбойников, убегают. Но разбойники находят Федьку и приказывают ему принести «то — не знаю что». С помощью сестер Кати и невидимого Ражека он достает золотое диво. Совершаются чудеса: выстраивается город, появляются вооруженные солдаты. Герой убивает разбойников. СУС 465 А. АКФ, оп. 43, № 141, л. 45—50.

123. Падчерица роняет веретено в колодец, отправляется за ним. Служит у колдуньи, одарена. Родная дочь роняет веретено, чтобы получить подарок, но тонет в колодце. СУС — 480* = АА 480 А. АКФ, оп. 43, № 141, л. 70—71.

124. Окушок дарит старикам новую избу, корыто, пашет землю. Однако дальнейшие желания бабки: дать ей посуду, скотину, сеять, жать, молотить, печь хлеб, готовить для нее — рыбка не исполняет. СУС 555. АКФ, оп. 43, № 141, л. 95—96; ОВР, 43.

125. Охотник приносит чудесную птицу: кто съест ее голову — станет царем, кто сердце — будет плеваться золотом. Жена охотника готовит птицу для любовника, но случайно птицу съедают дети. Любовник велит работнику убить детей, однако тот отпускает их. Они попадают в город, попытки отнять у них чудесные свойства не удаются. СУС 567. АКФ, оп. 43, № 141, л. 40—45.

126. Бедняк запирает Горе в баночку и топит в озере; находит котелок с золотом, богатеет. Богатый брат завидует, вылавливает баночку, выпускает Горе, оно привязывается к нему. СУС 735 А = АА *735 I. АКФ, оп. 43, № 141, л. 61—62; ОВР, 42.

127. Парень убивает семь мух и выдаст себя за богатыря, одним махом убивающего смерых. Состязается с богатырем в силе: вместо камня давит творог, вместо камня «бросает»

птицу: завязав богатырю глаза, бьет того дубиной. Богатырь просит парня сходить за водой — тот копает вокруг колодца, чтобы принести его весь в дом: посыает за дровами — он плетет веревку, чтобы принести дров на три недели. Богатырь ташит дерево за один конец, парень усаживается на другой. СУС 1640: 1062: 1084: 1053 А: 1060. АКФ. оп. 43. № 141. л. 65—68.

Осип Федорович Смирнов. 60 л.

Зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена

128. Жила женщина, был у нее сын. См. сб., № 36. СУС 325. АКФ. оп. 43. № 141. л. 12—17.

Дарья Викторовна Ишевская. 52 г.

Зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена

129. Скатерть и жерновок. См. сб., № 37. СУС 563. АКФ. оп. 43. № 141. л. 80—87.

130. Старик идет за долгом. Должник притворяется мертвым. Старуха разрешает кредитору обмыть мертвца; мертвого несут в часовню, где разбойники делят добычу. Разбойники, испугавшись, разбегаются. Мужики делят добычу. СУС 1654 = АА 1654*. АКФ. оп. 43. № 141. л. 89—92; ОВР. 41.

131. Глиняный Иванушка съедает веретено, прялку, лопату, пильщиков. Баран обманывает Иванушку и толкает его в реку, где тот итонет. СУС 2028 = АА 333 *В. АКФ. оп. 43. № 141. л. 78—80.

Михаил Захарович Ишевский. 53 г.

Зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена

132. Мужики и барин меняются одеждой, мужику достается барская шуба, а барину — мужицкий балахон, который «сшил летом и оттого теплый». барин замерзает. СУС — 1547***. АКФ. оп. 43. № 141. л. 19—20; ОВР. 40.

133. Поп забирает у мужика последнюю корову, сказав, что бог даст взамен пять. Старики корова приводят во двор бедняка коров попа. Тот просит отдать коров, но бедняк говорит, что их ему дал бог. СУС 1735. АКФ. оп. 43. № 141. л. 38—39; ОВР. 39.

Николай Алексеевич Новожилов. 17 л.

Зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена

134. При помощи подаренного волшебного кольца парень выполняет задачи царя и женится на царевне, она похищает кольцо, мужа садит в темницу; собака и кошка возвращают ему волшебное кольцо. СУС 560. АКФ. оп. 43. № 141. л. 104—106.

135. Цыган меряется со змеем силой — кто сильнее свистнет. Цыган завязывает змею глаза и ударяет его палкой. Змей посыпает цыгана за водой, тот роет вокруг колодца, чтобы принести сразу весь колодец. Цыган перехитрил змея. СУС 1084: — 1046*. АКФ. оп. 43. № 141. л. 197—198; ОВР. 44.

Бокситогорский район

ПРОКУШЕВО

Анна Семеновна Лебедева. 30 л.

Зап. 1958 г. Н. И. Богданова

136. Жили старик со старухой. См. сб., № 38. СУС 162 А*. АКФ 83. 190 — ф. 38. 10: ОВР. 136.

СИДОРОВО

А. П. Морозова. 52 г.

Зап. 1958 г. Н. И. Богданова

137. Что приснилось старику. См. сб., № 41. СУС — 1910*. АКФ 83. 188 — ф. 35. 13.

Маланья Васильевна Кудряшова. 66 л.

Зап. 1958 г. Н. И. Богданова

138. Пошли дети за ягодами и заблудились. См. сб., № 39. СУС 314 А* = АА *314 I. АКФ 83. 189 — ф. 35. 6.

Матрена Васильевна Гребнева. 64 г.

Зап. 1958 г. Н. И. Богданова

139. Как мужик остался за хозяйку. См. сб., № 40. СУС 1408. АКФ. оп. 30. № 41. л. 418. ОВР. 122 — ф. 35. 11.

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛ.

ПОНДАЛА

Александра Леонтьевна Калинина. 47 л.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова. Р. С. Преображенской. М. М. Леметти

140. Старуха дергает репу на крыше, падает и умирает. Старик идет искать плачую, бегет в плачей зверей, они съедают у старика коня и разбегаются. СУС 37; 1960 G = АА *1425: 158. АКФ. оп. 19. № 22. л. 27—30.

141. В отсутствие кота лиса выманивает и уносит петуха: коту два раза удается настигнуть лису и спасти петуха, но в третий раз он не слышит его крика и не может помочь. СУС 61 В = АА *61 II. АКФ. оп. 19, № 22. л. 42—43; ОВР. 81³.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

142. Прогнанные собака и кот. См. сб., № 42. СУС 103 (103 А*). АКФ 83. 158 — ф. 2663. 1.

Зап. 1958 г. М. И. Зайцевой

143. Лиса выдаст кота за своего мужа, а зверям сообщает, что он лесной хозяин. Волк и медведь приносят ему в дар свою добычу. Звери шевелят ветки дерева, напуганный кот падает на них, все разбегаются. СУС 103 (103 А: 103 А*). АКФ. оп. 30. № 41. л. 285—286; оп. 19, № 19. л. 73—77 — ф. 47. 11. ОВР. 77.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова. Р. С. Преображенской. М. М. Леметти

144. Хозяева выгоняют собаку, кота, петуха из-за старости. Животные встречаются и все вместе идут куда глаза глядят; nocturne в пустой избе. Туда пытаются проникнуть разбойники, но животные изгоняют их. СУС 130; 130 А. В = АА 130. АКФ. оп. 19, № 22. л. 43—45; оп. 19, № 23. л. 7—9.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

145. Посеяли старичок и старушка репу на крыше бани. См. сб., № 43. СУС 158; 1960 G. АКФ 83. 159 — ф. 2662. 19.

Зап. 1957 г. Н. А. Калинина

146. В бедной семье находят горошину, которая прорастает до неба. Брат и сестра взбираются по стеблю и попадают в избушку бабы-яги, та хочет изжарить детей, но сама сгорает в печи. СУС 218 В* = АА 1960 *G I: 327 А. АКФ. оп. 19, № 23. л. 1—2.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова. Р. С. Преображенской. М. М. Леметти

147. Жила в лесу баба-яга. См. сб., № 44. СУС 314 А*. АКФ. оп. 19, № 22. л. 123—125.

Зап. 1957 г. Н. А. Калинина

148. Баба-яга и дети. См. сб., № 45. СУС 327 А; 1960 G = АА *1425, 1960 *G I. АКФ. оп. 19, № 20. л. 58—60.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

149. Глиняный Ванька. См. сб., № 46. СУС 2028 = АА 333 *В. АКФ 83. 169 — ф. 2662. 18.

³ По шифру АКФ: оп. 19, № 22 находятся оригиналы текстов, на которые нами даются ссылки, в оп. 19, № 19 — их копии, отмеченные в ОВР.

Зап. 1962 г. М. И. Зайцевой, М. И. Муллонен

150. Старик лепит глиняного мальчика, который съедает веретено, прялку, бабочку, дедку, парней, девушки, женщин и мужиков, встретившихся ему. Коза разбивает мальчика Глинку — все жертвы освобождаются. СУС 2028 = АА 333 *В. АКФ, оп. 19, № 22, л. 125—127 — ф. 172. 3. ОВР. 78.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

151. Бедная девушка выходит замуж за богатого. Ее топит соперница и в одежде погубленной приходит в дом, живет здесь. А козочка ходит на берег и признается, горюет по хо-зяйке. Та отвечает из воды: «Козлик, мой братец, меня камень ко дну тянет, петля у меня на шее». Все выясняется. СУС 450. АКФ 83, 160 — ф. 2663, 7.

Собственноручная запись 1982 г. А. Л. Калининой

152. Братец, не послушав сестрицу, пьет воду из копытца и превращается в козленка. Катеринушка выходит замуж, деревенская девка топит ее в речке, подменяет собой, козленка хотят зарезать, но все выясняется, все спасены. СУС 450. АКФ 83, 142.

153. Падчерица роняет ведро в колодец, отправляется за ним, дорогой служит у колдуньи и за хорошую работу получает подарок: родная дочь также хочет получить вознаграждение, но делает все плохо и погибает. СУС — 480* = АА 480 А. АКФ 83, 141.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

154. У девочки клубок упал в прорубь, она следом. Шла, шла, увидела избушку. У лесной хозяйки она топит баню,носит воду решетом, моет ее лесных детей: лягушек, ящериц, змей; получает сундучок с драгоценностями и клубок. Мачеха и ее дочь, открыв сундучок, скорают. СУС — 480* = АА 480 А. АКФ 83, 83 (ан.) — ф. 2663, 16.

155. Мачеха Машеньке обещает: «В молоке будешь мыться-купаться, молоко будешь есть-пить». Но при отъезде мужа на заработки отвозит ее в лесную избушку. Вместо крупы кладет ей в дорогу песок, вместо толокна — золу. Девочка кормит мышку, та спасает ее от злых стариков: с пением петухов те сквозь землю провалились, а девочке осталось четыре мешка товара. А мачехина дочь ругает мышку: «Жаба тебе в рот, поганая!». Старики ее убивают. СУС 480 = АА 480 *С. АКФ 83, 162 — ф. 2663, 2.

156. Сказка об Аленушке. См. сб., № 47. СУС 480 = АА 480 *В. АКФ 83, 161 — ф. 2663, 9.

Зап. 1958 г. М. И. Зайцевой

157. Девочка и мышка. См. сб., № 48. СУС 480 = АА 480 *С. АКФ 83, 175 — ф. 47. 9.

158. Девочка-нищенка. См. сб., № 49. СУС 510 А. АКФ 83, 171 — ф. 47. 1.

Собственноручная запись 1982 г. А. Л. Калининой

159. Мачеха и ее разнаряженные дочери отправляются в церковь. Бедняжке падчерице, оставленной дома, дарит наряды мышка: падчерица появляется в церкви, привлекает внимание царевича, который находит ее по утерянному башмачку. СУС 510 А. АКФ 83, 139.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова, М. И. Зайцевой

160. Мастер изготавливает чудесную лошадку. Барский сын летает на ней к девушке. Назначена казнь, но они исчезают при помощи волшебного коня. Далее ведется повествование о сыне этой пары. СУС 575. АКФ 83, 170 — ф. 24. 1.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти

161. Охотник помогает змею, получает в награду чудесный предмет. С его помощью выполняет ряд заданий и женится на царевне, та похищает чудесные винтики, сама исчезает. Кошка и собака возвращают похищенное хозяину. Муж наказывает жену-царевну. Примирение. СУС 560. АКФ, оп. 19, № 22, л. 46—50.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

162. Идет Емеля за водой, попадается ему в ведро щука и просит отпустить ее обратно в прорубь. Далее все делается «по щучьему велению». СУС 675. АКФ 83, 163 — ф. 2663, 10.

Зап. 1957 г. Н. А. Калинина

163. Мужик видит, как разбойники входят внутрь горы, говоря: «Откройся!» Делает то

же и находит сокровища. Сосед сообщает об этом разбойникам, те пытаются убить мужика, но благодаря служанке, которая ошпаривает спрятавшихся в кувшинах разбойников, мужик остается жив. СУС 676. АКФ, оп. 19, № 23, л. 4—5.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти

164. По навету жены брат изгоняет из дома сестру, увозит ее в лес, отрубает руки. Она идет в город. Врач лечит ее, берет в жены. У них рождается сын. Случайно мать роняет ребенка в реку, но чудом он оказывается спасен. Когда истина выясняется, брат избивает жену-обманщицу. СУС 706. АКФ, оп. 19, № 22, л. 36—39.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

165. Жена в доме пакостит, а вину сваливает на золовку. Брат отрубает у сестры кисти рук. Красавица выходит замуж за торговца, рождается сын. Она случайно роняет ребенка в реку, просит Бога о помощи: у нее отрастают кисти рук: ребенок спасен. Виновницу бед то-пят. СУС 706. АКФ 83, 164 — ф. 2663, 6.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти

166. Боярин отбирает у детей-сирот жерновок-самомолку. Петух требует возвращения похищенного. Его топят в озере — он выпивает воду: бросают в печь — гасит огонь: его за-жаривают, боярин съедает птицу, но петух, высовываясь, кричит снова. Боярин отдает жерновок. СУС 715. АКФ, оп. 19, № 22, л. 127—129.

Зап. 1957 г. Н. А. Калинина

167. Разбойник сватает девушку: она тайно посещает его дом, видит, как убивают другую девушки, возвращается обратно. Когда разбойники приходят свататься, девушка рассказывает им сон, как она была у разбойников: те разбегаются. СУС 955. АКФ, оп. 19, № 23, л. 6—7.

Зап. 1958 г. М. И. Зайцевой

168. Как мужик и медведь репу сеяли. См. сб., № 50. СУС 1030. АКФ 83, 172 — ф. 47, 6.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

169. Засевают мужик с медведем поле репой. Обычно питаясь овсом, зверь решает взять себе верхушки. Мужик рад: убрал репу в яму, а у медведя ботва сгнила. С тех пор медведь с человеком вместе не работают. СУС 1030. АКФ 83, 165 — ф. 2663, 3.

Зап. 1958 г. М. И. Зайцевой

170. Солдат ночует в бане: появляется там баенник — мужик в гробу. Солдат играет с ним в карты и все время выигрывает. Следующую ночь солдат играет на балалайке, а тот пляшет до изнеможения. Владелец бани удивляется, как солдату удается одолеть нечистую силу. СУС — 1060*. АКФ 83, 173 — ф. 47, 10.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти

171. Шел солдат с войны. См. сб., № 51. СУС 1159; 1091. АКФ, оп. 19, № 22, л. 120—123.

172. Жена совершает ненужные покупки (множество горшков). При просьбе запечь дверь берет ее с собой, забирается на дерево и роняет дверь на торговца, тот убегает, оставив деньги. СУС — 1382 А*: 1009: 1653 А, В, С = АА 1653 В. АКФ, оп. 19, № 23, л. 22-25.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

173. Обманутые боярин и кучер подпирают сосну, а мужик на барском тарантасе едет в имение за деньгами и выманивает их у барыни. СУС 1530. АКФ 83, 166 — ф. 2663, 5.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти

174. Младший из трех братьев продает быков пню: братья отправляются за деньгами и под пнем находят их. От младшего брата поп узнает об этом. Братья убивают попа. Младший выдаст их и покажет место, куда спрятали тело попа, но братья подменяют его козлом. СУС 1643. АКФ, оп. 19, № 22, л. 117—120; ОВР, 82.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. П. Косменко, В. В. Манчи

175. Ванька-дурак продает быков. См. сб., № 52. СУС 1643: 1600 = АА 1600 А. АКФ 83. 167 — ф. 2662, 22.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти

176. Дурак домовничает: катается по избе в корыте: братья отправляют его за покупками; покупает масло, муку, стулья, стол. На обратном пути, чтобы лошадь наелась и напилась, высypает муку в прорубь: маслом смазывает ледяные трещины: стол и стулья выкидывает: они имеют по четыре ноги — могут идти сами. Братья хотят убежать от дурака, но это им не удается. СУС 1691 = АА 1685 А: 1681 = АА *1681 I: 1132. АКФ, оп. 19, № 22, л. 129—132; ОВР. 80.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. П. Косменко, В. В. Манчи

177. Ванька-дурак домовничает. См. сб., № 53. СУС 1691 = АА 1685 А. В: 1132. АКФ 83, 168 — ф. 2662, 23.

Собственноручная запись 1982 г. А. Л. Калининой

178. Мужик отдает попу единственную корову, которая затем приводит ко двору мужика семью поповских коров. Поп подает на мужика в суд, но тот оправдан, так как в проповеди попа было сказано: «Кто отдает последнее, получит десятерицю». СУС 1735. АКФ 83, 138.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти

179. Бедняк встречает барина, который спрашивает у него, кто умный, кто полоумный. Тот говорит, что среди попов половина дураков, а среди бар — четвертая часть умных, остальные дураки. Мужик оставляет барина с возчиком держать падающее дерево, сам на лошадях едет к барыне и просит переслать через него деньги барину якобы на покупку леса. Обманщику достаются деньги и тарантас. СУС — 1702 D*: 1530; 1525 F. АКФ, оп. 19, № 22, л. 16—19; ОВР. 79.

180. Старик и старуха растят на крыше большую репу. Старуха падает с крыши и убивается. Старик нанимает плачальщицы-зверей. Они съедают у старика коня и убегают. СУС 1960 G = АА *1425: 158. АКФ, оп. 19, № 22, л. 27—30.

181. Кумулятивные сказки разного рода: СУС 2016*: 2018 = АА *2015 I. АКФ, оп. 19, № 22, л. 31—33; 56: 65—66.

Зап. 1962 г. М. И. Зайцевой, М. И. Муллонен

182. «Кисанька-касанька», «Кутилы-пятилы», «Дай, кукушечка, твою точилку». СУС 2016*: 2018 = АА *2015 I. ОВР. 83 — ф. 172, 2.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

183. Рифмованные сказки-песенки (цепные). СУС 2016*: 2018 = АА *2015 I. АКФ 83. 17—19 (оп.) — ф. 2663, 17.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти

184. Курица снесла золотое яичко, баба и дед не могут разбить его: мышь задевает яичко хвостом и разбивает его. СУС 2022 В = АА *241 III: 2022. АКФ, оп. 19, № 22, л. 64.

Клавдия Яковлевна Царева

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

185. Живут кот, петух и курочка. Уходя на добычу, кот дает наказ: «Придет лиса, не показывайтесь, голоса не подавайте!» Однако лисе удается выманить курочку: «Коте-братье, понесла меня лиса за реки быстрые, за луга зеленые!» СУС 61 В = АА *61 II. АКФ 83, 84 (ан.) — ф. 2663, 27.

186. Сироты ходят попрошайничат. В одной из изб видят проросшую до чердака горошину. По ней поднимаются до жилища бабы-яги, съедают ее курник (рыбник). Яга решает их изжарить, но сама сунута в печь. СУС 327 А: 1960 G = АА *1425, 1960 *G I. АКФ 83, 89 (ан.) — ф. 2664, 2.

187. В Ильин день девочка собирается на праздник, а братец увязлся за нею, в дороге захотел пить. Пьет водичку из козлиного копытца и превращается в козленочка. Девочка

идет за водой для самовара и случайно падает в озеро итонет. Козёлушка-мозёлушка притягивает на берегу, привлекает внимание людей и ее спасают. СУС 450. АКФ 83. 86 (ан.) — ф. 2663. 29.

188. Мачеха выгоняет падчерицу на мороз. На вопросы Мороза, назвавшегося Богом, девочка отвечает ласково, он дарит ей валенки и теплую одежду. Дочь мачехи грубит дарителю и гибнет. СУС 480 = АА 480 *В. АКФ 83. 90 (ан.) — ф. 2664. 3.

189. Дети-сироты находят золотой жерновок, который кормит их пирожками. Барин берет детей к себе вместе с чудесным жерновом, но держит их впроголодь. Петушок заставляет барина вернуть жернов детям. СУС 715 А. АКФ 83. 88 (ан.) — ф. 2664. 1.

Федосья Никуева. 56 л.

Зап. 1962 г. А. А. Митрофановой

190. Девочка и Мороз. См. сб., № 54. СУС 480 = АА 480 *В. АКФ 83. 174 — ф. 204.

Евлакия Федоровна Денисова. 45 л.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова. Р. С. Преображенской. М. М. Леметти

191. Кумулятивная сказка. СУС 2016*: 2018 = АА *2015 I. АКФ. оп. 19. № 22, л. 73—74.

ВОЙЛАХТА

Андрей Андреевич Матвеев. 79 л.

Зап. 1963 г. М. И. Зайцевой. М. И. Муллонен

192. Емеля идет за водой и в проруби вылавливает щуку, но щадит ее. «По щучьему велению» делается все, что он прикажет: ведра сами идут домой, рубятся дрова, катятся сани, рябиновый кол избивает народ, царского слугу. Емеля едет к царю на печке. Царевна выходит замуж за Емелью, их бросают в бочке в море, они спасаются, строят дворец. Царь признает Емелью своим зятем. СУС 675. АКФ 83. 180.

193. Поп. дьякон и пономарь напрашиваются на свидание к Машеньке. Красавица приглашает всех, сама же по словору с мужем наказывает их вместе с женами. СУС 1730. АКФ 83. 181.

Алексей Федорович Миронов. 13 л.

Зап. 1962 г. А. А. Митрофановой

194. Посеяли старик со старухой репу на крыше. Пошла старуха посмотреть, выросла ли репа, и упала, убилась. Старик ищет плачею, набирает полные сани зверей, те съедают его лошадь. СУС 1960 G = АА *1425. 1960 *G I: 158. АКФ 83. 182.

Татьяна Федоровна Лукчева. 78 л.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

195. Старик с возом рыбы возвращается с рыбалки. Видит мертвую лису, подбирает. Пока доехал до дома — ни рыбы, ни лисы. СУС 1. АКФ 83. 56 (ан.) — ф. 2661. 6.

196. Дед едет искать плакальщицу: встречаются поочередно лиса, волк, петух, медведь. Старик всех берет в сани. Сломалась завертка. Пока дед в лесу, в поисках, звери съедают коны. СУС 158. АКФ 83. 59 (ан.) — ф. 2661. 12.

197. Катенька пьет водницу из копытца и превращается в козочку, а колдун Барбыш пытается погубить ее, зарезать, но мальчику удается утопить самого колдуна, а козочка снова превращается в девочку. СУС 450. АКФ 83. 63 (ан.) — ф. 2661. 16.

198. Падчерицу уводят на гумно, чтобы она там замерзла, но Мороз ее жалеет: дарит пальтишку, валенки, платок. Мачехина дочь грубит Морозу («Жаба тебе в рот!»), и он засыпает ее снегом, морозит. СУС 480 = АА 480 *В. АКФ 83. 58 (ан.) — ф. 2661. 8.

199. Девочка нянчит братца, но гуси-лебеди уносят его. Девочка бросается в погоню, дорогу ей указывают яблонька, речка... Домой мальчика доставили гуси-лебеди. СУС 480 А* = АА 480 *Е. АКФ 83. 62 (ан.) — ф. 2661. 15.

200. Падчерице велят прясть у проруби. Она роняет в воду веретено и отправляется искать его. Встречается избушка бабы-яги, та дает задание истопить баню, воды наносить решетом. Мышка спасает девочку от козней бабы-яги и возвращает ей утерянное веретено. СУС — 480* = АА 480 А. АКФ 83. 57 (ан.) — ф. 2661. 7.

201. В семье было два разумных сына, а третий — ленивый Емеля. Однажды ему попадается щука, по велению которой все желания героя исполняются моментально: сани сами катятся в лес, дрова складываются в сани сами. Емеля едет на печке в царский двор. Царевна выходит замуж за Емелью. СУС 675. АКФ 83. 64 (ан.) — ф. 2661. 17.

202. Муж уезжает на мельницу, а к жене приходит в гости ее дружок. Муж догадывается о проделках жены и возвращается раньше обычного. Любовник прячется в большую корзину. Притворившись слепым (перекормлен маслом), хозяин дома просит принести пицаль, стреляет в спрятавшегося. тот убегает. СУС 1380. АКФ 83. 67 (ан.) — ф. 2661. 20.

Матрена Никифоровна Лебедева. 78 л.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

203. Начинается сказ с момента поиска плачей. Волк, медведь, заяц показывают свое умение причитать — и все попадают в сани. Затем звери съедают коня, а в шкуру пихают солому. СУС 158. АКФ 83. 68 (ан.) — ф. 2662. 11.

Валентина Павловна Смирнова. 54 г.

Зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной

204. Отец, умирая, дает наказ сыновьям три ночи сторожить его могилу. Два старших брата отказываются, а младший идет на кладбище, не спит, хлеб ест да звезды считает. На третью ночь кресты на могилах зашевелились, отцовская могила открылась: «Ванюша, ты?» — «Я». Отец дарит сивушку-кобылушки. Только Иван-дурак доскочил до третьего этажа и стал обладателем обручального кольца. Вскоре он становится зятем царя. СУС 530 = АА 530 А. АКФ 83. 54 (ан.) — ф. 2661. 4.

КУЯ

Константин Васильевич Сергеев. 30 л.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова. Р. С. Преображенской. М. М. Леметти

205. Раньше в солдатах служили двадцать пять лет. См. сб., № 55. СУС 365. АКФ. оп. 19. № 22, л. 74—76.

Анна Ивановна Еличева. 74 г.

Зап. 1963 г. М. И. Зайцевой. М. И. Муллонен

206. Падчерица отвезена в лес. Мороз спрашивает ее, не замерзла ли она, и за ласковое обращение с ним дарит шубку, валенки и платок. Мороз просит ее выйти замуж за него, она соглашается. Он дарит ей сундук с одеждой. Едут они на конях в церковь венчаться — по дороге Мороз растаял. Падчерица возвращается домой, а родная дочь в лесу гибнет. СУС 480 = АА 480 *В. АКФ. оп. 30. № 41, л. 347—348; ОВР. 95.

Ирина Федоровна Миронова. 70 л.

Зап. 1957 г. Н. И. Богданова. Р. С. Преображенской. М. М. Леметти

207. Дед не может вытянуть репку, зовет бабку, бабка — внучку; внучка — собачку; собачка — кошку; кошка — мышку. Вытащили репку. СУС 2044 = АА 1960 *Д I. АКФ. оп. 19. № 22, л. 72.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ

ВЕПССКИХ СКАЗОК ПО АРХИВУ КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
(Прионежье, Ленинградская область, Вологодская область)¹

1. Лиса крадет рыбу с воза (саней). — 195.
37. Лиса-нянька (плачая). — 52 (№ 19), 98 (№ 23), 140.
- 61 В = А.А *61 II. Кот, петух и лиса. — 141, 185.
- 103 (103 А*). Кот и дикие животные. — 142 (№ 42).
- 130 А. В. Зимовье (ночлег) животных. — 144.
158. Звери в санях у старушки. — 140, 145 (№ 43), 194, 196, 203.
- 162 А*. Дед, баба и волк. — 136 (№ 38), 180.
- 179*. Медведь захватывает девушку. — 1 (№ 2).
212. Коза луплена. — 72 (№ 21).
- 218 В* = А.А 1960 *G I. Небесная избушка. — 146.
280. Состязание муравья с вороном (вороной) и др. — 14 (№ 4).
(282 А*) = А.А *284. Блоха и муха. — 18.
- 283 В* = А.А *282. Терем мухи. — 58.
- 300₁ = А.А 300 А. Победитель змея. — 49 (№ 18), 56, 73.
- 301 А. В. Три подземных царства. — 41, 63.
- 301 D* = А.А 301 *C. Солдат находит исчезнувшую царевну. — 62.
303. Два брата (Чудесное рождение). — 49 (№ 18), 56.
- 313 А. Чудесное бегство. — 2 (№ 1), 35 (№ 8), 46 (№ 15), 70.
- 313 Е* = А.А *722. Сестра просела. — 9.
- 313 Н* = А.А *313 I. Бегство от ведьмы. — 7, 12, 87 (№ 24).
- 314 А* = А.А *314 I. Бычок (лось, вол, птица)-спаситель. — 138 (№ 39), 147 (№ 44).
- 315 = А.А 315 А. Звериное молоко. — 83.
- 318 = А.А 315 *B. Неверная жена. — 64.
325. Хитрая наука. — 128 (№ 36).
- 327 А. Брат и сестра у ведьмы (колдуна, змёя). — 84, 148 (№ 45), 146, 186.
- 327 С. Г. Мальчик (Иавсь, Жихарко. Лутонюшка) и ведьма. — 3, 11.
328. Мальчик похищает у нечистого (ведьмы) сокровище. — 121.
363. Жених-упырь. — 4.
365. Жених-мертвец. — 205 (№ 55).
401. Заколдованная (превращенная в животное) царевна. — 64.
- 400₁ = А.А 400 А. Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (Жена ищет мужа). — 71.

¹ Номера и названия типов даны по «Сравнительному указателю сюжетов» (СУС) с учетом «Указателя сказочных сюжетов по системе Аарне» (Л., 1929). Ссылка на указатель Аарне-Андреева (сокращенно АА) дается в случае несоответствия нового номера со старым. После названия сюжета следуют порядковые номера аннотаций в Описи текстов вепсских сказок. В скобках дается номер публикуемого в сборнике текста.

- 400 ² = А.А. 400 *В. Царь-девица. — 42 (№ 13).
 403 = 403 А. В. Подземная жена. — 75.
 409. Мать-рысь. — 8 (№ 3). 75.
 450. Братец и сестрица. — 46. 151. 152. 187. 197.
 465 А. Красавица-жена (Пойди туда — не знаю куда). — 122.
 465 В. Красавица-жена (Гусли-самогуды). — 43 (№ 14).
 —480* = А.А. 480 А. Мачеха и падчерица (Пряжа у проруби). — 123. 153. 154. 200.
 480 = А.А. 480 *В. Мачеха и падчерица (Морозко). — 156 (№ 47). 188. 190 (№ 54). 198. 206.
 480 = А.А. 480 *С. Мачеха и падчерица (Игра в жмурки с медведем). — 5. 36 (№ 9). 44. 85. 155.
 157 (№ 48).
 480 А* = А.А. 480 *Е. Сестра отправляется искать своего брата. — 7. 12. 199.
 480 В* = А.А. 480 *F. Мачеха и падчерица. — 7. 12.
 502. Медный лоб. — 67. 73.
 510 А. Золушка. — 8 (№ 3). 37 (№ 10). 158 (№ 49). 159.
 510 В. Свиной чехол. — 9. 86. 87 (№ 24).
 530 = А.А. 530 А. В. Сивко-Бурко. — 204.
 531. Конек-горбунок. — 6.
 554. Благодарные животные. — 42 (№ 13). 49 (№ 18). 63.
 555. Коток золотой лобок (Золотая рыбка. Чудесное дерево). — 88. 124.
 560. Волшебное кольцо. — 134. 161.
 563. Чудесные дары. — 129 (№ 37).
 566. Рога. — 65. 101.
 567. Чудесная птица. — 49 (№ 18). 125.
 575. Деревянный орел. — 22. 160.
 670. Язык животных. — 77.
 675. По щучьему велению. — 10. 78. 162. 192. 201.
 676. Два брата и сорок разбойников (Али-Баба). — 163.
 700. Мальчик с пальчик. — 89 (№ 25).
 706. Безрушка. — 38 (№ 11). 76 (№ 22). 164. 165.
 707. Чудесные дети. — 28. 39 (№ 12). 70. 90.
 709. Волшебное зеркальце (Мертвая царевна). — 93.
 715 А = А.А. 715. Петух и жерновцы (Мальчик с пальчик). — 40. 99. 166. 189.
 735 А = А.А. *735 I. Горе (Нужда). — 126.
 751 А* = А.А. *751 II. Бог в гостях. — 110 (№ 32).
 779 В* = А.А. *766 В. Наказание за непочтение к матери. — 51.
 785. Кто съел просвирку? — 91.
 (850). Приметы царевны. — 68.
 880* = А.А. *880 I. Солдат-генерал (Жена выручила). — 23.
 882 А. Спор о верности жены. — 47 (№ 16).
 883 А. Оклеветанная девушка. — 93.
 887. Терпеливая жена. — 87 (№ 24).
 889. Верный пастух. — 69.
 901 = А.А. 901 А. Укрощение строптивой. — 102.
 901 В* = А.А. 901 *В. Исправление ленивой. — 103 (№ 27).
 921. Невестинцы (мальчика, мудрой девы) загадки. — 104.
 930 (461). Марко Богатый. — 24.
 950. Дядя и племянник. — 25.
 955. Жених-разбойник. — 167.
 —955 D* = А.А. *955 II. Женщина-разбойница. — 79.
 1009. Сторожи хорошенко дверь. — 172.
 1030. Дележ урожая. — 31. 92. 168 (№ 50). 169.
 —1046*. Угроза унести колодезь. — 135.
 1053 А. Большая веревка. — 127.
 1060. Кто раздавит камень (выжмет воду). — 127.
 —1060*. Игра в карты на орехи, шелчки и т. п. — 170.
 1062. Кто выше бросит камень. — 127.
 1084. Кто громче свистнет. — 127. 135.
 1091. Кто приведет более необыкновенное животное. — 171 (№ 51). 92.
 1132. Бегство от работника (от дурaka). — 176. 177 (№ 53).
 1159. Черт (баба-яга) хочет научиться играть на скрипке. — 111. 171 (№ 51).
 1225. Глупец (поп) без головы. — 112.

1245. Носят солнечный свет в мешках. — 52 (№ 19).
 1281. Неизвестное животное. — 52 (№ 19).
 1286. Впрыгивают в брюки (сапоги). — 52 (№ 19).
 1359. Любовники-попы в печи. — 80.
 1360 G = АА *1361 I. Муж в мешке и притворно больная жена. — 53 (№ 20).
 1365 A. Упрямая жена. — 19 (№ 5). 108 (№ 30). 113.
 1376 B* = АА *1376 B. Солдат рассказывает сказки. — 29.
 1380. Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим. — 30 (№ 7). 45, 74, 202.
 —1382 A*. Бестолковая жена. — 172.
 1408. Муж выполняет работу жены. — 139 (№ 40).
 1456* = АА 1456. Подслеповатая невеста. — 93.
 1525 D = АА 1525 D и 1525 *C I. Ловкий вор обманывает прохожих. — 94 (№ 26).
 1525 F. Парень крадет у двух попов лошадей. — 81, 179.
 1526. Старый нищий и воры. — 114.
 1528. Сокол (сололовей) под шляпой. — 55.
 1530. Держит скалу. — 173, 179.
 1533 = АА *1580. Дележ гуся. — 20 (№ 6).
 1535 = АА 1535 A. *B. Дорогая кожа. — 26, 117 (№ 34).
 1536 B = АА *1730 I. Мужик хоронит трех попов. — 27.
 1537. Мертвое тело. — 26, 30 (№ 7).
 1539. Шут. — 27, 81.
 1544 A* = АА *1545. Солдатская загадка. — 97.
 —1547***. Барину холодно в шубе, мужику тепло в кафтане. — 132.
 1548. Солдат варит кашу (суп) из топора. — 95.
 1561. Усердный работник. — 115 (№ 33).
 1585. Обманутый адвокат. — 116.
 1600 = АА 1600 A. Дурак-убийца. — 175 (№ 52).
 1640. Фома Беренников. — 57, 127.
 (1642). Хорошая торговля. — 13.
 1643. Дурак и береза. — 174, 175 (№ 52).
 —1650* = АА *1650 I. Соромское ремесло. — 66.
 1653 A, B, C = АА 1653 B. Дурень, его братья и разбойники. — 109 (№ 31), 172.
 1654 = АА 1654*. Разбойники в часовне. — 130.
 1681 A = АА *1681 I. Дурак боится собственной тени. — 176.
 1685 = АА 1685 B. Дурак женится. — 50.
 1691 = АА 1685 A, B. Дурак домовничает. — 177 (№ 53). 96, 176.
 1696. Набитый дурак. — 96.
 —1696 B**. Неразговоривший зять. — 105 (№ 28).
 1697. Мы трое. Из-за денег. Так и надо. — 48 (№ 17).
 1699 B = АА *2140. Не поняли друг друга. — 61.
 —1702 D*. В каком сословии больше дураков. — 179.
 1730. Поп, дьякон и дьячок у красавицы. — 193.
 1731 = АА *1731 I. Мужик продаёт глухаря (тетерева, зайца, корову) попадье, попов-
 нам. — 55.
 —1734** = АА *1734. Смех и слезы. — 97.
 1735. Кто отдает последнее, получит десятерицею. — 133, 178.
 1739. Как поп (ксендж, раввин, купец) телился. — 117 (№ 34).
 1825 = АА 1825 A. Прихожане жалуются. — 118.
 1825 D* = АА 1694. Прихожане подражают попу. — 118.
 1826. Поп может не проповедовать. — 27, 118.
 1875. На хвосте у волка. — 32.
 1877* = АА 1877 A. Человек в дупле. — 32.
 1881 = АА 1876 *B. Журавли на веревке. — 106 (№ 29). 119.
 1882 A = АА 1877 *B. Человек сам выкапывает себя из болота (вырубает из дупла). —
 82, 119.
 1887* = АА *1887. Переправа через море. — 120 (№ 35).
 1889 K = АА *1425, *1885. Человек влезает на небо. — 120 (№ 35).
 —1910*. Сон-небылица. — 21, 137 (№ 41).
 1920 H* = АА 1920 *D. Огонь в обмен на небылицы. — 120 (№ 35).
 1960 G = АА *1425. Горох до неба. — 52 (№ 19). 98 (№ 23). 99, 145 (№ 43). 148 (№ 45). 140,
 145, 180, 186, 194.

- 2016*, 2018. Кумулятивные (дубльные) сквозки различного рода. — 60, 181, 182, 183, 191.
- 2022 В = АА *2+1 III. Разбитое зеркало. — 184.
- 2028 = АА 333 *В. Глазающий Иванушка (Пичтепка). — 72 (№ 21), 100, 131, 149 (№ 46), 150.
- 2044 = АА 1966 *Д 1 Репка. — 33, 307.
- 2220**. 'Колобок' неправильно понимает слова собеседника. — 115 (№ 28).

СПИСОК СКАЗОЧНИКОВ (по материалам архива Карельского научного центра РАН)

Прионежье

1. Аверкиева М. М. (Залесье) — 31, 34¹.
2. Антипова П. И. (Шелтозеро) — 28.
3. Арестова К. А. (Матвеева Сельга) — 53 (№ 20).
4. Бузаев И. А. (Тихоништа) — 62—71, 72 (№ 21), 73, 74.
5. Бузаева А. М. (Тихоништа) — 75, 76 (№ 22).
6. Власова О. Е. (Залесье) — 41, 42 (№ 13).
7. Гусева М. Ф. (Шелтозеро) — 13.
8. Ефремова П. Н. (Залесье) — 35 (№ 8), 36 (№ 9), 37 (№ 10), 38 (№ 11), 39 (№ 12), 40.
9. Зайцев Е. Ф. (Шелтозеро) — 29.
10. Зайцева А. М. (Шелтозеро) — 30 (№ 7).
11. Кабаков С. М. (Каскесручей) — 58.
12. Киприянов С. Г. (Матвеева Сельга) — 55.
13. Кононова М. А. (Рыбрека) — 51.
14. Корзин А. Е. (Шелтозеро) — 22.
15. Кузов Ф. Н. (Шокша) — 49 (№ 18), 50.
16. Логачева А. Е. (Шелтозеро) — 1 (№ 2), 2 (№ 1), 3—7, 8 (№ 3), 9—12.
17. Лонин П. И. (Каскесручей) — 59.
18. Лонин Р. П. (Шелтозеро) — 14 (№ 4), 15—18, 19 (№ 5), 20 (№ 6), 21.
19. Лумбина М. (Каскесручей) — 60.
20. Мартынов А. М. (Нижнеконная) — 77—82.
21. Мякишев В. Ф. (Шелтозеро) — 23—27.
22. Рябчикова П. Е. (Залесье) — 43 (№ 14), 44.
23. Сидорков П. Е. (Шокша) — 48 (№ 17).
24. Сидоркова М. И. (Шокша) — 46 (№ 15), 47 (№ 16).
25. Слемзинг А. (Залесье) — 45.
26. Фошкин Л. (Каскесручей) — 61.
27. Харитонова А. А. (Рыбрека) — 52 (№ 19).
28. Шикин П. И. (Каскесручей) — 56, 57.
29. Щетинина А. А. (Матвеева Сельга) — 54.

30. Гребнева М. В. (Сидорово) — 139 (№ 40).
31. Ишевская Д. В. (Пелдущи) — 129 (№ 37), 130, 131.
32. Ишевский М. З. (Пелдущи) — 132, 133.
33. Комар О. Ф. (Ладва) — 108 (№ 30).

Ленинградская область

30. Гребнева М. В. (Сидорово) — 139 (№ 40).
31. Ишевская Д. В. (Пелдущи) — 129 (№ 37), 130, 131.
32. Ишевский М. З. (Пелдущи) — 132, 133.
33. Комар О. Ф. (Ладва) — 108 (№ 30).

¹ Цифры означают порядковые номера аннотаций в Описи текстов вепсских сказок. В скобках даются номера публикуемых текстов.

34. Комар Н. В. (Ладва) — 109 (№ 31).
35. Кудрицова М. В. (Сидорово) — 128 (№ 39).
36. Кузьмин В. Н. (Пелдунчи) — 121—127.
37. Лебедева А. С. (Прокушево) — 136 (№ 38).
38. Мишкина М. З. (Ладва) — 83—86, 87 (№ 24), 88, 89 (№ 25), 90—93, 94 (№ 26), 95—97, 98 (№ 25), 99—100.
39. Морозова А. П. (Сидорово) — 137 (№ 41).
40. Новожалов Н. А. (Пелдунчи) — 134, 135.
41. Самакова С. Н. (Охера) — 110 (№ 32), 111—114, 115 (№ 33), 116, 117 (№ 34), 118, 119, 120 (№ 35).
42. Смирнов О. Ф. (Пелдунчи) — 128 (№ 36).
43. Фадеева П. С. (Ладва) — 101, 102, 103 (№ 27), 104, 105 (№ 28), 106 (№ 29), 107.

Вологодская область

44. Денисова Е. Ф. (Пондалы) — 191.
45. Еличева А. И. (Куя) — 206.
46. Калинин А. Л. (Пондалы) — 140, 141, 142 (№ 42), 143, 144, 145 (№ 43), 146, 147 (№ 44), 148 (№ 45), 149 (№ 46), 150—155, 156 (№ 47), 157 (№ 48), 158 (№ 49), 159—167, 168 (№ 50), 169, 170, 171 (№ 51), 172—174, 175 (№ 52), 176, 177 (№ 53), 178—184.
47. Лебедева М. Н. (Войнанта) — 203.
48. Лукчеса Т. Ф. (Войнанта) — 195—202.
49. Матвеев А. А. (Войнанта) — 192, 193.
50. Миронов А. Ф. (Войнанта) — 194.
51. Миронова И. Ф. (Кук) — 207.
52. Ницкова Ф. (Пондалы) — 190 (№ 54).
53. Сергеев К. В. (Кук) — 205 (№ 55).
54. Смирнова В. П. (Войнанта) — 207.
55. Цареня К. Я. (Пондалы) — 185—189.

**ОБЩИЙ
СЮЖЕТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ВЕНССКИХ СКАЗОК**

1. Лиса крадет рыбу с воза (списки).

Прионежье

Каскесруней: НАКМ, 83а, зап. 1888—1889 гг., Е. Сетяя, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Радотоша: NEV II, 1, 4, зап. 1918 г., Л. Кеттунена.

Кортлахта: NEV II, 37, зап. 1918 г., Л. Кеттунена.

Чайгино: NVM, зап. 1934 г., Л. Кеттунена, П. Серо.

Оять: Ленингр., 3, зап. 1842 г., Э. Ленинграта.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 97а, зап. 1888—1889 гг., Е. Сетяя, Ю. Кала.
Войланхта: АКФ 83, 56 (ан.) — ф. 2661, 6, зап. 1981 г., Н. Ф. Овсянкой.

2. Волк у проруби.

Прионежье

Каскесруней: НАКМ, 83а, зап. 1888—1889 гг., Е. Сетяя, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Радотоша: NEV II, 1, зап. 1918 г., Л. Кеттунена.

Кортлахта: NEV II, 37, зап. 1918 г., Л. Кеттунена.

Оять: Ленингр., 3, зап. 1842 г., Э. Ленинграта.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 97а, зап. 1888—1889 гг., Е. Сетяя, Ю. Кала.

3. Лиса обмазывает голову тестом (сметивкой).

Прионежье

Каскесруней: НАКМ, 83а, зап. 1888—1889 гг., Е. Сетяя, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Радотоша: NEV II, 1, зап. 1918 г., Л. Кеттунена.

Кортлахта: NEV II, 37, зап. 1918 г., Л. Кеттунена.

Оять: Ленингр., 3, зап. 1842 г., Э. Ленинграта.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 97а, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

4. Битый небитого везет.

Ленинградская обл.

Урицкое: НВМ, 66, зап. 1934 г. Л. Кеттунена.

Королахта: НЕУ II, 37, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Радогонда: НЕУ II, 1, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

15. Лиса-попитуха.

Ленинградская обл.

Урицкое: НВМ, 66, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

20 С. А. Звери бегут от кончина мира.

Ленинградская обл.

Ладва: НАКМ, 190, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Шимозеро: НАКМ, 115, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

21. Пожирание собственных внутренностей.

Ленинградская обл.

Ладва: НАКМ, 190, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

36. Лис и полчища (заны и лисы).

Ленинградская обл.

Озёра: ОВР, 2, зап. 1961 г. М. И. Музленок, М. И. Задиевой.

37. Лиси-яныка (плачая).

Приозерье

Шокши: НАКМ, 9, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Касколово: АН, 92, зап. 1943 г. А. Софьяри, Р. Петрова.

Рыбека: АКФ 57, 20, зап. 1935 г. В. И. Коннова.

Ленинградская обл.

Ладва: НАКМ, 188, зап. 1888—1889 г. Е. Сетяля, Ю. Кала; НВМ, 41, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро; АКФ 83, 148 — ф. 2624, 4, зап. 1980 г. Н. Ф. Олегиной.

Корсакино: НВМ, 22, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро. Г. Г. с. 118—119, зап. 1934 г. Л. Посты.

Радогонда: НЕУ II, 7, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Чикозеро: НАКМ, 246, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 115, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; НВМ, 53, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Нажмозеро: НАКМ, 165, 169, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 27—30, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти.

43. Дубинак и лещинак ката.

Ленинградская обл.

Радогонда: ОВР, 135, зап. 1957 г. Н. И. Богданова.

61 А = АА № 61 І. Лица-неповедники.

Ленинградская обл.

Урицкое: NVM, 60, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, Н. Сиро.

61 В = АА № 61 ІІ. Кот, петух и лиса.

Прионежье

Каскесруней: NAKM, 83, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Урицкое: ГГУ, с. 135—136, зап. 1934 г. Л. Поста.

Вологодская обл.

Шимозеро: NAKM, 98, зап. 1888—1889 гг. Т. Сетяля, Ю. Кала.

Пондала: ОВР, 81, зап. 1957 г. Р. С. Преображенской; АКФ, оп. 19, № 22, л. 42—43, зап. 1957 г.; П. И. Богданова, Р. С. Преображенский, М. М. Леметти.

103 (103 А и 103 А*). Кот и дикие животные.

Ленинградская обл.

Ладва: NAKM, 191, зап. 1888—1889 гг. Т. Сетяля, Ю. Кала.

Вологодская обл.

Пондала: ОВР, 77, зап. 1958 г. М. И. Зайцевой; АКФ 83, 158 — ф. 2663; 1, зап. 1981 г.; Н. Ф. Онегиной.

—113 Е*. Мыши и кот.

Ленинградская обл.

Онть: Ленинград, 5, зап. 1842 г. Э. Йеннирата

130, 130 А, 130 В = АА 130. Зимовье (ночные) животных.

Прионежье

Каскесруней: NAKM, 72, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Чикозеро: NAKM, 248, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Чайгино: NEV I, 11, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Радоготса: NEV II, 15, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Сидарово: ОВР, 135, зап. 1957 г. Н. И. Богданова.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 19, л. 22, 43—45, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенский, М. М. Леметти; оп. 19, № 23, л. 7—9, зап. 1957 г.; Н. А. Калинина.

152. Мужик, медведь, лиса (заяц) и еленицы.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV II, 25, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

—152 В**. Человек, медведь, волк и дикий кабан.

Ленинградская обл.

Ладва: NVM, 48, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, Н. Сиро.

—152 С*. Медведь и женщина.

Ленинградская обл.

Радогоша: NEV II, 13, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

154 = AA 154*, 154 I. Мужик, медведь и лиса.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV I, 14, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

155. Старая хлеб-соль забывается.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV I, 15, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

157. Настоящий человек.

Ленинградская обл.

Ладва: NVM, 43, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Вологодская обл.

Шимозеро: NÄKM, 105, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

158. Звери в санях у лисы (старушки).

Прионежье

Шокша: NÄKM, 9, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Каскесручей: NÄKM, 67, 76, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Матвеева Сельга: NÄKM, 50, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Каккарово: AN, 92, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Ленинградская обл.

Ладва: NÄKM, 195, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Урицкое: NVM, 70, зап. 1943 г. Л. Кеттунена.

Ярославичи: NVM, 29, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Радогоща: NEV II, 7, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 27—30, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти; АКФ 83, 159 — ф. 2662, 19, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

Войлахта: АКФ 83, 182, зап. 1962 г. А. А. Митрофановой; 83, 59 (ан.) — ф. 2661, 12; 83, 68 (ан.) — ф. 2662, 11, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

162 А*. Дед, баба и волк.

Ленинградская обл.

Урицкое: NVM, 75, зап. 1934 г. Л. Кеттунена.

Прокушево: ОВР, 136, зап. 1958 г. Н. И. Богданова.

170. За скалочку — гусочку.

Ленинградская обл.

Ладва: NÄKM, 195, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; NVM, 45, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Урицкое: NVM, 62, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Чайгино: NEV I, 19, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Пелдуди: NVM, 31, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Вологодская обл.

Шимозеро: NÄKM, 100, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

178 А. Преданный пес.

Ленинградская обл.

Оять: Лёнирот, 2, зап. 1842 г. Э. Лёнирота.

—**179*. Медведь захватывает девушки.**

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 83, 144 — ф. 2628, 7, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. Т. Пакконен. Э. П. Хуттер.

179 С*. Медведь нанялся к мужику дуги гнуть.

Ленинградская обл.

Урицкое: NVM, 65, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

—**201 D**. Собака и кот (петух).**

Ленинградская обл.

Урицкое: NVM, 71, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

212. Коза луплена.

Прионежье

Тихоништа: АКФ 57, 11, зап. 1938 г. В. В. Воробьевая.

Ленинградская обл.

Урицкое: NVM, 76, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

218 В* = АА 1960 *G I. Небесная избушка.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 23, л. 1—2, зап. 1957 г. Н. А. Калинина.

225 А. Журавль учит лису летать.

Ленинградская обл.

Оять: Лёнирот, 6, 7, зап. 1842 г. Э. Лёнирота.

(280). Состязания муравья с вороном (вороной).

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 58, 16, зап. 1956 г. Р. П. Лонина.

282 А* = АА 284. Блоха и муха.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 58, 34, зап. 1956 г. Р. П. Лонина.

283 В* = АА *282. Терем мухи.

Прионежье

Каскесручей: АКФ 56, 18, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

300₁ = АА 300 А. Победитель змея.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ, 24, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Тихоништа: АКФ 57, 15, зап. 1938 г. И. А. Бузаева.

Шокша: АКФ 56, 6, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Каскесручей: АКФ 56, 27, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

301 А, В. Три подземных царства.

Прионежье

Шелтозеро: АН. 69, зап. 1943 г. А. Савиярви, Р. Пелтола.
Тихонишка: АКФ 57, 1; 57, 2, зап. 1938 г. И. Моисеева.
Залесье: АКФ, оп. 43, № 103, л. 16—20, зап. 1947 г. Егоровой.

Ленинградская обл.

Прокушево: NEV I, 33, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.
Пелдushi: NVM, 33, зап. 1937 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

301 D* = АА 301 *С. Солдат находит исчезнувшую царевну.

Прионежье

Тихонишка: АКФ 57, 1, зап. 1938 г. И. Моисеева.
Шокша: АН, 7, зап. 1943 г. А. Савиярви, Р. Пелтола.

303. Два брата.

Прионежье

Шокша: АКФ 56, 6, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.
Каскесручей: АКФ 56, 27, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

311. Медведь и три сестры.

Прионежье

Шокша: НАКМ, 3, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Каскесручей: НАКМ, 69, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

313 А. Чудесное бегство.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ, 25, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; АКФ 83, 143 — ф. 2627, 1,
зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.
Шокша: АКФ, оп. 43, № 299, л. 25—29, зап. 1956 г. М. И. Зайцевой.
Залесье: АКФ, оп. 43, № 103, л. 23—25, зап. 1947 г. Егоровой.
Тихонишка: АКФ 57, 9, зап. 1938 г. В. В. Воробьева.

Ленинградская обл.

Урицкое: NVM, 61, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро; LL, с. 131—132, зап. 1934 г.
Л. Пости.

313 Е* = АА *722. Сестра просела.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 83, 27 (ан.) — ф. 2627, 5, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

313 Н* = АА *313 І. Бегство от ведьмы (железного волка, чародея).

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 83, 25 (ан.) — ф. 2627, 3, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Ленинградская обл.

Ладва: НАКМ, 194, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; АКФ 83, 150 — ф. 2624, 6, зап.
1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 107, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

314. Чудесное бегство с помощью коня.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV II, 28, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

314 А* = АА *314 I. Бычок (лось, вол)-спаситель.

Прионежье

Шелтозеро: NÄKM. 28, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Сидорово: АКФ 83, 189 — ф. 35, 6, зап. 1958 г. Н. И. Богданова.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 123—125, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти.

315 = АА 315 А. Звериное молоко.

Прионежье

Шелтозеро: ÄN, 66, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 21 (ан.) — ф. 2626, 5, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

318 = АА 315 *В. Неверная жена.

Прионежье

Тихоништа: АКФ 57, 4, зап. 1938 г. И. Моисеева.

325. Хитрая наука.

Ленинградская обл.

Бахарево: АКФ, оп. 43, № 141, л. 12—17, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

327 А. Брат и сестра у ведьмы.

Прионежье

Шелтозеро: NÄKM. 285, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Кортлахта: NEV I, 31, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Ладва: АКФ 83, 13 (ан.) — ф. 2625, 6, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Радогоща: LL, с. 112, зап. 1934 г. Л. Пости.

Каргиничи: LL, с. 121—122, зап. 1936 г. Л. Пости.

Вологодская обл.

Куя: ОВР, (94), зап. 1963 г. М. И. Муллонен, М. И. Зайцевой.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 23, л. 2—3, зап. 1957 г. Н. А. Калинина; АКФ 83, 89 (ан.) — ф. 2664, 2, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

327 С, F. Мальчик и ведьма.

Прионежье

Каккарово: ÄN, 94, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Шелтозеро: АКФ 83, 24 (ан.) — ф. 2627, 2, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной; АКФ 83, 177, зап. 1986 г. Р. П. Лонина.

328. Мальчик похищает сапоги-скороходы.

Ленинградская обл.

Пелдуши: АКФ, оп. 43, № 141, л. 68—70, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

329. Елена Премудрая.

Ленинградская обл.

Ладва: NVM, 39, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

333 А. Красная шапочка.

Ленинградская обл.

Озёра: NVM, 38, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

363. Жених-упырь.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 83, 30 (ан.) — ф. 2628, 3, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. Т. Пакконен, Э. П. Хуттер.

365. Жених-мертвец.

Вологодская обл.

Панкратово: АКФ, оп. 19, № 22, л. 74—76, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти.

400₁ = АА 400 А. Муж ищет исчезнувшую жену.

Прионежье

Тихоништа: АКФ 57, 10, зап. 1938 г. В. В. Воробьевая.

400₂ = АА 400 *В. Царь-девица.

Прионежье

Залесье: АКФ, оп. 43, № 103, л. 14—16, зап. 1947 г. Егоровой.

401. Заколдованная царевна.

Прионежье

Тихоништа: АКФ 57, 4, зап. 1938 г. И. Моисеева.

402. Царевна-лягушка.

Ленинградская обл.

Урицкое: NVM, 74, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

403 = АА 403 А, В. Подменённая жена.

Прионежье

Шокша: НАКМ, 6, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Тихоништа: АКФ 56, 3, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Ленинградская обл.

Кортлахта: NEV II, 46, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

409. Мать-рысь (лебедь).

Прионежье

Тихонишка: АКФ 56, 3, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Шелтозеро: АКФ 83, 145 — ф. 2628, 1, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. Т. Пакконен, Э. П. Хуттер.

Ленинградская обл.

Кортлахта: NEV II, 46, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Ладва: АКФ 83, 16 (ан.) — ф. 2625, 9, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

425 А. Амур и Психея.

Прионежье

Шелтозеро: NÄKM, 286, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

425 М. Жена ужа (змея, гада).

Прионежье

Шелтозеро: NÄKM, 22, 27, 32, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

432. Финист ясный сокол.

Прионежье

Шелтозеро: NÄKM, 23, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

433 В. Царевич-рак.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV I, 16, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

450. Братец и сестрица.

Прионежье

Шокша: АКФ, оп. 43, № 299, л. 25—29, зап. 1956 г. М. И. Зайцевой.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ 83, 160 — ф. 2663, 7, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной; АКФ 83, 142, зап. 1981 г.

А. Л. Калининой; АКФ 83, 86 (ан.) — ф. 2663, 29, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

Войлахта: АКФ 83, 63 (ан.) — ф. 2661, 16, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

451. Братья-вороны (лебеди).

Прионежье

Ропручей (Рыбрека): ÄN, 80, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

465 А, В. Красавица-жена.

Прионежье

Залесье: АКФ 56, 4, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

(465 А). Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что.

Ленинградская обл.

Пелдushi: АКФ, оп. 43, № 141, л. 45—50, зап. 1948 г. М. М. Хямляйненса.

471 = АА *804 1. Крестник Бога.

Ленинградская обл.

Федорова гора: NEV I, 24, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

—480* = AA 480 А. Мачеха и падчерица.

Прионежье

Каскесручей: НАКМ, 82. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Радогоша: NEV I. 2, 5, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Нойдла: NVM, 13. зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Пелдуши: АКФ, оп. 43, № 141, л. 70—71, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 102. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Пондала: АКФ 83. 83 (ан.) — ф. 2663. 16, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной; АКФ 83. 141, зап. 1981 г. А. Л. Калининой.

480 А* = AA 480 *Е. Сестра отправляется спасать брата.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 83. 25 (ан.) — ф. 2627. 3, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной; АКФ 83. 178, зап. 1986 г. Р. П. Лонина.

Вологодская обл.

Войлахта: АКФ 83. 62 (ан.) — ф. 2661. 15, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

480 = AA 480 *В. Мачеха и падчерица.

Вологодская обл.

Куя: ОВР. 95. зап. 1963 г. М. И. Зайцевой, М. И. Муллонен.

Пондала: АКФ 83. 174 — ф. 204, зап. 1962 г. А. А. Митрофановой; АКФ 83. 161 — ф. 2663. 9; 83. 58 (ан.) — ф. 2661. 8; 83. 90 (ан.) — ф. 2664. 3, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

480 = AA 480 *С. Мачеха и падчерица.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ, 26. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; АКФ 83. 34 (ан.) — ф. 2629, 2, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. Т. Пакконен, Э. П. Хуттер.

Залесье: АКФ 56. 12, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова; АКФ, оп. 43, № 103, л. 37—40, зап. 1947 г. Егоровой.

Ленинградская обл.

Радогоша: NEV II. 12, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Озёра: LL, с. 123—124, зап. 1934 г. Л. Пости.

Урицкое: NVM. 63. зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Корбинини: NVM. 25. 26, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Нойдла: NVM. 12, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Пелдуши: АКФ, оп. 43, № 141, л. 70—71, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

Ладва: АКФ 83. 16 (ан.) — ф. 2625. 9, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 96. 101, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Пондала: АКФ 83. 175 — ф. 47. 9, зап. 1958 г. М. И. Зайцевой; АКФ 83. 162 — ф. 2663. 2, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

Войлахта: АКФ 83. 57 (ан.) — ф. 2661. 7, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

480 В* = AA 480 *F. Мачеха и падчерица (за огнем к бабе-яге).

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 83. 25 (ан.) — ф. 2627. 3 и 2628. 6, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной; АКФ 83, 178, зап. 1986 г. Р. П. Лонина.

502. Медный лоб.

Прионежье

Каскесручей: НАКМ, 77, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Тихоништа: АКФ 57, 8, зап. 1938 г. Д. И. Логинова; АКФ 57, 15, зап. 1938 г. И. А. Бузаева.

—508* = АА 508 *В. Благодарный мертвец.

Прионежье

Шокша: НАКМ, 10, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

510 А. Золушка.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ, 21, 23, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; АКФ 83, 145 — ф. 2628, 1, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. Т. Пакконен, Э. П. Хуттер.

Залесье: АКФ, оп. 43, № 103, л. 34—37, зап. 1947 г. Егоровой.

Гора: АН, 51, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Ленинградская обл.

Радогоща: NVM, 1, зап. 1934 г. Л. Кеттунен, П. Сиро.

Урицкое: NVM, 72, зап. 1934 г. Л. Кеттунен, П. Сиро.

Вологодская обл.

Шимозеро: NVM, 56, зап. 1934 г. Л. Кеттунен, П. Сиро.

Пондала: АКФ 83, 171 — ф. 47, 1, зап. 1958 г. М. И. Зайцевой; АКФ 83, 139, зап. 1982 г. А. Л. Калининой.

510 В. Свиной чехол.

Прионежье

Матвеева Сельга: АН, 37, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Шелтозеро: АКФ, 83, 27 (ан.) — ф. 2627, 5, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Ленинградская обл.

Радогоща: NEV II, 6, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Ладва: НАКМ, 194, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; АКФ 83, 150 — ф. 2624, 6; 83, 15 (ан.) — ф. 2625, 8, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 107, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

511. Чудесная корова.

Ленинградская обл.

Кортлахта: NEV II, 46, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

530 = АА 530 А. Сивко-Бурко.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV I, 17, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Радогоща: LL, с. 111, зап. 1934 г. Л. Пости.

Вологодская обл.

Войлахта: АКФ 83, 54 (ан.) — ф. 2661, 4, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

531. Конек-горбунок.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 83, 36 (ан.) — ф. 2629, 4, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной, А. Т. Пакконен, Э. П. Хуттер.

551. Молодильные яблоки.

Прионежье

Залесье: АН. 60. зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

552 А = АА 552. Животные-зятья.

Ленинградская обл.

Пелдushi: NVM. 33. зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

554. Благодарные животные.

Прионежье

Шокша: АКФ 56. 6. зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Шелтозеро: АКФ 57. 2. зап. 1938 г. И. Моисеева.

Залесье: АКФ, оп. 43, № 103, л. 14—16, зап. 1947 г. Егоровой.

555. Коток золотой лобок (золотая рыбка).

Ленинградская обл.

Пелдushi: ОВР. 43, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

Ладва: АКФ 83. 18 (ан.) — ф. 2626, 2, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

560. Волшебное кольцо.

Ленинградская обл.

Пелдushi: АКФ, оп. 43, № 141, л. 104—106, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 46—50, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской.
М. М. Леметти.

563. Чудесные дары.

Ленинградская обл.

Пелдushi: АКФ, оп. 43, № 141, л. 80—87, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

564. Чудесные дары (Двое из сумы).

Ленинградская обл.

Чикозеро: Лённрот. 1. зап. 1842 г. Э. Лённрота; переиздана: НАКМ. 252.

Ладва: НАКМ. 192. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Чайгино: NEV II. 30, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Радогоща: NEV II. 3, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Вологодская обл.

Сяргозеро: НАКМ. 92. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

566. Рога.

Прионежье

Тихоништа: АКФ 57. 5. зап. 1938 г. И. Моисеева.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83. 45 (ан.) — ф. 2659, 2, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

567. Чудесная птица.

Прионежье

Шокша: АКФ 56. 6. зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Ленинградская обл.

Пелдуси: АКФ. оп. 43, № 141, л. 40—45, зап. 1948 г. М. М. Хямяляйнена.

571. Диво-дивное.

Ленинградская обл.

Нойдла: NVM. 15, зап. 1934 г. Л. Кеттунена. П. Сиро.

575. Деревянный орел.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 58, 74, зап. 1957 г. Р. П. Лонина.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ 83, 170 — ф. 24, 1, зап. 1957 г. Н. И. Богданова. М. И. Зайцевой.

592. Чудесная скрипка.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV I, 12, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

—613 D*. Чудесная краюшка.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV II, 30, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

650 А. Иван медвежье ушко.

Прионежье

Розмега: ÄN, 69, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

654. Три искусственных брата.

Прионежье

Матвеева Сельга: АКФ 58, 69, зап. 1957 г. Р. П. Лонина.

670. Язык животных.

Нижнеконная: АКФ 56, 10°, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

675. По щучьему велению.

Прионежье

Шелтозеро: NÄKM. 284, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; ÄN, 63, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола; АКФ 56, 10_o, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова; АКФ 83, 33 (ан.) — ф. 2629, 1, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной. А. Т. Пакконен. Э. П. Хуттер. Шокша: NÄKM. 1, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Вологодская обл.

Войлахта: АКФ 83, 180, зап. 1963 г. М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен; АКФ 83, 64 (ан.) — ф. 2661, 17, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

Пондала: АКФ 83, 163 — ф. 2663, 10, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

676. Сорок разбойников.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 23, л. 4—5, зап. 1957 г. Н. А. Калинина.

677. В подводном царстве.

Прионежье

Шокша: NÄKM. 7, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

700. Мальчик с пальчиком.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 149 — ф. 2624, 5, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 93, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

703* = AA *171, *703. Снегурочка.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV I, 18, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

705. Рожденная от рыбьи.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 107, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

706. Безручка.

Прионежье

Тихоништа: АКФ 56, 7, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Залесье: АКФ. оп. 43, № 103, л. 25—28, зап. 1947 г. Егоровой.

Ленинградская обл.

Урицкое: LL, с. 132—135, зап. 1934 г. Л. Пости; LL, с. 114—115, зап. 1934 г. Л. Пости.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ. оп. 19, № 22, л. 36—39, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской.

М. М. Леметти: АКФ 83, 164 — ф. 2663, 6, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

707. Чудесные дети.

Прионежье

Шептозеро: НАКМ. 24, 30, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; АКФ 56, 25, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Шокша: НАКМ. 5, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Каскесруней: НАКМ. 81, 85, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Залесье: АКФ. оп. 43, № 103, л. 75—77, зап. 1947 г. Егоровой.

Тихоништа: АКФ 56, 7, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова; АКФ (57, 9), зап. 1938 г. В. В. Воробьева.

Ленинградская обл.

Ладва: НАКМ. 196, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; АКФ 83, 6 (ан.) — ф. 2624, 10, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Кортлахта: NEV I, 32, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Урицкое: NVM. 59, 72, зап. 1934 г. Л. Кеттунена. П. Сиро.

Тедро: LL, с. 114—115, зап. 1934 г. Л. Пости.

Вологодская обл.

Шимозеро: NVM. 55, зап. 1934 г. Л. Кеттунена. П. Сиро; LL, с. 127—129, зап. 1934 г. Л. Пости.

709. Волшебное зеркальце (Мертвая царевна).

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 11 (ан.) — ф. 2625, 3, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

710. Крестница Богоматери.

Ленинградская обл.

Лахта: NVM. 7, зап. 1934 г. Л. Кеттунена. П. Сиро.

715 А = АА 715. Петух и жерновцы.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ, 285, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Залесье: АКФ, оп. 43, № 103, л. 30—31, зап. 1947 г. Егоровой.
Каскесручей: НАКМ, 84, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Каккарово: АН, 93, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.

Ленинградская обл.

Кортлахта: NEV I, 31, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.
Радогоща: NEV II, 21, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.
Ладва: АКФ 83, 10 (ан.) — ф. 2625, 2, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Нажмозеро: НАКМ, 170, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 127—129, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, М. М. Леметти.
Р. С. Преображенской: АКФ 83, 88 (ан.) — ф. 2664, 1, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

735 А = АА *735 I. Горе (иужла).

Ленинградская обл.

Пелдуши: ОВР, 42, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

751 А* = АА *751 II. Бог в гостях.

Ленинградская обл.

Озёра: АКФ 83, 184 — ф. 163, 6, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

779 В* = АА *766 В. Наказание за непочтение к матери (отцу).

Прионежье

Рыбрека: АКФ 56, 20, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

785. Кто съел просвирку?

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 7 (ан.) — ф. 2624, 12, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

(791). Петр и Христос на ночлеге.

Прионежье

Каскесручей: НАКМ, 75, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

813 А = АА *813 А. Проклятая дочь.

Вологодская обл.

Шимозеро: NVM, 54, зап. 1934 г. Л. Кеттунена. П. Сиро.

850. Приметы царевны.

Прионежье

Тихоништа: АКФ 57, 6, зап. 1938 г. Д. И. Логинова.

880* = АА *880 I. Солдат-генерал (Жена выручила).

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 56, 14, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

882 А. Спор о верности жены.

Прионежье

Шокша: АКФ, оп. 43, № 299, л. 20—24, зап. 1956 г. М. И. Зайцевой.

883 А = АА 883. Оклеветанная девушка.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83. 11 (ан.) — ф. 2625. 3, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

883 В = АА *875 II. Хитрая девушка.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ. 35, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Залесье: АН. 55, зап. 1934 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.

887. Терпеливая жена.

Ленинградская обл.

Ладва: НАКМ. 194, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала; АКФ 83. 150 — ф. 2624, 6, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 107, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

889. Верный пастух.

Прионежье

Тихонишка: АКФ 57, 7, зап. 1938 г. Д. И. Логинова.

901 = АА 901 А. Укрощение строптивой.

Ленинградская обл.

Радогоща: NEV II. 4, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Кортлахта: NEV II. 43, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Ладва: АКФ 83. 157 — ф. 2659, 3, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

901 В* = АА 901 *В. Исправление ленивой.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83. 157 — ф. 2659, 3, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

910 В. Три добрых совета.

Прионежье

Шокша: НАКМ. 7, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Чикозеро: НАКМ. 315, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

921. Невестины (мальчика, мудрой девы) загадки.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83. 47 (ан.) — ф. 2659. 4, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

921 Е* = АА *921 II. Горшения.

Прионежье

Каскесруней: НАКМ. 79, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

922. Беззаботный монастырь.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV I. 6, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

930 = 461. Марко Богатый.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 56, 13, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Ленинградская обл.

Чикозеро: НАКМ. 258, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

930 А = АА *934. Предназначенная жена.

Ленинградская обл.

Федорова Гора: NEV II, 31, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

934 А = АА *932 I. Смерть в колодце.

Ленинградская обл.

Федорова Гора: NEV II, 32, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

938 = АА *931 II. Евстафий Плакида.

Прионежье

Шокша: НАКМ. 4, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

—939 С*. Солдат и неверная жена.

Ленинградская обл.

Пелдushi: NVM. 37, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

950. Дядя и племянник.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 56, 15, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

952. Солдат и царь.

Ленинградская обл.

Урицкое: NVM. 73, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

953 А* = АА 953*. Девушка у разбойников.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ. 34, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

955. Жених-разбойник.

Прионежье

Каскесручей: АН, 102, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола; НАКМ. 34, 71, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Федорова Гора: NEV I, 23, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 6—7, зап. 1957 г. Н. А. Калинина.

—955 Д* = АА *955 II. Женщина-разбойница.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 56, 10а, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

956 В. Девушка и разбойники.

Прионежье

Каскесручей: НАКМ. 75, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля.

Ленинградская обл.

Нойдла: NVM. 11, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро, Ю. Кала.
Уришкое: NVM. 69, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 95, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

1006* = АА *1006 I. Зарежь овцу (вола), которая на тебя посмотрит.

Ленинградская обл.

Тедро: LL. с. 115, зап. 1934 г. Л. Пости.

1009. Сторожи хорошенъко дверь.

Ленинградская обл.

Тедро: LL. с. 115—116, зап. 1934 г. Л. Пости.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 22—25, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской,
М. М. Леметти.

1012 А = АА *1012 I. Посади ребенка.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ. 33, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Федорова Гора: NVM. 6, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Вологодская обл.

Нажмозеро: НАКМ. 166, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

1030. Делёж урожая.

Прионежье

Шокша: НАКМ. 11, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; АН. 1, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Залесье: АКФ, оп. 43, № 103, л. 22, зап. 1947 г. Егоровой.

Ленинградская обл.

Чикозеро: НАКМ. 255, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Радогоща: NEV II. 13, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Корбиничи: NVM. 24, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Ладва: АКФ 83, 147 — ф. 2627, 3, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Тедро: LL. с. 112—113, зап. 1934 г. Л. Пости.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 104, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Нажмозеро: НАКМ. 168, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Пондала: АКФ 83, 172 — ф. 47, 6, зап. 1958 г. М. И. Зайцевой.

АКФ 83, 165 — ф. 2663, 3, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

1045. Угроза морщить озеро веревкой.

Ленинградская обл.

Оять: Лённрот. 8, зап. 1842 г. Э. Лённрота.

Чайгино: NEV I, 9; NEV II, 26. зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Чикозеро: NÄKM, 253, 257. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

—1046*. Угроза унести колодезь.

Ленинградская обл.

Чикозеро: NÄKM, 251. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Пелдуди: ОВР, 44. зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

—1046**. Угроза унести несколько быков (волов) разом.

Ленинградская обл.

Чикозеро: NÄKM, 251, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1049 = AA 1049 А. Тяжелый топор.

Вологодская обл.

Шимозеро: NÄKM, 109. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1052. Переноска дерева.

Прионежье

Каскесручей: NÄKM, 70. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Тедро: LL, с. 115. зап. 1934 г. Л. Пости.

1053 А = AA 1049 *В. Большая веревка.

Ленинградская обл.

Чикозеро: NÄKM, 251, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Пелдуди: АКФ, оп. 43, № 141, л. 65—68. зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

Вологодская обл.

Шимозеро: NÄKM, 109. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1060. Кто раздавит камень (выжмет из жернова воду).

Ленинградская обл.

Пелдуди: АКФ, оп. 43, № 141, л. 65—68. зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

Тедро: LL, с. 120—121. зап. 1934 г. Л. Пости.

Вологодская обл.

Шимозеро: NÄKM, 109. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

—1060*. Игра в карты.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ 83. 173 — ф. 47. 10. зап. 1958 г. М. И. Зайцевой.

1062. Кто выше бросит камень.

Ленинградская обл.

Пелдуди: АКФ, оп. 43, № 141, л. 65—68. зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

1063. Кто дальше бросит дубину.

Ленинградская обл.

Оять: Лённрот, 8. зап. 1842 г. Э. Лённрота.

Чайгино: NEV II, 26, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.
Чикозеро: NÄKM, 253, 257, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1071. Состязание в борьбе.

Ленинградская обл.

Оять: Лённрот. 8, зап. 1842 г. Э. Лённрота.
Чикозеро: NÄKM, 253, 257, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.
Чайгино: NEV II, 26, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

1072. Состязание в беге.

Ленинградская обл.

Тедро: LL, с. 115, зап. 1934 г. Л. Пости.

1082. Кто понесет лошадь.

Ленинградская обл.

Оять: Лённрот. 8, зап. 1842 г. Э. Лённрота.

1084. Кто громче свистнет.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV II, 26, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Пелдущи: ОВР, 44, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

Вологодская обл.

Шимозеро: NÄKM, 109, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1091. Кто приведет более необыкновенное животное.

Ленинградская обл.

Вонозеро: NVM, 27, зап. 1934 г. Л. Кеттунена. П. Сиро.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 120—123, зап. 1957 г. Н. И. Богданова. Р. С. Преображенской. М. М. Леметти.

Ладва: АКФ 83, 147 — ф. 2624. 3, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

1130. Шляпа (мешок) денег.

Ленинградская обл.

Оять: Лённрот. 8, зап. 1842 г. Э. Лённрота.

Чайгино: NEV I, 9, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

1132. Бегство от работника (от дурака).

Прионежье

Каскесручей: NÄKM, 70, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Корбиничи: NVM, 23, зап. 1934 г. Л. Кеттунена. П. Сиро.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 129—132, зап. 1957 г. Н. И. Богданова. М. М. Леметти. Р. С. Преображенской. АКФ 83, 168 — ф. 2662. 23, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

1136. Я сам.

Вологодская обл.

Кривозеро: ОВР, 33, зап. 1962 г. А. А. Митрофановой.

1149. Дети хотят чертова мяса.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 109, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

1151 = АА *1151 I. Лодки — башмаки ледушки, баня — его шапка.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV I. 9, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

1159. Черт хочет научиться играть на балалайке.

Ленинградская обл.

Озёра: ОВР. 6, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 120—123, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти.

1164. Злая жена в яме.

Ленинградская обл.

Чикозеро: НАКМ. 254, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

—1218. Лентяй сидит на лебединых яйцах.**

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV II. 24, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

1225. Глупец без головы.

Ленинградская обл.

Озёра: АКФ 83. 183 — ф. 163, 1, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1227. Хотят поймать белку.

Ленинградская обл.

Чикозеро: НАКМ. 249, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

1240. Рубит под собой сук.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 106, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

1245. Носят солнечный свет в мешках (решетах, корытах).

Прионежье

Рыбрека: АКФ. 57. 20, зап. 1938 г. В. И. Кононова.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 113, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

1245 A* = АА *1245 I. Выносят дым решетом.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 113, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

1260. Варят кашу (толокно) в проруби.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ. 33, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

—1274**. Глупец сначала сеет и боронует, потом пашет.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 112. зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1281. Неизвестное животное.

Прионежье

Рыбрека: АКФ 57. 20. зап. 1938 г. В. И. Кононова.

1281 А. Избавляются от теленка.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV II. 22. зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

1286. Впрыгивают в брюки (сапоги).

Прионежье

Рыбрека: АКФ 57. 20. зап. 1938 г. В. И. Кононова.

1319 = АА 1676*. Кобылье яйцо.

Ленинградская обл.

Радогоща: NEV II. 16. зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

1359. Любовники-попы в печи.

Прионежье

Нижнеконная: АКФ 56. 106. зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

1360 А = АА *1360 II. Наказанный любовник.

Ленинградская обл.

Нойдла: NVM. 15. зап. 1934 г. Л. Кеттунена. П. Сиро.

1360 С = АА *1361 I. Муж в мешке и притворно больная жена (Гость Терентий).

Прионежье

Матвеева Сельга: АКФ 58. 68. зап. 1957 г. Р. П. Лонина.

Ленинградская обл.

Кортлахта: NEV II. 36. зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

1361 = АА *1730 III. Потоп.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV II. 27. зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

1365 А. Упрямая жена.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 58. 33. зап. 1956 г. Р. П. Лонина.

Ленинградская обл.

Озёра: ОВР. 9. зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

Ладва: АКФ 83. 152 — ф. 2660. 2. зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

1365 С. Упрямая жена.

Прионежье

Гимрека: АН. 109. зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.

1370 В* = АА *1370 I. Жена не хочет присть.

Ленинградская обл.

Тедро: LL, с. 113, зап. 1934 г. Л. Пости.

1376 В* = АА *1376 В. Солдат рассказывает сказки.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ, оп. 43, № 298, л. 20—22, зап. 1956 г. Н. И. Богданова.

1380. Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим (Николай Дупленский).

Прионежье

Шелтозеро: АКФ, оп. 43, № 298, л. 27—32, зап. 1956 г. Н. И. Богданова.

Залесье: АКФ 83, 191, зап. 1970 г. Р. П. Лоннина.

Тихонища: АКФ 57, 37, зап. 1938 г. И. Моисеева.

Шокша: НАКМ, 8, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Каккарово: АН, 95, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Ленинградская обл.

Федорова Гора: NEV I, 22, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Пелдуси: NVM, 34, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 99, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Войлахта: АКФ 83, 67 (ан.) — ф. 2661, 2, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

—1382 А*. Бестолковая жена.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 21—25, зап. 1957 г. Н. И. Богданова. Р. С. Преображенской, М. М. Леметти.

1408. Муж выполняет работу жены.

Ленинградская обл.

Сидорово: ОВР, 122, зап. 1958 г. Н. И. Богданова.

1426 = АА *895. Жена в ларце.

Прионежье

Шокша: НАКМ, 2, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1430 = АА 1430 *А. Разрушенные мечтания.

Ленинградская обл.

Радогоща: NEV II, 8, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 103, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1456* = АА 1456. Подслеповатая невеста.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 11 (ан.) — ф. 2625, 3, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

1525 А. Ловкий вор.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ, 283, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Прокушево: NEV II, 50, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Вологодская обл.

Шимозеро: NVM, 51, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

1525 D = AA 1525 *С И. Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников).

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ, 283, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Прокушево: NEV II, 50, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Пелдуси: NVM, 36, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Ладва: АКФ 83, 146 — ф. 2624, 2, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Шимозеро: NVM, 51, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

1525 F. Парень крадет у двух попов лошадей, а у их жен — деньги.

Прионежье

Нижнеконная: АКФ 56, 10в, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Ленинградская обл.

Прокушево: NEV II, 49, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Вологодская обл.

Пондала: ОВР, 79, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской.

1526. Старый нищий и воры.

Ленинградская обл.

Озёра: ОВР, 7, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1528. Сокол (соловей) под шляпой.

Прионежье

Матвеева Сельга: АКФ 56, 9, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

1530. Держит скалу.

Вологодская обл.

Пондала: ОВР, 79, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской; АКФ 83, 166 — ф. 2663, 5, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

1533 = AA *1580. Дележ гуся.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 58, 17, зап. 1956 г. Р. П. Лонина.

1534 = AA 1660. Шемякин суд.

Прионежье

Матвеева Сельга: АН, 38, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

1535 = AA 1535 A и 1535 *B. Дорогая кожа.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 56, 1, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Ленинградская обл.

Чайгино: NEV I, 13; NEV II, 30, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.
Озёра: АКФ 83, 186 — ф. 167, 1, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

Вологодская обл.

Шимозеро: АКФ, ф. 26, оп. 1, № 15, л. 81—82, зап. С. А. Макарьева.

1536 В = АА *1730 I. Мужик хоронит трех попов.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 56, 2, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Вологодская обл.

Войлахта: ОВР, 103, зап. 1963 г. М. И. Зайцевой, М. И. Муллонен.

1537. Мертвое тело.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 56, 1, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова; АКФ, оп. 43, № 298, л. 27—32, зап. 1956 г. Н. И. Богданова.

1539. Шут.

Прионежье

Каскесручей: НАКМ, 73, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Шелтозеро: АН, 65, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола; АКФ 56, 2, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Нижнеконная: АКФ 56, 10в, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Вологодская обл.

Войлахта: ОВР, 103, зап. 1963 г. М. И. Зайцевой, М. И. Муллонен.

1544 А* = АА *1545. Солдатская загадка.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 12 (ан.) — ф. 2625, 5, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

—1547*. Барину холодно в шубе, мужику тепло в кафтане.**

Ленинградская обл.

Пелдushi: ОВР, 40, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

1548. Солдат варит кашу (суп) из топора.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 20 (ан.) — ф. 2626, 4, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

1561. Усердный работник.

Ленинградская обл.

Озёра: АКФ 83, 185 — ф. 166, 9, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

—1562 Г* = АА 1530 I. Чудные имена.

Ленинградская обл.

Пелдushi: NVM, 50, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

1585. Обманутый адвокат.

Ленинградская обл.

Озёра: ОВР, 8, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1600 = АА 1600 А. Дурак-убийца.

Прионежье

Шокша: ÄN, 2, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.

Вологодская обл.

Нажмозеро: NÄKM, 166, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.
Пондала: АКФ 83, 167 — ф. 2662, 22, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

—1637*. Вор и Смерть (черт).

Ленинградская обл.

Озёра: ОВР, 4, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1640. Фома Береников.

Прионежье

Каскесручей: АКФ 56, 26, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева. П. Карпова.

Ленинградская обл.

Пелдushi: АКФ, оп. 43, № 141, л. 65—68, зап. М. М. Хамяляйнена.

1642. Хорошая торговля.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 83, 192, зап. 1960 г. Р. П. Лонина.

1643. Дурак и береза.

Прионежье

Шокша: ÄN, 2, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.

Вологодская обл.

Пондала: ОВР, 82, зап. 1957 г. Р. С. Преображенской. М. М. Леметти: АКФ, оп. 19, № 22, л. 117—120, зап. 1957 г. М. М. Леметти: АКФ 83, 167 — ф. 2662, 22, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

1650. Счастье от наследства.

Ленинградская обл.

Оять: Лённрот, 8, зап. 1842 г. Э. Лённрота.

Пелдushi: NVM, 32, зап. 1934 г. Л. Кеттунена. П. Сиро.

Вологодская обл.

Шимозеро: NÄKM, 113, 114, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

—1650* = АА *1650 I. Соромское ремесло.

Прионежье

Тихоништа: АКФ 57, 3, зап. 1938 г. И. Моисеева.

1653 А, В, С = АА 1653 В. Дурень, его братья и разбойники.

Прионежье

Шелтозеро: NÄKM, 33, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Корбиничи: NVM, 23, зап. 1943 г. Л. Кеттунена. П. Сиро.

Ладва: АКФ 83, 151 — ф. 2660, 1, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 110, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.
Пондала: АКФ, оп. 19, № 23, л. 22—25, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской.
М. М. Леметти.

1654 = АА 1654*. Разбойники в часовне.

Ленинградская обл.

Пелдуди: ОВР, 41, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.
Чайгино: NEV I, 7, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

1681 А = АА **1681 I. Дурак боится собственной тени (Дурак делает покупки).

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ, 33, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Вологодская обл.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 129—132; ОВР, 80, зап. 1957 г. Н. И. Богданова. М. М. Леметти. Р. С. Преображенской.

1685 А* = АА *1685 I. Дурак ставит капкан около дома.

Прионежье

Шелтозеро: НАКМ, 33, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.
Шокша: АКФ 56, 5, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева. П. Карпова.

Ленинградская обл.

Корбиничи: NVM, 23, зап. 1943 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 110, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1691 = АА 1685 А; 1696 *В. Дурак домовничает.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 8 (ан.) — ф. 2624, 13, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 110, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 129—132, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской. М. М. Леметти: ОВР, 80, зап. 1957 г. Р. С. Преображенской; АКФ 83, 168 — ф. 2662, 23, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

1696. Набитый дурак.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 8 (ан.), зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

—1696 В**. Неразговорчивый (глупый) зять.

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 154 — ф. 2660, 4, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

1697. «Мы трое». «Из-за денег». «Так и надо».

Прионежье

Шокша: АКФ 56, 11, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева. П. Карпова.

1699 В = АА *2140. Не поняли друг друга.

Прионежье

Каскесруней: АКФ 58, 70, зап. 1956 г. Р. П. Лонина.

—1702 D*. В каком сословии большие дураков.

Вологодская обл.

Пондала: ОВР, 79, зап. 1957 г. Н. И. Богданова. Р. С. Преображенской.

1725. Влюбленный поп.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 97, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

1730. Поп, дьякон и дьячок у красавицы.

Вологодская обл.

Войлахта: АКФ 83, 181, зап. 1962 г. А. А. Митрофановой.

1731. Мужик продает глухаря (рыбу).

Прионежье

Матвеева Сельга: АКФ 56, 8, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

—1734** = AA *1734. Смех и слезы.

Прионежье

Ладва: АКФ 83, 12 (ан.) — ф. 2625, 5, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

1735. Кто отдает последнее, получит десятирицею.

Ленинградская обл.

Пелдushi: ОВР, 39, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена.

Чайгино: NEV II, 23, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Вологодская обл.

Шимозеро: NVM. 52, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро.

Пондала: АКФ 83, 138, зап. 1982 г. А. Л. Калининой.

1739. Как поп телился.

Прионежье

Шокша: ÄN. 6, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Ленинградская обл.

Озёра: АКФ 83, 186 — ф. 167, 1, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1825 = AA 1825 A. Прихожане жалуются.

Ленинградская обл.

Озёра: ОВР, 5, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1825 D* = 1694 = AA 1825 *D. Прихожане подражают попу.

Ленинградская обл.

Озёра: ОВР, 5, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1826. Поп может не проповедовать.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 56, 2, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева, П. Карпова.

Ленинградская обл.

Озёра: ОВР, 5, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1827 А. Карты падают из рукава проповедника.

Прионежье

Шокша: ÄN, 5, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

1875. На хвосте у волка.

Прионежье

Залесье: ÄN, 54, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола: АКФ. оп. 43, № 103, л. 1—3, зап. 1947 г.
Егоровой.

Ладва: NÄKM. № 197, зап. 1888—1889 г. Ю. Кала.

1877* = AA 1877 А. Человек в дупле.

Прионежье

Залесье: ÄN, 54, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола: АКФ. оп. 43, № 103, л. 1—3, зап. 1947 г.
Егоровой.

1881 = AA 1876* В. Журавли на веревке.

Ленинградская обл.

Чикозеро: NÄKM. 247, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Озёра: ОВР. 3, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

Ладва: АКФ 83, 156 — ф. 2660, 6, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

1882 А = AA 1877* В. Человек сам выкапывает себя из болота (вырубает из дупла).

Прионежье

Нижнеконная: АКФ 56, 10, зап. 1937 г. Г. Е. Власьева. П. Карпова.

Ленинградская обл.

Озёра: АКФ 83, 187, зап. 1961 г. М. И. Муллонен: ОВР. 3, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1887* = AA *1887. Переправа через море.

Прионежье

Шелтозеро: ÄN, 64, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.

Ленинградская обл.

Озёра: АКФ 83, 187, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1889 К = AA *1425, *1885. Человек влезает на небо.

Ленинградская обл.

Озёра: АКФ 83, 187, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

1889 Р = AA *1912. Человек сшивает две половины лошади.

Ленинградская обл.

Чикозеро: NÄKM, 314, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Вологодская обл.

Шимозеро: NÄKM, 291, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

—1892. Вкусный кол.**

Ленинградская обл.

Чикозеро: NÄKM, 256, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1900 = AA 1900 *В. Волк (медведь) вытаскивает человека из болота.

Прионежье

Шелтозеро: ÄN, 64, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 112, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

—1910*. Сон-небылица.

Прионежье

Шелтозеро: АКФ 58, 35, зап. 1956 г. Р. П. Лонина.

Ленинградская обл.

Сидорово: АКФ 83, 188 — ф. 35, 13, зап. 1958 г. Н. И. Богданова.

1920 Н* = АА 1920 *Д. Огонь в обмен на небылицы.

Прионежье

Шелтозеро: АН. 64, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Шокша: АН. 4, зап. 1943 г. А. Совиярви, Р. Пелтола.

Ленинградская обл.

Озёра: АКФ 83, 187 — ф. 163, 4, зап. 1961 г. М. И. Муллонен.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 111, 112, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

1960 Г = АА *1425; 1960 *Г I. Горох до неба.

Прионежье

Шокша: НАКМ. 9, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Каскесручей: НАКМ. 84, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Ленинградская обл.

Ладва: НАКМ. 188, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала; NVM. 40, зап. 1934 г. Л. Кеттунена, П. Сиро; АКФ 83, 148 — ф. 2624, 4; 83, 10 (ан.) — ф. 2625. 2, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Чикозеро: НАКМ. 246, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Радогоща: NEV II. 7, зап. 1918 г. Л. Кеттуненена.

Корбиничи: NVM. 22, зап. 1934 г. Л. Кеттуненена. П. Сиро; LL. с. 118—119, зап. 1934 г. Л. Пости.

Урицкое: NVM. 70, зап. 1934 г. Л. Кеттуненена. П. Сиро.

Нойдла: NVM. 18, зап. 1934 г. Л. Кеттуненена, П. Сиро.

Ярославичи: NVM. 29, зап. 1934 г. Л. Кеттуненена. П. Сиро.

Вологодская обл.

Нажмозеро: НАКМ. 170, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Шимозеро: NVM. 53, зап. 1934 г. Л. Кеттуненена. П. Сиро.

Пондала: АКФ. оп. 19, № 22. л. 27—30 (113—116), зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти; АКФ 83, 159 — ф. 2662. 19, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной; АКФ. оп. 19, № 20. л. 58—60, зап. 1957 г. Н. А. Калинина.

Войлахта: АКФ 83. 182, зап. 1962 г. А. А. Митрофановой.

2012. Ленивый поп (пан) считает дни недели.

Прионежье

Шокша: АН. 3, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.

2016*; 2018 = АА *2015 I. Кумулятивные (цепные) сказки разного рода.

Прионежье

Матвеева Сельга: НАКМ. 52, 54, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля. Ю. Кала.

Каскесручей: АКФ 58. 8, зап. 1956 г. Р. П. Лонина.

Ленинградская обл.

Чикозеро: НАКМ. 276, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Радогоща: NEV I, 1, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ. 119, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 26, 31, 56, 65, 73, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти.

2022 В = АА *241 III. Разбитое яичко.

Ленинградская обл.

Ладва: НАКМ. 193, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 108, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Пондала: АКФ, оп. 19, № 22, л. 64, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти.

2028 = АА 333 *В. Глиняный Иванушка (Пыхтелка).

Прионежье

Каскесручей: НАКМ, 80, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Гора: АН, 52, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.
Тихонишка: АКФ 57, 11, зап. 1938 г. В. В. Воробьева.

Ленинградская обл.

Чикозеро: НАКМ. 250, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Радогоща: NEV II, 20, зап. 1918 г. Л. Кеттунена.
Урицкое: АН, 79, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.
Пелдуши: АКФ, оп. 43, № 141, л. 78—80, зап. 1948 г. М. М. Хямляйнена; АКФ 83, 9 (ан.) — ф. 2625, 1, зап. 1980 г. Н. Ф. Онегиной.

Вологодская обл.

Шимозеро: НАКМ, 94, зап. 1888—1889 гг. Е. Сетяля, Ю. Кала.
Пондала: ОВР. 78, зап. 1962 г. М. И. Зайцевой, М. И. Муллонен; АКФ, оп. 19, № 22, л. 125—127, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской. М. М. Леметти; АКФ 83, 169 — ф. 2662, 18, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

2044 = АА 1960 *Д I. Репка.

Прионежье

Володарское: АН, 103, зап. 1943 г. А. Совиярви. Р. Пелтола.
Залесье: АКФ, оп. 43, № 103, л. 22—23, зап. 1947 г. Егоровой.

Вологодская обл.

Куя: АКФ, оп. 19, № 22, л. 72, зап. 1957 г. Н. И. Богданова, Р. С. Преображенской, М. М. Леметти.

—2220. Человек неправильно понимает слова собеседника.**

Ленинградская обл.

Ладва: АКФ 83, 154 — ф. 2660, 4, зап. 1981 г. Н. Ф. Онегиной.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ МЕСТ ЗАПИСИ

КАРЕЛИЯ

Прионежский район

Вехучей	Vehkei
Другая Река	Toiždegi
Залесье	Mecantaga
Каккарово	Kakkav
Каскесручей	Kaskeza
Матвеева Сельга	Matvejan selg
Ропучей	Ropei
Рыбрека	Kaleg
Шелтозеро	Šoutarv
Шокша	Šokš

Озёра

Пелдуши
Урицкое
Чикозеро
Ярославичи

Järvenkülä

Pecoil
Pervakat
Čikl
Vilhal

Бокситогорский район

Белое озеро	Vägär
Кортлахта	Kortlaht
Прокушево	Šidjärv
Радогоща	Arskaht'
Чайгино	Čaigl

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Подпорожский район

Вонозеро	Enarv
Каргиничи	Karhil
Кекозеро	Kekar'
Корбиничи	Korbal
Ладва	Ladv
Немжа	Nemž
Ниргиничи	Nirgl
Нойдла	Noidal

ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

Войлахта	Voilaht
Керчаково	Kerčak
Куя	Kuja
Кривозеро	Värasär'
Нажмозеро	Nažam
Пондала	Pondal
Пляжозеро	Pažar'
Сяргозеро	Särgjärv
Торосозеро	Torazjär'
Шимозеро	Šimgär'

Районы Карелии по административному делению 1992 г.

Лоухский (соокр.: Лоух.)
 Калевальский (Калев.)
 Кемский (Кем.)
 Беломорский (Беломор.)
 Муезерский (Муезер.)
 Сегежский (Сегеж.)
 Медвежьегорский (Медвеж.)
 Суоярвский (Суоярв.)

Кондопожский (Кондоп.)
 Пудожский (Пудож.)
 г. Сортавала
 Питкярантский (Питкяр.)
 Пряжинский (Пряж.)
 Прионежский (Прионежье)
 Олонецкий (Олонец.)

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ АРХИВНЫХ И ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- А.А — Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- АКФ — Архив Карельского филиала АН СССР (ныне Карельского научного центра Российской Академии наук), фонд 1. Записи на вепсском языке обозначены буквой в, на карельском — к, на русском — р; первая цифра обозначает номер коллекции, вторая — номер единицы хранения.
- Аф. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. текстов и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957—1958.
- Бахтин-Шир. — Сказки Ленинградской области / Собр. и подгот. к печати В. Бахтин и П. Ширяева. Л., 1976.
- Вепс. ск. — Вепсские сказки / Зап. текстов, comment. и примеч. Г. Власьева. Петрозаводск, 1941.
- Евс. — Карельский фольклор: Новые записи / Вступ. статья, подгот. текстов и примеч. В. Я. Евсеева; Под ред. В. Я. Проппа. Петрозаводск, 1949.
- Жив. ст. — Живая старина / Период. изд. отделения этнографии Рус. геогр. о-ва. Спб. — Пг., 1890—1916.
- ИРЛИ(р) — Фольклорный фонд рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург). Разряд V.
- Ист. корни
Карн. — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. статья и comment. И. В. Карнауховой; Предисловие Ю. М. Соколова. М.-Л., 1934.
- Конкка — Карельские народные сказки / Сост., вступ. статья и примеч. У. С. Конкка. Петрозаводск, 1959.
- Мелетин. — Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М., 1958.
- Никиф. — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп; Изд. АН СССР. М.-Л., 1961. Никиф. (оп.) — Опись сказок по Заонежью в вышеозначенной книге.
- Онч. — Северные сказки: Архангельская и Олонецкая губ. / Сб. Н. Е. Ончукова; Записки Русского географического общества. Т. 33. Спб., 1908.
- Пажл. — Карельские сказки / Сост., перевел с карел. и лит. обраб. П. Пажлаков. Петрозаводск, 1947.
- Ровин. — Русские народные картинки. Кн. 1: Сказки и забавные листы / Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881.
- Ск. Заонежья — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1986.

- Ск. Поморья — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск. 1974.
- Ск. Пудожья — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск. 1982.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов Восточно-славянская сказка / Сост.: Л. Г. Бараг. И. П. Березовский, К. П. Кабашников. Н. В. Новиков. Отв. ред. К. В. Чистов. Л., 1979.
- Худ. — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова / Сост. В. Г. Банзов. О. Б. Алексеева. М.-Л., 1964.
- Чист. — Перстенек — двенадцать ставешков: Избранные русские сказки Карелии / Сост., вступ. статья и comment. К. Чистова. Петрозаводск. 1958.
- Лённрот — Om det nord-tsjudiska spräket / Akademisk Afhandling som med den Vidtberömda Historisk Filologiska Fakultetens vid Keisert Alekanders Universitetet i Finland Samtycke till offentling granskning framställes af Elias Lönnrot. Helsingfors. 1853.
- ОВР — Образцы вепской речи / М. Зайцева. М. Муллонен: АН СССР. Карельский филиал. Л., 1969.
- LL — Virtaranta Pertti. Lähisukukielten lukemisto. Helsinki. 1967.
- NEV I, II — Kettunen Lauri. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki, I — 1920, II — 1925.
- NVM — Näytteitä vepsän murteista / Keränneet ja julkaisseet Lauri Kettunen ja Paavo Siro. Helsinki. 1935.
- НАКМ — Näytteitä Äänis- ja keskivepsän murteista / Keränneet E. N. Setälä ja J. H. Kala: Julkaissut ja suomentanut E. A. Tunkelo apunaan R. Peltola. Helsinki. 1951.
- ÄN — Äänivespän näytteitä / Keränneet ja julkaisseet Antti Sovijärvi ja Reino Peltola. Helsinki. 1982.
- Бел. — Карэлян рахвахан сурнат / Сост. К. Белова. Петрозаводск. 1939.
- KHC I — Карельские народные сказки / Подгот. У. С. Конкка. М.-Л.. 1963.
- KHC II — Карельские народные сказки: (Южная Карелия) // Подгот. У. С. Конкка, А. С. Тупцина. Л., 1967.
- KKN I — Karjalan kielen näytteitä. Osa 1 / Julkaissut Eino Leskinen: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia. Osa 193. Helsinki. 1932.
- KKN II — Karjalan kielen näytteitä. Osa 2 / Julkaissut E. Leskinen: Suomalaisen Kirjallisuuden toimituksia. Osa 193. Helsinki. 1934.
- KKN III — Karjalan kielen näytteitä. Osa 3 / Julkaissut E. Leskinen: Suomalaisen Kirjallisuuden toimituksia. Osa 193. Helsinki. 1936.
- Культар. — Virtaranta P. Kultarengas korvaan: (Viennalaisia satuja ja legendojaa). Helsinki. 1971.
- Roine — Roine Paul. Suomen kansan suuri satukirja / Alkulauseen kirjoittanut M. Haavio. Porvoo — Helsinki. 1952.
- SKS II — Suomalaisia kansansatuja. Osa 2: Kuninkaallisista satuja. Vihko 1 / Toim. K. Krohn ja L. Liljus. Helsinki. 1893.
- SKSJТ — Suomen kansan satuja ja tarinoita / Toim. E. Salmelainen. Helsinki, 1955.
- Suom. — Suomalaiset kansansadut. [Osa] 1: Ihmesadut / Toimittanut Pirkko-Liisa Rausmaa. Helsinki. 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Н. Ф. Онегина. Вепсы и их сказки	5

Прионежье

ШЕЛТОЗЕРО

<i>A. E. Логачева</i>	
1. Niičukeine i kozeine	27
Девочка и козочка	29
2. Miška i Maša	31
Медведь и Маша	32
3. Reduvarvei	34
Замарашка	42
<i>P. П. Лонин</i>	
4. Kondi i rebiiñe	51
Медведь и лиса	51
5. Valdaline murzain	52
Своевольная жена	53
6. Ižand emaganke da sused-lihanik	54
Хозяин с хозяйкой да сосед-мясник	54
<i>A. M. Зайцева</i>	
7. Apalon svätoi	55
Аполлон святой	56

ЗАЛЕСЬЕ

<i>P. Н. Ефремова</i>	
8. Vedehiine	58
Водяной	60
9. Tütrindam	61
Неродная дочь	62
10. Hüvä niičukaine Varvei	64
Добрая девочка Варвей	66
11. Vell i sizar	68
Брат и сестра	69
12. Kuldaine prihā	71
Золотой мальчик	72
<i>O. Е. Власова</i>	
13. Nastenka-nevest	74
Невеста Настенька	75

<i>П. Е. Рябчикова</i>	
14. Prihää ott' akaks lindun	77
Парень взял в жены птицу	81
ШОКША	
<i>М. И. Сидоркова</i>	
15. Nastasja kuudeižed tukeižed	85
Настасья золотые кудри	86
16. Coma murzein	87
Красавица жена	87
<i>П. Е. Сидорков</i>	
17. Kut koume velt vepsad openzihe pagišta venäks	88
Как три брата вепса научились говорить по-русски	89
<i>Ф. Н. Кузов</i>	
18. Bogat vell i goll' vell	91
Богатый и бедный братья	94
РЫБРЕКА	
<i>А. А. Харитонова</i>	
19. Gluupad rahvaz	100
О глупых людях	101
МАТВЕЕВА СЕЛЬГА	
<i>К. А. Арестова</i>	
20. Akal oli maks	103
Неверная жена	104
ТИХОНИШТА	
<i>И. А. Бузаев</i>	
21. Van'ka i koza	105
Ванька и коза	106
<i>А. М. Бузаева</i>	
22. Viikuško čapab sizarel käded	108
Брат отрубает руки у сестры	110
Ленинградская область	
ЛАДВА	
<i>М. З. Микшина</i>	
23. Semenžiba nagrišt' pertin päle	113
Посеяли репу на крыше избы	113
24. Ak pagižiškanz	115
Женщина заговорила	116
25. Malčik-palčik	118
Мальчик с пальчик	120
26. Van'ka-vor	122
Ванька-вор	123
<i>П. С. Фадеева</i>	
27. Unekaz ak	124
Сонливая жена	125
28. Prost vävü	126
Глуповатый зять	127
29. Kurged	128
Журавли	128
<i>О. Ф. Кóмар</i>	
30. Nenakaz ak	128
Упрямая жена	129

<i>H. B. Кóмар</i>			
31. Ukoine da razbainikad	129	Старичок и разбойники	129
ОЗЁРА			
<i>C. H. Самакова</i>			
32. Jumoi Arifeiha longile tuli	130	Бог к Орифею на обед пришел	131
33. Pap i radnik	132	Поп и работник	132
34. Kut ak mužikan manit'	133	Как жена мужа обманула	135
35. Ende eliba kuumen vellesed	138	Жили-были три брата	139
ПЕЛДУШИ			
<i>O. H. Смирнов</i>			
36. Eli akaine, oli hänou poig	140	Жила женщина, был у нее сын	141
<i>Д. В. Ишевская</i>			
37. Pihkmut da kivut	143	Скатёрка и жерновок	145
ПРОКУШЕВО			
<i>A. C. Лебедева</i>			
38. Eliba uk da mamš	148	Жили старик со старухой	149
СИДОРОВО			
<i>M. B. Кудряшова</i>			
39. Mänička lapsed naboljihde dei pörästüiba	150	Пошли дети за ягодами и заблудились	151
<i>M. B. Гребнева</i>			
40. Kut mužik jää emagihe	152	Как мужик остался за хозяйку	152
<i>А. П. Морозова</i>			
41. Mida ukole unis nägui	153	Что приснилось старику	153
Вологодская область			
ПОНДАЛА			
<i>A. Л. Калинина</i>			
42. Kükstut koir da kaži	155	Прогнанные собаки и кот	156
43. Semetiõe ukoine da akaine nagrhen külbetin pälo	157	Поселяли старичок и старушка репу на крыше бани	158
44. Eli mecas gägi-baba	160	Жила в лесу баба-яга	161
45. Gägi-baba i lapsed	162	Баба-яга и дети	163
46. Savesine Van'ka	163	Глиняный Ванька	164
47. Sarnaine Olõõnukan näht	165	Сказка об Алешке	166
48. Dööckäine i hirut	166	Девочка и мышка	169
49. Pakiõjajaine dööckäine	171	Девочка-нищенка	172

50. <i>Kut mužik i kondi nagrhen semetihe</i>	173
Как мужик и медведь репу сеяли	174
51. <i>Astui saudat voinaspäi</i>	176
Шел солдат с войны	177
52. <i>Van'ka-durak möb härgäd</i>	178
Ванька-дурак продаёт быков	180
53. <i>Van'ka-durak etagoičesob</i>	182
Ванька-дурак домовничает	183
<i>Федосья Нючева</i>	
54. <i>Dõočkaine i pakaine</i>	184
Девочка и Мороз	185

КУЯ

<i>K. B. Сергеев</i>	
55. <i>Endo soudatiš služiba kakstüme viš vot</i>	186
Раньше в солдатах служили двадцать пять лет	187
Примечания	188
Опись текстов вепсских сказок из коллекции архива КНЦ РАН	201
Указатель сюжетов вепсских сказок по архиву КНЦ РАН	218
Список сказочников (по материалам архива КНЦ РАН)	222
Общий сюжетно-географический указатель вепсских сказок	224
Географические названия мест записи	255
Список условных обозначений архивных и печатных источников	256

Научное издание

ВЕЛОСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Составители:

Нина Федоровна Онегина

Мария Ивановна Зайцева

Рецензент

Кандидат исторических наук
Строгальщикова Зинида Ивановна

Редактор А. А. Тихонова, М. И. Трофимчик, М. Ф. Ходти

Художественный редактор Е. А. Агафонова

Технический редактор А. Ю. Калашник

Корректоры Л. Т. Дмитриева, Т. Н. Клюккова

ИБ № 2516

Лицензия № 010098 от 17.09.91 г.

Сдано в набор 18.10.95. Полиграфию в печать 7.12.95. Формат 60х90 1/16. Бумага офсет № 1.
Гарнитура Таймс. Нетто: офсетная. Усл. лист. 16,5. Ул. изд. л. 22,88. Тираж 2000 экз.
2817. Изд. № 10.

Издательство «Кардина», 189035, Петрозаводск, ул. Красная, 33.

Набор и верстка типографии в АО «Фотолит», 189505, Петрозаводск, ул. «Продзона», 4.
Арендуем проприетарные Радуговенская организация «Бюро Печати» типографии
им. П. Ф. Анохина, 189505, Петрозаводск, ул. «Продзона», 4.

B30

Вепсские народные сказки: Сборник / Составители: Н. Ф. Онегина и М. И. Зайцева. — На русском и вепсском языках. — Петрозаводск: Карелия, 1996. — 261 с.

ISBN 5-7545-0689-9

Сборник «Вепсские народные сказки» содержит более полусотни вепсских сказок (с русским переводом), записанных от народных сказителей на их родном языке. Сборник снабжен солидным научным аппаратом. Такое издание, предпринятое впервые, может стать основой для дальнейшего глубокого изучения вепсского фольклора и, в частности, содействовать поднятию культуры вепсского народа.

Б 4702290500 — 015
M127(03) — 96

ББК 82. 3(2)